

Татьяна Устименко
Принц для Сумасшедшей принцессы

Хроники Рыжей – 3

Текст предоставлен правообладателем. <http://www.litres.ru>
«Устименко Т. И. Принц для Сумасшедшей принцессы»: Альфа-книга; Москва; 2010
ISBN 978-5-9922-0546-6

Аннотация

Изгнанной с Поющего Острова, отвергнутой и оклеветанной, ждущей ребенка от своего погибшего возлюбленного Ульрике де Мор предстоит выполнить принятые на себя обязательства. Возможно ли совершить подобное – переломить ход неумолимой судьбы и победить демиургов? Сможет ли она потягаться с Пустотой и вернуть к жизни душу принца Астора? Сумеет ли она понять истинную сущность любви, пройти через невыносимые испытания и потери, научиться ценить прошлое и верить в будущее? Дано ли ей осознать, что же это означает на самом деле – быть собой? Не королевой демонов, не Пробудившей драконов, а, вопреки всему и всем, просто той, которую называют Сумасшедшей принцессой...

Татьяна Устименко

Принц для Сумасшедшей принцессы

Посвящаю эту книгу моей маме – самой лучшей и любимой

Сумасшедший герой – это...

Словари не содержат точного определения

Все герои – немного сумасшедшие!

Личное мнение автора, ни на что не претендующее

Пролог

По безмятежно-голубому небу плыли перистые облака. Колыбель, стоявшая в прохладной тени раскидистых кустов и прикрытая полупрозрачным муслиновым пологом, плавно покачивалась. Люций, не по-детски высокий и мускулистый, а оттого выглядевший несколько старше своих семи лет, нетерпеливо отбросил за плечо двухцветную копну вьющихся локонов и заинтересованно склонился над укрепленной на изогнутых полозьях люлькой. Из-под невесомого полога тут же понеслось восторженное гуканье, а розовые пяточки Артура жизнерадостно взбрыкнули над резным бортиком.

«Опять наш живчик умудрился выбраться из пеленок и свивальника, – лениво подметила я, нехотя приоткрывая один глаз. – Непоседа, весь в папочку...» Но послеобеденная дрема не торопилась выпускать меня из своих убаюкивающих объятий, поэтому я вновь откинулась на спинку кресла и погрузилась в сладкое полузабытье.

Солнце припекало. Луговые цветы источали тяжелый, дурманивший аромат, опьяняющий не хуже выдержанного вина. Неосторожная оса, позарившаяся на яблочное варенье, призывно желтевшее в хрустальной розетке, вяло бултыхалась в липком сиропе, жалобно подпрыгивая мохнатыми лапками. Нянюшка Мариза, приставленная надзирать за крошкой Артуром, хоть и не очень-то верила в душевные добродетели этого чернокожего громилы – Кса-Буна, но сегодня все-таки положила на его чутье, утратила бдительность и сейчас старчески похрапывала, спрятав лицо под оборками безупречно белого чепца. Привычный к жаре канагериец уважительно покосился на строгую домоправительницу, а затем – с почти собачьим обожанием, так не шедшим к его внушительной фигуре, – на свою молодую хозяйку, уснувшую в плетеном садовом кресле. Он макнул палец в варенье и спас глупое насекомое, а затем важно напружинил ноги и оперся на топор, преисполнившись гордости от оказанного ему доверия. Да и как не гордиться, если под его опекой сейчас беззаботно отдыхает не только сама госпожа Ульрика, но и ее дети!

«Вот то-то же!» – и Кса-Бун с бахвальством оскалил остро подпиленные зубы, довольный своей почетной миссией.

Две пары детских глаз – одни топазово-золотистые, а вторые шоколадно-карие – со жгучим любопытством заглянули под кусок легкого муслина, невесомо вспархивающего под порывами слабого летнего ветерка. Голенький малыш, вырвавшийся из плена окутывающих его пеленок, оживленно залепетал и требовательно застучал кулачками в стенки колыбели, вырезанной из ствола северной березы. Колыбель снова закачалась. Настоящее чудо, а не люлька – благодарное подношение искусных мастеров-троллей. Впрочем, неугомонный малыш уже в полной мере оценил достоинства сего замечательного подарка, проверив его на прочность своим первым, недавно прорезавшимся молочным зубом.

– Какой же он все-таки милашка! – восхищенно всплеснула руками прелестная, стройная девочка, вылитая маленькая королева. – Артур – настоящий эльфийский принц и мой брат! – Она кокетливо тряхнула длинными золотыми косами и пригладила подол дорогого атласного платья. – Когда он вырастет, то станет правителем Края Роз, так обещала наша матушка!

Зеленоглазый четырехмесячный принц согласно икнул, недвусмысленно подтверждая слова сводной сестрицы, и торжественно обмочил пеленки.

– Ха, да пусть он сначала с горшком управляться научится! – насмешливо поддразнил Люций, дергая малолетнюю фантазерку за одну из ее роскошных кос. – Твой мокропопый правитель! Как говорит мама: дети – цветы жизни, поэтому тоже нуждаются в горшках! – Он проказливо показал девочке язык. – Ну и любишь же ты хвастаться, Мириам!

– Я братом не хвастаюсь, я его люблю! – не осталась в долгу Мириам. – Вот как пожалуюсь матушке на твои выходки. А она тебя накажет и скажет, что женщин нужно уважать!

– А разве меня ты уже не любишь? – притворно изумился Люций, широко распахивая золотистые глаза.

Наблюдающий за детьми Кса-Бун насмешливо фыркнул, давно привыкнув к тому, чем обычно заканчивались подобные игривые перепалки.

Добросердечная, а по характеру абсолютно не злопамятная, Мириам немедленно приподнялась на цыпочки и примирительно чмокнула Люцифера в щеку.

– Люблю, конечно, – откровенно призналась она. – Ведь ты же мой жених!

Мальчик зарделся от удовольствия, вытащил из ножен богато инкрустированный кинжал и щедрым жестом опустил его в колыбель, вложив в кулачок малыша.

– Держи, младший братишка! – Он заговорщицки наклонился ниже и шепнул прямо в ушко Артура: – Между прочим, мне уже известно, что ты – дитя Света, а я – наследный принц демонов. Но клянусь тебе, брат, никогда между нами не возникнет вражды или соперничества. Ибо, – тут голос Люция обрел невероятную серьезность, – Свет и Тьма должны существовать бок о бок, в согласии и равновесии. И в этом залог процветания мира.

Мириам радостно захлопала в ладоши и запрыгала вокруг братьев. Кса-Бун удовлетворенно кивнул и выпустил громкий вздох умиления.

«Надо же, – в который раз удивился он, – какие они разные – два родных сына госпожи Ульрики и ее приемная дочь. И все же – какие они похожие!»

Но в этот момент малыш Артур, вдосталь наигравшийся с тяжелым кинжалом, проголодался и басовито разревелся. Нянюшка Мариза проснулась, с кряхтением поднялась с мягкого табурета, шлепнула хулигана Люция и принялась грозно распекал нерадивого чернокожего остолопа, не углядевшего за проделками старшего принца. А вдруг малыш порежется этим злополучным кинжалом!

Крепко взявшись за руки, Люций и Мириам с хохотом умчались в зеленую даль цветущего луга, прихватив с собой любимую подружку и неизменную спутницу – фрейлину Нину де Вакс. Невозмутимый канагериец последовал за шалунами, провожаемый нескончаемым ворчаньем старой няньки. С толстых губ Кса-Буна не сходила благодущная улыбка. Он ощущал себя счастливым и был готов поклясться, что нынче не только дети, но даже вредная старуха Мариза в полной мере разделяют его бесхитростное чувство. Чувство покоя и счастья, незримо разливающееся в теплом летнем воздухе...

Я отняла насытившегося Артура от своей груди и вытерла несколько капель молока, оставшихся на губах сына. Малыш пролепетал что-то веселое и нетерпеливо заелозил, пытаясь выбраться из пеленок, обвивающих его сильное тельце. Я погрозила ему пальцем, но кроха ничуть не испугался, прекрасно понимая, что мама только притворяется сердитой, и снова потянулся к золотой маске, прикрывающей мое лицо. Я пригладила прядку черных волосиков, курчавящихся на затылке сынишки, и залюбовалась его смуглым личиком. С каждым днем Артур все больше становится похож на своего отца – Генриха де Грея, унаследовав от меня лишь зеленые глаза. Интересно, вырастет ли он таким же вспыльчивым и настойчивым, как мой дорогой Генрих? Семейные черты характера имеют свойство передаваться из поколения в поколение, а уж в чем, в чем, но в настойчивости барону не откажешь.

«Сколько раз он предлагал мне выйти за него замуж – десять или пятнадцать? – Я

насмешливо задумалась. – Нет, уже и не припомню точно! В конце концов, бабушка Смерть должна удовлетвориться хотя бы этим очаровательным подарком судьбы, которого я назвала Артуром. Рыцарь Света... – Я нежно баюкала засыпающего сынишку. – Я ничуть не стала сговорчивее или уживчивее с тех самых пор, когда королева вложила мои пальцы в ладонь барона де Грея и почти силой заставила меня выполнить предначертанное... Видят боги, я не гожусь Генриху в жены! Слишком часто я ему противоречу и не желаю подчиниться. Но, кажется, он и сам уразумел сию немудреную истину. Ездил на Поющий Остров свататься к очередной княжне из побочной ветви нашего рода. Бросил бесплодные попытки отобрать у меня нашего сына, смирился и удовольствовался ролью отца и друга дома. Хорошо еще, что он отдал мне дочку умершей при родах Лилуиллы: ведь крошка Мириам уже привыкла называть меня матушкой, да и Люций от нее ни на шаг не отходит... Право же, так будет лучше для всех нас, ведь в итоге Генрих все-таки отступился от бесплодных попыток принудить меня к браку с ним. Осознал, что я так его и не полюбила. И не полюблю никогда, потому что моя душа навечно принадлежит тому, кого так живо напоминает подросток Люций, как две капли воды похожий на...»

Я передала Маризе утомившегося Артура и прошла в дом. Поднялась по винтовой лестнице на второй этаж и вступила в оружейную залу. Кончиками пальцев подобрала чуть не попавшую под каблук юбку. Вот беда: никак не могу приспособиться к этим неудобным длинным подолам. А ведь придется... Негоже владычице Края Роз постоянно разгуливать в мужском наряде. Пора привыкать к королевскому этикету да почаще задумываться о будущем своих детей. И похоже, оно того стоит! Вон какое благоговение читалось в глазах послов, прибывших ко мне недавно от старейшин Нижнего уровня. Делегацию возглавлял лорд Рахсагор Верный, вновь напомнивший мне об обещании, некогда данном его народу. Они пожелали видеть вдову принца Астора своей законной королевой. Демоны устали от войны и захотели мира. Но я лишь улыбнулась им благосклонно и представила послам принца Люцифера, лет через десять способного стать достойным преемником своего знаменитого отца. Демоны тут же выразили полную готовность признать нового повелителя...

Хлопоты, вокруг сплошные хлопоты и суета! И некогда уже думать о чем-то ином, кроме как о доме и о детях... А еще нужно делать вид, будто я верю во все эти ненастоящие, выдуманные мною же доводы и стараюсь вести себя благоразумно. О да, я сделаю все, что угодно, – остепенюсь, стану носить платья и займусь хозяйством. Все, что угодно, – только бы не думать о нем, о моем погибшем Асторе, о моем нереальном, горьком, краденном счастье, так мне и не доставшемся...

Я участливо прикоснулась к висевшему на стене и изнывающему от безделья Нуриону, как верной подруге – шаловливо подмигнула даге Алатора, бережно поправила наследие Люция – меч его отца, носящий имя Полумгла. А затем не удержалась и сделала то, чего делать не стоило: достала из серебряного ларца Хроники Бальдура и полистала густо исписанные страницы. Образы ушедших друзей и врагов так и роились вокруг меня, наполняя душу болью, пробуждая картины минувшего, наполняя сердце горечью пережитой утраты. Я много узнала и много испытала, я выполнила данные обещания и извела множество тайн нашего мира, но при этом я все равно не смогла постичь главного – почему же на кожаной обложке книги до сих пор так и не появилось название, когда-то обещанное мне Единорогом в Храме света? Значило ли это, что мой путь еще не закончен? И почему в Хрониках остался еще один чистый лист – единственный, самый последний... Последняя веха на длинном жизненном пути... Что следовало мне начертать на нем? Неужели я промахнулась в какой-то мелочи и упустила шанс вернуть Астора?

Я опустила на пол и принялась торопливо перечитывать заполненные судьбой страницы, отображающие мое прошлое и настоящее. Израсходованное на что-то время невозможно повернуть вспять или прожить повторно, ибо человек бессилен перед неумолимой властью судьбы. Но я не собиралась сдаваться, мне все еще хотелось верить в возможность воскресить трагически погибшую любовь. А для этого нужно попытаться найти

свою роковую ошибку и подробно вспомнить прошедшее.

Вспомнить все...

Часть первая

Глава 1

Суровые зимы в Нарроне случаются крайне редко. Моя страна вообще отличается довольно приятным, мягким климатом, чего не скажешь о соседнем, куда более холодном Красногорье или же о жарком пустынном Рохоссе. Поэтому большую часть нынешней зимы я проходила в тулупчике нараспашку – благо к началу марта он все равно перестал сходиться на моем сильно округлившемся животе – и в любимой обтрепанной шляпе. И лишь пару раз, в самые сильные февральские морозы, пришлось вынужденно подчиниться Эткину и надеть навязанный им нелепый заячий треух. Я искренне завидовала беспечному моднику Лансу, с совершенно одинаковым энтузиазмом обожавшему как мой героический фетр, увенчанный лысым петушиным пером, так и недоеденный молью зимний головной убор, выданный заботливым драконом. Ему-то, поди, все фиолетово: ведь многочасовые муторные лекции про сохранение здоровья беременной женщины и врожденные патологии младенцев предназначались совсем не для ушей распрекрасного полуэльфа. Клянусь Пресветлыми богами, в мире нет никого надоедливее и ворчливее, чем не впавший в зимнюю спячку дракон! И причиной тому стала отнюдь не необычайно теплая зима, а моя сиятельная персона, невежливо вытуренная с Поющего Острова и посему временно поселившаяся в пещере Эткина. Хм, неужели в этом есть что-то неприличное, если он сам меня и пригласил?

Первую неделю мы прожили относительно спокойно. Вернее, все начиналось просто здорово – вечерние беседы у костра, жаренные на углях шашлыки из зайчатины, песни под гитару и уютная, непродуваемая пещера. А затем случилось то, что не стесняющийся в выражениях гигант метко назвал «побочным эффектом спонтанно проснувшейся совести». Первым нас посетил виновато улыбающийся, но при этом пышущий подозрительно инициативным энтузиазмом Марвин. Изысканный некромант окинул критическим взором наше скромное обиталище, возмущенно фыркнул на мой набитый соломой тюфяк и шустро наколдовал спальный гарнитур офирского производства. Белый, лакированный, с золотыми гвоздиками и серебряными скобами. За мебелью последовал фарфоровый столовый набор на семьдесят две персоны, медная неподъемная ванна и хрустальный ночной горшок. Эткин обреченно взвыл, сунул голову в кучу золотых монет и стоически сделал вид, будто ему наплевать на то, как родная пещера из аскетичного, сугубо мужского обиталища форсированно превращается в гламурный дамский будуар. Вслед за отбывшим восвояси архимагом к нам пожаловал непомерно нагруженный нарядами и косметикой Лансанариэль, сопровождаемый решительно пыхтящим Огвуром. Нахмуренный лоб орка четко давал понять – они здесь всерьез и надолго. Ланс тут же пристал ко мне с жизненно важным вопросом – как давно я не мыла волосы, а мрачный тысячник со Симхеллой наперевес замер у входа в пещеру, приготовившись дать отпор любому идиоту, дерзнувшему покуситься на его драгоценную Мелеану. Эткин предобморочно закрыл глаза и закопался в золото по лопатки. Через пару месяцев пребывания в этом импровизированном общежитии я пришла к логичному выводу: возможно, как это утверждает мудрый Саймонариэль, беременность и является естественным состоянием женского организма, но только не в том случае, если этот самый организм опекают хронически невыспавшийся дракон, глуповатый полуэльф и упертый, словно ишак, орк. Последствия тут очевидны: с учетом того, что сия колоритная троица умудряется ссориться каждый день, а беременному женскому организму приходится ежечасно исполнять роль миротворца, процесс вынашивания ребенка превращается в чрезвычайно утомительную и опасную процедуру.

Я скинула на камни вязанку хвороста, набранную в ближайшем лесочке, уселась на

нагретый весенним солнышком валун и облегченно вытянула натруженные ноги. Тошнота и головокружение, мучившие меня в первые месяцы беременности, благополучно отступили, зато на смену им пришли постоянная изжога, отеки и тяжесть в животе, который, по меткому определению дракона, «уже на нос лез». Я насмешливо хмыкнула, вспоминая красочные драконьи эпитеты, и ласково погладила ладонью свое круглое чрево, наподобие мячика настырно выпирающее из скромного мехового тулупчика. Словно ощутив мою тревогу, малыш резво зашевелился, всю пихаясь то ли ножками, то ли острыми локотками. Саймонариэль успокаивал меня не раз и не два, утверждая, что с ребенком все будет в порядке. Мол, я непременно рожу сына, причем абсолютно нормального, симпатичного мальчишку без каких-либо там клыков, рогов и копыт.

– А лицо? – волновалась я. – Скажи, а он точно не унаследует моего уродства?

Магистр задумчиво теребил ухоженную бородку, смотрел в хрустальный шар и принимался еще настойчивее убеждать меня в благополучном исходе ожидаемого события. Но я почему-то продолжала беспокоиться, полностью оправдывая бытующее мнение о повышенной мнительности беременных женщин.

Невысокие холмы, цепочкой опоясывающие озеро Слеза Дракона, почти полностью освободились от снега, постепенно покрываясь первой зеленой травкой. И правда, что-то я не припомню второй такой же необычной зимы, как миновавшая. Особенных морозов в этом году мы так и не дождались, обильных снегопадов с вьюгами и заносами – тоже. Покрывший озеро ледок получился таким тонким, что я так и не отважилась на него выйти, несмотря на огромное желание полакомиться свежей рыбкой. Впрочем, на скудное питание мы не жаловались. Барон де Кардиньяк, королевский тесть, с благословения и одобрения моего брата Ульриха, не забывал нас своими щедротами, обильно снабжая всевозможными деликатесами и неоднократно умоляя меня переехать к нему в замок. Но я не захотела бросить Эткина, непрерывно переходящего от затяжной депрессии к перманентной раздражительности. Впрочем, меня это не удивляло – ведь пренебрежение законами природы всегда выходит боком их нарушителю.

Но следует признать, что на скуку и плохое настроение Эткин жаловался зря. Наши громкие похождения, воспетые во множестве песен и баллад и, следовательно, ставшие достоянием общественности, привлекли к его пещере целый выводок грабителей и авантюристов всех мастей, горевших желанием попытать удачу и лишиться дракона части личного имущества. Отловив очередных смельчаков, озабоченно рыскавших в окрестностях озера, гигант на короткий срок избавлял меня от своих выпренных нравоучений, с энтузиазмом переключаясь на не менее пространные и увлекательные душещипательные беседы. А по-моему, так просто съесть этих бедняг было бы намного гуманнее...

Наши ученые архимаги регулярно спорили о причине наступления столь аномально мягкой зимы, бросаясь умными фразами про глобальное потепление, парниковый эффект, пробой нижнего слоя атмосферы и озоновый дисбаланс. Но я к их запутанным и частенько противоречивым выкладкам почти не прислушивалась. Я пребывала в стойкой уверенности: на изменении климата сказывались благоприятные процессы преобразования, начавшегося в Краю Тьмы вместе с исчезновением Ледяного бога и детей холода. Возможно, когда-нибудь я еще выберу подходящее время и навещу те места, дабы удовлетворить странное, смешанное с чувством некоей ответственности, любопытство, питаемое мной по отношению к земле, некогда считавшейся проклятой. Загадочные духовные узы, соединившие меня с зачарованным краем, не желали рваться, становясь лишь прочнее и болезненнее. Я чувствовала – по какому-то неведомому промыслу судьбы бывший Край Тьмы предназначался мне, и только мне. Но это тоже должно стать делом грядущим, ибо время для решения многих жизненно важных вопросов еще не пришло. Сейчас я отчаянно нуждалась в спокойствии и отдыхе.

Ни один человек, даже самый сильный и выносливый, не способен жить в постоянном накале страстей. Ум и тело нуждаются не только в пище и питье, эмоциях и сне – им также необходимы и минуты духовной изоляции, когда разум не думает о будущем, прошлом или

настоящем, а пребывает в идеально нейтральном состоянии, освобождаясь от всего. Мечты притупляются, теряют свою актуальность и отходят на второй план. Мысли текут неторопливо и размеренно. Разум самовосстанавливается, занимается излечением души и врачеванием плоти. Кто-то говорит: нас лечит время. Нет, все обстоит не так – нас лечат уединение, сила воли и умение анализировать жизненные события. Мы исцеляем себя сами. Мы способны измениться, обновиться и начать все с нуля. Но перед этим нам необходимо остановиться, притормозить суматошный бег бытия и просто подумать – а куда же мы стремимся отправиться в будущем, чего хотим достичь? И ответ неизбежно придет сам собой. Нужно лишь научиться слушать свою душу, сердце и разум. И тогда отдых сменится целенаправленными, осмысленными поступками. Выработанный в спокойствии план – залог предстоящего успеха, подготовка к здравому восприятию как удач, так и возможных неудач. Мы платим за все – за действие и за бездействие. Избегание неудач не сделает человека счастливым. Оно превратит его в труса, неспособного управлять своими поступками и желаниями. Поэтому плата за бездействие может оказаться непомерной. Это я понимала – как понимала и то, что моя битва за счастье, с многочисленными сопутствующими победами и поражениями, еще впереди...

Мои философские размышления прервало негромкое деликатное покашливание. Я прищурила глаза, слепнувшие от ярких солнечных лучей, рассеиваемых плавающими в луже льдинками, и с преувеличенным вниманием воззрилась на кожаные, отороченные мехом сапоги гигантского размера. О, конечно, сия добротная зимняя обувь существовала не сама по себе, а являлась гармоничным окончанием мощных мускулистых ног, нетерпеливо переминающихся на мелких камушках. Выше сапог начинались теплые штаны цвета охры, край полушубка, усеянный медными бляхами пояс и...

– Мелеана, – орк обеспокоенно помахал ладонью у меня перед носом, – ау. У тебя все в порядке? Ты себя хорошо чувствуешь?

– Чувствовала, – невежливо буркнула я. – Всего мгновение назад. Ибо вы втроем запросто переплюнете любого профессионального тюремщика. Да от вас даже по малой нужде тайком отлучиться невозможно...

– И правильно, – самодовольно крикнул Оггур, – потому что мы за тебя перед своей совестью отвечаем, и перед батюшкой твоим, и перед матушкой, и перед братом, и...

Я послушно кивала, украдкой загибая пальцы и дожидаясь, пока самоназначенный телохранитель закончит длинный список перечислений, ставший ежедневно употребляемой присказкой, призванной пробудить мою сознательность. Но внезапно тысячник осекся. Я вскинула на него глаза, тщетно пытаюсь скрыть плещущуюся в них дерзость.

– Гоблины проклятые! – возмущенно взревел орк, носком сапога обличающе пихая припрятанную за валуном связку хвороста. – Мелеана, да ты никак совсем с ума сошла! Таскать такие неподъемные тяжести, причем на твоем сроке, – это же чистейшей воды самоубийство!

– Не-а, – нахально подначила я. – Самоубийство – это жить с вами в одной пещере и терпеть ваш произвол. И вообще я уже взрослая и сама знаю, что да как...

Но Оггур демонстративно проигнорировал мою гневную заявку на независимость. Одной поросшей темными волосками лапищей он сгреб увесистую связку дров и, словно пушинку, закинул ее себе за плечо, а второй – легко подхватил меня с камня, свободно удерживая на сгибе руки и прижимая к своей широкой груди. После этого он удовлетворенно сложил губы во вредную ухмылку и размашисто зашагал вниз с холма.

Комфортно устроившись в его надежных объятиях, я заправила за ухо прядь черных мужских волос, выбившихся из-под стягивающего их шнурка, и благодарно погладила орка по щеке. Оггур ласково заурчал, будто огромный снежный барс, и еще плотнее притиснул к себе почти невесомую для него ношу. Каменные мышцы упруго перекатывались под тонким овчинным кожушком.

– Непослушная... – Воркующий бас эхом рождался в недрах его непоколебимой,

словно скала, груди. – Неосторожная, упрямая, бесценная, сумасшедшая!

– А что, можно подумать, я тебе другая нужна? – откровенно спросила я.

Орк протестующе хохотнул:

– Другие дома сидят, за печкой! Без особой на то надобности с полатей не высовываются, по храмам да порталам не шастают, королей не спасают, демиургам глаза не мозолят и в демонов не влюбляются.

Я покаянно вздохнула:

– По надобности, значит, только. Так-то оно так...

Огвур без особого труда подбросил меня вверх, перехватывая поудобнее. Я восхищенно взвизгнула.

– Слушай, а ты слышал байку про то, как кентавр, тролль и орк взялись силой мериться?

– Нет. – Тысячник просительно приподнял бровь. – Расскажи, баловница.

– Задумали как-то эльфийские маги соревнование провести, – с энтузиазмом начала я, – да выяснить, кто на земле самый сильный. Созвали претендентов на титул чемпиона и дали им задание – лбом гвозди в доску забивать. Ну значит, кентавр поднатужился и забил пятнадцать гвоздей...

– Да ну! – не поверил наивный Огвур. – И что ему дали?

– Балда! – Я шутливо ущипнула друга за нос. – К лекарям его отправили в лазарет.

– Ого! – сочувствующе усмехнулся тысячник.

– Следующим выступил волосатый тролль из Диких земель и забил тридцать гвоздей!

– Молодец! – искренне порадовался за силача Огвур. – А ему что дали?

– Да ну тебя, простофиля! – хихикнула я. – Сам понимать должен – тролля отправили на соседнюю с кентавром коечку в больничке!

– Логично! – блеснул уместным словечком Белый Волк.

– А самым последним вышел орк, – лукаво прищурилась я. – Затянул пояс потуже, крикнул и... забил лбом аж целых пятьдесят гвоздей!

– Вот, – горделиво задрал голову Огвур, – знай наших! Ну и как – дали орку титул чемпиона?

– Не-а, – не без злорадства сообщила я. – Дисквалифицировали его и с состязания – выгнали.

– Да как же это? – потерянно поник плечами мой доверчивый друг. – За что? Несправедливо!

– А он гвозди забивал – шляпками... внутрь! – интимно шепнула я ему на ухо. – Во как!

Орк хохотал так, что чуть не уронил меня на камни.

– Ох, Мелеана, ну и выдумщица! – гудел он, пока я варежкой вытирала слезы, от смеха выступившие у него на глазах. – Ты эту историю Эткину расскажи, а то он опять в меланхолию ударился.

– Очередных удайцов поймал? – с пониманием спросила я.

Огвур саркастично кивнул.

У входа в пещеру бок о бок сидели дракон и полуэльф, попеременно испускающие глубокие, душераздирающие вздохи. И выглядели они при этом такими неподдельно несчастными, что я даже испугалась.

– Ну и как, много их набралось на этот раз? – приступила я к расспросам сразу же после того, как орк спустил меня на землю.

– Трое! – мечтательно выдал Лансанариэль, экзальтированно закатывая свои красивые глаза. – Видела бы ты этих симпатичных головорезиков, Рыжая!

Огвур ревниво насупился, а полуэльф вдохновенно продолжил:

– Морды у всех на загляденье небритые, плечи – во, ручищи – толстые, почти как хвост у Эткина! Уж такие как обнимут...

– Кх-м! – собственнически напомнил о себе орк.

Ланс девически покраснел и потупился:

– А уж какие они смелые и терпеливые! – Полукровка эротично облизнулся, видимо намереваясь довести орка до инфаркта. – Всё вынесли, подчистую...

– Как «подчистую»? – оторопела я. – Да ведь в пещере золота – на двадцати телегах не вывезти...

– Всё вынесли, сердешные! – неторопливо вступил в повествование лирично-печальный Эткин. – Пинки от Ланса, затрешины, подзатыльники, оскорбления, а на закуску – мою воспитательную беседу с прологом, эпилогом, моралью и интерлюдией!

– Гы, терпили недоделанные! – во всю глотку гоготал Оггур, самозабвенно хлопая себя по бедрам. – Так это разбойников следует в потерпевшие записывать, а не вас – садистов! Надо же, выдержали драконьи нотации. Ну Эткин, и зверь же ты все-таки!

Летун тонко улыбнулся. Я облегченно перевела дух:

– Эх, Ланс, Ланс! Не жалеешь ты моих нервов. Можно подумать, не мог все сразу толком объяснить!

– Так я и объяснял! – недоуменно взмахнул ресницами полуэльф. – Куда уж яснее-то?

– А вы, глупые, ничего не поняли, – ехидно добавил дракон. – А посему не фиг на умного пенять.

– Я умный, к тому же скромный, потому что такой красивый! – на полном серьезе подтвердил полуэльф.

Оггур гордо улыбнулся, намекая: глядите, люди добрые, какое я счастье немереное отхватил.

– А правда ли, что с возрастом мозговые извилины переходят в морщины? – ни к кому конкретно не обращаясь, спросила я риторически вполголоса.

– Правда, – лениво зевнул Эткин. – Поэтому эльфы всегда так хорошо выглядят!

– Да-да, эльфы – самый красивый народ! – простосердечно сообщил Лансанариэль, совершенно не уловив подвоха, кроющегося в исходной фразе.

Я кусала губы, едва удерживаясь от смеха. Вот всегда бы так – вроде никого не обидели, а всем весело!

Что может быть приятнее теплого весеннего вечера? Правильно, только воскресный весенний вечер! Сложенный из березовых поленьев костер прогорел до углей. Оггур нанизывал на прутики ломтики натертой чесноком зайчатины и педантично раскладывал их поверх давно приспособленных для этих целей камней, установленных вокруг кострища. Аромат подрумянивающегося мяса поплыл над озером.

– Сейчас на наши шашлыки сбежится нехилая толпа симпатичных небритых грабителей! – доверительно сообщила я орку, развалившись на застеленных плащом мягких еловых ветках. – То-то Ланс порадует.

– Да я этим симпатичным ... повыдеру! – корча кровожадное лицо, рявкнул тысячник, даже не потрудившись подобрать определение поприличнее.

Я одобрительно присвистнула:

– А ты, как я погляжу, за словом в карман не лезешь. Орки – они все такие прямолинейные похабники?

– Все! – категорично отрезал Оггур, переворачивая капающее жиром и завлекательно шкварчащее на огне жаркое. Мой голодный желудок немедленно заурчал в унисон мясу, требуя положенную нам с малышом двойную порцию.

– Надо полагать, что все, – язвительно скривил морду Эткин, выкатывая из пещеры бочку вина. – Вот ты вдумайся сама, принцесса: отчего вдруг у орков на знамени кленовый лист намалеван? Для тех, кто тормозит, поясняю: вовсе неспроста, но с хитрым и коварным умыслом! Ибо чего такого непотребного нужно на знамени нарисовать, чтобы энто впоследствии пришлось листочком прикрывать, а?

Я покатывалась со смеху, уткнувшись в плащ, всхлипывая и икая. Оггур замахнулся на

дракона топориком для разрубания костей.

– Угомонитесь, противные, – капризно потребовал Лансанариэль, выставляя на заменяющую стол доску три серебряных бокала и здоровенное погнутое ведро, предназначавшееся дракону. – Нечего тут нам с Рыжей аппетит портить. А то она и так постоянно на изжогу жалуется, а я как вспомню жирный рохосский плов, – гурман судорожно дернул кадыком, словно пытаюсь прогнать внезапно накатившую тошноту, – так тоже немедленно родить готов...

Я согласно фыркнула. Эткин посмотрел на нас более благосклонно и одним ударом могучей лапы вышиб дно бочки. Ланс забавно сморщил переносицу, приняв себя к благородному запаху выдержанного напитка богов.

– Ну за нас, значит! – лаконично провозгласил дракон, наливая полный бокал орку, половинку – малопьющему полукровке, капельку мне и ведро себе.

– Эй, братан, ты чего это вдруг так погнал? – с усмешкой осведомился Огвур, споро раскладывая по тарелкам поджаристую зайчатину. – А кто зарекался со мной на пару больше ни капли спиртного в рот не брать?

– Опля! – Я потянулась к самому лучшему куску, но орк отодвинул блюдо с мясом подальше и сурово погрозил мне пальцем. – Так я вам и поверила, что в мире существуют непьющие драконы!

– Да он и так на земле всего один остался, причем алкаш несусветный! – звонко расхохотался Ланс.

– Ну я вообще-то никогда и не верила в существование того, чего не видела собственными глазами, – продолжала я отвлекаясь напирать, подползая поближе к заветной тарелке. – Еще не встречала драконов-трезвенников!

– Ага, а типа язвенников ты уже встречала? – склочно передразнил Эткин, взбалтывая бочку и пытаясь на глаз прикинуть объем оставшейся в ней выпивки. – М-да, не густо!

– А мозги ты видела? – язвительно парировал орк, пряча блюдо с шашлыком к себе за спину.

– Мозг Ланса? – наигранно ужаснулся дракон, подмигивая мне. – Да-а-а, его-то уж точно никто не видел...

Я прыснула, Огвур нахмурился, Лансанариэль, как обычно, ничего не понял, но на всякий случай сложил губы бантиком, а затем ослепительно улыбнулся, не упустив возможности показать безупречные зубки. Дракон криво ухмыльнулся, забрал у тысячника жаркое и поставил прямо передо мной.

– Если пьянку не удастся предотвратить, то ее нужно возглавить! – примирительно провозгласил он. – Тем паче, как я подозреваю, сегодня у нас еще найдется уважительный повод для праздника...

– Какой? – неразборчиво поинтересовалась я с набитым ртом.

– Увидишь! – туманно пообещал дракон, но особого вдохновения в его голосе я почему-то не услышала.

Для своих импровизированных пикников мы единогласно выбрали плоский скальный уступ, нависающий над озером, и любовно обустроили уютную обеденную зону, расположенную непосредственно под открытым небом. Обложили кострище ровными камнями, притащили несколько бревен и даже устроили наполненную льдом яму, предназначенную для хранения мяса. Подобраться к уступу незамеченным оказалось совершенно невозможно, ибо на его вершину вела всего одна узкая тропинка, начинающаяся от входа в драконью пещеру. С другой стороны наше заветное местечко оканчивалось довольно крутым обрывом, отвесно спускающимся к ближайшему лесочку, и, пожалуй, только самый рискованный путник осмелился бы вскарабкаться на утес по столь опасному пути. А поэтому, устроившись возле жарко потрескивающего костра, мы чувствовали себя в полной безопасности и веселились вовсю.

– М-да, – философски разглагольствовал дракон, постукивая когтем по полупустому

ведру, – трезвенник – это человек с патологически бедной фантазией. Не может придумать повода выпить...

– А зачем нам повод? – пьяненько удивился Ланс, судорожным усилием поднимая голову из тарелки. Похоже, эльфийское оказалось чрезвычайно забористым, но о качестве вина я могла судить лишь по внешним признакам его действия, красноречиво проявляющимся в поведении моих наклюкавшихся друзей. Мне же самой сей волшебный нектар удалось лишь понюхать, потому что под девизом «Вино – злейший враг беременных женщин» в мой бокал налили не больше пары жалких капель. И сколько я ни доказывала, что, мол, не боюсь никаких врагов, меня и слушать не желали.

– Во время пьянки мы все воспринимаем себя личностями, – наставительно хмыкнул летучий демагог. – А наутро – организмами...

– Да ну, фигня! – заикаясь, неуверенно опротестовал орк. – А повод тут при чем? – В поисках поддержки он оглянулся на полукровку, но красавец уже мирно дрых, счастливо посапывая во сне.

– Никто меня не уважает, – расстроился Огвур. – Выпьем? Поздно выпитая вторая – напрочь загубленная первая!

Но бочка оказалась пуста.

– Эх, когда кончается вино – закуска становится просто едой. – Эткин налег на мясо. – А есть можно и без повода...

– Знаешь, меня весьма насторожило твое сегодняшнее поведение, – решила я поговорить с драконом начистоту. Ситуация выглядела странной, а у меня уже имелись неоднократные поводы безоговорочно доверять его необычайной проницательности. – На какой такой необозначенный, но уважительный повод для праздника ты постоянно намекаешь?

– Да не намекаю я, – поправил меня гигант, – я вам прямо говорю: пейте и отдыхайте, пока еще есть возможность. Нутром чую – сегодня наш последний спокойный вечер...

– Спокойный от чего? – недогадливо переспросила я.

– А давайте выпьем за Мелеану! – вдруг ни с того ни с сего провозгласил орк, нетвердой рукой елозя по плащу и пытаясь встать на четвереньки. – Я поднимаю этот бокал за тебя, Ульрика!

– Да я и сама его пока поднять в состоянии! – отшутилась я, наблюдая за возней упившегося почти до беспамятства тысячника.

– Выпьем за то, – с пьяным упорством продолжил Огвур, – чтобы никто тебя отныне не тревожил, не доставал всякими предначертаниями и пророчествами, не просил о помощи и...

– Госпожа принцесса, помогите! – неожиданно прилетело из неприступного провала к озеру.

– Чего? – Я потрясенно уставилась в сторону обрыва. – Вы кто, призрак?

– Госпожа принцесса... – Над краем каменистой площадки появились сначала две в кровь ободранные человеческие руки, а затем – чья-то вихрастая макушка. – Я – посланец от многострадального народа Поющего Острова! – На меня умоляюще глянули ввалившиеся глаза донельзя измученного парня, казавшиеся черными провалами безграничного горя на фоне худого, страшно изможденного лица. – На островитян свалилась огромная беда, избавить нас от которой способны только вы. Мы заклинаем вас – простите нашу жестокость, вернитесь на остров и помогите людям...

– Вот, – с негодованием рыкнул Эткин, – а я о чем тебе говорил? Кончилась наша спокойная жизнь!

Отважный скалолаз оказался совсем молоденьким пареньком, долговязым и веснушчатым. Он усиленно таращился на меня шокированными выпученными глазами все то время, пока я перевязывала его сильно израненные руки, кормила зайчатинной и поила остатками отобранного у Эткина вина. Кажется, я изрядно разочаровала отчаянного мальчишку, рискнувшего жизнью ради встречи со мной. По выражению его глаз я поняла – риск того не стоил. Ведь он-то явно ожидал увидеть могучую богатыршу (а именно такой

мой образ и культивировался в народном фольклоре), но вместо этого перед ним предстала отяжелевшая беременная баба, ничуть не напоминающая ожидаемую спасительницу. Посланец приуныл. Эткин пристально рассматривал начинавшее темнеть небо, ехидно насвистывая и старательно делая вид, что ему якобы нет никакого дела до всего происходящего. Но по его напряженной позе я, отлично знакомая с уловками пройдох-летуна, понимала – дракон терпеливо ждет разъяснений. Я лукаво улыбнулась уголками губ. Интуиция интуицией, но факты всегда остаются фактами.

– Как тебя зовут? – спросила я после того, как мальчишка утолил голод и немного отдышался.

– Ивар! – почти с вызовом бросил он, помолчал и недоверчиво шмыгнул носом: – А вы действительно та самая Сумасшедшая принцесса, которая...

– Да она это, она! – рассерженно рявкнул Эткин. – Не сомневайся, пацан!

На лице Ивара отразилась столь противоречивая гамма чувств, что я не сдержалась и рассмеялась в голос:

– Что, не похожа?

– Ни капельки! – честно сознался паренек.

– Ну да, – язвительной скороговоркой зачастил дракон, – тебе, поди, рассказывали, что ростом Сумасшедшая принцесса выше деревьев, за плечами у нее – волшебный меч, пьющий человеческую кровь, руками она запросто ломает хребет любому чудовищу, останавливает толпу одним взглядом, а в ладонях носит раскаленное железо! Так?

Мальчишка потрясенно отвалил челюсть, ошарашенный прозорливостью своего необычного собеседника.

Я ржала как ненормальная, придерживая ладонями чуть не спадающую от хохота золотую маску. Губы Ивара обиженно задрожали, он готов был разреваться от обуревавшей его бессильной ярости.

– Точно, – запальчиво выкрикнул он, сжимая кулаки, – такой ее и описывают. Наша деревушка расположена на самой окраине острова, далеко от Ширулшэна, но странствующий бард распевал песни, в которых говорилось о подвигах госпожи принцессы. А когда горгульи начали забирать взрослых мужчин и уносить их неизвестно куда, то мы решили призвать госпожу на помоо...

– Стоп, – хриплым от волнения голосом перебила я, – мне абсолютно наплевать на романтические бредни ваших бардов, но вот про похищения расскажи поподробнее!

Возбужденно клацнувший клыками дракон чуть не прикусил свой болтливый язык.

– А чего еще про них рассказывать? – обреченно взмахнул забинтованными руками Ивар. – С тех пор как погиб страшный король Аберон, на острове почти не осталось магов, только его милость магистр Саймонариэль. А несколько месяцев назад на нас начали нападать горгульи и забирать молодых, физически крепких мужчин...

– Ринецея! – скрипнула зубами я. – Клянусь, это ее козни!

Эткин согласно кивнул.

– Сказывают, – пасмурно продолжил мальчишка, – будто магистр не может найти способа остановить этих летучих тварей. Мол, магия на них наложена особая – защитная, причем очень сильная. Вот тогда-то народ и вспомнил об изгнанной госпоже принцессе и начал шептаться: она нас спасет...

– А ты, – сердито перебила я, – решил прослыть героем и самостоятельно отправился на поиски меня?

Ивар виновато склонил голову и багрово покраснел.

– Так, – нехотя сознался он, – но что оставалось делать-то? Спасите нас, госпожа принцесса! Мерзкие твари утащили моего отца и двух старших братьев...

Я задумчиво прикусила губу. Десятки не связанных между собой версий и предположений рождались у меня в голове, не находя логического объяснения или обоснования.

– Зачем Ринецее понадобились рабы? – вслух произнесла я.

– Саймон тоже задается таким вопросом, – подсказал Эткин, – и, похоже, он уже нашел ответ...

– Ты знал, – возмущенно вцепилась я в драконью лапу, – ты знал, что Ринецея истребляет мой народ, и молчал столько времени! Да как же ты посмел?

– Я чувствую выбросы магической энергии и мысленно общаюсь с нашим архимагом – ведь я и есть живой аккумулятор волшебства. Но я защищал тебя, Ульрика, – тяжело вздохнул гигант. – Я думал о твоём будущем ребенке. Не следует женщине на сносях встречать в новые авантюры. Но сегодня, – он недовольно покрутил хвостом, – я ощутил приближение этого малолетнего нарушителя спокойствия и понял: события вышли из-под контроля.

– Но, Саймон, – я сорвалась на крик, – почему он не позвал меня еще месяц назад?

Эткин нагнул голову, заглядывая в мои пылающие от негодования глаза.

– Саймонариэль, – нахально заявил он, – один из самых умных и справедливых эльфов в нашем мире. Он предостерегал народ Поющего Острова от принятия скоропалительного решения. Он четко дал понять – людям еще понадобится помощь воина Старшей крови! Но тогда его не слушали...

– Простите нас, госпожа принцесса! – вновь заунывно затянул Ивар, мотая на кулак сопли и слезы. – Вы – наша последняя надежда!

– И ты готова их простить? – иронично прищурился Эткин. – Несправедливых и неблагодарных эгоистов, требовавших убить твоего нерожденного малыша?

– Пусть! – Я решительно поднялась на ноги. – Негоже мне отвечать злом на зло. Какими бы недалекими они ни были, но они все же мой народ, а избранный путь чести приказывает мне незамедлительно выступить на защиту острова и окончательно покончить с Ринецеей!

– Ура! – радостно завопил мальчишка. – Ура госпоже принцессе!

Но Эткин осуждающе покачал головой:

– Ох, не думаешь ты о себе, Ульрика, совсем не заботишься о своем здравии и благополучии!

– Если Ринецея победит, то жертва Астора станет напрасной! – рычала я. – И негоже мне трусить да отсиживаться из-за страха того, борясь с чем мой любимый отдал свою жизнь! Не останавливай меня, Эткин...

– Да разве же тебя остановишь! – уважительно буркнул дракон. – Остается одно – помогать тебе во всем, неразумная ты моя!

Я обхватила друга за сильную шею и прижалась к нему всем телом.

– Ну если ты со мной, – шепнула я с признательностью, – то, значит, мне нечего бояться!

Эткин не ответил ничего. Он посмотрел на загорающиеся в небе звезды и протяжно вздохнул.

Наши сборы заняли совсем немного времени. Я извлекла из замшевого чехла ножны с верным Нурилоном и повесила клинок к себе на спину. И можете мне не верить, но я явственно расслышала, как разумный меч издал громкий торжествующий звон. Он радовался новым битвам, ожидающим его в недалеком будущем. Я укрепила на поясе, едва сошедшемся вокруг моего располневшего стана, две Алаторы, надела на шею амулет тетюшки Чумы и кулон Оружейницы, а на палец – перстень Пожиратель пространства. Рассовала по карманам колета Зеркало истинного облика и Хроники Бальдура, упрятанные в футляр из непромокаемой акульей кожи. Несколько метательных кинжалов да сумка со сменным бельем и медикаментами. Ну вот, пожалуй, и все – я готова двинуться в путь.

– Подожди, Мелеана! – Эткин, с грохотом копавшийся в дальнем углу пещеры, выполз хвостом вперед, таща за собой что-то бесформенное, отливающее тускло-серебристым цветом. – Вот примерь, это тебе!

– Какая прелесть! – восхищенно ахнула я, поглаживая комок, развернувшийся в

тончайшую кольчугу, выкованную из невиданных округлых звеньев. – Эткин, но она похожа... похожа на...

– Правильно! – довольно осклабился летун. – Это моя чешуя, сброшенная минувшей зимой. Обычно мы меняем ее во сне, и нет в мире ни одного короля или рыцаря, не мечтающего заполучить кольчугу из легендарной, непробиваемой драконьей чешуи. Однако этой зимой я не спал, и должен признать: подобная смена шкуры оказалась довольно болезненным процессом. Но, вероятно, это даже к лучшему. Чешуя, сошедшая с бодрствующего дракона, получилась намного прочнее и надежнее. А Ланс любезно пошел мне навстречу и помог сшить для тебя это одеяние. Примерь!

Кольчуга оказалась впору. И надо было наблюдать восторг Ивара, увидевшего меня такой – вышедшей из пещеры, вооруженной и окутанной волшебной кольчугой. Его сказка ожила!

Памятуя о тяжелых испытаниях, выпавших по моей вине на долю Огвура и Ланса, я не стала будить крепко спящих друзей, а вытащила из костра уголек и на камнях утеса торопливо начертала несколько прощальных слов, содержащих извинения и ободрения. Усевшись на спину Эткина, мы с Иваром взлетели к ярким весенним звездам. Я боялась, что уже успела позабыть этот свежий ветер странствий, упруго бьющий в лицо, но оказалось – я переживала напрасно. Дух свободы благосклонно принял меня в свои родственные объятия и повел вперед. Мальчишка что-то ликуяще орал, подпрыгивая на скользкой драконьей чешуе и размахивая сдернутой с головы шапкой. Мне даже пришлось придержать этого шального героя, чуть не свалившегося вниз. Впрочем, это казалось мне закономерным: ведь будь Ивар чуточку трусливее – он никогда не проделал бы сего трудного пути, что привел его на берег нашего озера. Жизнь принадлежит храбрым. Жизнь принадлежит тем, кто не боится проходить через даруемые ею перипетии и невзгоды, тем, кто не ленится и не прохлаждается в ожидании чуда, тем, кто верит в удачу. Жизнь опять принадлежала мне.

Мы удачно вписались в восходящие потоки теплого ночного воздуха и взяли курс на Поющий Остров. Я отбросила сомнения, страхи и расслабляющую негу последних месяцев бездельности. Отдых подошел к концу. Моя душа исцелилась, трепетно храня в своей глубине неугасающий огонек заветной любви, и сейчас жаждала активных действий. Настал срок обновления...

Глава 2

Сидеть, упираясь спиной в изгиб драконьей лапы, оказалось куда как приятнее, чем в кресле, обитом жесткой, неприятно поскрипывающей парчой. А ведь еще несколько минут назад я с некоторой растерянностью и даже опаской оглядывала отведенные мне покои. Высоченная кровать с балдахином, изящный серебряный столик на тоненьких ножках, во всю стену роскошный гобелен с овечками и пастушками... Я недовольно поморщилась.

«Воистину дворцовый интерьер, чтоб его!» – Цинично усмехнувшись, я ногой пихнула неустойчивый столик. Хрустальные висюльки на золоченом канделябре протестующе зазвенели. Я шепотом ругнулась сквозь зубы. На вышитом шелковыми нитями покрывале выстроилась шеренга разномастных плюшевых уродцев не поймешь какой породы.

– Детство – это период, когда тебе еще не возбраняется спать со зверюшками! – вслух признала я, утрамбовывая игрушечное зверье под подушку. – Ладно, хоть спальня не розового цвета...

– Что, свободолюбивая наша, не по вкусу тебе пришлось хваленое королевское гостеприимство? – Драконья лапа, бесцеремонно просунутая в окно, бережно обхватила меня под колени и аккуратно переместила во двор.

– Много хорошего – уже плохо! – подтвердила я, устраиваясь у Эткина под боком. – Сначала сладко, зато потом кисло аж до оскомины! Ну не мое это, не мое. Я привыкла оценивать внутреннюю сущность явлений и предметов, а не их наружную, показную сторону...

Гигант одобрительно гыкнул, выпуская облачко дыма.

– Ну уж если мы заговорили о сущности... Вот ты объясни-ка мне, Ульрика, – непоследовательно начал он, – что это за время такое нынче? Вроде и опасность над островом нависла – а всем не до нее! Батюшка твой еще от злоключений в Геферте не оправился, да и в стране после правления Аберона множество внутренних неурядиц образовалось. У братца твоего венценосного тоже хлопот полон рот: весна нынче бурная, ранняя, Рона из берегов вышла – грозит затопить столицу. А дружественный нам рохосский хан Исхаган всерьез обеспокоен предстоящим замужеством принцессы Будур. Поэтому оба владыки хоть и обещают оказать военную помощь, но сами на Поющий Остров – ни ногой... Что же это такое, принцесса?

– Это всего лишь политика, – дипломатично улыбнулась я. – Своя шкура – она куда ближе к телу, чем сумятица в доме соседа...

Эткин раздраженно поскреб свой поджарый живот.

– Вот ты объясни мне, Ульрика, – в том же тоне продолжил он, – что это за время такое нынче? Ты ждешь ребенка, – он загнул один коготь, – Анабель, королева Нарроны, – ждет ребенка, – он загнул второй коготь. – И даже матушка твоя королева Альзира ждет ребенка...

– Это всего лишь власть, – еще шире улыбнулась я. – Когда во главе государства встают личности, не имеющие привычки манкировать¹ своими обязанностями, то они рано или поздно осознают, что власть – это не только приятные права и всесильные полномочия, но еще и долг перед народом, и тяжелые обязанности. У правящих особ эмоции всегда отступают на второй план, а вперед выходят законы передачи престола и необходимость обзавестись наследником трона...

– А как же любовь? – перебил меня любознательный летун. – Почему нынче она словно витает в воздухе?

– Это всего лишь весна, – рассмеялась я. – Весна, несущая любовь. Когда-нибудь и ты, друг мой, познаешь ее неповторимый вкус!

– Ну да, – язвительно хохотнул дракон. – С кем? Боюсь, по этой части мне еще предстоит превзойти даже нашего закоренелого чудилу Оггура. Он-то хоть мужика полюбил, а мне кого прикажешь?

Я сдавленно прыснула, прикрываясь ладошкой. Сапфировые глаза дракона так и лучились безудержным весельем.

– Лучше проснуться рядом со страшной женщиной, чем с красивым мужчиной! – вынес он безапелляционный вердикт.

– А вот Оггур – против... – протянула я не допускающим возражений тоном.

– Поцеловал орочий княжич лягушку, – поэтично пробасил Эткин, – потом залез на серого волка, нагнул волшебную избу на курьих ногах, а напоследок пошел ловить птицу-Сирин... – Он выдержал патетическую паузу.

Я смотрела на дракона выжидательно, ожидая очередной колкости в его фирменном стиле.

– Ну не было в лесу женщин, не было! – мстительно припечатал балагур.

От нашего дружного хохота полегла трава в королевском саду Ширул-эль-шэна.

– Злой ты! – отсмеявшись, заклемила я.

– Я все такой же, это ты – раздобрела отменно! – двусмысленно отшутился гигант. – Кстати, уж не устроила ли ты, случаем, блестящее будущее нашего храбреца Ивара, чисто из бескорыстных душевных побуждений?

– Да мальчишка чуть не взлетел на седьмое небо от счастья, когда его пригласили вступить в королевскую гвардию! – отрапортовала я. Дракон похвально похлопал меня когтем по плечу.

Я откинулась на его лапу, блаженно потирая ноющую, затекшую при перелете

¹ М а н к и р о в а т ь – пренебрегать.

поясницу. Веки смыкались сами собой. Если за пределами острова уверенно буйствовала весна, то на благословенной, давно зачарованной магами земле эльфов царило постоянное лето. Розы распускались практически непрерывно. Одурманивающее тепло тропического полдня позволило скинуть надоевший тулупчик, оставив на себе лишь кольчугу из драконьей чешуи, надетую поверх простой льняной рубашки и кожаного колета. Драконья шкура и в самом деле оказалась бесценным даром: в холод она согревала тело, в жару – остужала. Убаюканная ритмичным гулом драконьего сердца, я почти заснула...

– Что за шум, а драки нету? – До нас неожиданно долетел хорошо знакомый, мягкий баритон великого Саймонариэля. – Добро пожаловать, девочка! – Верховный архимаг шагнул прямо по клумбам с цветами, намереваясь поскорее привлечь меня в свои призывно распахнутые объятия. Рядом с Саймоном я заметила высокую фигуру отца. Король выглядел усталым и нездоровым, магистр – постаревшим и озабоченным.

Батюшка одарил меня нежным поцелуем, а Саймонариэль, оставшийся весьма довольный моим цветущим видом, взял за руку и подвел к установленным под навесом легким плетеным креслам. Без лишних церемоний он занял место справа от правителя, сидевшего во главе стола, выразительным жестом призывая нас к тишине. Королевский совет начался.

Следующий постулат, стоящий вторым по счету в целом ряду выведенных мною жизненных законов, можно назвать законом притяжения и сформулировать таким образом: мы притягиваем к себе то, что сами любим, боимся или постоянно ожидаем, то есть все, пребывающее в центре нашего сфокусированного сознания и выливающееся в целенаправленное действие. Жизнь дает нам то, что мы готовы реализовать или осознанно пытаемся от нее получить, а не то, что укладывается лишь в наши радужные мечты и эмпирические желания. На что рассчитываешь, чего добиваешься делом, а не словами, то и обретишь. Активный практик получает победы, бездеятельный мечтатель – разочарования.

Четверо участников совета, собравшиеся сегодня в саду, безусловно, принадлежали к числу здравомыслящих практиков, умеющих четко отделять несбыточные мечты от имеющихся у них возможностей. Оставалось решить главный вопрос: достаточно ли будет наших совместных возможностей для успешной борьбы с угрожающей нам опасностью?

– Прочитай, девочка! – Саймонариэль достал из кармана своего просторного одеяния небольшую, изрядно потрепанную книгу и раскрыл на одной из страниц.

Я заинтересованно пробежала взглядом по скупым, лаконичным строчкам и испуганно вздрогнула.

– Но это же немыслимо, Саймон! – приглушенно выдавила я. – Неужели она осмелится повторить ошибки ушедших рас и опять поставить мир на край гибели?

– После смерти двух братьев и отступничества третьего, самого могущественного, Ринецея впала в отчаяние и решила поставить на кон все, – утомленно пояснил отец. – Ей удалось совершить невозможное: вместе с утерянными магическими трактатами она нашла и книги древних, описывающие страшное оружие, погубившее Землю и обратившее ее в мертвую пустыню! Она решила воссоздать атомное оружие...

– Да, ваше величество, все поняли верно, – сдержанно подтвердил Саймонариэль. – Увы, демоница окончательно выжила из ума, и грядущая катастрофа неотвратима.

– Она нашла месторождение урана? – Я воспользовалась знаниями, только что почерпнутыми из книги.

– Да, – повторил маг. – На северном побережье Антеи раскинулись земли, которые мы привыкли называть Дикими. Там обитают враждующие между собой племена полудиких троллей и находится устроенная Ринецеей шахта, где похищенные ею жители Поющего Острова принудительно ведут добычу «мертвой руды». Никто из рабов не выживет, ибо испускаемая ураном радиация медленно подтачивает их здоровье. И когда демоница наберет потребное количество руды, она сконструирует бомбы, способные повторно уничтожить жизнь на нашей планете...

Я задохнулась от негодования:

– Но демиурги – почему они не вмешаются?

Угрюмое, обточенное заботами лицо мага скривилось от отвращения:

– Я пытался связаться с творцами. Но они цинично ответили, что наш мир их раздражает. Дескать, мы вышли из-под контроля демиургов, не развлекли их скучающий разум и испортили затеянную ими игру. Они готовятся покинуть Землю и отныне предоставляют нас нашей участи!

– Это все моя вина! – покаянно вздохнула я. – Я, и никто другой, первой отказалась играть по установленным демиургами правилам! Я должна ответить за все и остановить Ринецею!

– Не казись, дочка! – протестующе выкрикнул король Мор. – Уж лучше мы погибнем свободными, чем станем владеть жалкое существование безгласных слуг демоницы или, что еще хуже, игрушек демиургов!

– Не останавливай меня, отец, – взбунтовалась я, – пришло время исправлять допущенные мною ошибки. Не вмешивайтесь в мою войну, дайте мне возможность самой найти выход из ситуации, возникшей сугубо по моей вине!

– Одна? – Саймон запустил пальцы в свои длинные волосы и безумно расхохотался. – Ты собралась в одиночку бороться против полчищ демонов, умертвий и горгулий, возглавляемых Ринецей! Ты надеешься в одиночку выстоять против демиургов? Достаточно ли у тебя для этого сил, девочка?

– А вот такая она у нас самодостаточная личность! – восхищенно вмешался молчавший до последнего мгновения Эткин. – Уж она-то точно достанет и всех окружающих, и саму себя!

– Не верю, это заявление больше смахивает на бред! – возмущенно выдохнул Саймонариэль. – Не позволю, слышите, запрещаю категорически. Вот скажите честно, на что способна беременная женщина? Ну если только сподобится разродиться не вовремя, причем в самом неподходящем для этого месте!

– Поэтому ты и не позвал меня на остров? – Я не сомневалась в ответе магистра.

– Да, тысячу раз да!

– Не согласен, – хитровато ухмыльнулся дракон. – Мужчины могут все, а женщины – все остальное! Дайте Ульрике шанс проявить себя, и заверяю: она непременно удивит нас всех.

Отец задумчиво потеревил край своей кружевной манжеты:

– Мы детально обсудим план спасения острова, взвесим все «за» и «против», объявим всеобщую мобилизацию и соберем армию. А потом, когда Ульрика родит, мы, возможно, – он интонацией подчеркнул это уклончивое слово, – возможно, позволим принцессе возглавить войско и выступить против Ринецей...

– Мудрое решение! – облегченно вздохнул Саймонариэль, потирая ладони и одаривая меня снисходительным взглядом, опускающим мое дерзкое высочество до уровня бесправного ребенка. – Весьма мудрое!

– Чего? – взбешенно заорала я, хватаясь за рукоять Нурилона. – Вы вознамерились выжидать, прятаться и напрасно тянуть время? Фигушки, не выйдет по-вашему!

И действительно, все вышло совсем по-другому...

Небо над нашими головами внезапно потемнело, заполнившись десятками уродливых крылатых туш, размахивающих изогнутыми, будто ятаганы, когтями и шелкающих прожорливыми зубастыми челюстями. Впереди стаи летела особенно крупная горгулья, а на ее спине я, к своему огромному изумлению, увидела облаченную в доспехи стройную женскую фигуру, окутанную облаком распущенных черных волос. Бледное лицо красавицы напоминало, скорее, неживую маску фарфоровой куклы, чем кожу нормального человека.

– Это она! – во все горло завопила я. – Гоблин меня заberi, это же Ринецея собственной персоной!

– Совсем баба обнаглела! – свирепо прошипел дракон, распахивая крылья и чуть ли не подпрыгивая на месте от нетерпения. – Ульрика, ты со мной? А то давненько я чего-то вонючей горгулятины не пробовал!

Потрясенный батюшка замер на месте, вцепившись побелевшими от негодования пальцами в край стола. Саймонариэль поспешно соединил руки в странном жесте, творя волшбу. С его раскрытой ладони сорвался огненный шар и с невероятной скоростью устремился к демонице. Ринецея оглушительно расхохоталась и начертала в воздухе сложную руну. Сгусток пламени свернул в сторону, зацепив соседнюю тварь. Раздался грохочущий взрыв, на землю посыпались ошметки обгорелой плоти.

– Отдайте мне принцессу, – кровожадно выла демоница, и мне казалось, будто в ее голос вплетается рев надвигающегося урагана. Горизонт быстро заволакивался сиреневыми тучами, разветвленные молнии ударяли в белокаменные стены дворца, оставляя на них безобразные рытвины и полосы сажи. – Я вырежу своего племянника из ее проклятого лона и воспитаю его настоящим принцем демонов. И тогда – я пощажу ваш красивенький остров...

– Боги, откуда она узнала про мое прибытие в Ширулшэн? – пораженно спросила я у Саймона, поспешно проверяя амуницию. Так, вроде бы все на месте, ведь артефакты я не снимала, а подарки Единорога и огарок белой свечи тетушки Чумы надежно спрятаны за пазухой.

– Ты забыла, у нее же есть Око времени! – Шквальные порывы разбушевавшейся стихии чуть не сбивали мага с ног.

– Отлично, – бодро отреагировал дракон, словно таран прорываясь сквозь бурю. – Значит, она увидела в нем нечто неприятное, что заставило узурпаторшу ускорить развитие событий!

Магистр с перекошенным от озарения лицом безмолвно уставился на крылатого умника, не забывая отбиваться огненными шарами.

– Летим, Эткин! – закричала я, стараясь перекрыть шум ветра. – Покажем ей, кто кому и чего вырежет!

– Как ты любишь повторять, в жизни всегда есть место подвигу! – лихо поддержал гигант, исторгая клубы пламени и мастерски испепеляя трех заходящих на посадку горгулий.

Ринецея разъяренно завизжала.

– Дочка, дочка, остановись! – умолял король Мор, совершенно теряя голову в царившей неразберихе и пытаясь вырваться из рук ухватившегося за него магистра. Но Саймонариэль держал цепко. – Дочка, от мест для подвигов тебе сейчас нужно держаться подальше...

– А вот фигушки вам, – неоригинально повторилась я, привычно вскарабкиваясь по услужливо подставленной лапе дракона к нему на спину и хватаясь за тянувшийся вдоль всего позвоночника гребень. – Уж если мне суждено погибнуть, то нужно делать это сейчас, пока меня еще считают спасительницей и героиней...

– А не трусихой и предательницей, – закончил за меня Эткин, мощным взмахом крыльев поднимая себя вверх. – Умирать нужно эффектно!

– Ты – неисправимый романтик, – хохотала я, оглядываясь на стремительно уменьшающийся в размерах дворцовый комплекс, оставшийся далеко внизу.

– Удачно адаптировавшийся к жизни – не забывай об этом, моя дорогая принцесса! – амбициозно утверждал дракон, врезаясь в самую гущу мерзкой стаи. Совсем рядом я увидела изрыгающую проклятия Ринецею, волосы которой превратились в клубок шипящих змей. А в ее правой руке полыхал добела раскаленный клинок, направленный точно на меня...

Поскольку длинный и тяжелый Нурилон явно не подходил для использования в воздушном бою, то я последовала примеру противницы – выхватила из ножен две Алаторы и уже приготовилась парировать атаку несущейся на меня демоницы, как Эткин вдруг круто свернул влево, вскользя задев когтистой лапой ребра нерасторопной горгульи. Тварь издала

пронзительный клекот боли, а на ее боку обозначилась извилистая рваная рана. Клинок Ринецеи просвистел мимо моего плеча, но я успела опознать оружие. В кулаке лжебогини светилась родная сестра моих даг, Нумриэль Алатора – Усыпляющая игла, ставшая орудием свержения Аолы. Я громко помянула демонов Нижнего уровня.

– Эткин, – требовательно оповестила я, – мне во что бы то ни стало нужна эта Игла!

Дракон резко взмахнул правым крылом и совершил стремительный разворот:

– Все в нашем мире имеет свою цену. И этот артефакт – тоже. Ты четко понимаешь, чего именно хочешь, принцесса?

– Ей хорошо бы оказаться в моих руках! – отрезала я. – В этом я не сомневаюсь.

– Ладно, – уступчиво прогудел гигант, – я попробую, но ничего не обещаю. Эх, нужно делать хорошее, потому что плохое и без нас неплохо получается... – Он заложил повторный крутой вираж, заходя в тыл горгульям, заметно уступающим ему в скорости и сообразительности. – Ну почему, если мы расходимся во мнениях, я в итоге всегда поступаю так, как этого желаешь ты?

– Давай назовем это компромиссом! – нахально предложила я.

– Держись, Ульрика! – Изобретательный летун взмыл выше облаков, а потом отвесно упал вниз, метко достав вожака стаи, несущего демоницу. Клыки дракона сомкнулись на кривой шее уродливой твари. Ринецея злобно выкрикнула заклинание, и из-под ее ногтей тут же ударили тонкие огненные лучи, срикошетившие от драконьей чешуи и поразившие стаю. Среди горгулий, сейчас смахивающих на кучку донельзя перепуганных кур, воцарился жуткий переполох. Головная тварь, из располосованной шеи которой ручьем хлестала алая артериальная кровь, падала как камень, бессильно распластав вялые крылья. Эткин вошел в пике, собираясь догнать и добить полумертвую жертву.

Ветер свистел в ушах, проникая под кольчугу и грозясь сдернуть меня со скользкой гибкой спины Эткина. Я видела панически расширенные зрачки Ринецеи, угольно-черные на безжизненно-бледном лице. Неожиданно она поднялась на ноги, удерживаясь за уздечку, пропущенную через зубы горгульи, и отважно балансируя на краю седла. Я невольно задержала дыхание, ожидая – вот сейчас она утратит равновесие и рухнет вниз. Но демоница гортанно вскрикнула и, не выпуская из руки Иглу, ловко перепрыгнула на другую горгулью, приземлившись точно на ее костлявый хребет. Я восхищенно прищелкнула языком, отдавая дань почтения нечеловеческой смелости своей противницы.

– Вот ведь крыса увертливая! – уважительно бормотнул Эткин, языком пламени сжигая очередную тварь, а ударами передних лап отбрасывая двух других.

Горгульи накнулись на нас плотным строем, вовлекая в круговорот огненных всплесков, соприкосновений когтей и клинков. Всполохи огня, вылетающие из пастей тварей, стекали с моей кольчуги, не причиняя мне ни малейшего вреда. Слаженными выпадами обеих даг я умудрялась успешно перерезать сухожилия на крыльях тварей. Мы побеждали.

В пылу боя Эткин совершил очередной разворот и снова чуть ли не лоб в лоб столкнулся с горгульей, несшей демоницу. Мы с ней обменялись ударами клинков, высекая сноп ярких искр.

– Дрянь! – взвизгнула Ринецея, обдавая меня смрадным дыханием, источающим вонь полуразложившегося трупа.

– Стерва! – не осталась я в долгу, успев острием даги полоснуть врагиню по щеке. Крупные капли черной крови выступили на ее белой коже.

– Ненавижу! Убью! – взывала узурпаторша, инстинктивно отшатываясь и прикрываясь волшебным клинком. На этот раз она подставилась очень удачно. Скрещенным захватом своих Алатор я выбила Иглу из ее рук. Изящная Нумриэль перевернулась в воздухе и падающей звездой устремилась вниз.

– Эткин, – взмолилась я, – скорее, мы не должны ее упустить!

До предела вытянув шею и прижав крылья к корпусу, дракон нырнул к земле, зубами поймал Иглу и перебросил ее ко мне в руки.

– Слава богам, – ликующе вскричала я. – Третья Алатора – моя!

– О нет, только не это! – отчаянно зарычала демоница. С ее ладони сорвалась багровая молния и, словно живая, рванулась ко мне, на краткий миг забывшей об осторожности и любящейся отбитым у врага артефактом.

Ощущение было таким, словно грудью, прикрытой кольчугой Эткина, я налетела на гранитную скалу. Ослепленная и оглушенная невыносимой вспышкой боли, я успела понять одно: чешуя выдержала и не порвалась, спасая меня от неминуемой гибели и не позволив испепелить на месте. Но одетая под нее легкая рубашка сразу же намочила от крови, а чудовищная сила удара сдернула меня с драконьей спины, будто пушинку, и вихрем закружила в хороводе звезд, равнодушно взирающих на разворачивающееся в небе противостояние жизни и смерти. Последним усилием меркнувшего разума я попыталась приказать сердцу – биться, духу – не сдаваться, а судорожно стиснутым пальцам – не разжиматься и не выпускать волшебные даги.

– Ульрика! – истошно зывал Эткин, но стоя горгулий набросилась на него всем скопом, не позволяя подхватить и спасти меня.

– Сдохни! – вдохновенно выла Ринецея.

А я все падала и падала, уже почти не осознавая происходящего...

Мерцающие звезды приблизились, превращаясь в прекрасные золотистые глаза, будто покрывалом ночи, окаймленные пушистыми черными ресницами. Из пустоты возникли упрямо изогнутые вишневые губы, повелительно шептавшие:

– Любимая, не умирай, ведь ты сильнее неизбежности. Твой путь еще не окончен!

Чьи-то сильные руки осторожно поймали мое истерзанное болью тело, отталкивая темноту и страх, замедляя гибельный полет. Родной, такой знакомый и любимый голос пел, сращивая мои переломанные ребра и заживляя сожженные легкие:

Душа опустела, лишь ветер разлуки
Струной одинокой упрямо звенит.
Бесследно утихли сердечные муки,
И тело без ласки почти не болит.

Уже не страдает от горя и скуки,
А только отчаянно хочет забыть
Ушедшие в прошлое нежные руки,
Что тело и душу учили любить.

Что сердце омыли слезами капли,
В ночи – согревали, от бед берегли,
Умели играть на капризной свирели,
Но рядом остаться, увы, не смогли.

А память клубится обрывком тумана,
Как строчки давно позабытых стихов,
И разум тревожит фантомом обмана,
Осколком тобой искупленных грехов.

Мы все осознали – душа опустела,
На ранах комком запекается кровь.
Да только из раны уже отлетела
Убитая нами слепая любовь...²

² Здесь и далее в книге использованы стихи автора.

...И я почувствовала, как с последним словом печальной баллады безопасно опускаюсь на что-то надежное, упругое, мягкое и погружаюсь в глубокий, исцеляющий сон...

Плеск волн настойчиво выводил равномерную, неумолкающую мелодию жизни. Сквозь ускользящие обрывки сна я удивленно прислушивалась к монотонному шуршанию, которое невозможно спутать с чем-то другим. Несомненно, так умеют петь лишь морские волны, разрезаемые килем быстроходного парусника. Но как я оказалась на корабле?

Тоненькая струйка пресной воды, сладкой и умеренно холодной, неожиданно полилась мне на губы. Я открыла рот, жадно глотнула – поняла, как сильна мучающая меня жажда – и хрипло попросила:

– Еще!

– Я так и знал, ваше высочество, что вы благополучно выкарабкаетесь из этой передраги! – уверенно заявил приятный мужской голос. – Вы напоминаете мне хорошо просоленный линь³ – гибкий, проверенный и чрезвычайно крепкий...

Заинтригованная своеобразными аргументами незнакомца, я распахнула глаза и была незамедлительно наказана ослепительным лучом полуденного солнца, резанувшего меня прямо по зрачкам.

– Ой!

Я лежала на палубе парусного судна, укрытая куском плотного сукна, а рядом со мной на коленях стоял самый лихой во всей Антее пират, поддразниваяще подсвечивающий мне в глаза до блеска отполированным боком медной кружки.

– Ой-ой! – Я жмурилась и терла припухшие веки.

Мужчина снисходительно рассмеялся, но я уже узнала его вызывающе-красную бандану, полыхающую, будто пожар, и золотую серьгу в ухе. Столь неприкрыто-пижонистой внешностью обладал только один человек на всем белом свете.

– Маллер, – обрадованно вскрикнула я, сжимая темное от загара запястье пирата, – Маллер Справедливый!

– Он самый, причем готовый честью и правдой служить вашему сумасбродному высочеству! – Де Вакс приветственно сорвал свой знаменитый шарлаховый⁴ платок, являя моему взору идеально выбритую макушку, и поклонился с галантностью, ничуть не уступающей навыкам какого-нибудь титулованного придворного из свиты короля Мора.

– Рады стараться, ваш-выс-во! – по-простецки гаркнули пять-шесть матросов из числа экипажа, с любопытством кучкующиеся в паре шагов от нас.

– А чего же ты меня сразу в сумасбродные-то записал? – иронично поинтересовалась я, с помощью пирата поднимаясь.

– Так это... вон оно какое дело получилось... – Из кучки моряков вальяжно выдвинулся колоритный смуглый верзила, облаченный в лимонно-желтые шелковые шаровары. (Кстати, для меня так и осталось загадкой, почему бравые ликерийские пираты всегда питают склонность к кричаще-вульгарным нарядам.) – Нам всяких пассажиров перевозить доводилось: и каторжников, и беглецов, и, прости Аола, рабов... Но ведь всегда чин чином – с берега на берег. А чтобы люди к нам вот так, сами с неба падали, – это такое чудо у нас впервые!

– Как – с неба? – Я оторопело уставилась на Маллера.

Капитан насмешливо ухмыльнулся:

– А вот так, элементарно! – Он приподнял правую руку, державшую опустевшую кружку из-под воды, подставил под нее левую и выразительно выпустил посудину,

³ Л и н ь – корабельный трос толщиной меньше одного дюйма (25 мм).

⁴ Ш а р л а х (от нем. scharlach) – краска ярко-красного цвета.

шлепнувшуюся точно в согнутую чашечкой ладонь. – Бум-с!

Я озадаченно почесала в затылке:

– Клянусь Пресветлыми богами, ничего не понимаю!

Матросы дружно заржали, довольные поистине сногшибательной пантомимой своего вожака.

– А я вообще-то боцманом на «Марготе» служу, – продолжал бурно жестикулировать обладатель раритетных штанов, наслаждаясь оказываемым ему вниманием. – Мамукой меня кличут. Так вот, прошлой ночью накатила вдруг на нас страшная гроза. Ветер так и завывал, будто свора голодных демонов, пытаюсь сорвать такелаж. И тогда наш капитан дал приказ срочно свернуть марсель⁵ на грот-мачте⁶ да спустить его вниз. Но только мы ослабили парус, собираясь увязать плотное полотнище, как вдруг в небе над нашими головами появилось летящее вниз тело, свалившееся напрямик в образованный марселем мягкий гамак. Мы едва успели вас подхватить...

Я растерянно прикусила губу:

– А что произошло дальше?

– Да ничего особенного. – Последнюю точку, оканчивающую невероятный рассказ, поставил сам Маллер, ненавязчиво переходя на «ты»: – Уснула ты тут же, как младенец! Точнее говоря – вырубилась. И знаешь, я взял на себя смелость снять с тебя кольчугу и обнаружил огромное кровавое пятно, расплывшееся на манишке твоей рубашки. Но раны под ним не выявилось – только нежная, свежая кожа...

Я рывком оттянула ворот рубашки и заглянула в вырез. Де Вакс говорил чистейшую правду.

– Чудо, – почти благоговейно перешептывались мореходы. – Баба к нам с неба упала – и не убила...

– Беременная к тому же! – почти хамски добавил чей-то звонкий фальцет.

Я нервно дернула шнурок на рубашке, запахивая глубокий вырез.

– Не бойся нас, – мягко попросил меня Маллер, – мы не причиним тебе зла. И даже рубашку новую подарим, если не побрезгуешь принять с нашего плеча...

Пираты добродушно рассмеялись, и я внезапно ощутила всепоглощающее доверие, затопившее мое сердце. Я находилась среди друзей.

– Приму с благодарностью... особенно желтую. – Я игриво подмигнула Мамуке. Боцман важно приосанился.

– Открой нам всю правду, госпожа Ульрика. – Капитан просительно заглянул мне в глаза. – Уж слишком много невероятных историй, рассказывающих о тебе и твоих товарищах, ходит по всей Антее. Поговаривают, будто ты бессмертна и умеешь зашивать раны. Утверждают – ты намереваешься избавить мир от власти лжебогов и вернуть магам былую силу. Шепчутся – ты мечтаешь подарить людям свободу от лицемерных правителей и позволишь каждому жить так, как ему хочется. Правда ли это?

– Правда! – звенящим от волнения голосом искренне ответила я. – Каждый из нас имеет право на счастье, но за него нужно бороться. А посему теперь нам придется сплотиться и воевать против демоницы, несущей погибель всему живому!

Матросы восторженно завопили.

– Я тебе верю! – твердо произнес пират. – А к тому же я знаю Ланса и Огвура. Они хоть и очень необычные, но зато честные и храбрые. Да я и сам вижу – твои раны зажили самым волшебным образом, – а значит, легенды о тебе не врут...

– Маллер, мне кажется, что исцеление ран – вовсе не моя заслуга, – с долей скептицизма сообщила я, тщательно взвешивая каждое слово. – Вполне вероятно – меня спас

⁵ М а р с е л ь – второй снизу парус трапецевидной формы.

⁶ Г р о т - м а ч т а – вторая от носа корабля мачта.

человек, вернее, не человек, а... мертвый демон!

Де Вакс недоверчиво покачал головой:

– Вряд ли. Уж очень неправдоподобной выглядит твоя версия. Возможно, этот всемогущий спаситель приснился тебе...

– Приснился?.. – Мне так не хотелось расставаться с мыслью о том, что Астор каким-то загадочным образом оказался способен вмешиваться в мою жизнь... – Нет, я с тобой не согласна. Это произошло наяву!

– Госпожа Ульрика, поверь моему опыту, – продолжал убежденно втолковывать пират, привыкший мыслить не легендами и сказками, а иными, куда более приземленными реалиями, – тебе просто повезло. Удивительная слаженность наших действий совпала во времени – и вот уже скатываемый моряками парус спасает тебе жизнь. А женщина в твоём положении всегда подвержена влиянию различных фантазий и домыслов, что является нормальным. Не терзай себя попусту: привидевшиеся тебе образы были всего лишь сном!

– Сном... – печально повторила я. – Не исключено, что ты прав... Но почему тогда я уже не в первый раз вижу неясные тени и слышу голос умершего возлюбленного?

– Мы все кого-то теряли! – быстро отвернулся мореход, но я заметила судорогу отчаяния, искривившую его худощавое лицо. Похоже, этот жизнерадостный пират тоже хлебнул лишку горя, научившись переносить его со стоической выдержкой. – Но раненую душу не так-то легко вылечить...

– Да, душа болит, а начнешь ее лечить – заболит печень! Каррамба!⁷ – делая умное лицо, поддакнул Мамука, скашивая глаза в сторону выкаченного на палубу бочонка с ромом.

– Нужно прекратить затянувшееся противостояние Добра и Зла, – импульсивно выкрикнула я. – И тогда никто из нас больше не лишится любимых!

– Но как это сделать? – посветлел лицом Маллер, прогоняя гримасу отчаяния со своих мучительно закушенных губ. – Научи нас, принцесса!

И тогда, решив, что честность всегда является наилучшей формой политики, я поведала ему все, без утайки раскрыв жестокие замыслы Ринецеи.

На палубе воцарилась мертвая тишина, нарушаемая только шорохом волн.

– Я готов заплатить своей головой, но демоницу нужно остановить! – Маллер изо всех сил шарахнул кулаком по жалобно загудевшей мачте. – Жизни не пожалею!

– Мы с тобой, капитан! – слаженным хором поддерживали моряки.

– ...! – увесисто припечатал Мамука, подтверждая немудреную истину: «чем меньше букв, тем ёмче слово».

– Спасибо, друзья! – растроганно поблагодарила я пиратов. – Но здесь нужна не сила, а хитрость. Ринецея собрала огромное войско. Мне необходимо понять ее замыслы, нащупать в них слабое место и нанести точный удар...

– Что ты задумала? – одновременно спросило несколько голосов.

– Я должна попасть в Дикие земли, пробраться на рудник и увидеть все своими глазами.

– Одна, – ужаснулся де Вакс, становясь похожим на сомневающегося во мне Саймонариэля. – Слабая и безоружная женщина. Но это же безумие! Тебя поймают и убьют.

– Почему же безоружная? – Я потеряла лоб, пытаюсь вспомнить. – Мы с Эткином вступили в схватку и отбили у Ринецеи... Где мои клинки? – Я едва не заметалась по палубе каравеллы⁸, стремясь отыскать волшебные даги. – Я не имела права их потерять!

– Да тут они, тут, не волнуйся так, – проворчал Маллер. – Аолой клянусь, никогда не видел настолько потрясающего оружия. – Взмахом ладони он указал на три сложенные возле

⁷ К а р р а м б а – излюбленное ругательство пиратов всех времен и народов, по смыслу схожее с русским «черт поberi».

⁸ К а р а в е л л а – трех- или четырехмачтовое судно со сложной системой парусов.

планшира⁹ Алаторы. – Этими дагами ты чуть не пропорола наши паруса...

Я с облегчением схватила клинки, доставшиеся мне столь дорогой ценой, и укрепила в ножнах на поясе. Рядом с Алаторами я обнаружила и свой верный Нурилон.

– Я проберусь в шахту, где плененные Ринецеей рабы добывают «мертвую руду», и придумаю план, способный разрушить ее страшные замыслы! – уверенно повторила я. – Другого выхода я не вижу.

– Да, видно, недаром тебя называют Сумасшедшей! – мягко попенял мне де Вакс. – Отчаянно, даже шально, но должно сработать. Мы пойдем с тобой, госпожа.

– Э нет, – осадил я своего не в меру ретивого помощника. – Вы привыкли к шуму сражений, а я отправляюсь на разведку.

– Хочешь одна обрести звание героя? – поддел меня Маллер. Моряки одобрительно захихикали.

– Если героев слишком много, то их обычно называют хулиганами! – небрежно отшутилась я.

– Хулиганами? – Пират навалился животом на борт и безудержно расхохотался. – Нет, это прозвище нам явно не по нраву!

Я положила руку ему на плечо и попросила самым задушевным тоном, который только смогла изобразить:

– Если ты отвезешь меня к побережью Диких земель, то твоя помощь станет неоценимой!

Несколько мгновений Маллер молчал, прекрасно понимая, какие непредсказуемые опасности поджидают меня в этом предполагаемом походе.

– Мы выйдем за пределы Ликерийского моря, обогнем Красногорье и достигнем вод Холодного моря. Дорога растянется на неделю.

– Пусть! – согласилась я.

– Холодное море славится сложным рельефом дна, а его прибрежный шельф¹⁰ имеет иззубренные края, испещренные глубокими полостями, в которых обитают ужасные чудовища, – продолжал пугать меня капитан.

– Я не боюсь!

– Но это опасно! – исчерпал доводы Маллер.

– Пусть! – неотступно твердила я. – Если придется выбирать между двумя вариантами: погибнуть или отступить, то я не задумываясь предпочту первый из них.

– Хорошо! – Крепкая, покрытая мозолями мужская рука сжала мои пальцы. Здравый рассудок капитана уступил напору эмоций и моему упрямству. – Ты меня уговорила. Мы поплывем к побережью Диких земель!

Де Вакс пронзительно свистнул, взмахивая своим головным платком. Вахтенный матрос повернул штурвал, меняя курс. Красавица «Маргота» послушно накренилась, наверно из банальной женской вредности немного поскрипывая сосновыми шпангоутами¹¹ и величественно колыхая белоснежными парусами. Поясная статуя обнаженной девы, укрепленная под бушпритом¹², омылась зеленоватой волной и вновь поднялась над валом вспененной воды, дерзко устремляя вперед округлые деревянные груди. Я с радостью услышала, как мелодично загремел штуртрос¹³, задавая каравелле новое направление. Мы

⁹ П л а н ш и р – брус, проходящий поперек борта судна.

¹⁰ Ш е л ь ф – затопленная морем окраина суши.

¹¹ Ш п а н г о у т – ребра корабля, на них крепится наружная обшивка.

¹² Б у ш п р и т – брус, выступающий вперед с носа корабля.

¹³ Ш т у р т р о с – цепь, идущая от штурвала к румпелю (рычагу для поворачивания руля) корабля.

шли к Диким землям!

Глава 3

Почему-то многие всегда считали Ринецею глупой и непредусмотрительной. Самое обидное, что эти многие являлись членами ее семьи. Самих же себя они при этом априори причисляли к умным. Вот только где они сейчас, эти умники?..

Демоница стянула надоевшую кольчугу и небрежно отбросила ее в угол буферного шлюза. Обслуга приберет и вычистит. Потом вошла в камеру санобработки, плотно прикрыла за собой пластиковую дверцу и включила ионизационный душ. Плотные клубы влажного, пахнущего антисептиком пара вырвались из отверстий под потолком душевой кабинки и приятно окутали тело, обеззараживая и тонизируя. Ринецея трепетно относилась к своему драгоценному здоровью. Кожа с лица богини Аолы так толком и не прижилась, периодически отторгаясь и доставляя массу хлопот. Ее приходилось заботливо оберегать от воздействия нестерильного планетарного воздуха, подпитывать коллагеном, промывать термальной водой. Да к тому же – кто его знает, какие опасные микробы могут кишеть в крови и слюне примитивных земных организмов. Лучше лишний раз подстраховаться. Она выбросила в утилизационный контейнер одноразовую синтетическую губку, бодро выпрыгнула из кабинки и достала из шкафчика отглаженный, морозно похрустывающий комбинезон административно-технического персонала. Вжикнула замочком нагрудной молнии, надела любимые замшевые полусапожки, а поверх них, точно следуя инструкции техпроцесса, – тканевые бахилы. Прошла по коридору, освещенному люминесцентными лампами, заключенными в несгораемые колпаки, миновала два уровня защиты и вступила в диспетчерский отсек.

Нет, глупой Ринецея не была никогда. Амбициозной, властолюбивой, вспыльчивой – это да. Но только не глупой. Девушка пощелкала тумблерами на пульте управления, настраивая мониторы внешнего обзора. Так, что нам там сегодня показывают? Наррона, Поющий Остров, Красногорье, Рохосс... Взгляд демоницы лениво перебежал с экрана на экран, мельком выхватывая красочные картинки земной жизни. Особенно позабавила ее информация с передающего датчика, установленного в личных покоях хана Исхагана. Сгорбленный, сухопарый старичок вьюном вертелся возле своей высокорослой, мускулистой дочери, захлеб уговаривая красавицу смилостивиться над по уши влюбленным в нее принцем Али-Мангутом и выйти за него замуж. Но в ответ девица лишь грозно топорщила темные волосы, отчетливо выделяющиеся над ее пухлой верхней губкой, и скандально требовала вернуть сбежавшего эльфа... Хан возмущенно потрясал костистыми кулачками и клялся всеми демонами Тьмы, что скорее выдаст свою строптивую дочку за самого бедного и шелудивого погонщика ишаков, чем за того смазливого прохиндея, сумевшего улизнуть от отряда опытных янычар...

«Нами, значит, клянешься! – насмешливо подумала Ринецея, нехотя вслушиваясь в экзальтированную речь многострадального отца, перенасыщенную неправильными и неточными оборотами. – Твари примитивные, да вы все у меня вот где! – Она с силой сжала свои длинные, ухоженные пальцы, оканчивающиеся острыми коготочками. – Все, даже она...» – Девушка тревожно вздохнула и нажала последнюю кнопку, включая Вероятностный анализатор будущего, в просторечье именуемый Оком времени.

Огромная, прикрытая защитным хрустальным экраном, плазменная панель круглой формы работала из рук вон плохо. Обзорное стекло – старое, потрескавшееся и изуродованное крупными царапинами – заполнил серый снег эфирных помех. Ринецея досадливо ругнулась, плавно подкручивая шкалу настройки. Нет, все-таки раньше она вела себя недопустимо легкомысленно, пока еще не понимая, какое уникальное устройство ей досталось. Бессильно скребла непослушное стекло, никак не реагирующее на ее заклинания

и проклятия. С тех пор прошло много десятилетий. Ринецея поумнела, прочитала множество книг, найденных в заброшенной библиотеке демиургов, и постепенно начала разбираться во всех тонкостях сложной цифровой техники. Но, увы, к тому моменту Око времени оказалось испорченным почти бесповоротно. Главнейшая его часть, сердце сверхчувствительного прибора – генератор для создания моделей наиболее вероятных вариантов развития событий, – нарушенная ее грубым вмешательством, так и не пришла полностью в норму. Вместо четкой, логичной интерпретации будущих событий генератор рассчитывал лишь их малую толику и показывал слабые, неразборчивые картины. Ринецея сердилась, но сердилась в основном на саму себя. Раньше нужно было думать. А теперь... Сделанного уже не воротить, придется пользоваться тем, что осталось...

Око времени все равно оставалось самым ценным и уникальным изобретением демиургов, заметно выделяясь из всех прочих приборов, размещенных в серверном помещении уровня, носящего кодовое название Радужного, а на самом деле являющегося сложнейшим и запутаннейшим административным корпусом. Настолько громадным, что даже сама Ринецея, волей случая ставшая хозяйкой всех технологий постаревших и ослабевших демиургов, до сих пор не изучила полностью его настоящих масштабов и возможностей. Радужный уровень предназначался для контакта демиургов и хранителей, включая в себя базу восстановления и обновления человеческих ресурсов – Обитель затерянных душ. Изрядно поумневшую и поднабравшуюся знаний Ринецею не переставала изумлять гениальная изобретательность инопланетных творцов, подчас откровенно граничащая с маниакальным безумием. Плазменный реактор, питающий энергией весь уровень и выполненный в виде вулкана, охлаждающие секции, имеющие форму заснеженных полей, вырабатывающие кислород деревья и источники пресной воды – воистину фантазия демиургов не знала границ! Впрочем, демоница полностью разделяла и одобряла как идею замысла, так и стратегию ее воплощения. Высокие технологии, ювелирно стилизованные под веру в богов, старинные сказки и былины оказались верным приемом, максимально доступным восприятию ограниченных земных обитателей. Их возвели в степень религиозной догмы, доходчиво объясняющей все формы бытия и небытия. Тайные знания надежно охранялись суевериями и мистическими страхами. Чего, к примеру, стоил хотя бы знаменитый Камень власти, установленный в тронном зале дворца Нарроны, сиречь – анализатор ДНК, или те же легендарные источники с живой и мертвой водой... Да, гений демиургов достиг своей логической вершины, апогея – и на этом свихнулся окончательно... А ведь Ринецея изначально подозревала, что все это добром не закончится! И посему она возомнила себя новым мессией и начала действовать...

Поначалу у нее не находилось причин жаловаться. Тщательно спланированный проект передела власти и зон влияния реализовывался как по маслу, почти не давая сбоев и осечек. Но все сразу же развалилось, будто картонный домик, после того как в игру неожиданно вступила эта неотесанная рыжая деревенщина, эта несносная Ульрика де Мор...

Ринецея взбешенно заскрежетала зубами и полезла в аптечку, разыскивая какую-нибудь таблетку от головной боли, ибо одно лишь короткое упоминание ненавистного имени Сумасшедшей принцессы мгновенно вызывало у нее убойный приступ внезапной мигрени.

Да, история войны богов начиналась просто великолепно. Самый способный из троих ее братьев – принц Астор, обладавший редкостным талантом к магии, – неожиданно выдал потрясающую идею: нужно втереться в доверие к Пресветлым богам и стать их любимыми учениками. Ведущая роль в задуманной им афере отводилась юной и симпатичной Ринецее. Задумка Астора удалась – пронырливая демоница чрезвычайно понравилась верховной богине, немедленно принявшей ее обучать всем премудростям высшего волшебства. Ринецея начала делать успехи, да еще какие! После этого ввести на Радужный уровень ее братьев-демонов стало вопросом времени. Арафел и Абигер всегда оставались лишь тупыми боевиками, больше полагавшимися на свои стальные мускулы, чем на убогие умственные способности. При этом они высокомерно считали себя умными, за что в результате и поплатились, погибнув нелепо и бездарно. Но вот Астор – он, пожалуй, достиг еще лучшего

результата, чем Ринецея. Плохо одно: принц-маг в итоге оказался неисправимым идеалистом и романтиком, совершенно чуждым жажде власти.

Ринецея понимала: каждая смена правительства базируется на кратковременном, но весьма кровавом терроре. Она признавала необходимость жертв и принимала их как суровую неизбежность. А как же иначе – ведь даже в стародавние времена любую крамолу неизменно и беспощадно выжигали огнем да железом, ведя мир к обновлению и прогрессу. Новый виток развития возможен лишь после сознательного отсекаания балластных, морально и физически устаревших элементов. Таков закон формирования каждой земной цивилизации.

Кроме прочих полезных чудес демиурги создали и самое совершенное оружие в мире – пять клинков-игл, названных Алаторами. *Разящую*, представляющую собой не что иное, как мощнейший дезинтегратор, способный мгновенно аннигилировать живую и неживую материю. *Усыпляющую* – портативный гипноизлучатель. *Морозную* – контроллер термического состояния организма, моментально разрывающий полиморфные связи между клетками и замораживающий биоткани. *Пробуждающую* – нейтрализующую действие гипноизлучателя. И *Радужную* – универсальный ключ допуска во все помещения Радужного уровня. Правда, существовал еще и шестой клинок...

«Хорошо, что Ульрика о нем пока ничего не знает!» – подумала Ринецея, запивая таблетку. Боль отступала, сменяясь расслабленной сонливостью. Демоница опустилась в кресло и продолжила свои нелегкие размышления...

Итак, Ринецея решила сместить слабовольных и ограниченных богов, видя в себе потенциальную спасительницу мира. Жаль только, что в тот период она еще находилась в состоянии дремучего невежества, очень далекого от истинного понимания вещей. Чрезвычайно осведомленная в магии, она и слыхом не слыхивала о технике, компьютерах, космическом корабле демиургов, а потому расточительно перепортила множество ценных приборов, существующих в единственном экземпляре. Осознание реальности пришло намного позднее...

Она смогла устранить Аолу, воспользовавшись гипноизлучателем, добытым ее братом Астором. Потом без излишних угрызений совести усыпила братьев богини... Хотя нет, к чему врать самой себе? Конечно, все произошло не совсем так! Эх, если бы Гор обратил на нее хоть капельку внимания... Влюбленная демоница долго страдала, сдерживая переполняющую душу страсть, но через полгода все-таки не выдержала и призналась... Надменный красавец-бог холодно отчитал малышку-демоницу, высмеял и послал играть в куклы. Ну Ринецея и пошла играть, да вот только на роль кукол она выбрала самих Пресветлых богов... Никогда не стоит неосмотрительно злить заносчивую даму. Отвергнутые кокетки умеют мстить, причем делают это очень изощренно и жестоко, потому что не прощают мужчинам двух вещей: когда мужчины видят в них только женщин – и когда они совсем не видят в них женщин!

И ведь у нее все получилось... Или почти получилось... Ринецея заставила возлюбленного Аолы, короля Грея, унести саркофаги со спящими богами на дно Озера Безвременья, заполненного светлой магией в чистом виде, а посему ей недоступного, и поместить в отсек для криогенного¹⁴ сна. Затем она обезопасила себя и от Грея, изменив структуру его плоти, обрекая короля на верную гибель. Демоница только собиралась перебить драконов, как они вдруг сбежали, исчезнув самостоятельно, тем самым значительно понизив уровень враждебной ей магии, вырабатываемой этими загадочными существами, что сыграло Ринецее на руку. Вот только с Храмом Розы она лопухнулась – хранилище артефактов куда-то испарилось без ее вмешательства, сильно усложнив передвижение по порталам. А вскоре Ринецея нашла книги творцов и начала форсированно

¹⁴ К р и о г е н н ы й – основанный на методе использования сверхнизких температур, позволяющих остановить процесс разложения тканей, а также разрушения нервных окончаний и мозга путем мгновенной заморозки.

учиться, постигая истинную суть изобретений демиургов.

Она истребила ингвов-охранников и прорвалась в земной мир. Она шагала из государства в государство, постепенно под личиной Аолы устанавливая в них угодный ей порядок. И все складывалось просто чудесно, пока на ее пути не возникла пресловутая Сумасшедшая принцесса! А вот после этого события сразу же пошли наперекосяк...

Воины Старшей крови стали эволюционным продуктом – венцом природы, вместившим наилучшие достижения генной инженерии демиургов. Их наделили передающейся по наследству способностью ускоренно впитывать любые информационные данные, бесконечной энтропией¹⁵, иммунитетом к некоторым формам магического воздействия, врожденным знанием всех существующих на земле языков, высоким порогом терпимости к боли, долголетием, ускоренной регенерацией поврежденных органов, уникальными боевыми навыками, ярчайшей харизмой и умением вести за собой людей, утонченным вкусом и повышенной тягой к прекрасному, владением словом на уровне ораторского искусства и безупречным музыкальным слухом, силой и выносливостью. Они стали истинными лидерами, умеющими заводить друзей и оказывать влияние на врагов. Сильфский род де Грей принадлежал к поколению Старшей крови, но Сумасшедшая принцесса превзошла их многократно. Ринецея с ужасом наблюдала, как из наивной, самоуверенной девочки Ульрика буквально на глазах превращается в могучего и целеустремленного лидера, превыше всего чтящего честь, долг и совесть. И Ринецее стало страшно!

Дочь короля Мора вступила в игру неожиданно, поначалу придерживаясь навязанного демиургами сценария в виде пророчества, записанного и зарисованного на стенах Озера Безвременья. От отправной точки своей мотивации – спасти брата – она быстро переместилась на новый уровень игры, попутно собирая артефакты и ставя перед собой куда более сложные цели. Демиурги пришли в восторг от нового персонажа, временно выйдя из своего сонного оцепенения. Ринецея получила достойного противника, нанесшего ей первый серьезный урон под стенами Нарроны. А затем началось форменное безумие! Ульрика легко взламывала засекреченные коды самых сложных психологических ловушек, перепрыгивая через целые этапы и привнося в игру ежедневно возрастающую долю собственного влияния. Демиурги насторожились... Они решили подстраховаться: позволили Астору с Ринецеей найти Хроники Бальдура и задействовать Ледяного бога. Но Ульрика полностью разрушила канву игры, многократно усилив свои возможности, и даже стала богиней. Демиурги запаниковали. Созданный ими мир целиком вышел из-под контроля, угрожая индивидуальной безопасности своих создателей. Они вмешались в события лично, но Ульрику было уже не остановить...

Возможно, Ринецея и простила бы Сумасшедшей принцессе гибель Арафела с Абигером, но измена Астора поразила ее прямо в сердце, заставив совершить массу незапланированных поступков. Любовь и ненависть вынуждают творить глупости даже самых умных из нас. Демоница умела держать удар и мастерски меняла роли. Для Аолы она надела маску робкой ученицы, что и позволило ей обмануть излишне доверчивую наставницу, для Астора – любящей и нуждающейся в опеке сестренки, для Аберона – капризной повелительницы. И это приносило желанные плоды. Но Ульрика всегда действовала наперекор логике, выдумывала непредсказуемое, а подчас – откровенно безрассудное. А поэтому Ринецея неизбежно проигрывала ей шаг за шагом...

Но перевес пока еще оставался на стороне демоницы. Случайно она выяснила истинные мотивы поведения демиургов, ужаснулась и пошла ва-банк. Демиурги не только устали от начисто проваленной и проигранной игры, они также панически испугались своего собственного детища – восстановленной ими планеты. Стареют все – даже бессмертные

¹⁵ Э н т р о п и я – мера неопределенности ситуации, например, опыт, дающий неизвестный до определенных пор результат.

творцы. Их силы почти исчерпались, а посему они возымели желание покинуть этот бунтующий против них мир, который создавали с беспримерным усердием и старанием, но так и не смогли подчинить себе полностью. А чтобы не оставлять за спиной столь сильного и опасного врага, демиурги решили взорвать непокорную планету, обратив ее в прах. И часы последнего отсчета уже тикали...

К счастью, Ринецея обрела знания, а с ними и возможность конструировать оружие настолько масштабного уровня, что оно позволяло ей шантажировать всемогущих создателей, выторговывая жизнь для себя и своего рода. Ульрика же пока даже и не подозревала о страшных замыслах демиургов. Ставки в игре, давно утратившей статус игры, возросли астрономически.

Пылающая жаждой мести демоница и не собиралась привлекать на свою сторону ненавистную ей Сумасшедшую принцессу. Она мечтала об одном – вырезать из ее проклятого чрева своего нерожденного племянника и обрести семью. А потому она намеревалась как можно дольше поддерживать неведение Ульрики и ее абсолютное непонимание скрытой подоплеки происходящего. Ринецея считала, она поступает правильно: ведь внутри себя каждый из нас прав. А кроме того, в ее понимании Ульрика не обладала нужным уровнем психической амбивалентности, то есть умением мысленно ставить себя на место противника, и, следовательно, никогда не уразумела бы сущности той движущей силы, что руководила всеми поступками демоницы. Ульрике катастрофически не хватало знаний. Притом, с позиции Ринецеи, именно Сумасшедшая принцесса являлась злом, разрушительно деструктурирующим земной мир!

Демоница совершила необдуманный поступок, вступив в бой с воином Старшей крови, и поплатилась за это потерей одной из Алатор. Честно говоря, при этом она надеялась, что столь дорогая жертва была не напрасной – вредная девчонка конечно же погибла, получив глубокую рану и рухнув в море с немыслимой высоты, не оставляющей ни малейшего шанса на спасение. Поэтому Ринецея чуть успокоилась и решила заняться своим рудником, форсировав добычу урана, жизненно необходимого ей для успешного устрашения демиургов. А сейчас она расслабленно наблюдала за мониторами, ехидно посмеиваясь над хрупкой пасторальностью обыденной земной жизни. Внезапно узурпаторша недоуменно нахмурилась: Око времени подернулось серой рябью, а потом вдруг стало показывать нечто невероятное, имеющее непосредственное отношение к Сумасшедшей принцессе. Но ведь девчонка уже мертва?

Ринецея отправила запрос на спутники, неприметно парящие в космосе и контролирующие всю земную поверхность. Но полученные данные еще долго не укладывались у нее в голове, потому что на одном из мониторов демоница внезапно увидела живую и абсолютно здоровую принцессу, беззаботно нежащуюся под лучами жаркого солнца на палубе прекрасной быстроходной каравеллы.

И тогда, испытывая сильнейший шок, демоница начертала запретные руны, призывающие смерть без возможности на возрождение, и наслала на Ульрику страшное проклятие, способное разрушить не только тело, но и душу...

Верховный архимаг Поющего Острова магистр Саймонариэль испуганно отшатнулся от хрустального шара и конвульсивно схватился за грудь, успокаивая бешено колотящееся сердце. Он знал и понимал многое, а поэтому сразу осознал, на что осмелилась впавшая в панику Ринецея. Проклятие подобного уровня маг способен наслать лишь раз в жизни – перед смертью, потому что его отдача неизбежно ударит по самому создателю и причинит ему вред несоизмеримо больший того, что наносится жертве. Ринецея совершила запретное и теперь должна была поплатиться за причиненное ею зло, поплатиться рано или поздно. Но справедливое возмездие никогда не наступает сразу. Оно медлит и подкрадывается, будто хищный зверь, нападая в самый неожиданный момент. Ринецею ожидало ужасное будущее... А пока... Амулет Чумы ослабил и отсрочил действие наложенного проклятия – смягчил, но не смог нейтрализовать его полностью. Отныне Ульрика обречена на гибель. Но

мудрый Саймонариэль недаром знал и понимал многое. Он раскрыл толстенный магический фолиант и погрузился в чтение, стараясь отыскать средство, способное остановить смертоносное проклятие...

Самое утомительное занятие, которое я только могу придумать, – это ничегонеделание. А точнее, затянувшееся безделье. Неоправданная праздность убивает душу и отупляет разум, превращая человека в разучившийся думать простейший организм. Бездельник стремительно деградирует, замирая на уровне самых примитивных потребностей, к каковым в первую очередь относятся голод, жажда, половой инстинкт и желание развлекаться, вызванное скукой. Нет, возможно, поначалу, пару-тройку дней, праздность еще способна показаться приятной. Но вот что начинается потом – просто не поддается никакому описанию!

Первый день пути я почти целиком посвятила сну. Капитанская каюта, любезно предоставленная мне Маллером де Ваксом, приятно порадовала своей строго функциональной обстановкой. Маленький письменный стол, шкафчик для одежды, сундук для оружия и неизменный корабельный гамак. Ничего лишнего – все просто, скромно и весьма красноречиво. Приглядевшись к лаконичности интерьера, я сильно изменила свое первоначальное мнение о лихом пирате в красной бандане. Из дерзостного авантюриста, промышляющего разбоем, неоднозначная персона ликерийца мгновенно выросла в моих глазах до уровня внушающей уважение личности, пристрастной в вопросе личного неприятельного комфорта и умеющей заслужить истинное благорасположение команды. Вещизм – крайне неприятная штука! С одной стороны, он чрезвычайно крепко привязывает нас к бытовой суете, начисто лишая возможности совершать что-либо экспромтом, по наитию, и затягивает на дно почище балласта. Да и до импровизации ли тут, если за тобой тянется абсолютно неподъемный багаж из комодов, набитых полуизношенными камзолами и прочей дребеденью? Когда и как успевают люди приобрести эту пагубную зависимость от переизбытка вещей? Сделают ли нас счастливыми восьмая пара туфель или двенадцатый плащ? Вряд ли, а вот надутыми, пафосными и спесивыми – запросто. И второе: Маллер прекрасно понимал – материальный достаток бесповоротно разделяет людей на враждующие группы, ставя их по разные стороны жирной черты, называемой социальным статусом. Встречают по одежке, а вот провожают-то – по уму. Люди могут весьма долго недооценивать своего лидера, лишь постепенно, исподволь проникаясь доверием к его характеру, взвешивая его поступки и их последствия. Зато кричащая роскошь наряда оттолкнет их сразу, без слов давая понять: этот фанфарон никогда не станет для них своим, он – другого поля ягода! Относись к людям так, как желаешь, чтобы они относились к тебе. Вкушай ту же самую пищу, которую едят они, не селись во дворце, выстроенном на горе над лачугами бедняков, не щеголай в бархате, усыпанном алмазами и стоящим целой провинции. Соблюдай разумную меру во всем, не возводи себя на пьедестал демонстративного самолюбования. И тогда люди тебя полюбят. Да так сильно, что пойдут за тобой и в огонь, и в воду!

Всласть выпавшись и удостоверившись, что у меня уже ничто не болит и не ноет, я осмелилась заняться тренировкой. Признаюсь откровенно – ничего путного из подобных экзерсисов¹⁶ не вышло. Беременная женщина, облаченная лишь в тонкие кожаные штаны и легкую муслиновую рубашку приятного изумрудного цвета, торжественно преподнесенную мне боцманом Мамукой, растрепанная и потная от жары, да вдобавок с мечом в руке скачущая по палубе каравеллы, оказалась настолько пикантным зрелищем, что его не вынесли даже самые закаленные в боях пираты. Корабельная работа встала сразу же и бесповоротно. Подглядев финты¹⁷, которые я умудрялась вытворять с дагами,

¹⁶ Э к з е р с и с – система упражнений в танцах, фехтовании, музыке.

¹⁷ Ф и н т – обманное движение в фехтовании.

приставленный к штурвалу рулевой до предела выкатил глаза, шокированно приоткрыл рот и совершенно произвольно лег на другой галс¹⁸, чуть не отправив нас на корм акулам. «Маргота» завихляла и завалилась набок, приняв в трюм изрядную порцию забортной морской воды. Нерадивый вахтенный тут же получил увесистый подзатыльник от недремлющего Мамуки, а я – осуждающе-ироничный взгляд капитана. А посему я молча вложила оружие в ножны и закончила представление. Матросы разочарованно зароптали. Но зато на третий день Маллер нашел гениальное решение...

Откуда-то из недр «Марготы» появилось сплетенное из ивовых прутьев кресло, поставленное на закругленные полозья и плавно покачивающееся в такт ровному ходу каравеллы. Старое и невзрачное на вид, кресло оказалось неожиданно уютным. Обозрев меня, бестолково восседающую в качалке и уныло пляшущую на волны, моряки торопливо пошептались и преподнесли мне элегантную офирскую гитару, покрытую бордовым лаком и обильно украшенную позолотой. Звучала она совершенно по-особенному. Наверно, не настолько девически-звонко, как мой эльфийский инструмент, оставшийся в пещере у Эткина, но, в противовес ему, по-женски глубоко и бархатисто, идеально сочетаясь с моим переливчатым, чуть хрипловатым контральто¹⁹. Я просияла от радости и пробежалась пальцами по струнам, беря первые аккорды...

Я пела им долго, пока не осипла. Но пираты не знали жалости, требуя все новых и новых песен. Разных: моих и чужих. Протяжных и торжественных, предназначенных для нудных храмовых церемоний, – офирских. Мелодично-танцевальных, передающих хрустальный звон бокалов и лязг скрещенных рапир, – нарронских. Диких, перемежающихся безумными гортанными вскриками, – уррагских. Заунывно-завораживающих, сыпучих, словно песок в пустыне, – рохосских. Задорных и нескромных – красногорских. И наконец – энергичных ликерийских, восхваляющих доблесть отважных мореходов... О, я знала их превеликое множество, точно воспроизводя колорит и языковую специфику различных стран и местностей, без проблем переходя на редчайшие диалекты, бережно сохраняя их самобытность и выразительность. Пираты восхищенно охали и ахали, разноголосно подпевали и пожирали меня горящими от упоения глазами. Я практически ввела их в экстаз, сумев вернуть в период беззаботной юности, освежив незабываемые воспоминания о родных краях, об оставшихся на берегу родственниках и друзьях. Ибо каждый человек намного сильнее духом и телом, если там далеко, на суше, есть кто-то прощающий ему любые ошибки, любящий и ждущий...

Вечерело. Боцман зажигал сигнальные огни, вывешивая над палубой фонари, защищенные толстыми стеклянными колбами. Очарование музыки разрушилось, оставляя после себя хрупкий налет мечтательной ностальгии, истончающийся с каждой минутой. Я потянулась, разминая спину, пошевелила натертыми пальцами правой руки и отложила умолкнувшую гитару.

– Замечательно поете, госпожа Ульрика! – низко поклонился мне молодой пират, смуглокожий и узкоглазый. Готова поклясться Аолой, я была совершенно уверена – в его жилах течет неистовая кровь отчаянных уррагских кочевников. Недаром именно песня, исполненная мною на языке тех краев, нашла бурный отклик в его сердце, вызвав прилив темного румянца к впалым юношеским щекам.

– Замечательно! – согласно поддержал товарища рослый красавец, настоящий офицер по облику и повадкам. – Да только учти, Алимас, женщины именно для этого и созданы – для любовных утех и прочего увеселения мужчин! Женщины – это очарование, сладость и... пустая голова!

– А как же ваша достопочтенная матушка, подарившая жизнь столь видному

¹⁸ Г а л с – курс судна относительно ветра.

¹⁹ К о н т р а л ь т о – самый низкий по звучанию женский тембр голоса.

мужчине, – неподдельно изумилась я, – неужели вы и ее считаете глупой?

Смазливый офицер аж побледнел от возмущения:

– Женщина, – пытаюсь сдержать гнев, высокомерно процедил он, не разжимая зубов, – прикуси свой длинный язык. В моей стране женщины послушно сидят на закрытой половине дома и в мужские разговоры не лезут!

– А не прикусить ли язык тебе, Изидор! – вызывающим басом хохотнул боцман Мамука, после того, как я одобрила его желтые шаровары, ставший моим верным союзником. – Или она тебе его запросто отрежет. Видал, что госпожа Ульрика с дагами вытворяет!

Пираты одобрительно заржали, предвкушая мою стычку с надменным офицером, похоже раздражавшим многих из них. Маллер стоял чуть поодаль, привалившись к мачте и не вмешиваясь. На его лице играла смутная улыбка, свидетельствующая о терзавшем капитана любопытстве, сумею ли я выпутаться из новой передряги. Я иронично прикусила губу. Сразу видно, де Вакса безмерно интересуется, способна ли я завоевать авторитет среди его неоднократно битых жизнью мореходов, суровых и непоколебимых. Но вот только зачем ему срочно потребовалась настолько специфичная информация?

– А у нас в Рохоссе утверждают, что женщины скорее относятся к неразумным животным, чем к людям, и у них совсем нет души! – неожиданно поддержал Изидора третий пират, низкорослый и полноватый.

– А еще говорят, будто в рохосских пустынях настолько горячий песок, что на нем запросто можно приготовить яичницу. Поэтому у верблюдов такие длинные ноги! – подначивающе рассмеялась я.

– Наглое вранье! – Патриотичный рохоссец мгновенно ударился в безудержную похвальбу. – Неправда это! Да наши пустыни – самое прекрасное и приятное место в мире! А наши верблюды куда выносливее лошадей. И вообще, в Рохоссе все – самое лучшее!

– Ну тогда и ваши женщины – тоже самые человечные и душевные! – справедливо парировала я.

Пират смутился и замолчал.

– Каррамба! Ну что, Максуд, съел? – язвительно выкрикнул Мамука. – Видишь, ее не переспоришь, потому что госпожа принцесса рассудительнее любого мужика!

– Это еще ничем не доказано, боцман, – холодно отчеканил Максуд. – Хитра, изворотлива, но не умна!

У мачты тихонько посмеивался Маллер.

Я коротким жестом подозвала к себе строптивного рохоссеца, заставила присесть на корточки возле моего кресла и понимающе заглянула в его овальные, будто маслины, темные, переполненные обидой глаза.

– Она тебе изменила? – тихонько, так, чтобы нас не услышали другие пираты, то ли спрашивая, то ли предполагая, произнесла я. – А потом раскаялась? Но ты так и не смог ее простить! Поэтому с тех пор ты ненавидишь всех женщин, считая их коварными змеями и...

Я не успела договорить. С искаженным от суеверного ужаса лицом юноша отшатнулся и упал на спину, да так и остался лежать на палубе, растерянно взирая на меня снизу вверх, будто на богиню или пророчицу.

– Откуда вы это знаете? – запинаясь, спросил он.

– Догадалась, – улыбнулась я, протягивая руку и помогая ему подняться. – Ревность – самый страшный бич мужского самолюбия. Но поверь мне, плохие качества и душевные пороки не имеют четкой половой принадлежности. Не бывает плохих мужчин или женщин – бывают плохие люди!

Максуд вскинул на меня просветлевшие глаза:

– Но это значит, что...

Я утешительно рассмеялась:

– Это может означать лишь одно! Вы с той женщиной не любили друг друга по-настоящему, поэтому твоя потеря невелика. Но когда-нибудь ты обязательно встретишь

возлюбленную, предназначенную тебе судьбой, и с гордостью назовешь ее своей второй половинкой. Твое счастье ждет тебя в будущем. Очисти же свою душу от злобы, печали и недоверия. Встречай новую, истинную любовь с чистым сердцем и незамутненным разумом! Будь ее достоин!

Пират шокированно расширил зрачки, а потом счастливо улыбнулся и... коснулся моих пальцев робким, благодарным поцелуем. Я по-матерински нежно погладила его волосы, краем глаза замечая: стоящий у мачты капитан задумчиво трет свой чисто выбритый подбородок, словно готовится принять какое-то нелегкое решение.

– Так кто же все-таки, по-вашему мнению, лучше: мужчины или женщины? – напористо осведомился вспыхивый офирец Изидор, уловивший лишь малую часть моего разговора с Максудом. – Кто из них важнее и главнее?

Матросы заинтересованно насторожились.

– В чем лучше? – добродушно усмехнулась я. – Важнее и главнее для какой цели? Я никогда не сравниваю мужчин и женщин, потому что они – разные!

– Разные? – недоуменно переспросил Алимас. – Как могут различаться состоящие из одинаковых костей и плоти создания?

– А вот представь себе, могут! – подтвердила я. – И суть тут отнюдь не в физиологии. Мужчины, бесспорно, умны и храбры, но женщины – гораздо мудрее в бытовом, приземленном смысле. Ведь именно женщина разводит и поддерживает огонь в семейном очаге, сложенном мужчиной. Мужчины – сильны, а женщины – выносливы. Мужчины берут стремительным натиском, а женщины – терпеливой выдержкой. Мужчина любит действовать быстро, а женщина умеет ждать. Мужчина – это огненная страсть-вспышка, а женщина – долгая ласка.

– О боги! – вдруг пораженно вскрикнул Изидор. – Ваши слова, госпожа принцесса, подводят нас к слишком очевидному выводу!

– Какому? – взволнованно загалдели остальные. – Не тяни, умник, расскажи всем!

Офирец влюбленно смотрел на меня так, словно ожидал разрешения заговорить. Я подбадривающе улыбнулась.

– Как луна и солнце, как день и ночь, как земля и небо, как свет и тьма, – в голосе Изидора звучало поэтическое вдохновение, – так и мужчина с женщиной не могут жить друг без друга. Они дополняют и уравнивают один другого.

– А их взаимная любовь и является высшим смыслом бытия! – шепотом добавила я.

Расчувствовавшиеся пираты, эти суровые разбойники и сорвиголовы, тайком утирали повлажневшие глаза, ощущая себя приобщившимися к одной из величайших тайн нашего мира. И я не сомневалась – отныне никто из них уже не совершит неоправданного насилия, не обидит слабого, не лишит жизни невинного. Богиня истинного милосердия осенила их своим мягким крылом, очистив помыслы и спася души. Вчерашние пираты – сегодня они стали настоящими воинами, защитниками света и добра!

– Отбой на борту, – долетело до нас беспрекословное требование Маллера, – приказываю всем спать!

– А сказку на ночь? – вдруг по-детски непосредственно попросил Алимас. – Госпожа принцесса, расскажите нам сказку!

– Что? – едко расхохотался де Вакс. – Да вы никак сдурели, ребята!

– Сказку! – хором поддержали все мореходы.

– Дай мне минутку! – подмигнула я капитану.

Он иронично кивнул.

Пираты собрались вокруг моего кресла и расселись на палубе, взирая на меня с обожанием мальчишек, внимающих мудрой наставнице, намного превосходящей их и возрастом, и жизненным опытом.

– Так какую же сказку вам рассказать? – спросила я, чувствуя себя героиней одной старинной легенды, которая каждую ночь придумывала развлекательные истории некоему старому, но злому и психически неуравновешенному падишаху.

- Поучительную! – выкрикнул офирец.
- Веселую! – потребовал боцман Мамука.
- Про женщин! – застучал ладонью по палубному настилу Алимас.
- Про мужскую глупость! – вызываяще буркнул выздоравливающий душой Максуд.
- Эротическую! – насмешливо подсказал Маллер.

Я проказливо хихикнула:

- Надеюсь, сумею угодить всем. Слушайте!

На корабле воцарилась звенящая тишина, и, кажется, даже море замерло и затаилось, боясь пропустить хотя бы одно мое слово.

– Жил некогда на свете благородный эльфийский принц, красивый и богатый! – неторопливо начала я. – Он пользовался успехом у женщин, но все никак не мог решить – какую же из них ему стоит выбрать в жены. И тогда принц придумал необычное испытание. Он пригласил к себе трех ослепительных красавиц и каждой из них вручил по пятьсот золотых шамулей²⁰, разрешая дамам истратить деньги согласно их личному разумению. Первая претендентка набрала на эти деньги нарядов, обуви и украшений. «Я хочу быть самой красивой в мире, чтобы все мужчины тебе завидовали!» – так пояснила она свой поступок принцу. Вторая – купила на эти деньги мужских нарядов и принесла их хитроумному жениху. «Я живу только тобой и сделаю для тебя все, что угодно!» – так мотивировала она свой поступок. А третья красавица купила за золото шелка и нитки, вышила прекрасные шали, продала их на базаре и заработала на этом тысячу шамулей, удвоив выданную принцем сумму. Она отдала деньги жениху и сказала: «Видишь, как я умна и деловита!» А теперь скажите мне, мореходы, на которой из красавиц в итоге женился эльфийский принц?

Пираты думали и скребли в затылках так, что аж кожа трещала.

– На первой! – выдал вымученный ответ Изидор. – Ибо мужчину всегда оценивают по тому, какая женщина находится с ним рядом!

– Мудро сказано, – отметила я. – Но принц рассудил иначе...

– Он выбрал вторую! – выдвинул предположение Максуд. – Ибо из всех трех она любила принца больше всех!

– Очень обоснованно, – похвалила я. – Но принц рассудил иначе...

– На третьей! – претенциозно заявил Алимас. – Она отличная хозяйка и надежная опора дому!

– Степняки отлично разбираются в женщинах! – сделала я комплимент. – Но принц рассудил иначе...

– Но как же так? – возмущенно заорали пираты. – Не отверг же он всех трех?

– Не отверг! – поощрительно хмыкнула я.

У мачты тихо ржал Маллер, зажимая рот сдернутой с головы красной банданой.

– Принц выбрал ту из трех красавиц, – тянула время я, – у которой оказалась самая большая... грудь!

От шквального хохота пиратов с мачт чуть не сорвало паруса.

Отличительной чертой Акульего залива является воистину бездонная глубина, поэтому даже при свете дня его воды выглядят непроницаемо черными. Ночь же и вообще превратила гладь моря в однотонную антрацитово-черную поверхность, где-то у линии горизонта незримо сливающуюся с тьмой небес. Густая, почти осязаемо тяжелая и плотная темнота давила на корабль, будя во мне предчувствие неминуемой опасности, неуклонно приближающейся вместе с концом пути. Угрозы, наподобие холодного ветра дующей с берега Диких земель...

Я зябко повела плечами.

²⁰ Ш а м у л ь – эльфийская денежная единица.

– Тебе холодно. – Маллер неслышно подошел сзади и накрыл своей сильной ладонью мои лежащие на ребре планшира пальцы. – Не стоит мерзнуть, иди в каюту и ложись спать. Утром мы достигнем мыса, за которым начинается Холодное море. Нас поджидают шторма и сильная качка, и возможности выспаться тебе больше не представится.

Я хотела высвободить пальцы и последовать благоразумному совету капитана, но Маллер меня не отпустил. Наоборот, нажим его ладони только усилился. Я удивленно обернулась.

– Хм, Ульрика... – смущенно пробубнил де Вакс, отводя взгляд. – Ты не перестаешь меня удивлять. Моя команда... Гм... Ну в общем, понимаешь, они не так легко идут на контакт, как ты могла это подумать...

– Я заметила! – Я улыбалась светло и открыто. – Они замечательные парни, прямолинейные и надежные. Ты должен ими гордиться!

Капитан польщенно зарделся.

– Ну тогда ты меня поймешь. – Он неожиданно распахнул ворот своей рубашки, снял с шеи висящей на ней амулет и подал его мне. Я поднесла затейливую вещицу к огню фонаря и принялась с интересом разглядывать. Это оказался шип неведомого мне морского животного, оправленный в серебро и прикрепленный к серебряной же цепочке.

– Прими от меня этот подарок! – сбивчиво попросил Маллер. – Чую, он тебе еще пригодится, и потом, мне будет спокойнее, если он останется в надежных руках.

– Это какой-то охранный амулет? – предположила я, надевая подарок себе на шею.

Капитан смущенно кашлянул.

– Не только. Шип морского ската-хвостодера уже много десятков лет передается от капитана к капитану, но всегда достается лишь тому, кого предыдущий Король пиратов избирает своим преемником!

– Ничего себе! – шокированно присвистнула я. – И ты отдаешь его мне? Почему?

– Я не знаю никого, более достойного титула нашей Королевы! – торжественно изрек де Вакс. – К тому же инстинкт мне подсказывает – однажды эта вещь поможет тебе совершить великое деяние, направленное во благо всем. И потом... – он задумчиво вглядывался в горизонт, – меня мучают нехорошие предчувствия...

«Это да, – сумрачно подумала я, зажимая в кулаке бесценный подарок пирата. – Я тоже слышу надвигающуюся угрозу. А уж если к моему предвидению добавляется еще и проверенная интуиция опытного морехода... Что же такое страшное и в самом деле ждет нас там, впереди?»

Глава 4

Генрих де Грей ощущал себя самым несчастным человеком в мире – такой несмешной и непарадоксальной на первый взгляд казалась сия нелепая формулировка. Если вдуматься, то повелитель Силя имел все, о чем только может мечтать любой иной, пусть даже самый избалованный жизненными благами человек. Его страна процветала. Он восстановил волшебный город своих предков, сделав его еще богаче и краше. Население столицы успешно приумножалось, а высокомерные Белые эльфы, после войны с кланом Синих рассеянные по всей Антее, постепенно сплывались под мудрым правлением барона де Грея, признав авторитет того, кого совсем недавно считали слабым и нерешительным мальчиком. Король Нарроны Ульрих де Мор называл Генриха братом и с каждой подвернувшейся оказией слал ему письма и подарки как вещественные подтверждения своего монаршего благоволения. К тому же Генрих недавно женился на самой прекрасной эльфийской княжне, происходящей из правящей семьи Поющего Острова, а сейчас – ждущей от него ребенка. Казалось бы, чего Генриху желать еще? Но вот надо же – при всем своем внешнем благополучии барон считал себя несчастным!

Умница Марвин, ближайший друг и первый советник, непрерывно талдычил: внутренний мир человека неизменно воплощается во внешнем мире его вещей и

происходящих с ним событий. Глупо и бесполезно искать причины своих несчастий в окружающем тебя внешнем мире. Вместо этого обрати взор внутрь себя. Ибо наш внешний мир – это достоверно реализованный мир наших внутренних помыслов. В ответ Генрих тяжело вздыхал и соглашался. Ведь Марвин всегда и во всем оказывался прав! Сто, тысячу раз прав, но...

Генрих четко осознавал – всего предусмотреть нельзя. На подобное тотальное предвидение неспособны даже Марвин с Саймонариэлем. Ошибки совершают все люди, включая самых мудрых и сильных правителей. От ошибок не спасут ни богатство, ни магия, ни армия, ни интуиция с ясновидением вкупе. Каждый из нас – родись он королем или бедным вилланом²¹ – из пышного многообразия окружающих нас событий и явлений видит и слышит лишь то, что понимает и принимает, поэтому он и не может учесть всех сопутствующих своей судьбе обстоятельств. Все зависит от наших внутренних преград, комплексов и ограничений. Случаются события, происходящие помимо нашей воли, их нельзя предвидеть, они неизбежны, и мы не несем за них ответственность. При всем своем огромном желании ни один человек не может контролировать всех без исключения событий своей жизни. Зачастую они оказываются сильнее нас...

Так учит великий Саймон. Примерно то же самое изрекают и умудренные личным опытом силфские маги. И, говоря откровенно, здравый рассудок Генриха бескомпромиссно соглашался со столь логичными речами. Рассудок – да. Но вот душа... Душа была категорически против!

Разум подсказывал – женитьба на Лилуилле стала самым верным решением, направленным на сохранение и продолжение династии. Но пылкое сердце кричало: это ошибка, которой Генрих не мог избежать при всем своем желании. Ведь он любил Ульрику, а женился – на эльфийке. Но попранное мужское самолюбие не простило столь странного выбора Сумасшедшей принцессы, пренебрегшей его чувствами. Ему – повелителю и воину Старшей крови, красавцу и избранному – вдруг предпочли другого мужчину. И кого? Мерзкого демона, изгоя и ренегата²². Причем предпочла именно та женщина, которая, согласно пророчеству, предназначалась лишь ему – Генриху де Грею. Барон обиделся, распахиваясь, будто безусый мальчишка, и наломал дров. А дрова эти имели золотые волосы, точеную фигурку и красивое имя – Лилуилла. Впрочем, дрова, как их ни назови, всегда остаются именно дровами... Боясь скатиться в открытые скабрёзности, барон остановился на этом грубом сравнении, тоже отнюдь не делающем чести его мужскому и королевскому великодушию, которое, впрочем, и так уже почти иссякло.

«Вон, развлекается! – неприязненно ухмыльнулся силф, прислушиваясь к многоголосому женскому щебетанию, несущемуся из приоткрытого окна жениных покоев. – А всем доказывает, что, мол, государственными делами занимается, гоблин ее поberi!»

Конечно, понятие о приоритете государственных дел у каждого свое. Не далее как сегодня утром на рабочем столике в кабинете Генриха прямо из воздуха материализовался внушительный конверт, щедро уляпанный личными печатями верховного эльфийского архимага и содержащий короткую записку: «Встречай, к тебе едут Ланс с Огвуром». Гостивший у Генриха некромант даже в ладоши от радости захлопал, предвкушая встречу с давними друзьями. Повелитель Сия тоже обрадовался, а вот Лилуилла – та просто сошла с ума!

Не нужно являться особым докой в вопросах женской психологии, чтобы догадаться с первой же попытки – ну что еще может в главную очередь волновать коронованную блондинку, ждущую скорого прибытия гостей? Конечно же наряд! Да не просто наряд, а

²¹ В и л л а н – феодально-зависимый крестьянин.

²² Р е н е г а т – человек, изменивший своим прежним убеждениям и сознательно перешедший в лагерь противника.

умопомрачительное одеяние, способное выгодно оттенить всю прелесть всемогущей повелительницы, подчеркнуть достоинства ее фигуры и скрыть недостатки. А недостатки у Лилуиллы были, вернее, то, что она в настоящий момент считала вопиющим недостатком. Симпатичный кругленький животик, вполне подходящий цветущей пятимесячной беременности. Но правительница хотела талии. Сейчас и немедленно! Марвин беспомощно развел руками, пряча злорадную ухмылку, ибо на этот раз у него имелся вполне весомый повод отказать эльфийке в выполнении ее сумасбродной прихоти. Нет, никакой магии! Ни в коем случае! Нельзя! Потому что морок и прочие колдовские примочки способны здорово навредить здоровью нерожденного малыша. Генрих иронично фыркнул: «Прости, дорогая, обломись, дорогая!»

Лилуилла пришла в неистовство. Перебив два дорогих сервиза и закатив шикарную истерику, заставившую Генриха зажать уши и сбежать в сад, эльфийка пораскинула мозгами (в наличии коих весьма обоснованно сомневался Марвин), собрала придворных дам на экстренный совет и засадила портних за срочное шитье нового платья.

— К вечеру! — ультимативно заявила коронованная красавица, угрожающе хмуря бровки. — А не то!..

И работа закипела! Колесо государственных интересов закрутилось, набирая ход и разбрасывая во все стороны отрезки серебристой парчи, нити жемчуга, золотые галуны и раритетное нарронское кружево... Ибо, как это известно всем настоящим леди, наиглавнейшая житейская женская мудрость гласит: никогда не спорь с мужчиной. Просто сразу игнорируй его мнение — и все делай по-своему!

Я знаю, платье будет,
А баронессе — цвесь!
Пока дурные люди
В прекрасном Силе есть... —

иронично пропел Марвин, срезанным снопом валясь в садовое кресло и залпом выпивая полкувшина холодной воды. — Уф, упался я, как тягловая скотина!

— Ну а кто ты еще после этого, если не скотина? — риторически пробормотал Генрих, подозревавший, что под определением «дурные люди» Марвин подразумевает в первую очередь его.

— Распустил ты жену, дружище, много ей воли дал! — ударился в критику маг, нацеливаясь на бутылку охлажденного вина.

— Ой, вот кто бы мне это говорил, так только не ты! — укорил друга барон, отбирая бутылку. — Сам-то...

— А чего сразу сам? — склочным тоном поинтересовался некромант, нахохливаясь, словно боевой петух. — Да я... да мне...

Генрих уже намеревался честно озвучить неприглядную истину, гласящую, что Марвин и сам периодически сбегает от своей громкоголосой командирши Лепры, но своевременно подметил донельзя затюканное выражение глаз могучего архимага, смутился и произнес куда мягче:

— Женщина — это робкое и тихое существо, от которого нельзя спастись!

Марвин согласно вздохнул и, все еще намереваясь залить личную семейную драму алкоголем, вновь потянулся к серебряному ведерку со льдом, в котором охлаждалась бутылка раритетного эльфийского.

— Гайморит свой сначала вылечи! — мстительно рывкнул Генрих, хлопая друга по рукам. — Сопляк!

Слово «сопляк» прозвучало в его устах как-то уж очень двусмысленно, а возможно, даже издевательски. Марвин сердито закатал рукава магической мантии, как обычно обильно усеянной пятнами от алхимических опытов и заляпанной гоблин знает чем, драчливо

склонил черноволосую голову и ринулся в ораторский поединок.

– А сам-то ты кто? – язвительно осведомился он. – Слабак! Не смог мальчишку жене сделать!

Генрих побагровел от негодования. Необразованные простолюдины обычно имеют нехорошую привычку во всем винить своих несчастных жен, получая от них не сына, а дочку, но барон стараниями великого Саймонариэля уже был введен в курс того, что женщины обладают только одним типом хромосом, тогда как мужчины – аж двумя. Кстати, по мнению Генриха, именно эта особенность организмов и подтверждает неоспоримое превосходство мужского разума над женским, ибо дуализм²³ – великая философская штука! А посему – какую хромосому муж жене в лоно засеет, такого пола и получится будущий ребенок. И, значит, упрек Марвина несправедливым не назовешь...

– Отстань, – вяло огрызнулся Генрих, – не сыпь мне соль на рану...

– Прости, – сбавил гонор некромант, понимая, что перегнул палку. – Дочка – тоже здорово! Это не ты промахнулся, это все судьба. А против нее, как известно, не попрешь!

«Ага, так уж прямо и не попрешь! – мысленно не согласился сильф. – А я, между прочим, знаю некую очаровательную особу, дерзнувшую бросить вызов фатуму. Причем особу эту так и называют – Поправшая судьбу. И уж она-то, поди, родит от этого распроклятого, ныне покойного демона не какую-нибудь размазню-девчонку, а стопроцентного парня – будущего героя и воина...» Тут Генрих вздохнул с таким четким, душераздирающим вскриком, что не на шутку испуганный Марвин рывком раскупорил бутылку и почти насильно всунул ее горлышко в кулак барона, жестом показывая: пей! Сильф шмыгнул носом от безысходности и обреченно подчинился.

Себе некромант не налил, обоснованно опасаясь повторного рецидива своего хронического гайморита. Смешно признаться, но знаменитый архимаг, творящий настоящие чудеса, оказался бессилен перед банальным простудным заболеванием, заработанным на спине дракона, а посему периодически маялся сильнейшим и неприятнейшим насморком. Хотя чему тут удивляться? У каждого из нас имеется свое слабое место.

– А ведь ты ее все еще любишь! – не терпящим возражений тоном констатировал Марвин, намекая на безнадежное чувство, испытываемое бароном к Сумасшедшей принцессе.

Генрих поспешно отвернулся, боясь не совладать с предательской мимикой и выдать себя с потрохами. Да, он любил ее по-прежнему, не желая даже перед самим собой сознаваться в этой безнадежной и жестокой страсти, медленно убивающей его тело и душу. Его любовь не проходила, становясь лишь сильнее и осмысленнее. Генрих вздохнул: «Все мы порой нуждаемся в том, чтобы то, что мы и так прекрасно знаем, нам озвучил кто-то другой! – мелькнуло у него в мозгу. – Проклятая любовь...»

– Проклятая любовь, чтоб ее! – теми же словами ругнулся некромант, поднимаясь с кресла и направляясь в глубь сада. – Совсем ты меня, барон, в тоску вогнал. Пойду я поработаю еще!

– Да что ты там все строишь-то? – с любопытством выкрикнул сильф в спину уходящему другу. – Когда готово будет!

– Скоро! – уклончиво ответил маг, оградивший свою стройку непроницаемым магическим занавесом и соблюдающий режим строжайшей секретности. – Вот как Ланс с Огвуром приедут, так и устрою вам презентацию своего нового изобретения!

– Ага, вот, значит, как! – неопределенно хмыкнул Генрих, допивая вино прямо из горлышка бутылки и не замечая его вкуса. – Ну ждем-с, значит!

И что-то возникшее на уровне его подсознания безошибочно подсказало: приезд неугомонной парочки – орк плюс полуэльф – непременно внесет в их размеренную жизнь шепотную струю свежего воздуха, незабываемые интриги и приключения!

²³ Д у а л и з м – двойственность, наличие двух мнений и двух начал сразу.

Холодное море встретило нас неприветливо. Северная оконечность Антеи упорно сопротивлялась приходу весны, отвечая шквальными порывами еще не прогретых воздушных масс да редкими хлопьями снега, летящими нам в лицо. К счастью, ветер дул попутный.

Мысленно я уже в десятый раз возблагодарила предусмотрительного Эткина, одарившего меня столь замечательной кольчугой, отлично выдерживающей температурные перепады окружающей среды и сохраняющей тепло моего тела. Драконья шкура грела не хуже печки, позволяя мне совершенно спокойно игнорировать неприятные сюрпризы Холодного моря. Гораздо больше неудобств доставляла жуткая качка и сбивающие с ног валы морской воды, периодически заливающие палубу «Марготы». Маллер, всерьез опасавшийся, что меня, не желавшую сидеть в каюте, смост за борт, предложил использовать прочную веревку, один конец которой следовало прикрепить к моему поясу, а второй – накрепко привязать к мачте. Но я категорически воспротивилась его идее, не желая оказаться в роли посаженной на поводок собачки. Возможно, я доставляла пиратам кучу лишних хлопот, но, признаюсь откровенно, испытывала донельзя приятные и эгоистичные чувства, частенько ловя на себе обеспокоенные взгляды одного из них, искренне озабоченного моим благополучием. А когда я однажды неловко поскользнулась на мокрой палубе, то ко мне, мгновенно побросав работу, бросились одновременно и Изидор, и Максуд, и Алимас. Похоже, эта троица суровых воинов стала моими вернейшими друзьями, наступив на горло как собственной мужской самоуверенности, так и прежнему невысокому мнению о женском уме. И только печаль о судьбе дракона, относительно коей я пребывала в абсолютном неведении, нарушала царившую в моей душе гармонию.

Между тем, по мере нашего продвижения в глубь Холодного моря, непогода все усиливалась, превратившись в настоящий шторм. Каравелла то шало подпрыгивала на вздымавшихся стеной волнах, а то вдруг вниз носом круто проваливалась во впадину меж двух соседних водных бурунов. Паруса спустили и неподвижно закрепили не реях²⁴. Рулевой с трудом удерживал штурвал, пытаясь справиться с рыскавшим из стороны в сторону судном. Не рискуя стоять у борта, я перебазировалась на ют²⁵ и спряталась за кубрик²⁶, немного защищавший от волн и ветра.

– Нас изрядно отнесло от береговой линии, – мрачно констатировал Маллер, накидывая мне на плечи непромокаемый плащ, сшитый из пропитанного ворвань²⁷ эльфийского шелка. – Возьми, он защитит лучше кожаного.

Я благодарно завернулась в легкую влагоотталкивающую ткань.

– Сильно мы отклонились от курса? – поинтересовалась я, невольно переходя на крик, ибо ветер завывал в сотню голодных глоток, грозившихся проглотить наши бранные человеческие оболочки.

– На три румба²⁸, не меньше, – признался капитан. – Но в нашем положении самое опасное – не это. То, что ожидает нас впереди, намного хуже. Смотри. – Он вытянул палец,

²⁴ Р е й – поперечный брус на мачте, предназначенный для крепления парусов.

²⁵ Ю т – кормовая часть верхней палубы судна.

²⁶ К у б р и к – общее жилое помещение для корабельной команды.

²⁷ В о р в а н ь – жидкий жир, вытапливаемый из подкожного сала морских млекопитающих (китов, тюленей).

²⁸ Р у м б – разброс между направлениями, мера деления угла окружности горизонта, разделенного на 32 морских румба.

указывая на просвет между пенными валами воды. – Вот он, «глаз тайфуна»!

– Сотня морских демонов ему в глотку! – разъяренно пожелал обладатель желтых штанов Мамука, гибко зависший на носу каравеллы и удерживающийся за снасти. – Это конец! Каррамба! Еще никому и никогда не удавалось выплыть из «глаза тайфуна» живым!

– И мертвым тоже! – спокойно парировал офирец Изидор. – Но подумай, боцман, ведь во всем есть и своя хорошая сторона. Если ты умрешь сегодня, то тебе уже не придется лечить подцепленный в последнем порту люэс²⁹!

Пираты поддержали резонные слова бойкого на язык парня бурным ревом восторга.

– Странно, – рассеяно пробормотал Маллер, обращаясь только ко мне. – «Глаз тайфуна» – явление чрезвычайно редкостное и, скорее всего, магическое. Если бы это было хоть немного похоже на правду, то я бы осмелился предположить, что на судне находится человек, которого преследует мощнейшее смертоносное проклятие. Ибо лишь оно действует столь масштабно и неразборчиво, попутно губя всех вступающих в близкий контакт с объектом проклятия.

Я ответила пирату недоуменным взглядом.

– И кого из нас ты подозреваешь?

Де Вакс неопределенно пожал плечами:

– Возможно, себя...

– Что? – расширила я глаза. – Но как?

– Потом расскажу, – криво усмехнулся пират, – если выживем! А сейчас – просто попробуем перехитрить стихию...

– Повернем назад? – предположила я.

– Нет, идем вперед! – взмахом руки приказал Маллер.

– Но это же безумие! – орала я, заглушаемая диким, восторженным улюлюканьем пиратов, всецело поддерживавших своего отчаянного капитана. – Это явная смерть!

– Как может одна безумная выходка повредить той, которую повсеместно именуют Сумасшедшей? – ненатурально удивился капитан. – Ничего – выдюжим, у меня, кажется, появился план...

«Глаз тайфуна» выглядел устрашающе. Коническая воронка бешено вращающейся воды, постепенно затягивающая нас в самый эпицентр жуткого водоворота. «Маргота» перемещалась по кругу, с каждым новым оборотом спускаясь все ниже по наклонной водной стене. Я ощущала себя пойманной в ловушку птичкой, бессильно взирая на несчетные тонны воды, нависающей над нашими головами. Странно, но ветер, яростно завывающий на поверхности моря, здесь почти затих, видимо не решаясь соревноваться с противостоящей ему стихией. Время словно бы замерло, воцарилась мертвая тишина, и теперь я слышала лишь поскрипывание обшивки корабля, судорожно кружащегося в похоронных, все суживающихся пируэтах. Периодически красавица-каравелла вздрагивала всем корпусом и делала отчаянную попытку сойти со своего гибельного маршрута, но тайфун каждый раз оказывался сильнее судна, беспощадной рукой направляя его в глубь водной круговерти. Но «Маргота» не желала сдаваться без боя!

– Сейчас! – коротко рыкнул Маллер, напряженно поигрывающий желваками. Его темные глаза горели огнем одержимости, мускулистая фигура напряглась, напоминая затаившегося перед прыжком тигра, и я, невзирая на весь драматизм нынешней ситуации, невольно залюбовалась этим отважным морским волком. Прекрасная каравелла была воистину достойна доставшегося ей прекрасного капитана!

– Выносите бочки из трюма! – Мамука пронзительно засвистел в свой боцманский свисток. – Все дружно за работу!

Испытывая безудержный энтузиазм, я увлеклась общим порывом и вместе с пиратами

²⁹ Л ю э с – сифилис.

вытаскивала из трюма тяжеленные пузатые емкости, составляя их в ряд на палубе. Бочки оказались почти неподъемными, а мы в кровь раздирали руки о скрепляющие их железные обручи и чуть не надорвались. Маллер, продолжающий следить за тайфуном, поглядывал на меня с угрюмым испугом, опасаясь за моего ребенка, но я лишь громко хохотала, выслушивая жутко похабные шутки балагура Мамуки, придающие нам свежих сил. Наконец все закончилось. Мне показалось – мы провозились с бочками целую вечность, но, мельком взглянув на колбу клепсидры³⁰, я с удивлением обнаружила – прошло не более пяти минут. Довольный проделанной нами работой Маллер фамильярно похлопал меня по плечу.

– Как там твой малыш? – требовательно спросил он.

– Отлично! – нахально ухмыльнулась я. – Помогал, как мог, подпिनывая и меня, и бочку.

Де Вакс весело оскалил белоснежные зубы:

– Замечательно! Настоящим мужиком вырастет!

– Что в этих бочках? Железо? Я себе чуть пуп не сорвала.

– Почти угадала, – рассмеялся капитан. – Масло плодов гуаранакового дерева, чаще называемого «железным». Жутко вязкая и густая штука – куда там до нее обычной ворвани или любому другому жиру. Ценится практически на вес золота. Мы по случаю прикупили груз масла в Канагере и намеревались выгодно продать в Нарроне. Но сейчас он спасет наши жизни...

– Каким образом? – не поверила я.

Маллер загадочно улыбнулся и приложил палец к моим растрескавшимся от соли губам, призывая к молчанию:

– Ухватись за что-нибудь покрепче, не мешай и смотри...

Я так и поступила. Будто клещ вцепилась в обмотанный вокруг мачты линь и широко распахнула глаза, приготовившись увидеть нечто невероятное...

Тропинка, ведущая от веранды к закрытому магией участку сада, который Марвин облюбовал для своего загадочного эксперимента, вряд ли превышала по протяженности пятьсот метров, но друзья уже раз семь сбивались с пути, бестолково блуждая среди кустов и деревьев. Пресытившись церемонной помпезностью затеянного Лилуиллой утреннего приема, плавно перетекшего в торжественный обед, четверо соскучившихся по общению друзей просто-напросто улизнули из дворца, намереваясь тщательно осмотреть новейшее изобретение некроманта. То, что при этом они с трудом держались на ногах, передвигались пунктирно и периодически падали, компаньонов не смущало ничуть. Да и о каком вообще смущении могла идти речь, если винный подвал Генриха оказался настолько богат как в плане наполненности, так и ассортимента. Сам барон, частично по причине чрезмерного хозяйского радушия, а частично из желания хоть ненадолго позабыть свои сердечные проблемы, пребывал в невменяемом состоянии, вряд ли делавшем возможным процесс адекватного восприятия нового проявления строительного гения архимага. Архимага, кстати, в данный момент оживленно приплясывавшего поблизости и напевавшего что-то весьма игривое. Как отреагирует на нынешние неумеренные возлияния его капризный гайморит, Марвину предстояло узнать завтра.

Как известно большинству магов, алкоголь убивает микробов. Но лишь самая продвинутая часть сих ученых мужей смогла постичь высшую мудрость: наутро выжившие микробы сплываются и устраивают поминки по своим скончавшимся товарищам... Поэтому утро обещало стать весьма веселым... Впрочем, пребывающие под воздействием спиртного друзья об этом пока не задумывались.

А во всем следовало винить щедрого Генриха. Ибо последним писком таланта

³⁰ К л е п с и д р а – водяные часы, прибор, в котором уровень воды, каплями переливающейся из верхнего резервуара в нижний, движется от одного деления шкалы к другому, указывая прошедшее время.

доморощенных виноделов из отряда Азура, прочно обосновавшегося в Силе, стала знаменитая демоническая водка «Ы», позиционируемая как достойный ответ не менее знаменитому эльфийскому вишневному соку «Я». Из чего уж там демоны гнали свое жуткое пойло, хранилось в строжайшем секрете, но факт оставался фактом – мизерная рюмочка сего убойного нектара валила с ног даже могучих орков и по эффективности воздействия на любой организм равнялась десятку бутылок выдержанного эльфийского. А если разницы нет, то зачем платить дороже?

– Это не сад, – заикаясь пробубнил Огвур, крепко сжимая в одной руке недопитый стакан с уже упомянутой водкой, а второй цепляясь за ствол молодого бука. – Это же настоящие джунгли! Интересно, через сколько дней нас начнут искать, если мы не вернемся обратно?

– А ты уверен, что после сегодняшнего банкета во дворце останутся выжившие? – резонно заметил Ланс.

– Да пусть хоть все перемрут, – хвастливо хихикнул Марвин, – некромант я или кто?

– Или где? – задумчиво перефразировал орк.

– Люди, – жалобно проблеял совершенно никакой Генрих, – ау! – Он благополучно шлепнулся в лужу. – Караул!

– Мы тут, наверно, часа три бродим, не меньше, – предположил полуэльф. – Можно было и до границы с Нарроной дойти.

– Доползти! – сердито поправил тысячник, поднимая с земли вдрызг пьяного сильфского повелителя. – Генрих, стоять!

– Да что ж ты творишь, изверг! – долетело из-под ближайшего куста. – Ты нашего досточтимого барона уже третий раз на голову ставишь! – В кустах уютно устроился бородатый мужик, успешно деливший свое внимание между ведерной баклагой пива и шматком жареной оленины. Судя по зеленому камзолу и фазаньему перу на шляпе, лесник.

– Да? – озадачился Огвур, поспешно переворачивая Генриха наоборот. – Дружище, ты как?

– Бу-э! – исчерпывающе ответил де Грей.

Ланс воспитанно отвернулся, зажимая нос пальцами.

– Уважаемый, – довольно внятно обратился к леснику Марвин, – а вы случайно не в курсе, где тут находится одна полянка? Симпатичная такая, с дубом и березкой.

Лесник с интересом принялся и выразительным жестом в стиле «махнемся не глядя» предложил обменять свою баклагу на полбутылки эксклюзивной водки.

– Да туточки она, ваша полянка. – Он отвел в сторону ветки бузины. – Шаг шагнуть осталось...

Друзья послушно шагнули.

Подчиняясь приказу Марвина, магическая преграда, закрывающая полянку, лопнула с хрустальным звоном. Восхищенным взорам собутельников предстало нечто неопишное, эффектно подсвеченное скатывающимся к верхушкам деревьев солнцем.

– Мать моя женщина! – потрясенно выдохнул орк. – Что это?

Над поляной завис огромный черный шар. Свитая из веревок сеть, заброшенная поверх шара, крепилась к плетеной из ивняка корзине, вполне способной вместить четырех мужчин. Внушительную конструкцию удерживал тонкий шнурок, привязанный к вбитому в землю колышку.

– Грандиозно! – похвалил некроманта Ланс. – А почему черный? Голубой или белый смотрелся бы намного наряднее!

– Голуб... – аж поперхнулся архимаг, торопливо отпивая из баклаги, в которой оказалось не пиво, а крепчайший самогон-первач. – Ну знаешь ли, Лансанариэль, не все разделяют твои гм... нестандартные подходы к решению жизненно важных вопросов!

Посчитав услышанное комплиментом, красавец-полукровка расплылся в ослепительной улыбке.

– К тому же черный цвет способствует накоплению солнечного тепла! – увлеченно разглагольствовал некромант. – Следовательно, температура шара сохраняется намного дольше, как и его воздухоплавательные качества. Вес корзины тоже имеет огромное значение. У нее за днищ...

– Вот-вот, у вас все через задницу получается! – встрял в беседу Генрих, самый пьяный из всех. – Причем у кого-то буквально...

Орк сердито засопел.

– Хм, а сам шар я сшил из горгульих кишок! – торопливо известил Марвин, старясь сгладить возникшую напряженность в беседе. – Надо признать, отличная кожа! Мягкая, эластичная, безупречно черная. Советую ее тебе на штаны, Ланс, замечательно обтянет бедра и выигрышно подчеркнет ягодички!

– Вау! – заинтересовался кокетливый полукровка. – Надеюсь, у тебя остался подходящий лоскут?

– Подчеркнет его единственную извилину – между ягодички! – продолжал нарываться сильф, в пьяном виде всегда превращающийся в задиристого скандалиста.

– Помолчал бы ты лучше, моральный урод со светлой душой! – искренне посоветовал некромант.

– Фи, на такие откровенные глупости только дураки обижаются! – нарочито важно заявил полуэльф, задирая нос вверх.

– А мы не обидчивые! – с угрозой в голосе поддакнул орк. – Пока, до поры до времени...

– Я вычитал про этот летательный аппарат в древних книгах, – суетливо зачастил Марвин, – он называется монгольфьер. Принцип его устройства чрезвычайно прост. Наполненный теплым воздухом шар поднимается в небо и летит в любом направлении...

– Фигня! – недоверчиво перебил его явно напрашивающийся на хорошую взбучку барон. – Никуда эта штуковина не полетит... Ей – слабо!

– Полетит! – срывающимся от возмущения голосом заверещал изобретатель. – Обязательно полетит!

– Не-а! – упирался барон. – Не верю. Да этот твой шар из кишок вообще выглядит на редкость хлипкой штукой – и сразу же проломится под моим весом...

– А ты проверь! – запальчиво выкрикнул маг. – Спорим на щелбан?

– По рукам, – согласился де Грей.

Пошатываясь, он обошел вокруг корзины, зависшей невысоко над землей, и, обнаружив веревочную лесенку, привязанную к ее боку, забрался внутрь.

– Видишь, – торжествуя заорал Генрих, – сейчас твоя конструкция развалится на прутики. Он несколько раз тяжело подпрыгнул, всем своим немалым весом обрушиваясь на дно корзины. – Видишь...

И тут случилось непредвиденное. Не выдержав сотрясений монгольфьера, удерживающий его шнурок разболтался, ослабел и... отвязался от клинышка. Шар, вместе с потрясенно замершим в корзине сильфом, резво, будто вырвавшийся на свободу орел, взмыл в небо...

– Помогите! – с надрывом заголосил Марвин. – Генрих улетает! – Он подпрыгнул и вцепился в верхний край корзины. – Куда, мое, не отпущу! Я этот шар еще папе не показал...

Перед лицом Оггура мелькнули ноги некроманта, обутого в щегольские сапожки. Недолго думая, орк протянул руки, ловко обхватил мага за щиколотки и... легко оторвался от земли.

– Оггур, душа моя, куда же ты? – осиротело заблажил Ланс и в свою очередь ухватился за ботфорты милого друга.

А монгольфьер, с повисшей на нем цепочкой мужчин, продолжал подниматься к облакам...

– Вот так дела! – ввернул свою излюбленную фразу полукровка, ловко вскарабкиваясь

по спинам товарищей и переваливаясь через борт корзины. – Как там демоны пишат в рекламе своей водки? Воспари над миром, кажется?

– Уже воспарили, – подтвердил орк, присоединяясь к друзьям и прихватывая за шкуру пытающегося подтянуться некроманта. – И куда мы летим?

Марвин с удовольствием таращился на ровные квадратики полей и огородов, почти избавившиеся от снежного покрова и расстилающиеся далеко внизу.

– Не знаю!

– То есть как это не знаешь? – обалдел орк. – Ты серьезно?

Некромант виновато заулыбался:

– Я ведь планировал только визуальную презентацию монгольфьера, а не пробный полет на нем. Но по логике – теперь все зависит от силы и направления ветра...

– Который унесет нас гоблин знает куда! – выразительно закончил за него Огвур. – Так?

Маг растерянно пожал плечами:

– Ну теоретически – да! А что в этом плохого?

– Как это здорово, когда понимаешь, что там, где нас нет, тоже плохо, – насмешливо провозгласил Генрих, мирно сидевший на дне корзины и прихлебывающий из баклажки. – Такова жизнь!

– А ведь все из-за тебя началось, испытать шар на прочность – твоя инициатива, – плаксиво скривил губы полуэльф. – Марвин, немедленно верни нас обратно...

– Не могу, – хихикнул архимаг. – Вот когда шар остынет, мы опустимся вниз и сможем вернуться домой...

– Инициативный дурак – хуже вредителя! – осуждающе пробасил Огвур, намекая на необдуманный поступок сильфа.

– Да ну вас, – весело отмахнулся ничуть не расстраивающийся барон. – Какая разница, где отсыпаться? А здесь даже приятнее. – Он демонстративно завернулся в плащ. – Прохладно, и мухи не куса... – Его слова убедительно перешли в сонное посапывание.

– Мудро сказано, – усмехнулся Марвин. – А не последовать ли нам его примеру?

Друзья несколько минут увлеченно делили спальные места, пытаясь с максимально возможным комфортом разместиться в ограниченном пространстве корзины.

– А что случилось с Ульрикой и Эткином? Расскажите еще раз и поподробнее, – сонно попросил Марвин, смежая веки.

Взахлеб, перебивая друг друга, орк и полукровка вновь поведали странную историю, связанную с внезапным исчезновением принцессы и дракона.

– М-да, – задумчиво подытожил маг, – однако. Сердцем чую, произошло что-то нехорошее. Нужно им помочь...

– Значит, ты думаешь, что мы сможем это сделать? – обрадовался Ланс.

– Я не думаю – я знаю, – терпеливо поправил его Марвин.

– Ну что ты не думаешь – я знаю, а вот что знаешь – не думаю, – сыронизировал Огвур. Полуэльф тоненько хихикнул, как обычно благоговей перед умом и силой друга.

– Шутники гоблиновы! – скептически хмыкнул некромант. – Но раз уж вы умудрились проспать Ульрику, то можете спокойно спать дальше...

И через пару мгновений к смачному сопению Генриха присоединились еще три мелодии различной тональности: писклявое посвистывание гайморитного мага, сладкое причмокивание прекрасного полукровка и оглушающие раскаты орочьего храпа.

А подхваченный ветром шар взял курс на север, все набирая и набирая скорость...

Великий Саймонариэль устало вздохнул, закрыл магический фолиант и похрустел пальцами, ощутимо побаливающими после совершения многочисленных колдовских пассов. Кажется, он нашел возможность спасти Сумасшедшую принцессу...

Стена зеленоватой морской воды вздымалась до самого неба. «Маргота» угрожающе

заваливалась набок, совершая последний круг своего ужасного предсмертного пути. Я разрывалась между желанием зажмуриться, чтобы не видеть ожидающего нас кошмара, и любопытством, заставлявшим меня держать глаза широко открытыми – так, словно между них вставили деревянные распорки.

– Лей! – громко закричал Маллер. – Ра-а-аз!

Подчиняясь приказу капитана, пираты подхватили тяжеленные бочки с гуаранаковым маслом и выплеснули его за борт. Омерзительно пахнущая коричневая жидкость, густая и плотная, мгновенно растеклась по воде, сковывая волны и смиряя их безумный бег. Море замерло, будто не желая верить в учиненное над ним насилие.

– Нос по ветру! – скомандовал де Вакс.

Натужно закряхтевший вахтенный резко вывернул штурвал...

Водная стихия, до всей глубины своей черной души возмущенная сопротивлением маслянистой пленки, лишившей ее привычной мощи и разнузданности, вдруг вспучилась валом, поднимая каравеллу выше стен смертоносного водоворота, а потом взорвалась бурным выплеском, вышвырнувшем наш корабль из сердцевины «глаза тайфуна». «Маргота» птичкой выпорхнула из воронки и гордо заскользила по успокоившейся морской поверхности, чуть подернутой волнистой рябью. Водоворот за нашими спинами бессильно захлопнулся, оставшись без вожаемой добычи. Мы были спасены!

– Слава нашему капитану! – дружно скандировали пираты. – Виват Маллеру Справедливому!

Я чмокнула де Вакса в щеку:

– Я о подобных подвигах лишь в балладах слышала!

– Да ладно тебе, – смущенно потупился капитан, – ничего особенного! Трюк с маслом или китовым жиром давно известен всем опытным мореходам. Осмелюсь предположить, что остаток пути до Диких земель станет спокойным, и мы...

Маллер не успел договорить. Его слова прервал громкий звук удара, шедший откуда-то из-под кил³¹ корабля. Каравелла содрогнулась всем корпусом.

– Какого еще демона? – удивился Маллер. – Что это?

Мореходы истошно заорали, потому что из воды по обе стороны корабля неожиданно поднялись две огромные зубастые морды, размерами превосходящие судовой кубрик и переходящие в бесконечно длинные шеи. Плоть тварей покрывала радужно переливающаяся чешуя, а с головы каждого спускался зубчатый, агрессивно встопорщенный гребень. Первое чудовище распахнуло пасть и издало пронзительное шипение, а второе выдернуло из воды остроконечный хвост и с размаху обрушило его на палубу каравеллы. Доски настила затрещали...

– Это пара морских змеев, самец и самка! – закричал Маллер, хватая гарпун. – Я думал, подобные гады уже все вымерли. В любом случае зиму и весну они должны проводить в спячке, затаившись на дне. Кто или что разбудило их столь рано?

Я молчала, не находя ответа. Но, случайно подняв глаза к небу, я внезапно различила на одном из облаков слабые, почти незаметные очертания злорадно смеющегося женского лица, обрамленного развевающимися черными волосами...

Глава 5

«Возможно, мне просто померещилось! Вроде облако как облако, и ничего странного в нем нет... – успела подумать я, отработанным до автоматизма жестом выхватывая из ножен Нурилон и становясь рядом с Маллером. Но внутренний голос подсказывал – я не ошиблась. Я на самом деле увидела в небе Ринецею, без сомнения и насылающую на нас все эти неприятности, преследующие «Марготу» с того самого мгновения, как моя сумасбродная

³¹ К и л ь – основная продольная балка на дне судна, идущая от носа к корме.

персона появилась на ее борту. А чего еще стоило ожидать, если я вошла в ее кубрик даже не с левой ноги, а куда более экстравагантным способом? – Нет, друг Маллер, ты винил себя зря. Уж не знаю, какие такие скверные грешки водятся у тебя за душой, но навлек на нас проклятие, скорее всего, не ты. И почему-то мнится мне – судьба гоняется отнюдь не за тобой...»

Палубу каравеллы заметно покачивало, поэтому мне приходилось прилагать значительные усилия для того, чтобы сохранить равновесие и не упасть. Змеи неистовствовали вовсю, молотя по палубе своими гибкими хвостами и пытаясь сломать мачты «Марготы», к счастью сделанные из добротной, хорошо просмоленной сосны, а посему пока успешно сопротивляющиеся натиску тварей. Но змеи не отступались. Отчаявшись попортить бортовую обшивку, они переключили свое внимание на людей... Первое чудовище, не столь крупное, как второе, но отличавшееся завидной наглостью и визгливостью, видимо, являлось самкой. Ощерив зубастую пасть, змеиха попробовала поймать пухлого кока, в текущий момент неосторожно выглянувшего из камбуза. Но корабельный повар оказался далеко не таким беспомощным увальнем, каким показался мне на первый взгляд. Обладавший солидным животиком и огненно-рыжей шевелюрой, лихо повязанной синим платком, парень витиевато ругнулся с отчетливо выраженным нарронским акцентом, поднял ногу, обутую в поношенный сапог, и отвесил твари увесистого пинка, пришедшегося ей прямо в глаз. Следует признать, что подобной прыти от скромняги кока, замечательную стряпню которого я уже успела оценить по достоинству, не ожидал никто. Окованный железом носок тяжелого сапога угодил точнехонько в вертикально вытянутый зрачок морского чудовища. Змеиха истошно завизжала... Ее выпуклое глазное яблоко, напоминающее сапфировый кабошон³², если, конечно, в природе встречаются драгоценные камни размером с кулак взрослого мужчины, лопнуло, обдав палубу струей смешанной с лимфой, отвратительно пахнущей мутной жижи. Тварь отдернула голову, жалобно подвывая. Кок, сам жутко напуганный проявленным героизмом, юркнул обратно в камбуз, звучно щелкнув дверной задвижкой. Пираты ликующе заулюлюкали. Но радовались мы преждевременно...

Окривевшая на левый глаз самка билась в воде, очевидно испытывая еще большую боль от разъедающей рану соли. Ее огромное тело перекатывалось с боку на бок, периодически являя нам белесый, покрытый мелкими чешуйками живот. И тут, как на беду, нашего боцмана внезапно осенило.

– Целься сюда, – указал он пальцем на самое уязвимое место змеихи, – ее нужно прикончить. Видишь, какой плотный покров защищает их спины? А на пузе он заметно тоньше, ты запросто пробьешь его гарпуном!

– Не стоит этого делать, – поспешно опротестовала я опасный совет Мамуки. – Раненая, она станет еще свирепее...

Но де Вакс меня не послушался. Его лицо побагровело от усилия, правая рука плавно пошла назад, поигрывая перекатывающимися под кожей тугими буграми мускулов и придавая гарпуну нужное ускорение. Зазубренное острие пронзительно вжикнуло в воздухе, пронеслось мимо меня и полностью погрузилось в плоть твари. От дикого вопля чудовища у нас заложило уши. Смертельно раненная змеиха трепыхалась и рычала так, словно пыталась удержать свою жизнь, стремительно вытекающую из пробитого стальным лезвием живота. Поднятые ею волны заливали палубу, промочив нас до нитки. Самец метнулся к подруге, намереваясь помочь ей удержаться на плаву. Но уцелевший глаз твари уже подернулся мутной пеленой, неумолимо свидетельствуя о наступившей агонии. Она цеплялась за жизнь еще пару минут, недоуменная и не понимающая – как это какой-то насаженный на древко кусок железа вдруг сумел так быстро лишить ее привычной силы и возможности нападать на

³² К а б о ш о н – особая форма выпуклой полусферы, придаваемая драгоценным камням при огранке и шлифовке.

столь крохотных и обманчиво беззащитных врагов. А затем хвост змеихи вяло обвис, и она начала медленно проваливаться в толщу воды, погружаясь на морское дно. Змей последовал за подругой...

– Уф! – Вопревший от волнения Алимас шумно перевел дух, снял с головы платок и обтер свое поблескивающее от пота лицо. – А я-то уж подумал, что нам конец. Ну и здоровенная же нам попалась змеюка, сто морских демонов ей в глотку! А как наш капитан ее с одного удара уделал... Похоже, самец испугался и уже не вернет...

Его восторженный монолог прервал мощный всплеск. Змей, одним невероятным прыжком взвившийся из воды, с размаху обрушился на каравеллу, ломая мачты и срывая паруса. Пираты бросились врассыпную.

– Он не уйдет, – сквозь зубы процедил Маллер, вооружаясь отличной саблей. – Кажется, морские змеи принадлежат к числу тех преданных существ, кто выбирает себе пару всего лишь раз в жизни... – Он уважительно хмыкнул. – Раз и навсегда! Самец станет мстить, уже не заботясь о собственном выживании!

– Это я во всем виновата! – кричала я, мучаясь от страшного чувства вины.

– Да брось ты, – небрежно отмахнулся капитан, – все равно они бы от нас не отступились!

– Да я не об этом – я говорю о проклятии. Оно направлено на меня!

– На тебя? – не поверил де Вакс. – Глупости! Однажды в Рохоссе я послужил причиной крупных неприятностей, выпавших на долю темнокожего воина, и... – И тут клыки змея чуть не оттяпали пирату руку. Маллер грязно выбранился и ловко парировал выпад змеиной морды, лязгнув клинком о его непробиваемую чешую. Нам сразу же стало не до разговоров.

Стремительностью движений змей намного превосходил нас с пиратом. Он наносил молниеносные удары головой, успев проломить дощатую стенку кубрика и отбросить за борт стоящего у штурвала рулевого. Оставшееся без управления судно мотало из стороны в сторону, грозя развернуть боком к ветру. По мокрой палубе перекатывались какие-то мелкие предметы, постоянно попадавшие нам под ноги. Один раз над моей макушкой угрожающе просвистел сорвавшийся с места гитов³³, срезав прядь волос и чуть не снес мне полголовы. Такое не могло привидеться даже в самом кошмарном сне. Я перепрыгнула через бочонок, почти врезавшийся мне в голень, уклонилась от развязавшегося, хлопающего над нами паруса и наотмашь рубанула мерзкую тварь, пытаясь попасть точно в место сочленения его громоздкой головы и скользкого туловища. Змей дернулся и ответил хлестким ударом хвоста, на его плоти выступила тонкая полоска крови. Я едва успела отскочить, гортанным криком приказывая пиратам отступить и не мешать мне. Но де Вакс не послушался меня вторично. Почему-то решив, что одна я не справлюсь, он отчаянно рванулся вперед, подставляясь под атаку чудовища.

– Куда, – предостерегающе заорала я, срывая голос. – Твоя сабля слишком коротка для подобного боя, не подходи к нему близко! – Но мое предупреждение запоздало.

Я увидела блеск белоснежных клыков змея, миг окрасившихся алым... Клинок Маллера отлетел в сторону, похоронно тренькнув. Я горестно вскрикнула... На животе пирата, казалось лишь мимолетно, вскользь задетого змеиной пастью, открылась огромная, рваная рана. Ликериец пошатнулся, руками стараясь зажать пульсирующий провал, из которого уже начали вываливаться внутренности. Но кровь продолжала струиться между его пальцами, пузырясь и стекая на палубу. Я глянула в расширенные от шока глаза друга и содрогнулась: пират улыбался. Причем так, как улыбаются лишь те, кто уже воочию узрел заснеженные Поля мертвых, полные блуждающих, неприкаянных душ...

– Ульрика... – тихонько позвал Маллер, но змей ухватил его за плечо и увлек за собой, в морскую пучину.

– Нет! – Я подбежала к борту и грузно прыгнула за ними следом, не выпуская из рук

³³ Г и т о в – снасть для уборки парусов подтягиванием их к мачте или рею.

Нурилона. – Нет, Маллер...

Вода сомкнулась над нашими головами.

Я вошла в воду неловко – плашмя, больно ударившись животом и поэтому на какую-то пару секунд абсолютно утрачивая способность ориентироваться в пространстве. Забыв, где я нахожусь, я вскрикнула от неожиданности, и мой рот тотчас наполнился солоновато-горькой жидкостью. А затем вокруг моего тела обернулись холодные кольца змеиной плоти, сдавливая легкие и мешая дышать. Змей нырнул и начал погружаться все глубже, видимо не намереваясь расставаться со своими ценными трофеями. Перед моими глазами промелькнуло поросшее ракушками днище «Марготы», давно нуждающееся в кренговании³⁴. Интенсивно дергая плечами и пиная тварь коленками, я умудрилась высвободить левую руку, изогнулась и вытащила из-за голенища длинный тонкий стилет. В ушах разливался звон, зрение меркло, в слюне чувствовался медный привкус крови. Еще немного – и я потеряю сознание от недостатка кислорода... Постаравшись вложить в замахи все свое отчаяние и не желая умирать столь бесславно, я вонзила кинжал в брюхо твари, пробив чешую и погрузив лезвие до самой рукояти. Змей вздрогнул и ослабил захват, позволяя выскользнуть из своих мерзких объятий. Кровь вытекала из полученной им глубокой раны, окружив меня туманным мутным облаком. Чудовище резко изменило направление движения, устремившись обратно к поверхности. Я едва успела схватиться за кончик его хвоста, снабженного толстым наростом, напоминающим «погремушки», украшающие хвосты канагерийских кобр. Я вынырнула на поверхность, кашляя и отфыркиваясь. К своему огромному облегчению, я заметила Маллера, будто тряпка, безвольно болтающегося в пасти у чудовища. Я сомневалась – жив ли он еще, но при любом раскладе не намеревалась бросать отважного пирата. На довольно приличной скорости змей устремился прочь от корабля, не выпуская из зубов ликерийца и таща за собой меня, судорожно вцепившуюся ему в хвост.

Я понимала – времени у меня в обрез. Либо рассвирепевшее от раны чудовище затащит нас в гоблиновы дали, либо, что, вероятно, произойдет намного быстрее, мои пальцы, и так уже почти утратившие чувствительность в холодной воде, разожмутся – и я утону сама. А кроме того, я была готова отдать все на свете – только бы капитан «Марготы» не превратился в обед для этого отвратительного змея. Право же, человек, не зря получивший прозвище Справедливый, достоин хотя бы нормальных похорон. А потому я решила действовать незамедлительно, придумав совершенно безумный план.

Нурилон все еще оставался у меня в руке. Я рывком перехватила его за лезвие, чуть не отрезав себе пальцы, и как смогла глубоко всадила в плоть твари. Чудовище возмущенно забилось, ощутив повторный укус острой стали. Змей постепенно слабел, истекая кровью от первой раны, но до сих пор оставался очень опасным противником. Ухватившись за меч, я подтянулась, очутившись у твари на спине. Чудовище крутилось в воде, пытаясь сбросить дерзкого седока, причиняющего ему столько страданий. Но, пользуясь дарованной мне от рождения нечеловеческой силой, я буквально вбила в его бока граненые, окованные железом каблуки своих сапог, с трудом вытащила клинок и ударила вновь, передвигаясь дальше.

Это оказался самый трудный путь в моей жизни, по сравнению с которым даже подъем на Ранмир выглядел теперь безобидной развлекательной прогулочкой. Едкий пот заливал глаза, тут же смешиваясь с соленой морской водой и кровью змея. Руки тряслись и отказывались слушаться, щиколотки сводило от судороги. Чудовище металось и свивалось в кольца, то всплывая на поверхность, то вновь уходя на глубину. Но, похоже, полученные ранения сильно убавили возможности твари, не позволяя ей залечь на дно. Плащ мокрой тряпкой облепил мою спину, сковывая сильнее, чем кандалы. Но все-таки я смогла! Не знаю, сколь долго на самом деле длился наш поединок, в конце которого змей совсем выдохся и

³⁴ К р е н г о в а н и е – очистка днища корабля.

почти не сопротивлялся, но мне он показался бесконечным. Однако все имеет свои пределы, и вот мой клинок вошел ему ровнехонько под основание черепа, пробив мозг. Челюсти змея разжались, выпуская неподвижное мужское тело. Я соскользнула с шеи чудовища, медленно оседающего вниз, и подхватила Маллера. Слава богам, он оказался еще жив! Я нашла слабо уловимую ниточку пульса, едва прощупывающуюся у него на шее. Страшная рана на животе пирата потемнела и почти перестала кровоточить. Плотная морская стихия несла нас, будто подушка. Я завернула Маллера в свой плащ, стараясь держать его голову выше уровня воды. Я растирала ему виски и дышала изо рта в рот, пытаюсь поделиться своим теплом и жизнью. И когда я уже совсем отчаялась, его веки вдруг дрогнули:

– Туда... – Пират скосил глаза, указывая нужное направление. – Берег Диких земель там!

– Откуда ты знаешь? – У меня не осталось сил для удивления.

– Знаю. – Слабая улыбка изогнула мертвенно-бледные губы раненого. – Я никогда не путаюсь в направлениях. В детстве у нас дома шутили, что я, наверно, проглотил корабельный буссоль³⁵.

– Это хорошо – значит, мы выплывем.

Я тоже находилась далеко не в лучшей форме, но водонепроницаемый плащ, видимо, кроме ворвани, некогда пропитали еще и магией, потому что он неплохо держался на поверхности, помогая буксировать укутанного в него пирата.

– Мы выплывем, – повторно пообещала я, стремясь убедить в этом сомнительном утверждении скорее саму себя, чем Маллера.

– Бросила бы ты меня, – совершенно всерьез посоветовал де Вакс. – Не обманывайся на мой счет. Я – умираю!

– Еще чего! – возмущенно фыркнула я. – Не дождешься...

– Сумасшедшая! – ласково пожурил пират, и, как обычно, сие давно надоевшее мне словечко прозвучало в его устах нежнее самого изысканного комплимента.

Я раздраженно хмыкнула:

– Ну-ну...

– Что с «Марготой»? – после недолгого молчания спросил капитан. – Надеюсь, она не пострадала?

– Твоими молитвами, – огрызнулась я. – Ты, считай, отвел змея от судна ценой своей жизни. И кто из нас после этого не дружит с головой?

Пират храбрился, силясь доказать, будто ему не так уж плохо, но периодически впадал в забытие, а затем вновь из него выныривал, цепляясь за жизнь с невероятным упорством. Когда-то я слышала, что у пиратов, как и у кошек, имеется семь жизней вместо одной. Похоже, это оказалось правдой.

Наверно, мы плыли уже несколько часов, потому что небо над нами почернело, наливаясь свинцовой предгрозовой темнотой. Ночь принесла с собой проливной дождь, сравнявший границу воды и воздуха. Оглушительно грохотал гром, а сиреневые молнии ударяли в штормовое море, порываясь dokonать нашу упрямую парочку, упорно не желавшую сдаться на милость смерти. Я окончательно пала духом, откровенно завидуя не приходящему в сознание пирату. Его лихорадило – видимо, началось обширное воспаление. Меня радовало лишь то, что Маллер умрет безболезненно, не осознавая происходящего. А я... Наверно, лучшим вариантом в подобной ситуации для меня станет осознанное прекращение бестолкового и судорожного махания руками да тихая отправка на дно. И я совсем уже собиралась поддаться отчаянию, как внезапно почувствовала резкие толчки у себя в животе. Это мой сын пытался привести меня в чувство, доказывая свое право остаться в этом мире, еще до рождения настроенном к нему столь враждебно. И мне тут же стало

³⁵ Б у с с о л ь – прибор, служащий для измерения азимута – угла между плоскостной точкой наблюдения и вертикалью небесного светила (солнца или луны).

стыдно. Не к лицу воину, дававшему обет следовать по пути чести, погибать так трусливо, если у него еще осталась последняя капля мужества и терпения. Я обязана бороться до конца – уж если не ради себя самой, то ради своего невинного ребенка. Я подняла глаза к непроницаемо темному небу, жадно глотая изливающиеся с него потоки пресной воды.

– Боги, где же вы? – отчаянно закричала я. – Я взываю к вашей справедливости и прошу помощи!

Но ответом мне послужили только злобные грозовые раскаты.

– Демиурги, где же вы? – еще жалобнее вскричала я. – Не хотите проявить человечность?

Но гроза ярилась пуще прежнего.

И тогда я решилась.

– Астор! – взмолилась я. – Помоги же нам, любимый! Мне и твоему сыну...

– Я здесь! – откликнулся кто-то. – Я с тобой!

Возможно, пребывая почти в бреду, я посчитала за эти слова особенно громкий всплеск волн или протяжное завывание ветра. Возможно, это дождевые капли, убаюкивающе шелестящие по поверхности моря, обманули мой слух, напомнив звуки поцелуев. Возможно, я приняла желаемое за действительное...

– Где ты? – Мой всхлип захлестнула высокая волна. – Ты ли это?

– Я здесь, милая! – ответил неясный голос. – Я помогу! Спой новую песню, прошу тебя...

– Петь? – растерялась я. – Здесь, сейчас? Но...

– Пой, принцесса! – умоляюще шепнул Маллер. – Старые мореходы рассказывали мне сказки о древних богах четырех стихий, живущих в языках пламени, струях дождя, порывах бури и морском прибое. А вдруг именно они услышали твой призыв и пришли к нам на помощь?

– Но о чем я должна петь? – продолжала отнекиваться я, испытывая какой-то мистический ужас.

– Пой! – повторно приказал пират. – Пой о том, чего жаждет твое сердце.

Я невольно вздрогнула. Воспоминания, возвращаться к которым я запретила себе еще несколько месяцев назад, внезапно возродились в моей душе, причиняя настолько жгучую боль, что она огненной спиралью обвила нервы, пробуждая муки совести и горечь утраты. Умереть от горя нельзя, хоть иногда нам и хочется этого с немыслимой силой. Иногда нам хочется умереть от безысходности и одиночества, и тогда мы верим в то, что подобная смерть возможна. На самом деле сердце неспособно разорваться от терзаний души, хотя иногда грудь болит так, словно оно все же разорвалось. Наше горе значительно ослабевает со временем, но никогда не проходит полностью и не исчезает бесследно. Оно остается с нами навсегда – как скорбная ноша, как клеймо на коже, как напоминание о совершенных ошибках. Горе бодрствует даже ночью, срывая лживую маску лицемерия и самообмана с твоего перекошенного от страдания лица, а потом неизбежно приходит следующий день, когда ты улыбаешься как ни в чем не бывало и чувствуешь себя предательницей. Как я могу быть счастлива? Как осмеливаюсь я радоваться этому миру – ведь в нем уже нет моего возлюбленного? Должна ли я смириться с тем, что потеряла его навечно? Наверно, должна... И тогда ты плачешь опять, во сто крат сильнее, ибо понимаешь: перестать горевать и просто смириться – намного хуже. Потому что перестать горевать – это потерять его еще раз! Потерять и уже не найти никогда...

Море, ветер и гроза притихли, ожидая песни моего сердца. И тогда я запела, разрывая свои растрескавшиеся, изъеденные солью губы:

Ты падал ярко, как комета...
Судьба досталась нам не та.
Я не нашла в себе ответа —

К чему вся эта суета?

Когда встает над морем солнце?
Зачем пути не рвется нить?
Ведь сердца темное оконце
Ничто не в силах осветить.

А дождь уже не пахнет мятой,
Ручей зубов не холодит,
И жизнь разлучницей проклятой
С презреньем на меня глядит.

Немеют от мозолей ноги...
Сквозь пыль заброшенных дорог
Взирают скорбно с неба – боги,
Чей приговор к виновным строг:

«Безумцы, вы не оценили
Любви, что вам была дана!
Вы счастье где-то обронили —
Вот в чем наивности вина!

Все искупления жестоки...
И станут вас гнесты грехи,
Пока любви заветной сроки
Не вложит кто-нибудь в стихи.

Учитесь боль терпеть без стога!
И лишь тогда, возможно, вновь,
Наперекор разлук закону,
Придет к вам новая любовь!»

– О да, любовь придет! – очарованно вздохнул кто-то невидимый и недостижимый. – Если мы докажем, что достойны ее возвращения...

А затем на морской глади образовалась огромная волна, которая мягко подхватила нас с Маллером, подняла, понесла и выбросила на пустынный, каменистый берег Диких земель...

– Где я? – тяжело застонал Генрих, тщетно борясь с омерзительным рвотным позывом. Во рту присутствовал застоявшийся привкус желчи и вчерашней водки. Корзину монгольфьера ощутимо потряхивало. – Мы куда-то плывем? Остановите лодку, я сойду, меня укачало...

– Летим! – тактично поправил его Марвин, брезгливо пригнувшись, морщась и ощупывая свой затылок, ноющий так невыносимо, будто по нему кувалдой шарахнули.

– Ого, так мы еще и летать умеем? – удивленно кряхтел барон, недовольно разглядывая свой обрыганный камзол. – Так что, реклама водки не врала? – Он поднес к носу кружевной волан, обрамляющий его воротник: – Фу!

– Ты научил нас летать? – ахнул Ланс, вскакивая на ноги, покачиваясь и порываясь куда-то бежать. Но Огвур своевременно поймал красавца за коленку, заставляя усесться обратно. – А-а-а-а! – испуганно заскулил полуэльф. – Спаси нас, Аола, это что – волшебство такое?

– Глупость это и дурость! – холодно отчеканил маг, массируя какие-то акупунктурные

точки у себя на ладони и пытаюсь хоть немного облегчить жуткую головную боль. – Апчхи! – Похоже, для гайморита погода сегодня выдалась нелетная.

– Надо же, как самокритично! – саркастично хмыкнул тысячник. – Не ожидал от тебя подобного подвига, некромант. Растешь прямо на глазах. Горжусь и завидую...

– Огвур, ты ему льстишь! – Полукровка приставил ладонь ко лбу Марвина и провел ею несправедливо кривую линию в воздухе в направлении себя самого. – Он, как и раньше, мне до уха!

– Акселерацией это называется, Ланс, – раскатисто хохотнул орк. – Что нашим отцам доставало до пояса, то нам только до...

Некромант, ничуть не уступавший полуэльфу ни красотой, ни ростом, презрительно оттопырил нижнюю губу:

– Вообще-то я имел в виду Генриха и его дохлую идею испытать шар на прочность!

– А вот не надо ля-ля, – хамски отбрил сильф. – Я почти ничего не помню, а посему – не позволю себя иметь ни практически, ни теоретически.

– Да вы поглядите-ка на этого нахала, – от всей души вознегодовал Ланс. – Сначала упился до беспамятства, а теперь доказывает нам, что с него и взятки гладки!

– Вот именно. – Де Грей с треском оторвал от рубашки вонючий воротник. – Именно!

– А еще говорят, будто алкоголь в малых дозах безопасен в любом количестве! – иронично подмигнул некромант. – Выходит, не так...

– Видел я когда-то, как в кустах сильфа били, – мрачно отчеканил Огвур, – жаль было очень... что не я!

– Ладно, ладно, – примиряюще поднял ладонь Генрих, смутившийся от солидарного натиска друзей. – Вот гоблины, я же хотел как лучше – прием, праздник, то да се... Но, видимо, перестарался – виноват, каюсь! Мне тоже жаль, что все получилось столь неудачно. Но я полагаю – Марвин придумает новый фокус, и мы как-нибудь да выпутаемся...

– Между словами «жалеть» и «полагать» такая же огромная разница, как между словами «хоронить» и «лечить»... – многозначительно бросил орк, засучивая рукава. – А я лечить не обучен...

Атмосфера в корзине монгольфьера накалилась до предела. Сами того не ведая, путешественники разыгрывали классическую сцену похмелья, со всеми ее непредсказуемыми переходами от обиды к прощению и от драки к примирению. Ибо если вам сегодня плохо, то это значит, что вчера было слишком хорошо...

– Марвин, – нервно пискнул полукровка, – ну сделай же что-нибудь. Скажи им, что здесь даже драться – и то негде!

– Генрих, – задумчиво протянул некромант, сконфуженно вытирая нос, на кончике которого повисла крупная зеленоватая капля, – ты бы это... – На него немедленно уставились три пары выжидающе вытаращенных глаз. – Выбросил за борт свой воротник, что ли? А то смердит от него дюже, у меня аж глаза слезятся!

Огвур недоуменно глянул на грязный лоскут, болтающийся в пальцах статуей замершего Генриха, не выдержал и громко заржал. Следом за ним звонко рассмеялся Ланс. Барон натянуто улыбнулся, помянул гоблинов, встал и...

– ...! – эмоционально, но исчерпывающе лаконично сказал де Грей, обеими руками вцепившийся в край корзины и шокированно таращившийся вниз. – Это неопишимо!

Подхваченный ветром обрывок кружева уплывал вдаль.

– А может, стоит попробовать? – предложил полуэльф, переминаясь с ноги на ногу и держась за ширинку. – Уж очень хочется...

– Дурень пустоголовый! – мстительно охарактеризовал красавца некромант. – Барон выразился фигурально!

– Марвин, делай что угодно, но только верни нас домой! – ультимативно потребовал сильф. – Или я сейчас из тебя самого шарик надую!

Заинтригованные угрозами сильфа друзья согласованно свесились за борт, вспомнив часто употребляемую фразу: «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать». И оказалось,

что посмотреть действительно есть на что! Ну или, наоборот, не на что – это уж на чей вкус полагаясь...

Монгольфьер значительно снизился и теперь летел совсем невысоко над землей, вяло подрагивая стенками шара, утратившими свою изначальную безупречно округлую форму. В настоящий момент его остывшая и обвисшая конструкция здорово напоминала полупустой бурдюк, быстро утрачивающий скудные остатки теплого воздуха. Но внимание путешественников привлекло отнюдь не это жалкое зрелище. Приоткрыв рты от изумления, они взирали на открывающуюся их взглядам картину.

Повсюду, насколько хватало взора, расстилалась унылая бескрайняя равнина, покрытая низкорослым кустарником да пятнами невзрачного мха, проглядывающего из-под остатков снега. Кое-где на прогалинах мелькали робкие зеленые травинки и скромные голубенькие цветочки. Очевидно, сей безлюдный край пока еще не очень-то торопился приветствовать уже наступившую весну, предпочитая смирно почивать под уютным зимним покрывалом. Окружающий ландшафт поражал мрачным однообразием, и лишь где-то вдаль, у самой линии видимого горизонта, остроглазому орку удалось различить очертания невысоких гор или холмов.

– Ничего не понимаю! – недоуменно мотнул серебристой гривой Ланс. – А где города, реки, поля, села? Куда это нас занесло?

– В Дикие земли! – поспешил «утешить» его некромант, гнусавя и шмыгая. – М-да-а-а, не повезло нам, однако...

– Так далеко? Лилуилла меня убьет! – схватился за голову Генрих.

– Да уж, этот слабый пол... – согласно хмыкнул Марвин, – а выматывает он нас неслабо!

Огвур с Лансом понимающе переглянулись и иронично захохотали.

– Это вы про Лилуиллу с Лепрой? – все еще подхихикивая, уточнил полукровка. – Не-э-э, мужики, с бабами связываться – себе дороже. А ваши жены в этом смысле друг друга стоят...

– Ну разве вы сами не видите, что прекрасная повелительница Силя – еще та кобра, – ухмыльнулся орк. – Один раз укусит – и все, прощай родное село!

– А Лепра и вообще старшая по серпентарию! – поддержал друга полуэльф.

Генрих и Марвин обиженно набычились, демонстративно не желая признавать, сколь весомую долю истины содержат подколлки их оппонентов, но в глубине души во многом с ними соглашаясь.

– Плюнь ты на этих болтунов, дружище! – Маг успокаивающе положил руку на плечо вспыльчивого сильфа, заметив, как непроизвольно сжались его смуглые кулаки, а крылья точеного носа гневно затрепетали. – Искусство слыть мудрым в первую очередь состоит из умения точно знать, на что в этой жизни не стоит обращать внимания...

– На баб! – хором закричали Огвур с Лансом.

– А на Улькику? – язвительно спросил Марвин.

– Улькика – не баба! – важно заявил орк. – Да я за нее – любому глотку перегрызу.

– И я! – тотчас подвякнул Лансанаризель.

– Ох и дураки же мы, ох и лентяи! – вдруг, словно прозрев и вспомнив что-то важное, покаянно выдал де Грей. – Она ведь сейчас неизвестно где находится и, наверно, попала в новую, еще более опасную историю, а мы, вместо того чтобы ее спасти, чем занимаемся...

– Чем? – не понял Ланс.

– Пьем, ссоримся, на шаре летаем! – уничтожительно закончил барон. – Лентяи мы, ничего хорошего не делаем...

– Позволь мне с тобой не согласиться, – вежливо вмешался некромант. – Человек, который ничего не делает, – и вправду лентяй. Но тот, кто ничего не делает с умным видом, – банальный дурак...

– Ты на кого это намекаешь, погонщик трупов? – с угрозой в голосе спросил орк,

хватая мага за грудки. – На нас, что ли?

– А типа вы – умные? – ненатурально удивился некромант. – Да-а-а?

– Конечно! – важно провозгласил полукровка. – Разве не видно?

– Хм, – критично усмехнулся Марвин. – А вот если бы тебе дали два мешка – первый с умом, а второй с золотом – и разрешили выбрать лишь один, то какой бы ты себе взял?

– С умом! – важно заявил полукровка, считая, что выбрал правильно.

– Ну кому чего не хватает! – издевательски скривил губы некромант.

– Ах ты, обманщик! – Ланс с визгом вцепился ему в волосы.

Генрих попытался остановить полуэльфа, но корзину снова тряхнуло, и, вместо того чтобы удержать красавца за плечо, барон непреднамеренно и весьма ощутимо заехал тому кулаком в нос. Лансанариэль заскулил от боли. Огвур взревел матерым медведем и набросился на де Грея. Некромант бестолково махал руками, пытаясь разнять драчунов и недоумевая – куда подевалась их былая дружба, еще полчаса назад столь крепко связывавшая всю четверку? Впрочем, помнится, ему доводилось читать в какой-то умной книге, что любая экстремальная ситуация всегда провоцирует развитие дразг и конфликтов. А еще хуже людям становится тогда, когда они вынуждены бездейственно мириться с той ситуацией, в которую попали не специально, безучастно созерцая лихие завихрения судьбы, охватывающие их самих и тех, кто им дорог. Бессилие злит. Бессилие, помноженное на алкогольный синдром, приводит в бешенство. Не потому ли пьяный, разочаровавшийся в себе и своей жизни человек страшнее и кровожаднее любого хищника? Все мы склонны искать причину собственных промахов и несчастий в ком-то другом, трепетно оберегая собственное самолюбие. А алкоголь, как ничто иное, пробуждает спящие в нас недостатки и комплексы, сдергивая шоры наносной цивилизованности с исконных природных инстинктов: себялюбия, эгоизма, стремления к доминированию. Человек остается человеком лишь до тех пор, пока способен контролировать свои желания и держать в узде низменные потребности.

Умный Марвин помнил и кое о чем другом. Закон просьбы – страшная штука, сильнее всего бьющая по самому просителю. Если ничего у жизни не просишь, то ничего и не получаешь. А если ты просишь у будущего непонятно что, то, следовательно, и получаешь нечто расплывчатое да неопределенное. Ведь любая просьба всегда притягивает соответствующую реальность. Огвур и Ланс хотели помочь Ульрике, но не знали точно, что для этого следует предпринять. А Генрих гонялся за принцессой, как за луной, непонятной и недостижимой. Проказница-судьба подшутила над ними всеми, скорее всего не просто так забросив их в Дикие земли, но – не дав ни единой вразумительной подсказки. И все-таки...

– Остановитесь, безумцы! – Рассерженный голос громыхнул из небесной тишины настолько неожиданно, что путники мгновенно прекратили драку и рухнули на дно корзины, стремясь укрыться от новой опасности. – Нашли, называется, самое подходящее время для свар!

– Саймон! – радостно завопил некромант, своим магическим оком дракона узрев полупрозрачную фигуру архимага, свободно парящую над шаром. – Ты ли это?

– Не-а, не я, – сухо откликнулся магистр. – А всего лишь мой образ, навеянный чарами.

– Спаситель ты наш, – просиял Ланс, – прошу тебя, верни нас поскорее домой.

– И не подумаю, дружок, – преувеличенно ласково улыбнулся Саймон. – Вы считаете, я просто так заклятия сплетал, затаскивал вас в эту гоблинову летучую корзину и направлял ветер в нужную мне сторону?

– Э? – обалдел орк. – Почему?

– Зачем? – насупился полуэльф.

– Вы нужны мне здесь, – доверительно сообщил архимаг. – Хочу предложить вам одно необременительное дельце.

– Ой, нет, чур, без меня! – возмущенно замахал руками полукровка. – Знаю я, чем это все закончится: меня опять начнут заставлять на ком-нибудь жениться!

– Ну если не хочешь жениться, то могу выдать тебя замуж. – Саймон с довольным

видом пригладил свою ухоженную бородку. – Хотя ваша задача состоит не в этом. Нужно помочь Ульрике...

– Принцессе? – встрепнулся некромант. – Где она?

– Что с ней? – взволнованно спросил Генрих.

– Опять, поди, тяжести таскает, – уверенно рыкнул Огвур. – Знаю я ее. Да она так и норовит промочить ноги или затеять поединок с какой-нибудь опасной тварью. Ведь так?

Саймонариэль благоразумно промолчал, хитро улыбаясь.

– Ну чего время зря тянешь? – пытливо поинтересовался Марвин. – Видишь же – мы согласны. Рассказывай...

– И подробнее! – поторопил архимага Генрих.

– А сделать нужно вот что, – деловито начал магистр, но его слова перекрыл громкий, пронзительный свист. Воздушный шар задергался, будто живой, выпустил из своих недр последнюю порцию теплого воздуха и мертвым грузом повис на веревочных креплениях. Корзину с путешественниками замотало, закрутило волчком и резко бросило вниз. Под аккомпанемент пронзительных воплей четверых пассажиров, оказавшихся безучастными заложниками возникшей совершенно неуправляемой ситуации, монгольфьер стремительно обрушивался на землю...

Жизнь полна неожиданностей. Жизнь напоминает бурное море, бессистемно бросающее нас от берега к берегу, от счастья – к горестям, от любви – к ненависти, от надежды – к отчаянию. И плохо, если отчаяние становится нашей единственной пристанью...

– Ульрика, ты жива? – Едва различимый шепот вывел меня из забытья, заставляя медленно поднять голову и осмотреться по сторонам.

Обнаружилось, что я лежу на мелкой гальке, вытянувшись во весь рост и уткнувшись носом в ворох бурых морских водорослей, штормом вынесенных на берег. Дикие земли выглядели именно дикими: каким-то забытым богами местом – неприглядным, серым, необжитым. Длинная унылая коса, сплошь засыпанная отнюдь не песком, а мелким, неприятно острым каменным крошечкам, простиралась по обе стороны от меня, своими краями теряясь в густом прибрежном тумане. Чуть выше нее начинались изломанные горы или холмы, плохо различимые в утренних сумерках, столь же серые и унылые, как и все вокруг. Над холмами вставало блеклое, безрадостное солнце.

– Ульрика, – шепот шел слева, – отзовись!

Я с трудом перевернулась, чувствуя покалывание от тока крови в венах, прогонявшее оцепенение, сковавшее все мое тело. Проведенная в море ночь давала о себе знать – у меня болело буквально все: каждая косточка, каждый нерв. Но тем не менее я осталась жива!

– Маллер, – ответила я, почти испугавшись своего голоса – чужого и непривычно сиплого: наверно, я сорвала его в те минуты, когда кричала свою песню, бросая ее в лицо враждебной стихии, – я здесь!

– Слава Аоле, – растроганно произнес пират, – ты не пострадала...

Я передвинулась ближе к де Ваксу, казавшемуся темным бревном, туго спеленатым в складки плаща, и с содроганием в сердце приподняла край плотной ткани. Зрелище, представшее моему взору, не оставляло ни малейшей надежды. С немой ужасом взидала я на его плоть, разбухшую от морской воды и покрытую серозными выделениями. Клубки кишок выпирали из обширной раны – красной, отекающей, нагноившейся. Черты лица Маллера истончились и заострились, приобретя налет предсмертной, потусторонней отрешенности. Я торопливо пошарила у себя за пазухой и извлекла огарок белой свечи, подаренный мне тетужкой Чумой.

– Ты только потерпи еще чуть-чуть, – наигранно бодро приказала я пирату, стараясь не всхлипывать и не допустить дрожи в голосе, – сейчас я поброжу по берегу, найду кремень, высеку искру и...

– Не надо, – мягко усмехнулся капитан, хватая меня за запястье своими слабыми,

бледными пальцами, – твое волшебство не поможет. Мой смертный час пробил!

– Нет, – протестовала я, чувствуя, как дрожит мой подбородок. – Я тебя спасу!

– Не стоит, я не заслуживаю жизни.

– Ты? – потрясенно переспросила я. – Смелый, отважный и справедливый!

Синие губы Маллера искажила горькая усмешка.

– Слушай, – жарко зашептал он, – я совершил отвратительные поступки, которые гнетут меня и отбивают вкус к жизни. Несколько месяцев назад в Рохоссе я заступился за чайханщика и спровоцировал бой между двумя доблестными воинами. Стать моим поручителем в той схватке вызвался могучий орк, вышедший против чернокожего канагерийца...

– Знаю, – перебила я, – этот орк – мой друг Огвур.

– Так ты об этом знаешь! Как тесно переплелись наши судьбы, – виновато вздохнул умирающий, – еще теснее, чем я полагал ранее!

– Канагериец проиграл, – продолжила я за него, – чего и следовало ожидать – ведь на стороне Оггура выступила сама королева Смерть, обрекая на разгром бойца, вставшего на сторону несправедливости.

– Да, но тебе известна дальнейшая участь этого канагерийца?

Я отрицательно помотала головой.

– Я узнал, что его продали в рабство, не простив за поражение и не помиловав. Я посетил множество портов, отыскивая след бойца, в чьих невзгодах я пусть и косвенно, но виновен. Мне не повезло: канагериец будто испарился. И теперь меня мучает совесть...

– Не нужно так волноваться. – Я поцеловала пирата в лоб, ощутив холод, предсмертной пеленой накрывший его тело. – Я найду этого пропавшего воина!

– Обещаешь? – обрадовался Маллер.

– Обещаю! – поклялась я.

– И еще, – помрачнел раненый, – второе, куда более тяжкое прегрешение...

– Да? – Я подталкивала его к откровенности.

– Девушка, – со стоном признался пират, – шестнадцатилетняя красавица дворянка из благородного ликерийского рода. Я хотел назвать ее своей женой, но она мне отказала, и...

– И?.. – замерла я, интуитивно предчувствуя что-то ужасное.

– Я взял ее силой... – рыдал пират, – против воли самой девицы. После этого ее родители принудили бедняжку покрыть бесчестье законным браком. А пару месяцев назад моя Надэль родила дочь и после этого... бросилась со скалы в море...

Я судорожно вздохнула, потрясенная до глубины души.

– Малютка Нина останется сиротой. Она не нужна своей родне – ведь родилась не мальчиком, способным продолжить династию. Прошу тебя, принцесса, заведи ее к себе...

– Клянусь! – повторила я. – Я удочерю Нину де Вакс и воспитаю, словно родную!

– Хорошо, – эхом откликнулся Маллер. Его глаза закрылись. – Спасибо! Пусть боги благословят тебя за проявленное милосердие!

Я похоронила капитана чуть выше линии прибоя, закопав так глубоко, насколько смогла. Я насыпала над его телом курган из гальки, понимая – Маллеру было бы приятно знать, что день за днем вода потихоньку поглощает его плоть, размывает кровь, измельчает кости, превращая пирата в часть себя. Так пусть же тогда и после смерти ликериец остается неотделим от того, что любил больше всего на свете, – от необъятной шири великого моря. Ибо настоящий капитан и после смерти остается капитаном!

Я прочитала над его могилой короткую молитву, умоляя богов смириться над грешником и позволить ему попасть в Обитель затерянных душ, чтобы повстречать там призрак усопшей супруги и добиться ее прощения. Я не собиралась осуждать пирата за содеянное им зло, мысленно повторяя старинную фразу: «Не суди – и да не судим будешь!» К тому же о покойных принято говорить только хорошее. Не осуждала я и самоубийцу Надэль, бросившую на произвол судьбы свою новорожденную дочь. Дети не повинны в

наших грехах, в каких бы условиях мы их ни зачали. Ведь, по мнению многих, моему сыну тоже предстояло носить клеймо незаконнорожденного! Так предоставим же мертвым возможность искупить свои грехи в загробном мире, потому что на земле еще остались последствия их ошибок, которые предстоит исправлять живым!

Я передохнула, высушила одежду и направилась к холмам, виднеющимся вдалеке. Каким-то особым чутьем я безошибочно угадала: тайный рудник демоницы находится за ними. Меня вели ненависть и отчаянная жажда мщения.

«Призываю вас в свидетели, всеблагие небеса: чаша моего терпения, отмеряющая степень вины Ринецей, уже наполнилась до отказа и перелилась через край! – мрачно размышляла я. – А теперь я намереваюсь отплатить врагам за все сразу, сполна спросив с них за совершенные против людей и богов преступления».

Глава 6

Дорога от побережья заняла у меня шесть дней. О нет, я не торопилась. Идти быстрее мне не позволяло мое положение, и к тому же я отлично понимала, насколько опрометчивой может оказаться излишняя поспешность. «Торопятся только голые в баню!» – частенько изрекает мой летучий друг, и он совершенно прав. «Поспесишь – гоблинов насмешишь!» – согласно поддерживал дракона Оггур. А посему, вспомнив эти мудрые изречения, я шла в ровном темпе, следя за дыханием, стараясь не утруждать ног, и так доставлявших мне немало проблем раздувшимися, варикозно-потемневшими венами, и уговаривая потерпеть малыша, с удвоенным усилием пинавшегося у меня в животе. Похоже, ему не было никакого дела до маминых забот, а хотелось поскорее появиться на свет и приобрести заботы собственные.

День сменялся днем, но вокруг меня ничего не менялось. Под ногами однообразно почавкивал сырой мох и лишайник да расплзались рыхлые комки последнего грязноватого снега. Приход весны еще почти не сказывался на этих северных землях, и даже в полдень воздух продолжал оставаться прохладным, превращаясь в пар под моим разгоряченным дыханием. Спасибо заботливому Эткину, чья чешуя безотказно спасала меня от ночных заморозков и позволяла спокойно спать возле хилого костерка, сложенного из собранных мною веток низкорослого кустарника, в изобилии росшего на равнине. Я штурмом взяла невысокую горную гряду, отделяющую побережье от ровного, будто стол, плато, по-видимому и составлявшего основную часть Диких земель. Нашла крохотную, закрытую от ветра пещерку и проспала в ней целые сутки, восстанавливаясь и запасаясь силой впрок. Мне доводилось читать о многочисленных племенах полудиких троллей, населяющих эти края, но пока я так и не натолкнулась на кого-нибудь из них. Возможно, это оказалось даже к лучшему. Трудно предсказать, как отреагировали бы свирепые, волосатые воины на беременную и при этом до зубов вооруженную женщину, в одиночку слоняющуюся по их территории. Но по истечении нескольких дней я так и не встретила ни единой живой души, и более того – ни малейшая струйка дыма, поднимающегося от чьего-либо временного лагеря или постоянного стойбища, не окрасила хмурого неба. Мир состоял из меня, камней под ногами и холодного ветра, скучно покачивающего ветвями кривобоких кустов, сиротливо прижимающихся к земле. Мир состоял из пустоты...

Посетив Храм света на горе Ранмир, я много размышляла о природе и сущности великого Ничто, являющегося основой всего. Беседовавший со мной Единорог говорил о способности созидать – главной черте любого творца или бога. Неоспоримым в его словах стало то, что, лишь научившись созидать, я могла на равных противостоять демиургам и создавать свой мир, устраивая его согласно тем законам и принципам, которые сочла бы правильными и справедливыми. Но сейчас я знала точно: все начинается с пустоты. Со свободного пространства на земле, в уме и в душе человека. А пустота нуждается в заполнении. Вопрос в том, чем же мы ее заполним. Любовью, теплом и светом – или же злом, холодом и мраком. Впрочем, свой путь заполнения пустоты я выбрала уже давно, еще

в Храме Нарроны.

Стезя чести стала моей жизненной целью, моей путеводной звездой. Конечной точкой моих испытаний являлось обиденное человеческое счастье, которым мне хотелось наделить всех без исключения. Счастье – это так много и одновременно так мало, потому что мы редко ценим то, наличие чего не осознается, а вот отсутствие – сразу дает о себе знать. Человек не может иметь все. Ему часто чего-то не хватает. Секрет счастья заключается не в потакании своим прихотям и желаниям, а в умении довольствоваться малым. Довольствоваться тем, что имеешь. Обрести счастье в малом – нелегко. Но еще труднее – выделить это малое, наиболее важное и значимое для тебя из многочисленных соблазнов, предлагаемых жизнью. Можно потерять сотни лет в поисках мнимых ценностей, но при этом не снискать ничего хоть отдаленно подходящего под определение «счастье». А можно приобрести весь мир, но при этом потерять душу. Так произошло и со мной. Отныне мне принадлежал весь мир, а вот моя душа – мое нереальное, горькое, краденое счастье – мне так и не принадлежала...

Уныло сереющее над головой небо набрякло первым весенним дождем, но тучи прошли мимо, не проронив ни капли. Я радовалась сухой погоде, весьма способствовавшей моему методичному продвижению в глубь Диких земель. Проблемой пропитания я не заморачивалась, потому что платок Единорога безотказно кормил меня вкусными и разнообразными яствами. Иногда мне начинало казаться, что я выбрала неверный маршрут, ибо и на утро седьмого дня расстилающаяся передо мной равнина продолжала оставаться пустой и безжизненной. Внезапно я различила слабую, чуть мутноватую марь, медленно колышущуюся в воздухе на расстоянии пары шагов впереди меня. Напрягая зрение, я смогла проследить четкую линию этой полупрозрачной преграды, уходящую вправо и влево. Заинтригованная, я шагнула вплотную к странной завесе и осторожно дотронулась до нее кончиками пальцев. Субстанция ответила легким покалыванием – не враждебным, но настороженным. Кулон Оружейницы, который я неизменно носила на шее, неожиданно нагрелся, напоминая о себе. Не вполне разбираясь в совершаемых мною манипуляциях, а действуя скорее по наитию, я сняла волшебный амулет и поднесла его к магическому препятствию, вспомнив, что артефакт демиургов также имел название Ключа.

Правда, неизвестно, от какого замка. Кулон засветился, будто звезда, излучая ослепительно-яркий алый свет. Магический занавес заискрился, потемнел, подернулся рябью и рассыпался в прах, оседая на землю пригоршнями невесомой серой пыли. И теперь лишь тонкая линия пепла, тянущаяся в обе стороны от меня, отмечала границу участка, ранее огороженного магическим заслоном. Я вздохнула и, словно ища поддержки, притронулась к рукояти верного Нурилона. Прикосновение к оружию без особой на то необходимости всегда является первейшим признаком нервозности и неуверенности в себе. Но сейчас у меня появился вполне обоснованный повод для беспокойства. Я понимала со всей ясностью – создать охраняемую магией территорию в самом сердце Диких земель способна лишь Ринецея, чары которой не устояли под натиском силы ключа демиургов, открывшего мне проход. А это, в свою очередь, означало, что я уже впритык приблизилась к шахте, где и добывалась «мертвая руда». Следовало думать, что впереди меня ожидает нечто интересное...

Чутье меня не подвело. Не прошло и часа, как я заметила очевидные свидетельства того, что где-то совсем рядом располагается карьер, являющийся источником некоего ядовитого вещества, отравляющего все живое в радиусе нескольких километров. Здесь не было ничего, кроме растрескавшейся, пересохшей земли, усыпанной обломками черного, спекшегося шлака. В этих проклятых богами краях не рос даже неприхотливый северный лишайник, не журчали крохотные ручьи талой воды и не водились закаленные скудостью корма лемминги³⁶, многочисленные колонии которых я угощала крошками со своего стола.

³⁶ Л е м м и н г – мелкий грызун из семейства полевок, водится в лесотундре.

И только ветер, с хохочущим завыванием проносящийся над оголенной, твердой как камень почвой, каким-то непонятным мне образом выживал среди этого мрачного царства хаоса и запустения. Я содрогнулась от ужаса, подумав: неужели тут все-таки найдутся какие-то несчастные существа, медленно и мучительно погибающие от разъедающей плоть и душу радиации и не имеющие возможности скрыться от гнева безжалостной Ринецеи? Малыш испуганно замер у меня в животе, свернувшись в клубочек и стремясь укрыться от свирепствующей снаружи смерти. Исполненная гнева и жалости, я ускорила шаг, желая как можно быстрее увидеть горемык, которые являлись пленниками этих кошмарных мест. И встреча с ними стала неизбежной, потому что впереди замаячили очертания убогих, перекошенных барачных бараков, из которых выползали жалкие, скрюченные фигурки тех, кто ранее назывался свободными людьми, эльфами и орками, а ныне превратился в обреченных на гибель рабов злобной демоницы.

Генрих почувствовал сухость во рту и резким движением открыл глаза. Прищурился, радуясь тому, что он жив, здоров и невредим, одновременно с этим упиваясь обрушившейся на него палитрой цветов и причудливых световых пятен. Небо оказалось ослепительно голубым и чистым, как слеза девственницы, бок ивовой корзины – мягко-коричневым, плащ Марвина – изысканно-серым, с частым вплетением благородной серебряной нити, а сапоги орка – изрядно поношенными, заляпанными засохшим навозом, и пахло от них, надо признать, отнюдь не розами...

– Гоблины! – с чувством рывкнул барон, с трудом соображая, где находится верх, а где – низ; барахтаясь, путаясь в чьих-то конечностях, но все же переводя себя в сидячее положение. – Гоблины драные, так это все-таки сон или явь? – Ведь он-то всерьез надеялся, что очнется сейчас на своем кожаном диване в кабинете (куда сбежал из супружеской спальни от беременной, а потому несносно придирчивой и сварливой жены) и все привидевшиеся ему приключения окажутся всего лишь сном. Живописным, невероятно увлекательным – но именно сном!

– Ну и дела! – пискнул кто-то голосом Ланса у сильфа за спиной, а потом попросил совсем придушенно: – Дорогой, ты, конечно, красавец мужчина, но, пожалуйста, слезь с меня...

– Да какая мне нужда на тебя залезать? – Де Грей подпрыгнул, будто ошпаренный, треснулся затылком о бок корзины и неловко свалился обратно. – Упаси меня Аола от подобного счастья!

– Вот-вот, и сам, глядишь, целее будешь! – насмешливо пробасил Оггур. – Натурал! – Причем вполне безобидный намек на нормальную половую ориентацию сильфа в устах орка звучал похлеще самого скабрезного ругательства.

– А мне снилось, будто занимаюсь я любовью сразу с тремя прелестными эльфийками, – сладко промурчал некромант, насмешив друзей своим гнусаво-гайморитным прононсом³⁷, – но, боясь вызвать гнев моей супруги Лепры, девицы лежали недвижимо, словно бревна...

– Видел бы ты, брат, что вытворяют умелые красногорские лесорубы на таких бревнах! – беззлобно хохотнул барон, игриво подмигивая.

Но Марвин терпеливо улыбнулся и сделал вид, что якобы не понял более чем прозрачного намека друга.

– А мы ведь вроде бы откуда-то упали? – осторожно поинтересовался полукровка.

– Да не-э-эт, – небрежно отмахнулся барон, – напились мы изрядно, потом забрались в корзину в сарае и задряхли. А даже жаль, ибо уж очень занятный сон мне приснился – типа летим мы куда-то по воздуху, а потом Саймон вдруг в небе нарисовался, а затем рухнули мы...

³⁷ П р о н о н с – специфическое произношение, выговор.

– И мне! – перебил барона Огвур.
– Вот то-то и оно! – глубокомысленно поддержал некромант.
– Так не бывает, – на удивление толково опроверг Лансанариэль, – чтобы четверым один и тот же сон приснился...

– А вот спрошу я, – угрожающе процедил сильф, – чего такого убойного азуровские ребята в свою водку намешивают! Или еще лучше – на экспертизу ее к Саймонариэлю отправлю. Вот только как бы его с Поющего Острова к себе в гости позвать?

– А зачем меня звать-то? – весело полюбопытствовал магистр. – Я сам приду...

Ланс пискляво икнул, орк – рыгнул от неожиданности, а некромант предпочел промолчать.

– ...! – витиевато ругнулся Генрих. – Так это не сон!

– Явь, друзья мои, истинная явь. – Призрак Саймона излюбленным жестом погладил свою холеную бородку. – А она всегда намного интереснее снов!

– Зато во сне никого мечами не пыряют! – не остался в долгу сильф, выбираясь из валяющейся на боку корзины.

– Ну так ведь и любовь во сне – не настоящая! – ехидно хихикнул магистр. – Тебе, поди, часто Ульрика снится? А толку-то...

Ответом ему стало сердитое сопение барона, подразумевающее, что маг хоть и добрый, а умеет-таки садистски наступать на любимые мозоли.

Сдувшийся в тряпочку шар покоился на вершине красивого, начинающего чуть-чуть зеленеть пригорка, под склоном которого пробежал игривый ручей. Чудом не развалившаяся при падении корзина лежала тут же. Друзья чинно расселись на пустой оболочке приказавшего долго жить монгольфьера и наслаждались предоставленным Саймонариэлем завтраком. В связи с еще дающим знать о себе похмельем аппетит у всех разыгрался нешуточный.

– Значит, ты нас спас? – придиричиво, но не совсем разборчиво допрашивал мага барон, не забывая уминать поджаристую перепелиную тушку.

– Точно, – лукаво прищурился призрак, – вы падали, а я подхватил шар и обеспечил вам безопасное приземление, причем истратив на это большую часть своей магической энергии, и посему...

– Вернуть нас домой ты сейчас не можешь! – закончил за него Ланс. – Слышали уже, поняли!

– Не могу! – стараясь выглядеть убедительным, драматично вздохнул магистр. – Жизнью клянусь!

– Вывернулся, – хмуро буркнул барон. – Всем известно: эльфы – первейшие вруны и ловкачи. А уж если бессмертный маг жизнью клянется – тут и вообще глухо...

Кажется, призрак покраснел.

– Хорошо, – сбивчиво затараторил он, – клянусь жизнью Ульрики. Это для тебя весомее прозвучит?

Генрих недовольно нахмурился:

– Вот не приплетал бы ты принцессу к своим мошенничествам...

Призрак мага, левитирующий невысоко над холмом, так возмущенно всплеснул ладонями, что мотыльком подлетел вверх:

– Так ведь о ней и разговор!

– Рассказывай, – коротко приказал барон, вытирая салфеткой замаслившиеся пальцы. – Но без околичностей!

– Ну ясно дело, – обрадовался Саймон и немногословно обрисовал все произошедшее на Поющем Острове.

– Вот ведь девка негодная, – раздраженно буркнул орк, – ей бы дома сидеть спокойно, рожать, а она вон чего удумала – за демоницей на драконе гоняться. Вот поймаю Мелеану – самолично ее ремнем выдеру...

– Поймать бы ее еще! – печально вздохнул полуэльф.

Путешественники скорбно помолчали.

– И это еще не все, – продолжил магистр. – Увидел я в хрустальном шаре, что наслала Ринецея на принцессу проклятие страшное, смертное. И хоть отсрочено его осуществление амулетом Чумы, но все равно – рано или поздно оно Ульрику постигнет...

Ланс шокированно ахнул. Генрих судорожно схватился за пояс, отыскивая оставшуюся дома рапиру, не нашел и посерел лицом:

– Что делать-то теперь станем?

Саймонариэль довольно прищурился:

– Есть выход. Где-то в Диких землях хранится одна из Алатор – дага Радужная игла, а именно она открывает путь на Радужный уровень, куда Мелеане попасть надобно. Сумеете добыть дагу и передать ей – принцесса посетит Обитель богов, найдет там источник с живой водой, умоется ею и избавится от проклятия...

– Послушаешь тебя – так все просто! – проворчал орк.

– Я уже устроил ваш отлет на шаре и занес в нужное место, – как ни в чем не бывало продолжил Саймон, – а теперь пришел ваш черед проявлять смекалку да изворотливость.

– С голыми руками? – окрысился Оггур. – Саймон, мы ведь не боги...

– Знаю, – улыбнулся архимаг. – Поэтому я могу исполнить ваши желания, по одному на брата! Вон Марвин уже пожелал завтрак...

– Очень своевременно, – похвалил тысячник, отпивая из бутылки белого эльфийского. – А то несподручно мне это – на больную голову подвиги совершать. А я вчера немного недопи... перепи... – Он запутался в описании своего состояния.

– Ясно, перенедопил! – сочувственно поддакнул Саймон.

Орк облегченно просиял:

– Точно!

– Так чего желаете получить? – поторопил друзей магистр. – Решайте быстрее, а то у меня энергия заканчивается.

– Гиарду! – выкрикнул Генрих, и рапира немедленно упала к его ногам.

– Симхеллу! – потребовал Оггур и безотлагательно получил желаемое.

Саймон выжидательно повернулся к Лансанариэлю:

– А тебе чего хочется?

– Помаду, – чуть подумав, убежденно заявил полуэльф. – Любимую розовую, с перламутром, в сиреневеньком футлярчике! Ну ту самую, что мне Марвин наколдовал, – волшебную, нескончаемую, с охлаждающим эффектом, мятным вкусом и ментолом...

Архимаг оторопело округлил глаза:

– В сире... по... по... чего? Помаду?

– Именно! – беззаботно кивнул полукровка. – Ту самую!

– Да на кой гoblin тебе сдалась эта фигня? – возмущенно заорал Генрих. – Ты чокнулся, что ли? Совсем на косметике помешался!

– Жаль, что она тебе мозги не остудила! – молвил кислым тоном некромант.

– Цыц! – приструнил критиканов орк. – Лансу лучше знать – зачем!

– Пока даже не подозреваю зачем, – меланхолично отозвался полукровка. – Но хоть убей меня на месте, а уверен – она нам понадобится!

Сердце глухо екнуло у меня в груди и почти остановилось, преисполненное жалости к этим убогим существам, сплошь покрытым ужасающими язвами и коростами. Замотанные в лохмотья, оставшиеся от некогда добротной одежды, уродцы баюкали заживо гниющие культы рук, напоминающие корни засохших деревьев. Подслеповато щурясь от яркого солнца, жалкие обитатели вонючих бараков скорбно выползали наружу, разглядывая меня с недоверчивым интересом. Но в передних рядах жалких калек я заметила двух мужчин, еще сохранивших некое гротескное подобие былой привлекательности и внушительности. Первый, бесспорно, являлся троллем, ибо лишь представители этого народа обладают подобными кражистыми фигурами и широкими, бочкообразными грудными клетками,

сплошь заросшими темными волосами. Его черные глаза внимательно следили за каждым моим движением, выражая задумчивое недоумение, исполненное воистину королевской выдержки. Похоже, он усиленно пытался вспомнить что-то чрезвычайно важное и нужное. А вот второй вожак отреагировал на меня далеко не так спокойно.

– Лопни мои зенки! – бесцеремонно заорал он, радостно всплескивая широкими лапищами и хлопая себя по мускулистым ляжкам. – Три волны мне в корму! Да это же баба! Клянусь килем знаменитого клипера³⁸ «Вебрь» – настоящая баба...

Каторжники растерянно загомонили.

– И что, – насмешливо поинтересовалась я, многозначительно поигрывая одной из даг, – можно подумать, ты прежде никогда женщин не видел?

– Да как не видать-то, кошечка! – глумливо хохотнул мужчина. – И видел, и трогал...

Я с откровенным интересом пристально разглядывала его порядком поредевшую от радиации рыжую шевелюру, самодовольную морду, так и расплывшуюся в сальной ухмылочке, и типично орочью затейливую татуировку, украшавшую еще не успевшие истаять бицепсы. Вне сомнения, выдумщица-судьба свела меня с одним из соплеменников Оггура.

– ...только давненько это в последний раз случалось, – нахально продолжил орк, бесцеремонно посвящая меня в подробности своей интимной жизни, – кажется, год назад!

Я сложила губы в трубочку и издала наигранно-сочувствующий свист.

Тролль, наблюдавший за мной со странной смесью сочувствия и озабоченности, сделал шаг вперед и повелительным жестом положил руку на мощное плечо своего товарища по несчастью:

– И не вздумай дотронуться до нее хоть пальцем, Торвен! Ты же видишь, наша гостья – беременна. Я не позволю тебе обидеть слабую женщину, к тому же ждущую ребенка!

Но рыжий Торвен возмущенно стряхнул ладонь тролля и свирепо зарычал:

– Плевал я на ее состояние и твое благородство, Арланмир! Да как ты не хочешь понять – ведь это же баба, живая и настоящая! Знаешь, год воздержания и наша собачья жизнь выжгли из моей души последние остатки щепетильности. Я хочу эту девку, и я ее получу... Причем – немедленно, невзирая на все твои лицемерные расшаркивания. А потом забирай ее и делай все, что хочешь... Кстати, если у нее хватит ума вести себя хорошо, то я постараюсь не причинять ей лишней боли...

Арланмир открыл рот, намереваясь возразить и все еще не теряя надежды уладить дело миром, как вдруг я вызывающе расхохоталась во все горло и двусмысленно подмигнула своему потенциальному насильнику:

– Торвен, а ты в курсе, чем хорошие девочки отличаются от плохих?

– И чем же, киска? – Орк выпятил толстые губы, посылая мне воздушный поцелуй.

– Хорошие девочки наставляют мужчинам рога, а плохие – шишки! – Я звонко причмокнула, сторицей возвращая Торвену его неловкие заигрывания. – Шишки, а порой и шрамы!

– Что, шмара портовая, решила закосить под недотрогу? – вульгарно заржал орк. – А я шрамов не боюсь, они нас только украшают!

– Шрамы-то, может, и украшают, – язвительно протянула я. – А вот шмары мужиков укрощают!

– Торвен, неставляй себя дураком, не приставай к девушке! – дипломатично посоветовал тролль, не оставляя попыток вразумить зарвавшегося друга.

– Спасибо за подсказку, уважаемый Арланмир, – вежливо поблагодарила я. – Уж Торвену ли не знать – дураков на свете мало, но расставлены они столь грамотно, что встречаются на каждом шагу!

От шеренги каторжан долетело обидное хихиканье. Орк, чувствуя, как его авторитет

³⁸ К л и п е р – быстроходное трехмачтовое парусное судно.

начинает таять буквально на глазах, и обоснованно опасаясь стать всеобщим посмешищем, гневно сжал кулаки и ультимативно заявил:

– Киска, прояви благоразумие и будь умной девочкой. С тебя же не убудет, если ты ненадолго примеришь на себя роль моей любящей женушки!

– Умные женщины никогда не бывают хорошими женами! – тонко улыбнулся Арланмир.

– Почему? – сразу не дошло до орка.

– Потому что они никогда не выходят замуж! – хохотнула я, молниеносно развернувшись на левой пятке, а носком правого сапога заехала Торвену в челюсть.

Зрачки орка полыхнули красным огнем бешенства, он взревел, будто раненый бык, и, оскалив желтые, но по-прежнему крепкие зубы, попер на меня...

Единственное, что я успела сделать, так это снять перевязь Нурилона и сбросить на землю свой тяжелый клинок. Мне вовсе не хотелось травмировать безоружного орка, но зато я собиралась проучить его с лихвой, сразу же наглядно показав всем остальным, кто есть кто. Авторитет – весьма хрупкая и эфемерная штука, завоевывать которую лучше всего сразу же, с первого захода. Сдрейфишь, запоздаешь – и придется тебе впоследствии постоянно оглядываться да чутко спать вполглаза, ожидая подлого удара в спину. Война не прощает трусости и ошибок, а уж попавшие на войну люди – тем более.

Однако униженный моими насмешками Торвен разозлился не на шутку. И тут же выяснилось, что зря я играла в благородство, потому как в лапе орка неожиданно блеснул самодельный нож-заточка, топорно сработанный из узкой полосы отлично закаленной стали. Полуторастороннее³⁹ лезвие длиной с мою ладонь оканчивалось тяжелой, обмотанной тряпичной рукояткой. Опасная вещица, чрезвычайно подходящая для нанесения нечестных, страшных, вспарывающих живот ударов. Такими ножами, вызывающими брезгливые ухмылки на устах благородных дворян, обожают вооружаться абсолютно чуждые понятию «честь» наемники, мародеры да охочие до грубых потасовок корсары. Впрочем, жаргон Торвена говорил сам за себя, красноречиво подчеркивая его близость к пиратскому ремеслу.

Мои губы искривились в нехорошей улыбке. Рыжий грубиян откровенно нарывался на неприятности, распаленный животной похотью и, очевидно, с рождения привыкший считать женщин чем-то вроде игрушек для мужских утех, людьми второго сорта, не имеющими права на личные убеждения и свободу. Скорее всего, ему даже в голову не приходило, что какая-нибудь женщина однажды посмеет воспротивиться проявлению его гнусного желания, унижающего ее добродетель. И как это до некоторых мужчин не доходит, что истинная мужественность начинается не с ножа в волосатом кулаке, не с попойки в портовом кабаке и не с продажных ласк дешевых шлюх. Слабого обидеть легко, гораздо труднее не позволить кому-либо более сильному, чем ты, обижать беззащитных детей, стариков и животных. Любая подлая тварь, единожды перешагнувшая тончайшую грань, отделяющую добро от зла, и сознательно идущая на сделку с собственной совестью, никогда уже не будет являться достойной звания «человек» в полном смысле этого слова. Хотя попадаются и исключения из сего прискорбного правила: ведь мне уже приходилось встречаться с героями, сумевшими собственноручно выдрать из своей души ростки низменной гнили и вновь повернуться лицом к свету. И стало настоящим чудом, что в итоге Торвен тоже оказался одним из них...

Поведение орка выдавало в нем опытного бойца, видимо уже изрядно поднаторевшего в уличных драках. Недостаток техники вполне компенсировался недюжинной силой, а громоздкость фигуры даже давала ему некоторое преимущество, позволяя наносить мощнейшие удары, вкладывая в них весь вес своего гигантского тела. Ростом Торвен превышал меня почти на целую голову, а поэтому сейчас он откровенно наслаждался своим

³⁹ Полуторастороннее лезвие – заточена одна сторона клинка и треть второй, начиная от кончика.

мнимым превосходством, на полусогнутых ногах по дуге обходя периметр будущего поля боя и выбирая подходящий момент для атаки. Я не сомневалась – он нападет первым. Вряд ли он дерзнет ударить меня в живот – пожалуй, это будет чересчур даже для столь беспринципного пирата. Скорее всего, мне следовало ожидать тычка, направленного в грудь или в шею. Щадить меня он, кажется, уже не собирался, думая сейчас лишь о сохранении своего престижа в глазах каторжников, плотным кольцом окруживших ровную площадку, ставшую импровизированной ареной. Что ж, придется доказать самоуверенному нахалу, что я и сама – отнюдь не невинная овечка, попавшая в клыки злобного волка. В роли волка здесь выступала я.

Торвен держал нож диагональным захватом, направив его лезвие наклонно вверх. Внезапно он, будто пружину, выметнул перед собой распрямившуюся руку, целясь мне точно под кадык. Мысленно я одобрила такую методику начала поединка, отлично понимая, что подобным выпадом он рассчитывал с первого удара перерезать мою яремную вену, что практически привело бы к моей мгновенной гибели. Я блокировала его атаку взмахом правой ноги, защищенной сапогом лодыжкой отбив ладонь орка и одновременно нанося сильный удар кулаком в солнечное сплетение противника. Торвен почти сложился пополам, судорожно пытаясь вдохнуть и едва не падая на землю. Зрители, напряженно следящие за поединком, восторженно заорали.

Краем глаза я заметила, как задумчивое выражение лица Арланмира сменилось на удовлетворенно-спокойное. Но у меня абсолютно не было времени на анализ столь резкого перепада его настроения, потому что орк наконец-то прокашлялся и, перехватив нож лезвием вниз, предпринял вторую попытку лишить меня жизни. На этот раз он метил в надключичную ямку. Правая рука орка взметнулась над головой... Двигался он быстро и уверенно, легко шагнув вперед и вложив в замах отягощающий качок своего мускулистого корпуса. Скажу откровенно, окажись я хоть чуточку слабее, он запросто бы пробил мою защиту, навалившись всей массой и вгоняя клинок мне в плечо. Но пальцами левой руки, натренированными тяжестью Нурилона, я цепко поймала его запястье и тут же беспощадно ударила коленом в пах. Орк взвыл и рухнул на четвереньки, выронив нож. Кончиком сапога я отпнула клинок подальше. Помедлила секунду и рубанула ребром ладони по склоненной шее поверженного соперника. При проведении такого приема главное – не перестараться и не убить врага. Точно зная, куда бить, можно повредить нервы и сделать из человека неизлечимого паралитика. Но я хотела лишь наказать и ударила вполсилы. Торвен лишился сознания и повалился на живот, глотая серую пыль, устилающую сухую землю.

– Он мертв? – поинтересовался черноволосый тролль, поднимая злополучный нож и убирая его к себе за пояс.

– Нет. – Я помассировала кисть. – Скоро очухается. Ну и шея же у него – будто полено! – Отбитая рука гудела.

Арланмир шокированно моргнул, а потом вдруг звонко рассмеялся:

– Мои сомнения рассеялись! Я подозревал это с первой минуты, как увидел тебя, но сейчас окончательно убедился в правильности своей догадки. Ты – Сумасшедшая принцесса...

По рядам каторжников прокатилась волна изумленных возгласов.

Я поощрительно улыбнулась:

– Уверен?

Тролль интенсивно закивал:

– О тебе слагают сказки и поют баллады во всех краях, даже таких диких, как наш. Кто еще носит золотую маску, не боится никого и ничего, смеется в лицо смерти и...

– ...и творит подобное с мужиками! – страдальчески прокряхтел пришедший в сознание Торвен, переворачиваясь на спину и разглядывая меня снизу вверх, с огромным уважением и даже почтением. – Гоблины драные, клянусь – первый раз в жизни вижу, чтобы женщина так лихо дралась!

– Чего только не сделаешь, дабы мужчины заметили, что ты – всего лишь слабая

женщина! – игриво рассмеялась я, протягивая орку руку и помогая ему подняться на ноги. – Мир?

– Мир! – вежливо поклонился Торвен, а затем лукаво прищурился: – А вы научите меня таким приемам, госпожа принцесса?

– А ты станешь моим капитаном, корсар? – вопросом на вопрос отозвалась я, пристально глядя ему в глаза.

– Ржавый якорь мне в селезенку! – потрясенно ударился в словесный мазохизм пират. – Да что вы можете знать о морях и капитанах, ваше высочество?

– Все, – многозначительно бросила я, распахивая ворот рубашки и вытаскивая наружу амулет Королевы пиратов. – Все!

Торвен верноподданнически опустил на одно колено, целуя мне руку:

– Моя королева! – Он обернулся к каторжникам: – Ребята, это же наша законная королева!

Ликующие вопли десятков мужчин, среди которых, похоже, оказалось немало мореходов, взметнулись к свинцовому небу.

– Но зачем ты пожаловала сюда, в это проклятое место? – удивленно спросил Арланмир. – К тому же добровольно...

– Спасти вас всех! – честно ответила я.

Я с командирским видом топталась возле шеренги каторжан, стараясь выглядеть веселой и бодрой. Но на душе у меня кошки скребли от отчаяния. Радиация действовала слишком скоротечно и разрушительно, беспощадно превращая молодых и цветущих мужчин в жалкие развалины. Лысые головы, преждевременные морщины, выпавшие зубы, анемия, язвы, струнья... список представших передо мной несчастий можно было продолжать до бесконечности. Оставалось уповать на лечебные свойства белой свечки тетушки Чумы.

– С кого начнем? – Я выжидательно обернулась к Арланмиру.

– С него... – Тролль непонятно махнул рукой, указывая в сторону барака. – Хоть и мнится мне – не жилец он уже...

Заинтригованная, я распахнула дощатую дверь и шагнула в глубь полутемного помещения, освещенного лишь скухими лучиками солнца, пробивающимися сквозь неплотно пригнанные доски, образующие стены и потолок. От узких двухъярусных нар невыразимо смердело едкой вонью давно не мытых тел, плесенью и экскрементами. Все здесь насквозь пропиталось тем особым запахом вошедшей в обыденность смерти, что всегда присущ жилищам обреченных на тихое умирание людей, больных чем-то неизлечимым. Я гневно скрипнула зубами, пробираясь по узкому проходу меж барачных лавок.

– Пачками мрем, – невыразительно рассказывал Арланмир, следуя за мной. – Дольше четырех месяцев тут мало кто выдерживает. Пожалуй, только мы с Торвеном, ибо изначально сильнее всех оказались. А кто послабее... – он обреченно передернул плечами, – те уже через месяц начинают кровью харкать, а через два – отправляются в братскую могилу за баракком.

– Добытую руду мы относим к магическому ограждению, – вступил в разговор рыжий пират, – а нам за нее хлеб там оставляют да воду в бурдюках...

– И более ничего? – ужаснулась я.

Торвен покривился:

– А чего нас кормить-то? Новых рабов наловить, поди, куда проще!

Я сжала кулаки, до крови впиваясь ногтями в ладони и в сотый раз клянясь собственноручно изничтожить проклятую демоницу.

– А он-то – так и вообще сразу раненым сюда попал, – продолжал неторопливо повествовать орк. – Глубокая рана – видно, что серьезным оружием нанесена. Он поначалу с нами разговаривал, пока еще не совсем расхворался, – поведал, будто битву проиграл, и за это его хозяин продал, больного и ослабевшего. Потом снова перепродали, а затем его

горгульи с палубы галеры унесли и сюда сбросили, как и всех нас. Удивлялись мы – и как это настолько здоровенный воин поединок не выиграл, а он в ответ улыбался равнодушно да утверждал – дескать, на все воля королевы Смерти. И перстень, мол, тот – не простой... А что за перстень, мы так толком и не разобрали...

Я споткнулась на ходу, ощущая капельки холодного пота, скатывающиеся у меня по позвоночнику. Перстень «Пожиратель пространства» налился холодом, сильно сдавив мне палец. Все факты сразу выстроились в единую связную цепочку, образовав целостную картину произошедших событий: переданный мне призраками артефакт, бой Оггура и канагерийца, предсмертная просьба Маллера... Похоже, я получила уникальный шанс восстановить попорченную справедливость!

– Вот, – указал Арланмир, наклоняясь к неподвижно лежащему на нарах человеку и приподнимая укрывающий его грязный холщовый лоскут. – Лихорадка у него поднялась – боюсь, до завтра он уже не доживет...

Я опустила на короточки и нежно провела ладонью по исхудавшим скулам темнокожего воина, туго обтянутым удивительно упругой, шелковистой на ощупь кожей. Пальцем проследила полосы ритуальных татуировок на его высоком умном лбу, читая по ним, словно по открытой книге. Не просто воин, но также и шаман, умеющий разговаривать с духами и посвященный в высшие тайны своего народа. Я переместила руку на плечо воина, исследуя продолжение его жизненной истории, написанной прямо на коже. Вождь и сын вождя, однажды отданный сестре богини Аолы и принесший обет служить ей вечно. Он безропотно принимал все перипетии своей нелегкой судьбы, ни на шаг не отступая от участи служения чести. Он стал моим братом по духу и помыслам, пострадавшим ради моего благополучия. И теперь настал мой черед отплатить добром за добро...

Я откинула нищенское покрывало, закрывающее того, кого по воле Пресветлых богов называли Кса-Буном – «Черным ураганом пустыни», восторгаясь его физической красотой, безупречным телосложением и невероятным ростом. На правой ноге канагерийца, ниже колена, зиял открытый перелом, не затянувшийся и совсем не заросший, скаля белые обломки выглядывающей из раны кости. Сама же рана воспалилась и чудовищно распухла, да к тому же кишмя кишела безобразными желтыми червями.

– Его не спасти, – категорично качнул головой Торвен, – уж если могильные черви начали пожирать еще не мертвую плоть... Но мы можем облегчить его страдания, перерезав горло... – Рука орка потянулась к ножу.

– Нет, – с рыданием в голосе закричала я. – Я не позволю!

Дрожащими пальцами я бережно очистила рану от паразитов, протерла обрывком своей рубашки и с помощью мужчин вправила сломанную кость на место. Кса-Бун так и оставался в беспамятстве, иногда издавая негромкие страдальческие стоны.

– Рану нужно промыть, – убежденно заявила я.

– Нечем, – с сожалением вздохнул тролль. – Вода закончилась еще вчера.

Я обвела отчаянным взором донельзя запущенный барак, надеясь отыскать хоть что-нибудь, отдаленно напоминающее жидкость. Но поиски оказались напрасными – мой взор везде наталкивался только на измученные лица несчастных каторжан, с неподдельным сочувствием следивших за нашими манипуляциями. И тогда я вытащила из-за пояса небольшой метательный нож, полоснула им себя по ладони и промыла рану Кса-Буна ручейком своей собственной крови, вытекающей из свежего пореза, устанавливая кровное родство между нами. А затем приложила к ней обнаженное лезвие Морозной иглы. Плоть канагерийца зашипела и побелела, покрываясь серебристым налетом инея. Я убрала дагу и провела ладонью по плотному холмику странного снега, покрывшего ногу моего новоприобретенного побратима. И нужно было слышать, какими победными криками узревших чудо каторжан огласился весь барак, потому что под слоем снега, растаявшего от тепла моей руки, обнаружилась ровная нитка белесого шрама, ничуть не напоминающего смертельной раны: она была заживлена дружеским участием и магией волшебной даги.

Воин открыл глаза, восхитившие меня синеватыми белками, к тому же оказавшиеся

невероятно огромными, застенчивыми и по-детски наивными. Его толстые, но безупречно красивые губы расплылись в счастливой улыбке.

– Хозяйка, – шептал он. – Боги не обманули. Они велели ждать и терпеть... И вот – ты пришла!

А я тихонько заплакала, уткнувшись лицом в его теплое, надежное плечо.

– Госпожа принцесса... – Орк благоговейно тронул меня за рукав. – Мы все готовы служить вам. Прикажите – и мы исполним беспрекословно...

Я подняла на него заплаканные глаза, а потом достала из-за пазухи огарок белой свечки, кремь и кресало. Огонек заплясал на фитиле, готовясь помогать и исцелять.

– Скажи своим людям – пусть они подходят ко мне по одному, – попросила я пирата, и добавила уверенно: – Построй их в очередь. Лекарства хватит на всех!

Свечка сгорела полностью, но я об этом не жалела. Я немного устала, в горле першило и саднило, распухший язык еле помещался во рту, потому что я молилась за каждого из них – за аристократичных эльфов и простых рыбаков, коренастых троллей и могучих орков, ликерийских пиратов и нарронских охотников... А теперь на барачных нарах сидели триста пятьдесят абсолютно здоровых мужчин, взирающих на меня с немим обожанием и готовностью выполнить малейшее мое пожелание. Их язвы зажили, а раны затянулись. Волосы и зубы отросли, бицепсы взбугрились прежней силой, а глаза наполнились неумной жаждой жизни. Я извлекла из-за пазухи платок Единорога, моля его о милости, и, словно услышав мою горячую просьбу, крохотный платочек развернулся в целую скатерть, заставленную блюдами с жареным мясом, караваем хлеба и кувшинами с пивом. Самая подходящая пища для нескольких сотен изрядно оголодавших пленников. И, уже полностью уверовав в улыбнувшуюся мне удачу, я шагнула в Портал оружия, мысленно посмеиваясь: скопившиеся в нем клинки, секиры и арбалеты слишком долго пылились без настоящего дела. Пришло время дать им новых хозяев!

– Боги, вот это клинок! Стоит уйму золота! – Торвен, впечатляюще поигрывающий рельефными квадратиками налитого гибкостью пресса, ухнул, примеряясь к тяжеленному двуручному мечу. – И с одного удара горгулье хребет перешибет!

– Ну да, еще бы, с твоей-то силищей! – беззлобно поддел его тролль, заплетающий в косу свои длинные черные, будто вороново крыло, волосы.

Орк насмешливо оскалил крепкие зубы:

– Госпожа принцесса не зря вернула нам молодость и здоровье! Настал наш черед поучить демонов уму-разуму!

– Ах ты, задира! – рассудительно улыбнулся Арланмир, куда более уравновешенный по характеру и, безусловно, привыкший сначала думать, а уж потом – драться. – Но если Ульрика решит объявить войну Ринецее, то я первый встану под ее знамена...

– И я! – К нам решительно подскочил молодой, вооруженный прекрасным луком эльф, так и искрящийся избытком бурлящей в жилах энергии.

– И я! – Этот воин, желающий попасть в ряды моей армии, отличался умными, пронизательными глазами, выдающими в нем образованного человека.

– Хозяйка... – подошел ко мне Кса-Бун, торжественно несущий на вытянутых руках какой-то гигантский топор, изукрашенный причудливыми надписями на непонятном даже мне языке. – Сбылось древнее пророчество моего народа! Много лет назад, когда я был еще мальчишкой, верховный шаман нашего племени Сенуру рассказывал о волшебном топоре, хранящемся в Обители богов и якобы созданном самим принцем демонов. По легенде, воинство демонов падет, когда знаменитое оружие достанется избранному бойцу темнокожего народа. И вот сегодня ты отдала мне оружие из сказки – топор «Третья рука демона Амбопу»...

Я печально вздохнула, сразу же догадавшись, о каком демоне идет речь...

– Если вы пойдете за мной, – я говорила тихо, но меня услышали все, – то я согласна выступить против армии Ринецеи. Почему-то мне кажется, что наш путь лежит обратно на

побережье.

– И мы сможем одолеть полчища демонов? – с недоверием в голосе спросил все тот же мальчишка-эльф. – Но как? Ведь их – тысячи, а нас всего лишь сотни...

– Не знаю, – призналась я. – Но верю – это нам по силам!

– Да здравствует принцесса! – Согласный клич моих соратников нарушил мертвую тишину этих проклятых мест. – Да здравствует свобода!

– Мы победим! – негромко повторила я, стараясь сердцем поверить в то, во что упорно отказывался уверовать мой разум. Но разве не благоволит удача к отважным? Разве города берут не смелостью? Разве не должно добро в итоге победить зло? И в тот момент мне почему-то казалось, что я не вру ни себе, ни готовым следовать за мной людям.

Ну или почти не вру...

Глава 7

– Ой, ножки мои, ножки... – жалобно канючил Ланс, спотыкаясь на каждом шагу и всем своим видом выказывая готовность немедленно принять мученическую смерть из-за одного сломанного каблука и двух мозолей.

– Не идут они по дорожке! – с мнимым состраданием поддержал полукровку Генрих, всегда испытывавший к прекрасному полуэльфу некое двойственное чувство смешанной с отвращением симпатии. С одной стороны, Лансанаризель отнюдь не трус и уже не раз являл истинные чудеса отваги и самоотверженности, а с другой – жуткий нытик и выпендрежник. И как только подобных недотеп земля носит? Хотя, если разобраться, Ульрике он предан всей душой, почище иного сторожевого пса. А посему, как ни крути, выходит, что Генриху на Ланса дуться не резон... Короче, Ланс – это Ланс, а значит, его придется и сейчас, и впредь принимать именно таким, каков он есть на самом деле! Окончательно запутавшись в собственных необъективных выводах, барон в сердцах сплюнул на каменистую тропку, по которой в настоящий момент друзья с натужным сопением карабкались на вершину очередного холма, как назло попав на сапог пресловутого недотепы-полуэльфа. Причем на тот самый злополучный – со сломанным каблуком...

– А-а-а, – вреднуче взвыл Лансанаризель, при этом не забыв отвести со скулы прядь волос и кокетливо заправить ее за ухо. Обретшая новый акцент прическа красавца тут же привлекла к себе внимание всех, подчеркивая безупречно правильный овал лица ее обладателя. – Я так и знал, ты меня ненавидишь! – капризничал уставший полукровка, будто ребенок.

– Да что ты, Аола с тобой! – поспешил утешить его сильф. – Ничего против тебя не имею, но вот твои ноги... – Он хотел добавить: «...изнежены шибко», но не решился, опасаясь вызвать еще большие попреки со стороны Ланса.

– А чем тебе опять мои ноги не угодили? – с подозрением прицепился полуэльф. – Между прочим, они куда красивее и стройнее твоих. Да если хочешь знать, за этими самыми ногами половина твоего демонического гарнизона бегала...

– И как? – заинтересовался де Грей.

– Догнали, противные! – хвастливо потупился Лансанаризель, позволив волосам эффектно упасть на глаза и скрыть его девически-стыдливый румянец.

– Чего? – пронзительно взвыл ревнивый орк, уязвленный в самое сердце. – Догнали? Да я Азуру за это знаешь что оторву...

– Догнали и свидание назначили, – торопливо пояснил красавец. – А я не пришел...

– Продинамил, значит, демонов! – гнусаво хохотнул Марвин. – Ну и плутишка же ты, голубчик! А мужики-то так надеялись, так надеялись...

– Ой, скажешь тоже, – высокомерно отмахнулся ладошкой ветреный объект всеобщего поклонения, – да я таких грубых мужиков вообще терпеть не могу!

– Ага, – радостно подхватил Генрих, еле сдерживая рвущийся наружу смех, – вот прямо как увижу симпатичного – так сразу терпеть и не могу...

Ржали все, включая Огвур, обычно весьма болезненно воспринимающего любые пикантные выпады в адрес своего сердечного дружка. Ржали взхлеб, до слез и икоты, как попало рассевшись на разбросанных по тропе валунах, а вернее, перегораживающих ее целиком и делающих совершенно непроходимой. Наверно, со стороны это выглядело по-дурацки. Четверо мужчин, донельзя умотавшихся, однако не спасовавших перед завалами да рытвинами, сидят дружным кружочком и знай себе хохочут, вытирая выступившие на глазах слезы, рисуящие светлые дорожки на темных от пыли щеках.

– Все, я больше не могу! – сдавленно хрюкнул Огвур. – И чего вдруг на нас веселье напало?

– Скажи спасибо, что веселье, а не кто-нибудь поопаснее! – резонно буркнул Генрих.

– Стресс! – заумно прокомментировал некромант, трескуче сморкаясь в огромный носовой платок. – У нас абсолютно нормальная реакция на стрессовую ситуацию. Произошла нервная разрядка, снявшая излишки напряжения.

– Напряжение прошло, а усталость – осталась, – пожаловался полукровка. – Да и вечерет уже, пора бы нам о ночлеге подумать...

Видимо, в умственном отношении Ланс оказался не совсем уж безнадежен, потому что высказанное им предложение являлось на редкость здравым и своевременным. В самом деле, небо, и днем-то не радовавшее особо яркими красками, начинало заметно темнеть, в придачу затягиваясь рыхлыми дождевыми тучами. В воздухе запахло сыростью. Марвин настороженно оглянулся, чувствуя приближение чего-то непонятного, но безусловно опасного.

Распрощавшись с Саймонариэлем, путешественники целый день двигались в указанном им направлении, пока даже не предполагая, где им следует искать загадочную Анриэль Алатору, открывающую проход на Радужный уровень.

– Брехня, выдумки, ничего здесь нет! – возбужденно жестикулируя, втолковывал друзьям орк, до сих пор так и не простивший Саймону учиненного над Ульрикой судилища. – Ваш магистр просто из ума от старости выжил! Ему уже, наверно, не первая тыща лет стукнула – задержался он на этом свете, помирать пора!

– Саймон жил, Саймон жив, Саймон будет жить! – наставительно провозгласил Марвин, горделиво задирая подбородок и попутно стараясь незаметно зашмыгнуть соплю обратно в нос. – И учти, вояка неотесанный: маги никогда не ошибаются! Не веришь? – И некромант многозначительно щелкнул пальцами, создавая небольшой огненный шарик.

Тысячник сердито нахмурил брови, но дерзить поостерегся, вовремя вспомнив любимую песенку своего детства, известную всем мальчишкам его племени. Дай боги памяти, но вроде бы там говорилось о магах и их практических ошибках. Ну или об учениках магов, но какая, к гоблинам, разница? А Огвур ой как не хотелось стать «розовой козой, с синею полосой». И даже не козой – а козлом, потому что все, кто осмеливается пререкаться с пребывающими в дурном расположении духа магами, уже изначально рождаются безмозглыми козлами! А уж спорить с расстроенным магом, у которого еще и гайморит до кучи обострился, – это вообще первейший и надежнейший способ стать героем, но только посмертно!

Между тем тучи, ранее клубившиеся где-то у отдаленной, плохо видимой линии горизонта, подползли совсем близко, все уплотняясь и чернея.

– Мама, – тоненько пискнул Ланс, – сейчас, похоже, гроза начнется. А я вовсе не желаю намочить волосы! Марвин, срочно ищи какое-нибудь укрытие...

Ага, легко сказать «ищи»! Некромант закрутил головой, безнадежно прищуривая свой драконий глаз, позволяющий отчетливо видеть в темноте. Но окружающий пейзаж не радовал. Длинная вереница выстроившихся в ряд холмов тянулась справа налево, поражая нарочитой правильностью и симметричностью. Безупречно конические, ровные, густо усыпанные каменной крошкой и окаймленные крупными валунами, холмы напоминали шеренгу безгласных часовых, охраняющих покой каких-то древних и темных сил, дремлющих под их защитой. Но кроме холмов, между коими и петляла тоненькая тропка, тут

не было ничего.

– Безнадежное занятие, – разочарованно признал некромант. – Точно тебе говорю – придется нам помокнуть, потому что укрыться здесь негде!

– Точно? – обреченно переспросил Ланс, обеими руками сгребая в хвост свою роскошную серебристую шевелюру, которой вскорости предстояло превратиться в мокрые, уныло обвисшие сосульки.

– Точно! – убежденно повторил Марвин. – Прости, друг, но маги не ошибаются!

– Гоблины драные! – обиженно ругнулся полукровка. – За что нам такое невезение? – Но последняя реплика прозвучала скорее риторически, чем вопросительно.

Он поднялся с валуна, сделал несколько шагов вверх по склону холма и... неожиданно провалился в проход, разверзшийся прямо у него под ногами.

– Ланс, ты жив? – испуганно позвал Генрих, склоняясь над темной дырой подземного прохода.

– Да, – восторженно откликнулся полукровка, – спускайтесь скорее сюда, тут так здорово...

– Это что, укрытие? – Барон повернулся к Марвину, ожидая пояснения.

– Понимаешь, – сконфуженно промямлил некромант, – я ошибся. Не холмы это вовсе, а курганы с захороненными внутри них мертвецами.

– Мертвецы? – брезгливо скривился барон. – Не люблю мертвецов!

– Ты просто не умеешь их готовить, в отличие от нашего погонщика трупов! – преувеличенно бурно рассмеялся орк и добавил злопамятно: – Ведь маги никогда не ошибаются...

– Ну ошибся я, ошибся, с кем не случается! – взбешенно засипел Марвин, доведенный почти до белого каления язвительными подколками орка. – А судя по размерам курганов, в них захоронены очень важные люди. И в других условиях я бы не советовал нам соваться внутрь, но...

Тут в небе предупреждающе гроыхнуло, и на землю обрушилась плотная стена проливного дождя.

– ...но у нас просто нет выбора! – закончил за него орк, ловко ныряя в темную дыру лаза.

– Да! – вынужденно признал Марвин. – Да, демоны меня побери!

– А вот про демонов – это ты зря упомянул, – буркнул Генрих, весьма скептически настроенный относительно ночевки внутри кургана. – Ой, чую я, зря... – Он помог некроманту спуститься в подземный ход и забрался в него сам, преисполненный самых плохих предчувствий.

Мы двигались обратно к побережью. Нужно признать, Дикие земли оказались вовсе не таким уж безлюдным местом, каким показались мне ранее. Арланмир проявил себя прекрасным следопытом и посредником, сумев навести нас на скрывающиеся в холмах тролли стойбища. Мы приобрели немало союзников, сразу же влившихся в ряды моей армии, насчитывающей теперь уже больше тысячи бойцов. Да и сами тролли выказали себя далеко не столь тупым и отсталым народом, как это описывалось в ученых трактатах. Разобщенные на десятки постоянно враждующих между собой племен, отличающихся оттенком кожи, цветом волос, обычаями и ритуальными татуировками, они с превеликой радостью заключили временное перемирие, ополчившись против общего врага – проклятой демоницы. С появлением троллей наша жизнь значительно упростилась, приобретя элементы пусть примитивного, но комфорта. Нам подарили легкие раскладные шатры, устранившие необходимость ночевать под открытым небом, и даже привели лохматых, низкорослых, чрезвычайно выносливых северных лошадок. И теперь, покачиваясь на спине флегматичного каурого жеребчика, я обрела возможность утруждать свои мозги различными околофилософскими размышлениями, уж коли необходимость утруждать ноги почти отпала. О нет, я отнюдь не намеревалась строить из себя великую воительницу – смирный конек

пришелся мне очень кстати, ибо беременность близилась к концу, превратив меня в довольно неуклюжее, толстое существо, постоянно мечтающее о еде и сне. Роды должны были произойти совсем скоро.

Следует упомянуть, что в отличие от спасенных мною каторжан свежие воины, вступающие в наш отряд на всем пути следования к морскому берегу, посматривали на меня искоса, с молчаливым недоумением, искренне не понимая, что понадобилось одной пребывающей на сносях женщине в команде суровых, до зубов вооруженных мужчин. За командира у нас номинально числился мудрый Арланмир, предусмотрительно окруживший меня группой избранных телохранителей, возглавляемых силачом Кса-Буном и орком Торвеном, ставших моими близкими друзьями. К счастью, с детства привыкшая жить среди мужчин, я давно усвоила многие особенности их своеобразного, достаточно эгоцентричного менталитета, находя сильную половину человечества достаточно приятной и интересной в общении. И уж если говорить предельно честно, я всегда считала, что мужчины – это лучший подарок, данный природой нам, женщинам!

Вступившая в свои права весна совершенно преобразила Дикие земли, придав им некое грубоватое и скромное, но весьма притягательное очарование. Свинцовая серость небес понемногу сменялась прозрачной, умытой дождями голубизной, приятно перекликающейся с проклюнувшимися среди мха синими цветочками. Могучий канагериец, без усталости пешком вышагивающий по этому разноцветному великолепию и ведущий под уздцы моего жеребчика, обернулся, одаривая меня заботливым взглядом черных глаз:

– У хозяйки все хорошо?

– Просто замечательно! – с признательностью улыбнулась я. – Вот только боязно мне немного...

– Ни за что не поверю, будто ты способна бояться предстоящей битвы! – пафосно заявил Торвен, лихо гарцуя на своем вороном коне и бросая мне в руки букетик цветов. Я с благодарностью поднесла их к лицу, вдыхая чуть горьковатый аромат, несущий запах весеннего обновления и не скованной никакими ограничениями свободы.

– Спасибо, Торвен! Эти цветы – прекрасны!

Орк смущенно улыбнулся, забавно краснея так ярко, как умудряются краснеть только рыжеволосые.

– На здоровье! Знаешь, они очень похожи на тебя – в них нет тепличной изнеженности и показного кокетства. Они красивы не так, как знаменитые рохосские розы или желтые эйсенские тюльпаны. Нет, они хороши чем-то особенным и понятным – дорогим сердцу любого ценящего доброту и открытость мужчины...

Кажется, теперь покраснела я.

– Ишь как они за тобой приударяют, – добродушно рассмеялся подъехавший к нам Арланмир, подмигивая мне с видом все замечающего и понимающего старшего брата. – Забыли, видно, что ничего им не светит, ведь ты – королевская дочь!

– Ну и что? – ухарски хохотнул орк. – Ульрика стоит нашего внимания и уважения! Я в первый раз встретил столь неспесивую принцессу, не брезгующую есть из одного котла с простым пиратом...

– И много у тебя принцесс было? – иронично усмехнулся тролль.

– Ну... – смутился Торвен, – это разговор не для женских ушей...

– Ох уж эти мужчины! – поддразнила их я. – Умом своих партнеров любят только кошки и женщины. Иначе почему бы коты так громко орали, а мужчины так много врал?

Мои спутники восхищенно захохотали.

– Что произойдет с женщиной, которая вдруг начнет понимать мужчин? – дурашливо прищуриваясь, спросил Торвен.

– Ничего хорошего, – парировала я с такой же шутливой интонацией. – Она просто умрет со смеху!

Арланмир рассмеялся еще громче:

– Правду говорил мой покойный отец, любивший изрекать: «Упаси Пресветлые боги

нас от того мгновения, когда бабы поумнеют. Ведь после этого они попросту перестанут с нами связываться!»

Орк и тролль продолжали веселиться напропалую. Воспользовавшись благоприятным моментом, Кса-Бун тихонько тронул мое колено, привлекая внимание к своим словам.

– Не бойся, госпожа, – торопливо шепнул он, косясь на игриво пихающих друг друга в бок Торвена и Арланмира, – я никогда тебя не оставлю. Каждая женщина боится родов, но мне ведомы секретные приемы наших лекарей, умеющих снять боль и извлечь младенца из чрева матери целым и невредимым. Я тебе помогу...

Я ошарашенно вытаращилась на своего чернокожего телохранителя. Невероятно! В наших краях лишь немногие самые искусные маги и лекари осмеливаются вмешиваться в естественный процесс деторождения, часто заканчивающийся смертью матери или ребенка. Я растерялась, не находя, что следует ответить канагерийцу. Воистину мужчины скрывают множество секретов, не переставая удивлять нас, женщин!

– Ульрика! – Требовательный призыв тролля вывел меня из задумчивого состояния. – Рассуди нас по справедливости! Ведь всем известно, что творцы создали сначала мужчину и только потом – женщину. Поэтому мы умнее, сильнее и находчивее вас, баб! А вот Кса-Бун выступает за матриархат...

– И не зря выступает, – ехидно ухмыльнулась я, желая немного позлить моих отважных спутников. Правильно, мужчинам легче – им-то не рожать... Им-то что, свое дело сделал, штаны натянул – и в кусты... Творцы поступили разумно! Я тоже, когда хочу создать хорошую балладу, сначала всегда черновик пишу!

Орк и тролль замолчали, наповал сраженные моим неоспоримым доводом. И один лишь Кса-Бун низко склонил наголо обритую голову, скрывая одобрительную улыбку.

Мир устроен столь странно и противоречиво по одной простой причине – им управляют мужчины. Как и любой другой, наш мир создан женщинами – ведь это они, и только они, являются началом всех начал, первоисток и первопричиной всего сущего. Древнее название главы матриархального сообщества – праматерь, прародительница. Главнейшее предназначение женщины – дарить жизнь, производить потомство, обеспечивать продолжение рода. А еще – вкладывать в головы подрастающего поколения основные принципы и ценности: нравственную порядочность, уважение к старшим, любовь к родителям, заботу о слабых и зависимых, бережное отношение к природе. В первые два-три года жизни ум ребенка способен впитать все то, что вы в него вложите, и запомнить это навсегда, автоматически сохраняя полученные в период отрочества знания до самой смерти. Вот почему даже у самых воинственных народов детей до трехлетнего возраста всегда воспитывают именно женщины – хранительницы и носительницы обычаев, легенд и преданий. Законы придумывают мужчины, женщины создают традиции. И если в какой-то край приходит война, то наиболее умный и безжалостный враг, стремящийся истребить народ, рассуждает так: бесполезно убивать детей – это признак слабости, бесполезно убивать стариков – это признак трусости, бесполезно убивать мужчин – это признак недалекости. Один мужчина способен оплодотворить тысячу женщин. Но если ты хочешь истребить народ, нужно убивать матерей – и тогда род вымрет.

Мужчины любят войну, женщинам нужен мир. Мужчины склонны к агрессивному проявлению лидерской доминанты, привыкнув отстаивать свою власть с позиции силы. Женщины же являются куда лучшими дипломатами, ибо они уважают хитрость, компромисс и многовариантность мнений. И наверно, именно поэтому в нашем мире, созданном женщинами-демиургами, борьбу за лидерство начала тоже женщина – Ринецея.

Есть вещи, которые в любом искусственно морализованном обществе считаются крайне неприличными, особенно если о них говорят женщины. О нет, речь идет не о супружеской неверности, не о вытравливании нежеланной беременности и не о полученных от супруга синяках. Все это совершенно нормально с точки зрения широкой публики. Дамам не прощают совсем иного.

По меркам общества, жена ни в коем случае не должна становиться успешнее мужа. На самом деле подобное встречается отнюдь не редко, но вот поди же ты – афишировать такую «неправильную» ситуацию в семье не соглашаются не только мужчины, но и сами женщины. Дамы щадят самолюбие своих супругов, сознательно принижая собственные достижения. Они будто извиняются за ум и красоту, за трудолюбие и деловую хватку. То есть за все то, чем обычный человек вообще-то должен гордиться. «Вы не подумайте чего неприличного, – словно бы пытаются сказать женщины. – Я, как и положено любой бабе, дура душой. Просто сейчас у меня временные трудности – я неожиданно выбилась из образа. Простите, люди добрые. Ну не повезло мне – добились я в жизни больше, чем нормальный среднестатистический мужчина. Но вы не волнуйтесь, скоро я снова стану серенькой мышкой-неудачницей и смиренно уйду в тень своего господина».

Нормальная женщина должна быть хуже мужчины – вот установка нашего общества. Поэтому, если она вдруг становится в чем-то лучше, она просто обязана прилюдно каяться, ныкать по всем углам и просить прощения у всех богов сразу. И конечно же ни словом, ни взглядом никогда не напоминать любимому о реальном положении дел. Угодять, подстраиваться, подмахивать, тешить мужское самолюбие и уничивать себя – это всегда пожалуйста. А вот публично признавать себя более успешной – стыд и позор.

А еще женщине неприлично выглядеть сексуальной. От нее требуется стройность ног и упругость кожи, пухлость губ и пышность волос. Ее всячески подбивают на флирт, домогаются, уговаривают вступать в близость с кем угодно и когда угодно. Но при этом ее за это же и осуждают. Парадокс!

А злость и умение постоять за себя? Увы, в наличии этих качеств женщинам отказывают тоже. Им даже не прощают открытого проявления эмоций, выражающегося в отстаивании своих позиций, как то: аргументированный спор с мужчиной, если последний остается в проигрыше, демонстрация силы воли, логики и умения мыслить объективно. Обиду, зависть, мелкую исподтишковую мстительность и прочие проявления слабости женщине простят, но если она решительно стукнет кулаком по столу или еще как-то, с поднятым забралом, проявит агрессию, то все, пиши пропало. Хорошие девочки себя так не ведут. Хорошие девочки не вызывают мужчину на поединок и не валяют его в грязи ни физически, ни морально, на потеху всему ристалищу. Хорошие девочки, если их что-то возмутило, должны забиться в уголок и там тихонько поплакать, в ожидании своего защитника на белом коне. Но притом – проявлять гнев открыто, бороться за свои права, как это делают мужчины, – стыдно!

И уж что в женщинах совершенно недопустимо – так это скинуть на кого-то свои материнские обязанности и идти спасать мир. Нельзя доверять хотя бы часть родительских обязанностей мужчине: это неправильно. Нельзя быть амбициозной. Нельзя становиться жесткой, неуступчивой, принципиальной. Нельзя гордиться своими успехами, если они выходят за рамки кухни, набожности, вышивания, выращивания цветов и воспитания детей. Нельзя вслух признавать своих достижений, если у тебя что-то получается на территории традиционно мужской вотчины. Нельзя знать себе цену, уметь драться, выглядеть любвеобильной и не подчиняться существам, носящим брюки и шляпы. Существам, называемым мужчинами, что приравнивается к слову «человек». Женщине нельзя быть человеком. Стыдно!

Не стану скрывать – я всегда выступала против сих глупых предрассудков, с мечом в руке отстаивая свое право не только называться, но и являться человеком. Меня оклеветали и изгнали, осудили и назвали распутной, не поняли, не оценили и, возможно, не простили. Меня прозвали Сумасшедшей, и, лишь пройдя через массу жизненных перипетий, я осознала, какой особый смысл вложен в это нелепое прозвище. Я обрела истинную свободу тела и духа, я познала сладость настоящей любви и горечь ужасной потери, я научилась страдать и сострадать, ненавидеть и прощать, забывать прошлое и верить в будущее. Я стала сильной и ранимой одновременно. И в итоге я все-таки поняла, что же это значит – быть женщиной и человеком. Быть самой собой!

В холодных гранях бытия
Дробится сердце в отраженье,
В невольно созданном движении,
Где слиты плотно – ты и я,
Не вызывая отторженья.

Клинки вонзая не спеша,
Кромсая мышцы, нервы, кости,
Сражались страшно – нет, не гости.
Хозяйки – тело и душа...
Сейчас безликие от злости.

Ведь каждая хотела власти.
Построив царство на крови,
Алкала истинной любви,
Злой совести изгнав напасти
И раны растравив свои.

Весь мир земной у наших ног,
Сумей же им распорядиться,
А жить в сраженье – не годится,
Таких людей осудит бог —
Так в умных книгах говорится.

Усвоить истину несложно,
В согласье тело и душа
Сливаются, свой путь верша.
И обретут любовь... Возможно...
Былых потерь не вороша.

В подземном проходе сгущалась непроглядная темнота. Но так продолжалось всего лишь несколько коротких мгновений, до тех пор, пока в могильной тишине погребального кургана не прозвучало скороговоркой произнесенное заклинание и в воздухе не возник голубовато светящийся магический шар, невесомо парящий над ладонью Марвина. Стены коридора сразу раздвинулись, утрачивая свою мнимую, давящую на психику тяжесть.

– Брр, не люблю закрытых помещений! – с чувством произнес некромант, озираясь настолько испуганно, что это сразу бросилось в глаза всем и шло вразрез с его высоким титулом архимага. – С детства страдаю клаустрофобией!

– Не ожидал услышать подобное признание от погонщика трупов! – Оггур тряс прикованный к стене факел, пытаясь вырвать его из ржавых скоб. – Не вяжется как-то с вашими мрачными обрядами и раскапыванием могил...

– Ага, это у тебя все просто и доступно, – огрызнулся маг, настороженно вглядываясь в глубь коридора, змейкой уходящего куда-то вперед. – Вот посидел бы ты лет десять в наших пещерных архивах – вообще бы заикаться начал!

– Фигня, – с чувством огромного превосходства фыркнул Генрих, – я, почитай, провел в подземелье большую часть жизни – и ничего, на нервы не жалуюсь.

– Генрих, – сладенько проворковал Ланс, – а ты случайно не в курсе, как называется маленькое мохнатенькое существо с тридцатью двумя лапками и серой шкуркой?

– Не знаю, – небрежно отмахнулся сильф. – И не приставай ко мне со своими глупостями, я загадками не увлекаюсь. А что это такое, кстати?

– Так вот и я не знаю, – задумчиво протянул полукровка, – но сейчас попробую это с

тебя стряхнуть...

– Да паук-трупоед это как пить дать! – приговором бухнул некромант. – Хана тебе, Генрих...

– А-а-а! – Барон с диким воплем отчаяния безудержно ломанулся по проходу, совершенно не разбирая, куда бежит. Вслед ему летел залиvistый смех друзей.

– Да пошутил я, пошутил, – запоздало сознался полуэльф. – Зато Генриху немножко нервы пощекотали!

Де Грей обиженно молчал, украдкой отряхивая испачканный землей и паутиной камзол. По его мнению, Ланс всегда отличался жутко извращенным чувством юмора.

– Ладно, – рассудительно произнес некромант, – уж если мы забрались в это гиблое место, которое, признаюсь честно, мне совсем не нравится, то предлагаю не толочься в узком проходе, а пойти вперед и отыскать подходящий для ночлега уголок. – Он щелкнул пальцами, высекая искру и зажигая факел, отвоеванный орком у стены. Выстроившись вереницей и дыша почти в затылок друг другу, друзья последовали за Огвуром, невозмутимо топающим в авангарде их маленького отряда. Пауков тысячник не боялся, в привидения не верил, а посему был способен запросто, без лишних разговоров проломить череп любому, осмелившемуся встать у него на пути. Цепочку усталых и голодных путников замыкал пасмурный Марвин, перебрасывающий светящийся шарик с ладони на ладонь и что-то неразборчиво бормочущий себе под нос. Уж кто-кто, а молодой некромант отлично разбирался во всяком заупокойном антураже и вполне отдавал себе отчет в том, какие заковыристые неприятности можно огрести на свою пятую точку, неосторожно слоняясь по заброшенному или, что еще хуже, незаброшенному могильнику. Однако он предпочел держать язык за зубами, не решаясь пугать друзей раньше времени. «Надейся на хорошее, – вполголоса бубнил умный маг, – потому что плохое найдет тебя само!» А как известно, беду накликают – плевое дело!

Доставшийся им курган, столь легкомысленно выбранный Лансом для экстремальной ночевки, безусловно, насчитывал не одну сотню лет, став последним приютом для целой династии или правящего рода. Коридор, уводящий друзей вперед, начал заметно опускаться вниз, уходя намного ниже поверхности земли. Невзирая на это, воздух в подземелье продолжал оставаться теплым и чистым, видимо каким-то хитроумным образом обновляясь через выходящие наружу отдушины. Запаха разложения не чувствовалось совсем, что казалось по меньшей мере странным. Стены прохода, выложенные ровными каменными плитками, правда местами отвалившимися и затянутыми плесенью, не производили впечатления неухоженных. Бесспорно, за состоянием кургана следили, поддерживая его в чистоте и относительном порядке.

– Не нравится мне все это, – признался Марвин, прищуривая глаза и рассматривая витиеватый орнамент, сплошь покрывающий стены коридора. – Судя по всему, в этих местах обитает неведомая нам сила – могучая, темная и очень древняя. В подобных курганах часто проводят ритуальные обряды, и мне не хотелось бы столкнуться со жрецами, поклоняющимися местным богам...

– А как же Аола, Смерть и их братья? – искренне изумился Генрих. – Дарующая жизнь – официальная покровительница Силя. Мы воздвигли для нее роскошный храм...

– Есть многое на свете, друг мой Генрих, что и не снилось нашим мудрецам! – передернул плечами некромант. – Увы, Дикие земли живут по своим законам и совсем не почитают наших творцов и богов. Здесь до сих пор в ходу человеческие жертвоприношения, призванные обеспечить местному народу милость великого черного короля Брана – бога войны...

– Кто бранится? – Ланс, как всегда, что-то услышал, но ничегошеньки не понял.

– Ты не так уж и неправ, – довольно кивнул некромант. – Старинное слово «браниться» обозначает не ругань, а «рубиться на мечах» – отсюда же произошло понятие «бранное поле»...

– Целое поле для ругани? – не поверил засыпающий на ходу полукровка, сладко

зевая. – Да ну?

Марвин махнул на него рукой – дескать, чего с красавца взять?

– Говорите-говорите, я всегда зеваю, когда мне интересно! – поддразнил полуэльфа Генрих, торопясь рассчитаться за «мохнатенькое существо» у себя на спине. К счастью, этих ехидных слов не расслышал орк, монотонно вышагивающий чуть впереди всех.

Коридор оборвался внезапно, закончившись высокой полукруглой аркой, вырубленной из светлого камня и освещивающей потусторонним, переливчато мерцающим светом. За аркой начинался огромный зал, скупо подсвеченный квадратными фонарями из дымчатого стекла, за гранями которых ровно билось густое, багровое, будто кровь, пламя. В центре зала возвышалась исполинская медная статуя, изображающая зрелого мужчину, вооруженного двумя мечами. Обнаженный воин стоял в готовой к нападению позе, чуть согнув напружиненные ноги и приподняв обоюдоострые клинки. Из одежды на нем имелись лишь кованые щитки, прикрывающие ноги до колен и руки от запястий до локтей. Мощный торс обхватывал воинский пояс доблести, с привешенными к нему отрубленными человеческими головами. Головы оказались настоящими, свежими, еще практически не затронутыми разложением.

Генрих восхищенно обошел вокруг варварски прекрасной статуи, всеми фибрами тела ощущая исходящую от нее энергетику – дикую, буйную и первозданную. Он разглядывал схематично обозначенные черты мужского лица, почти неразличимые, но вместе с тем таящие какую-то страшную притягательность. Высокие скулы, узкие глаза, хищно оскаленные зубы... Все это внушало отвращение, но с другой стороны – влекло и очаровывало. Не сдержавшись, барон протянул руку и кончиками пальцев коснулся бедра статуи, заляпанной потеками какой-то темной маслянистой жидкости. Ему показалось – прикосновение длилось одно мгновение, но в ушах у него вдруг зашумело, причем гул накатывал волнами, неся с собой предсмертное ржание поднятых на копыта коней, лязг сшибающихся в сече клинков и гортанные вскрики погибающих в бою воинов... Генрих мучительно застонал и непроизвольно схватился за рукоять рапиры, порываясь окунуться в затягивающий водоворот схватки...

– Вот так это и происходит. – Марвин ухватил друга за рукав и сильно дернул на себя, оттаскивая от статуи. – Воины проходят посвящение и становятся одержимыми жадой истребления берсерками!⁴⁰

– Что это со мной? – жалобно спросил Генрих, мотая головой и старясь избавиться от наваждения. – Или кто?

– Бран! – коротко пояснил некромант, неприязненно косясь на статую свирепого божества. – Его омывают кровью убитых врагов, ему приносят в жертву девственниц, испрашивая победы в бою. Мне доводилось читать о страшных мистериях, совершаемых в его честь. Судя по описанию, такого оголтелого распутства даже в самых распущенных борделях не увидишь... Ведь кроме воинских побед Бран дарует своим адептам и вторую ипостась мужской силы... – Он брезгливо указал на огромный детородный орган бога, вздыбленный наподобие копья. Губы мага гадливо искривились. – Фу-у-у, ну и мерзость!

Но Генрих не чувствовал ни капли отвращения, продолжая взирать на статую Брана возбужденно расширенными глазами. Его душа, его мужское естество пели, будто натянутая струна, безошибочно подсказывая: эта религия создавала настоящих мужчин, настоящих воинов. А если ради этого они приносили в жертву женщин и побежденных противников – так что ж, такова жизнь, ведь в ней выживает сильнейший!

Пол возле статуи покрывала разнообразная золотая утварь, украшения и бесценное оружие, неряшливо наваленные как попало и накапливающиеся тут годами, слой за слоем.

⁴⁰ Б е р с е р к и – воины, в бою теряющие ощущение реальности, отличающиеся силой и нечувствительностью к боли.

То была воинская добыча, принесенная в подарок богу.

Перед статуей Брана находился жертвенный треножник, на котором шатко уместилась широкая золотая чаша, до краев наполненная темной жидкостью, издающей резкий медяный запах. Марвин наклонился, принялся и с проклятием пнул сосуд, опрокидывая его набок. Кровь, а это оказалась именно кровь, растеклась неровным пятном, омочив ноги жестокого бога. Генрих вскрикнул, опасаясь за друга.

– Ты совершил святотатство! Не боишься, что Бран разгневается?

– Тупой идол, – злобно прошипел некромант, плюя прямо на фаллос бога. – Кровопийца! Я чувствую – тут, прямо перед ним, несколько дней назад изнасиловали и зарезали молодую невинную девушку, причем ее смерть стала долгой и мучительной...

Генриха передернуло от стыда. Ведь еще пару минут назад он и сам собирался вступить в ряды бога-людоеда...

– Сюда! – Громкий крик Ланса отвлек друзей от поруганного жертвенника.

Они торопливо побежали на зов, переместившись в самый отдаленный край обширного зала. Здесь уже не нашлось места для золотых украшений и прочего захваченного в набегах скарба, потому что все свободное пространство пола занимали шеренги теряющихся в полумраке каменных саркофагов, установленных ровными рядами. И если ближайшие гробы выглядели вполне новыми, то от дальних так и веяло старостью, едва прикрытой ветхими лохмотьями, оставшимися от некогда богатых погребальных покровов. Количество гробов не поддавалось исчислению, поражая воображение и вызывая животный ужас, липко обволакивающий душу и призывающий немедленно спастись из этого проклятого места.

– Сколько же их здесь захоронено? – ахнул силф, невольно пятясь назад.

– Сотни, – мрачно ответил некромант, суеверно осеняя себя охранным жестом, призывающим защиту богини Аолы. – А возможно, даже тысячи. У каждого народа существуют подобные церемониальные места-кладбища, предназначенные для захоронений, молитв и общения с духами предков. Мертвецов проносят сюда многие века, отдавая под покровительство бога Брана. В этих саркофагах покоятся лучшие воины племени, вожди, жрецы и колдуны...

– А призраки? – робко пискнул Ланс, на всякий случай прячась за широкую спину орка. – Они тоже тут водятся?

– Нет! – подбадривающе улыбнулся Марвин. – Никаких привидений – одни лишь трупы. Да и нечего нам мертвых опасаться: бояться нужно живых. Так вроде бы и Ульрика говорит...

– Да-а-а? – недоверчиво протянул полуэльф. – Ты меня не убедил! И знаешь почему? Потому что именно сейчас я собственными глазами вижу самого настоящего призрака...

– Ланс, – сердито рявкнул Генрих, хватая красавца за ухо и вытаскивая из-за Оггура, – кончай придуриваться. Надоели уже твои шуточки, спасу нет!

– Но-но, полегче! – Тысячник легко разжал пальцы барона, успокаивая хнычущего дружка. – У тебя дома жена есть, вот ее и лапай...

– Да не вру я ничуть! – возмущенно доказывал полукровка, ребячливо шлепая де Грея по плечу и складывая губы трубочкой. – У-у-у, гадкий...

– Если дать творческую свободу петуху, он все равно примется кукарекать! – саркастично хмыкнул Генрих. – А я утверждаю, врешь...

– Не вру! – упорно стоял на своем его прекрасный оппонент. – Гляди сам... – И Ланс указал пальцем в самый темный угол зала.

Друзья глянули...

И действительно, за одним из каменных гробов испуганно скорчилась маленькая полуголая фигурка, тощая и бледная до синевы.

– Ну что я вам говорил? – ликующе завопил Ланс. – Если это не привидение, то кто тогда?

– Мальчик! – спокойно проговорил Марвин, сразу же определяя бесспорную реальность человека, чуть не ставшего жертвой навета, подходя к затравленно

озирающемуся существу и участливо беря его за руку. – Не бойся нас, малыш, мы тебя спасем!

Мнимое привидение поднялось на ноги и шагнуло к свету, оказавшись худым долговым отроком лет тринадцати-четырнадцати. Тело мальчика покрывали синяки и ссадины, на шее запеклась рваная рана, а его расширенные зрачки казались двумя бездонными колодцами горя и отчаяния.

– О-о-о, призрак! – заорал Ланс, панически прыгая на Огвура и повисая у него на шее. – Дорогой, спаси меня, докажи этому живому мертвяку, что ты настоящий мужчина!

– Как, и ему – тоже?!.. – с намеком заржал Генрих, вкладывая в свою реплику донельзя пошлый смысл. – Ну это ты, красавец, лишку хватил...

Оггур сконфуженно улыбнулся.

Между тем Марвин распотрошил свою походную сумку и принялся кормить мальчика остатками продуктов, припасенных после выданного Саймоном завтрака. Когда ребенок насытился, некромант заботливо прикрыл его своим плащом и приступил к расспросам:

– Кто ты, малыш, и как очутился в этом столь не подобающем для тебя месте?

– Меня зовут Альдрик, – четко ответил отрок, – и я прихожусь младшим братом военного вождя племени олорулонов. Девять дней назад мерзкие кикты напали на наше стойбище и взяли меня в плен вместе с десятком моих соплеменников. Всех их принесли в жертву богу Брану, а меня оставили здесь, предназначив стать вместилищем духа мертвого колдуна Сиваша...

– Стоп, а как-нибудь попроще объяснить можешь? – перебил мальчика Генрих. – А то я что-то совсем запутался. Как это – вместилище мертвого духа?

– А вот так, – поддержал Альдрика некромант, – все элементарно. Дух колдуна войдет в жертву, обретая новое тело и новую жизнь...

– Ага, так здесь все-таки водятся призраки? – поспешил уточнить придиричивый полукровка. – Значит, я не врал?

– Выходит, что так, – неприятно усмехнулся Марвин. – И если этот призрак при жизни звался верховным колдуном, то нам лучше не рисковать, а бежать отсюда без промедле...

Но договорить он не успел...

Глава 8

Малейшая неведомая или неявная опасность всегда намного страшнее любого, даже самого жуткого, кошмара, имеющего видимые очертания. Сердцами и душами людей правит мистика, а то, что можно пощупать руками или увидеть воочию, страшит нас на порядок меньше. Скрип двери, раздающийся в ночной тишине, повергает в трепет гораздо сильнее, чем оскаленная пасть хищного зверя, а приподнимаемый сквозняком ковер способен вогнать нас в холодный пот, напугав до полусмерти. Но ужаснее всего то, что не имеет понятного смысла, не сопровождается реальными объяснениями и не поддается логическому обоснованию...

Порыв неизвестно откуда взявшегося ветра пролетел по залу, зловеще играя тенями и шелестя надгробными покровами каменных саркофагов. Пламя светильников сразу же поникло и присмирело, утрачивая по крайней мере половину своей обычной силы. Черная полумгла начала стремительно сгущаться под сводом помещения, расползаясь по стенам и принимая форму когтистых лап, тянущихся к друзьям, неловко сгрудившимся в единственном четком пятне света, излучаемом факелом, зажатым в руке Огвура. Резко похолодало, причем до такой степени, что вырывающееся изо рта дыхание тут же замерзло в воздухе, образуя облачко белесого пара. Альдрик испуганно всхлипнул и робко прижался к Марвину, дрожа всем телом.

– Гоблины драные! – свирепо прорычал орк, размахивая факелом. – А это еще что такое?

– Магия, – неуверенно ответил Марвин, словно сомневаясь в правильности своих

слов. – Чары бога Брана и его слуг, не имеющие ничего общего с некромантией. Боюсь, как бы против нас не выступила целая армия...

– Не мели чепухи, маг! – Не желая слушать друга, Генрих пальцами заткнул уши, будто этот бесполезный жест мог остановить потусторонние силы. – Глупости! Как могут мертвые напасть на некроманта? Абсурд...

– Они не мертвы! – сбивчиво запротестовал некромант. – Но и живыми их не назовешь. Это, скорее, некие бесплотные, подчиняющиеся колдуну субстанции, схожие с силами природы. Умение управлять ими сохранилось у самых древних и примитивных народов – таких, как тролли, ибо они стоят намного ближе к земле и ее недрам, чем люди или эльфы. Подвластных колдунам существ именуют по-разному: ифритами, дивами, джиннами, духами стихий... Это они подпитывают энергией бога Брана и помогают его берсеркам. Нечто подобное живет и в мече Сумасшедшей принцессы.

– А их можно победить? – влез в разговор любознательный Ланс, опасливо поглядывая на клубящуюся под потолком тьму.

– Не знаю, – с сомнением в голосе признался Марвин. – Но попробовать стоит.

Тем временем концентрирующаяся по углам мгла уплотнилась до состояния громадной черной тучи, принявшей очертания закутанной в длинный плащ фигуры, в центре которой поблескивала единственная светлая точка, напоминающая звезду с небес. Загадочного исполина сопровождали четыре бесформенных облака. Первое полыхало огнем, распространяя вокруг себя нестерпимый жар и выстреливая пригоршнями алых искр. Второе клубилось морозной дымкой, обжигая смертельным холодом. Третье журчало потоками ключевой воды, а последнее жадно чавкало комьями сырой глины.

– Спасите нас, Пресветлые боги! – Лицо Марвина выражало неподдельный ужас. – Погибший колдун Сиваш действительно обладает огромной силой, потому что его защищают четыре стихии: Огонь, Холод, Вода и Земля! Нам не уйти отсюда живыми...

– Господин! – Альдрик внезапно ухватил некроманта за локоть. – Видите ту яркую звезду в самом центре темного сгустка? Это душа черного колдуна. Сегодня наступил девятый день с момента его смерти. Именно в этот миг душа чародея освобождается от оков мертвого тела и становится уязвимой и хрупкой, готовясь перейти в новую оболочку. Для этих целей меня и оставили в могильнике племени киктов. Поймайте душу колдуна – и он станет вашим верным рабом...

– Замечательная идея! – нервно рассмеялся Марвин. – Еще бы понять, как ее можно реализовать... Боюсь, я опять что-нибудь напутаю...

– Душа способна причинить нам вред? – усомнился Генрих.

– Да, – дрожа, будто осиновый лист на ветру, подтвердил некромант. – Это же дибук!⁴¹ Лишь самые сильные личности-маги умеют отторгать свою душу в момент смерти, вполне способную захватить чужое тело.

– Хорош паниковать, погонщик трупов! – сердито рявкнул Огвур, отвечивая некроманту звучную пощечину. – Ведь ты же архимаг, тебе подчиняются мертвые. Оглядишься: да здесь полно подопытного материала...

– Точно! – Глаза Марвина вспыхнули ярче души черного колдуна. – И как я мог забыть, что мы находимся в гигантской братской могиле. Слушайте меня, мертвые братья, я приказываю вам восстать!

Он воздел ладони над головой, сплетая пальцы в непонятном жесте и вполголоса творя заклинания. Но ничего не произошло...

– И много трупов ты собираешься поднять? – шепнул Ланс, громко стуча зубами и прикрывая скрещенными руками свои роскошные локоны.

– Да хотя бы десятка два! – сквозь сжатые челюсти пробурчал некромант, натужно

⁴¹ Д и б у к – в иудаизме и некоторых других религиозных течениях: неприкаянная душа мертвеца, способная вселиться в тело живого человека.

багровея лицом и выписывая пальцами сложные пассы. – Вот гоблины, я опять забыл ключ к заклятию тьмы...

– Жалкие людишки! – Громоподобный голос, шедший из темного сгустка, загрохотал морским прибоем, откалывая мелкую каменную крошку с покрывшегося трещинами потолка. – Вам ли противостоят мне, великому Сивашу! Но я милостив – отдайте мне мальчишку, и я отпущу вас подобру-поздорову...

– Типа мало нам своих извращенцев, так тут еще один педофил на нашу голову выискался! Вот тебе, а не Альдрик... – нахально отрезал Генрих, складывая пальцы правой руки в весьма невежливый жест. – Нечего тут молодежь плохому учить, пададь ты сексуально озабоченная!

– Чего? – оскорбленно взвыл мертвый колдун. – Да я вас сейчас... – Он взмыл под свод залы, резко распахивая свой темный плащ. На друзей глянул оскаленный череп, полыхающий заменяющими ему глаза угольями.

– Мама! – хором заревели все, включая храброго Генриха. – Спаси нас, Аола!

– Взять их! – захохотал призрак, призывая своих слуг.

Четыре стихийных духа набросились на дерзких пришельцев, осмелившихся нарушить покой погребального кургана, и вдруг... Крышки, прикрывающие саркофаги, с грохотом взлетели вверх, раскалываясь на тысячи кусков... Из гробов поднимались трупы, готовые выступить против черного колдуна. Здесь были погибшие военачальники, сжимающие в костлявых дланях свои отрубленные головы, жрецы, вооруженные ритуальными ножами, вожди в изъеденных червями златотканых плащах, старухи ведьмы, трясущие длинными патлами седых волос и шамкающие прогнившими челюстями, совсем молодые мужчины, раздувшиеся от погубившего их яда, и еще сотни других покойников.

– Сколько-сколько, ты сказал?.. – заикаясь, спросил Огвур, клацая зубами и обнимая Ланса. – Десятка два? А ты случайно не переборщил, друг Марвин?

Но некромант радостно хихикнул, потирая ладони.

– Взять их! – в свою очередь повелительно закричал он, указывая на четырех духов стихий. – Разорвать, растерзать, сожрать!

Армия оживших мертвецов ответила заунывным воем и бросилась в бой...

В зале творилось невероятное. Поднятые из гробов трупы скопом наваливались на духов стихий, словно губки впитывая их энергию. Но духи не сдавались, сжигая, размывая водой, засыпая грязью и в труху замораживая досаждающую им мертвую плоть. Омерзительно воняло горелым. На тщательно оберегаемую шевелюру Ланса сыпался пепел, а по полу катались четыре сплетенных клубка, оставляя на каменном полу глубокие рытвины, лужи темной жижи и хлопья саж. Наверно, никому в этом мире еще не доводилось наблюдать подобной битвы.

Высоко над головами совершенно ошалевших от увиденного зрелища друзей злобно завывал колдун Сиваш, которому гнусаво вторил не менее распаленный Марвин. Осознав, что его слуги проигрывают, призрак озверел вконец. Он широко размахнулся и метнул в некроманта черную, извивающуюся, будто змея, молнию. Маг ловко отпрыгнул, зарычал, узрев в полу яму, оставленную магией Сиваша и раскрывшуюся почти у него под ногами, засучил рукава и ответил огненным шаром. Так продолжалось некоторое время. Молнии колдуна искорежили камни, устилающие дно пещеры, ответные удары некроманта сильно испортили стены, а потом – Марвин промахнулся...

Устав от магического поединка, он ослабил контроль над своим проклятым гайморитом, смешно наморщил переносицу и громко чихнул... Длань некроманта, сжимающая очередной огненный шар дрогнула, он неловко повернул кисть правой руки, поэтому сгусток огня скользнул вбок, пошел низко и... угодил точнехонько в напряженный фаллос медного бога Брана. Колдун оскорбленно завопил.

– Упс! – тихонько выдал провинившийся некромант и смущенно покраснел.

Ланс и Огвур дружно зажмурились... Альдрик пискнул, будто мышка, утыкаясь лицом в подмышку дико ржущего от восторга Генриха. Но громче всех заорал сам раненый бог,

сгибаясь пополам, роняя мечи и хватаясь за пострадавшее причинное место. Статуя несколько раз всхлипнула, да так и осталась стоять в сгорбленной позе скромника, прикрывающего свое мужское достоинство...

– Ну и дела! – приоткрыл рот Ланс.

– И нечего туда пялиться! – запоздало приказал орк, ладонью прикрывая глаза нежного полуэльфа. – стыдоба сплошная!

Генрих заржал пуще прежнего.

Но самым неожиданным стало то, что выроненные богом мечи со звоном отскочили от пола и подлетели высоко вверх, распарывая темный, сотканный из тумана плащ призрака. Сгусток тьмы разорвался со звуком лопнувшего мыльного пузыря. Душа колдуна падающей звездой скользнула вниз...

– Лови ее! – пронзительно заголосил Марвин. – Держи ее!

– Горячая какая! – Огвур отбил дибук метким ударом секиры, отправляя его в сторону Генриха.

– Сам лови! – парировал сильф, продолжив полет звезды ловким тычком своей рапиры.

– Ланс, она летит к тебе! – надрывался некромант. – Хватай ее!

– Она жжется, а-а-а! – И полукровка завизжал столь истошно, что душа, словно ошпаренная, шарахнулась прочь от него, взяв курс на Марвина.

– Вот и лови ее сам, ты же маг! – приказал Огвур, дуя на обожженные пальцы милого дружка. – Не станешь впредь друзей палить...

Марвин растерялся. На него стремительно неслась самая настоящая раскаленная звезда, а он стоял, застыв столбом, потерянно расширив глаза и растопырив руки. И тут мага осенило...

Он выхватил из кармана свой жутко засморканный носовой платок, накинул его на душу колдуна, невозмутимо завязал ее в узелок и сунул этот едва заметно трепыхающийся сверток в карман штанов.

– Потрясающе! – восхитился барон. – Ну и крутой же ты маг, Марвин! Звезду – да в носовой платок, как же это возможно?

– Ерунда! – скромно улыбнулся некромант. – Я вбухал в свой гайморитный нос целую прорву всяких экспериментальных заклинаний, а потом банально высморкал их в сей чудесный кусок ткани. С тех пор моя сопливая тряпка так пропиталась магией, что приобрела прочность непробиваемого щита!

– А здорово я его напугал? – горделиво выпятил грудь Ланс.

– Да уж, напугал, – иронично хмыкнул де Грей. – Да ты самое настоящее зло, опаснее колдуна – визжишь так, что оглохнуть можно!

– Ну уж нет, хватит принижать мою смелость! – Полукровка наставительно потряс наманикюренным пальцем у барона перед носом. – Вот скажи на милость, что в сказках всегда и всех побеждает? Добро! То-то же. Значит, я и есть самое настоящее добро в чистейшем, бесценнейшем виде!

– Ничего себе заявка! – растерянно бормотал сильф, искавший, но так и не нашедший достойного ответа, способного хоть немного приструнить зарвавшегося полуэльфа. Подумать только, его – повелителя, героя и воина – спокойно уел какой-то расфуфыренный, накрашенный красавец. Да что же это такое неправильное на белом свете творится-то, а? Но, впрочем, полуэльфа нужно понять и простить: ведь умение прощать – удел сильных, ибо слабые не прощают никогда...

– А кто такие эти кикты? – с любопытством спросил Ланс после того, как поднятая в зале пыль немного улеглась, а вызванное сражением напряжение спало.

– Так мы называем самое дикое и злобное племя из всех тролльих родов! – охотно пустился в объяснения Альдрик. – Кикты – «кровожадные»! Живут они в большом стойбище за холмами и воюют со всеми подряд, но больше всего – с нами, олорулонами.

– И почему вас мир не берет? – поинтересовался Генрих, собирая вываленные из

сундуков тряпки и устраивая импровизированную лежанку. – Не поделили небось чего?

– Женщин! – глубокомысленно заявил мальчишка, выразительно распрямляя худенькие плечи и стараясь произвести впечатление взрослого, солидного мужчины. – От них все беды!

– Ого, устами младенца глаголет истина! – уважительно хмыкнул Марвин. – Вот вам и еще один фанатичный последователь теорий Эткина. Ведь это именно наш дракон любит повторять к месту и не к месту, что страшнее бабы зверя нет.

– Страшнее киктской бабы! – тут же с видом знатока уточнил Альдрик. – У них там каждая вторая – ужасно уродливая, а каждая первая – еще ужаснее...

– Не понял, – хлопнул ресницами полуэльф, – это как?

– Да чего тут непонятного-то? – глубокомысленно вздохнул отрок. – У нас даже поговорка про киктских баб имеется: что может быть страшнее волосатых женских ног? Только волосатая женская грудь!

– Волосатые женщины? – презрительно скривился некромант. – Фу-у-у, ну и гадости же ты рассказываешь, малыш!

– А с полгода назад в нашем племени произошло несчастье, – продолжал многословно вещать Альдрик, упиваясь уделяемым ему вниманием. – На стойбище налетели горгульи и утащили два десятка самых сильных мужчин, включая моего родного брата – военного вождя олорулонов Арланмира. И вот после потери лучших бойцов племени мы уже не смогли отбить очередного набега киктов. Остальное вы знаете...

– И они напали на вас ради захвата женщин? – уточнил Генрих.

Мальчик кивнул:

– Да. Наши девушки хороши собой, стройны и белокуры. Похожи на него. – Он указал на Ланса. – Этого прекрасного господина вполне можно принять за женщину...

– А он и так, – сильф иронично ухмыльнулся, многозначительно махнув рукой, – что-то неопределенное, промежуточное между партизаном и куртизанкой...

– Кикты – сильные воины? – торопливо перебил барона Марвин, не позволяя тому излишне углубляться в пикантные подробности.

– Сильные! – с явной долей плохо скрываемой зависти подтвердил мальчишка. – Они черпают силу от своего бога Брана и к тому же обладают каким-то таинственным артефактом, называемым Иглой...

– О-о-о! – ликующе завопил некромант, от радости пускаясь в пляс. – Мы нашли Алатору!

– Пока еще не нашли, – отрезвляюще урезонил его барон. – Но теперь мы хотя бы знаем, у кого она хранится. Значит, в первую очередь нам нужно поскорее придумать, как попасть в лагерь киктов и выманить дагу у их вождя...

– Ну это как раз проще всего! – важно изрек Альдрик, снисходительно поглядывая на сильфа.

Генрих возрился на отрока так, будто тот показал ему какой-то хитрый фокус:

– Проще? Для тебя это просто?

– Для вас всех, – ушло подмигнув, уточнил юный тролль. – У вас же есть господин Ланс...

– И что? – недогадливо насупился Огвур. – Кстати, не у нас, а у меня!

– О боги, ну почему взрослые так глупы? – тихонько пробурчал мальчишка. – Переоденьте вашего друга девушкой и отведите его к вождю киктов. Он зовется Баргушем и является сыном мертвого колдуна Сиваша. Вождь отличается невероятной любвеобильностью и тут же прельстится красотой мнимой девицы. Он захочет взять ее в жены, а свадебный обряд проводится с помощью Иглы. Вам останется лишь выкрасть волшебный артефакт...

– Гениально! – восхищенно воскликнул барон. – Ай да мальчишка!

– Ну уж нет, – торопливо возразил полуэльф. – Не хочу я выходить замуж за какого-то немытого и вонючего тролля! Я вам не гулящая девка...

Но Генрих не собирался отступать от столь заманчивого плана. Он вытащил из

ближайшего сундука роскошный женский наряд и чуть ли не насильно натянул его на Ланса, предварительно запихав в лиф парчового платья несколько тряпок. Подчернил угольком огромные зеленые глаза полукровки и украсил его длинные волосы изящной золотой диадемой.

– Где твоя помада? Накрась губы пожирнее! – приказал барон.

Ланс нехотя подчинился.

– Бесподобно! – экзальтированно хлопая в ладоши, заявил сильф. – Вот и помада розовая, в сиреневеньком футлярчике, пригодилась. Был у нас Лансанаризель, а стала – Лансанаризелла!

Полуэльф кисло улыбнулся.

– Утром отправимся к киктам! – продолжал командовать барон. – Изображая невинную эльфийскую девушку, ты быстренько очаруешь этого, как его... Баргуша, поцелуешь разок – и дело сделано, дага наша!

– Ну-ну, – хмуро проворчал Огвур, – почему-то я сомневаюсь, что кикт удовольствуется одними только поцелуями...

Но де Грей пропустил возражение орка мимо ушей.

Остаток ночи прошел спокойно. Смачный храп Огвура, многократно усиленный подземным эхом, шквалом разносился по разгромленному залу, порождая загадочные звуки, сильно смахивающие на чей-то гомерический хохот. Вымотавшийся на магическом поединке некромант дрых без задних ног, не обращая ни малейшего внимания на выводимые орком рулады. Привалившись под бочок милого дружка, томно почивал красавец полуэльф, вполне довольный моральной победой, одержанной над своим давним насмешником – Генрихом. Белое, расшитое жемчугом платье шло Лансу необычайно, делая его похожим на юную прелестную невесту, предназначенную для могущественного принца. Закутавшись в плащ Марвина, смирно посапывал спасенный отрок, чудом избежавший страшной участи стать безвольным вместилищем для духа возмечтавшего об экстремальном омоложении колдуна. Генрих поначалу добровольно принял на себя обязанности караульного, но потом здраво рассудил, что опасаться им нечего, и решил последовать заразительному примеру друзей. Но не тут-то было – барону не спалось... Да и как, спрашивается, вообще можно уснуть при столь жутком храпе, если от ритмичного дыхания могучего тысячника у Генриха развеваются волосы, а от издаваемых орком звуков звенит в ушах? Кстати, если бы в кургане еще оставались способные восстать из гробов трупы, они бы уже точно воскресли, чтобы намылить шею источнику сего кошмарного шума и вернуть себе могильное безмолвие! Право же, сегодня барон почти уверовал в то, что в факте смерти тоже имеются свои положительные моменты, ибо мертвые – не храпят.

Генрих переворачивался с боку на бок, закутывал голову обрывками погребальных покровов, засовывал ее в огромный серебряный котел, но ничто не помогало. Чудовищный храп проникал повсюду, упорно ввинчиваясь в мозги и буквально вынимая душу из тела. Сильф пробовал считать овец, но несчастные подопытные животные тоже не выдержали натиска убойной звуковой волны, создаваемой орком. Они категорически отказывались прыгать через мысленно возведенное препятствие, упирались, нелепо растопыривая копытца, жалобно блеяли и дохли, будто мухи.

«Интересно, а кого считают овцы, когда не могут заснуть! – абстрактно подумал Генрих, почти сожалея о том, что попавший в бога удар не достался Огвуру. – Еще бы вспомнить, чего там Марвин болтал про турбулентности и аэродинамический эффект... Хотя нет, такую тягу, как у Огвура в соплах, ничем не заткнешь...»

А вот идея с затыканием почему-то показалась барону перспективной. Он отщипнул два кусочка мягкого хлебного мякиша, скатал в шарики и плотно закупорил себе уши этими самодельными затычками... И все сразу же изменилось – теперь Генриха окружила благодатная тишина, неся долгожданное успокоение. Хлебные беруши не пропускали ни звука. Сильф с наслаждением зевнул, устроился щекой на сложенные лодочкой ладони и

мгновенно погрузился в глубокий сон...

Генриху снилось невиданное и не пробованное доселе блаженство, причем в самой своей изысканной и недоступной форме. А точнее – в форме Ульрики... Она примерещилась ему полностью обнаженной, прикрытой лишь своими прекрасными распущенными медно-рыжими волосами. Сладострастно прижмутив миндалевидные зеленые глаза, принцесса манила барона к себе, призывно сгибая розовый пальчик... Сильф замычал от счастья и горячо обнял возлюбленную, утыкаясь лицом в ее роскошные локоны... Но возлюбленная вдруг начала неистово вырываться из его объятий, отпихиваясь и брыкаясь...

– Уй! – Плохо соображающий спросонья барон получил увесистый удар в лоб, отбросивший его на пару шагов. – Ульрика, милая, зачем же так сильно?

Но принцесса не ответила...

Тогда Генрих осторожно приоткрыл правый глаз, пытаясь разобраться в происходящем. Но вместо отвергшей его возлюбленной он неожиданно увидел разъяренного Оггура, беззвучно разевающего рот и угрожающе потряхивающего своими пудовыми кулаками в опасной близости от носа барона. При этом из гневно распахнутой орочьей пасти не доносилось ни звука...

«Бог Бран отомстил нам за поругание! – с ужасом подумал Генрих, сочувственно вглядываясь в перекошенное, багровое от натуги лицо здорового тысячника. – Он лишил моего друга голоса!»

И можно себе представить, насколько сильно возрос испуг совершенно запутавшегося сильфа после того, как к Оггуру присоединился возмущенно топающий ногами Марвин, беззвучно раскрывающий рот с тупым упорством выброшенной на берег рыбины. У Генриха предательски затряслись коленки, а в горле пересохло от ужаса. Похоже, кроме дара речи его товарищи также лишились и рассудка...

«И как же я теперь должен добывать волшебную дагу в компании эти идиотов? – опасливо подумал барон, недоуменно всматриваясь в фигуру некроманта, уродливо скрючившегося, будто в припадке эпилепсии. – Что же теперь делать, у кого искать помощи?»

С раннего детства привыкнув к строгой дисциплине ордена некромантов, Марвин всегда просыпался на заре, с первыми лучами солнца. Так случилось и на этот раз. И пускай ни единый проблеск внешнего света не сумел проникнуть внутрь мрачной громады погребального кургана, внутренние часы молодого архимага сработали безотказно. Юноша протер припухшие глаза, немного слезившиеся от почти потухшего факела, еще слегка чадившего последними жалкими струйками едкого дыма, и настороженно огляделся. Что-то было не так!

Он поднял плащ, сползший с плеча ровно посапывающего Альдрика, и с немалым удивлением уставился на Генриха, пылко обнимающего разметававшегося во сне Оггура и уткнувшегося носом в его волосы. Некромант растерянно пожал плечами.

«И что это за странная блажь на Генриха нашла? – озадачился он, с любопытством рассматривая сильфа, страстно прильнувшего всем телом к мускулистому торсу орка. – И что на это скажет Ланс?»

– Ульрика! – внезапно пробормотал де Грей во сне, складывая губы в некое подобие поцелуя и звонко чмокая. – Сладкая моя...

«Понятно, – опечалился догадливый маг. – Барону снится его заветная мечта, которая никогда не исполнится в реальности. Хорошо еще, что он не Ланса обнял. А то проснись Оггур прежде сильфа и заметь он что-то подобное – тогда не миновать бы барону взбучки. Да и Лансу бы на орехи досталось. А между тем полуэльф...» И тут некроманта аж в воздух подбросило от внезапного осознания того, что интуитивно беспокоило его с самого момента пробуждения: Лансанариэля в зале не наблюдалось! Прекрасный полукровка исчез бесследно, словно испарился!

Марвин заорал так истошно, что от его крика незамедлительно проснулись все, кроме Генриха, так и продолжающего упоенно чмокать во сне. Оггур, сильно возмущившийся видом томно прижавшегося к нему барона, первым делом закатал тому в лоб, рывком отбрасывая его подальше от себя.

– Ульрика! – жалко мямлил де Грей, рефлекторно потирая лоб и осоловело хлопая ресницами. – Милая, зачем же так сильно?

– Какой я тебе, к гоблинам, Ульрика! – раненым медведем взревел орк. – Иди ты на... – И он ввернул настолько крепкое словечко, что Марвин невольно зарделся будто маков цвет. Альдрик испуганно заревел.

– Ланс пропал! – тихонько шепнул маг Оггуру на ухо, отвлекая внимание тысячника и спасая сильфа от немедленной расправы.

Убедившись, что милого дружка и вправду нет поблизости, орк словно сошел с ума, изрыгая немыслимые проклятия и потрясая сжатыми кулаками. И в этой накаленной обстановке один лишь сильф сохранял невозмутимое спокойствие, продолжая с дурацкой ухмылочкой сидеть на холодном каменном полу и с нездоровым интересом наблюдать за безудержно беснующимся орком. Марвин пришел в отчаяние. Он прочитал десяток сильнейших заклинаний, пытаясь привести де Грея в себя, но барон не реагировал. Он не слышал обращенных к нему слов, бессмысленно улыбался и глупо лупал глазами.

«Спасите нас, Пресветлые боги! – мысленно умолял некромант. – Наверно, это бог Бран отомстил нам за свое поругание и лишил Генриха слуха. Что же теперь делать, у кого искать помощи?»

– Где Ланс? – все громче орал Оггур, подсакивая к отрешенно молчащему Генриху. – Куда он девался? Ну что ухмыляешься, идиот коронованный? Это ты во всем виноват! Ты обещал стоять на страже и следить, чтобы ни с кем из нас не случилось ничего плохого. А ты все проспал! Да я тебя... – Так и не дождавшись ответа барона, орк окончательно утратил выдержку, психанул – и изо всех своих немереных сил саданул того кулаком по макушке...

Уклониться Генрих не успел. Время замедлилось, превращая любое движение во что-то донельзя затянутае и нудное. Проследив взглядом, барон увидел кулак орка, занесенный над его головой, а затем ощутил удар, способный проломить череп даже гоблину или остановить скачущую галопом лошадь. Неожиданно его настигло непонятное чувство, будто из его ушей выпало что-то инородное и... мир вокруг него тут же взорвался целой какофонией разнообразных звуков. Взбешенно орал Оггур, нараспев выкрикивал заклинания Марвин, неприятно пискляво ревел Альдрик. А вот Ланса он не услышал, потому что полуэльфа среди них не наблюдалось...

– Где Ланс? – еще успел предобморочно спросить сильф, мягко заваливаясь набок и закрывая глаза. А затем в его мозгу воцарились мрак и тишина...

– С ума сошел. – Возмущенный шепот Марвина стал первым, что услышал барон, начиная вновь ощущать себя живым. – Ты ударил слишком сильно, мог и убить...

– И жалко, что не убил! – без малейшей нотки раскаяния в голосе злорадно ответил тысячник. – Он Ланса проспал!

– Не утрируй, мы все его проспали, – миролюбиво поправил маг. – А Генрих всего лишь повторил ваш недавний «подвиг», позволивший Ульрике ускользнуть от тебя и полуэльфа. Не стоило нам терять бдительности в этом опасном месте...

– Вот-вот, – настойчиво гнул свое Оггур, – все потеряли: и бдительность, и мою прелесть!

– Его кикты похитили, – авторитетно заявил Альдрик. – В сказках всегда красавиц похищают!

– Я тебе сейчас такую сказку покажу, сопляк! – сугубо для острастки рыкнул орк, в глубине души безоговорочно признавая правоту прозорливого мальчишки.

– А мы все из сказки пришли! – простонал Генрих, открывая глаза. – Чтоб ее! Оггур, ты – сволочь!

– Сам такой! – хмуро парировал тысячник. – Убить тебя мало, разиня...
– Из какой сказки? – широко распахнул рот потрясенный отрок. – Правда, что ли?
– Сущая и истиннейшая правда, мальчик! – медовым голосом прожурчал дипломатичный Марвин, одной рукой показывая орку кулак, а второй ощупывая здоровенную шишку на затылке Генриха. – Из доброй, конечно...

– А-а-а, так вас всех оттуда выгнали! – понимающе протянул Альдрик. – За склочность и сварливость!

Генрих неприлично заржал, преодолевая боль и вытирая так и брызнувшие из глаз слезы:

– А вот это точно подмечено!
– Ладно, – кисло улыбнулся Огвур, – гоблин с вами, мир. Давайте лучше решим, где да как Ланса искать станем...

Умытая ночным дождем земля уже не выглядела безжизненной и пустынной. Снег сошел окончательно, уступив место крохотным куртинкам молодой травы, настырно пробивающимся сквозь слой неплодородной глины. Утреннее небо радовало прозрачной голубизной, насквозь пронизанной золотистыми солнечными лучами. На склоне кургана сидел пасмурно нахохлившийся черный ворон, неодобрительно разглядывающий фиолетовые, несъедобные, а посему согласно его мнению совершенно бесполезные цветочки, распускающиеся среди бурого лишайника. В Дикие земли пришла весна.

– Сам-то до дома доберешься? – Марвин заботливо погладил Альдрика по вихрам, поправил на его шее завязки своего плаща и легонько, с намеком, подтолкнул мальчишку в спину.

– Доберусь! – угрюмо, будто через силу признался отрок, возмущенно шмыгая носом. – А можно мне с вами?

– Нельзя! – наставительно отчеканил Огвур. – Некогда нам с тобой нянчиться, детский сад, штаны на лямках.

– Да я... – со слезами в голосе возмутился мальчишка, – да я уже, если хотите знать, уже целых три раза с братом в походы ходил, сам охочусь на сусликов, и ко мне все воины прислушиваются...

– На сусликов, говоришь! – язвительно хохотнул орк. – Ну-ну...

– Вот и замечательно. – Марвин повторно подтолкнул Альдрика в спину, мягко, но вежливо выпроваживая того домой. – Твое племя осталось без вождя, поэтому тебе нужно вернуться туда как можно скорее и позаботиться о друзьях и близких.

Отрок задумчиво засопел.

– Хорошо, – нехотя ответил он, – я уйду. Но учтите, кикты – многочисленны, а их вождь Баргуш – свиреп и могуч. Вы никогда не сможете победить их силой!

– И не таких силачей заламывали! – самодовольно хмыкнул Огвур, горделиво выпячивая грудь и выразительно поигрывая литыми бицепсами.

– Сила есть – ума не надо! – пренебрежительно оценил Генрих, до сих пор украдкой потиравший ноющий после удара орка череп. – Не силой возьмем, так хитростью!

Альдрик скептически покачал лохматой головой, взмахнул рукой на прощание и целеустремленно потопал в сторону от кургана.

– А мы пойдем – туда! – Марвин пальцем показал выбранное им направление, держась на редкость уверенно.

– Откуда ты знаешь, что не ошибся? – недоверчиво возразил орк, в связи с потерей милого дружка пребывающий в отвратительном расположении духа и не желающий отказаться от возможности покомандовать. – Возможно, нам нужно туда! – Его толстый палец ткнул вбок, левее выбранного некромантом курса.

– А Лансу не понравится, если он узнает, что ты пошел налево! – насмешливо протянул Генрих, подмигивая Марвину.

Огвур сердито ругнулся:

– Сговорились, да? Вам что, Ланса не жалко?

Барон скорчил постную мину:

– А чего его жалеть? Думаю, ничего особо страшного, по вашим меркам, ему не угрожает...

– Хватит препираться и лезть друг другу под кожу! – прикрикнул на них Марвин. – А я своего мнения не изменю, ибо... – Он разжал ладонь, демонстрируя друзьям небольшой клочок белого шелка, подобранный им с земли. – Поняли теперь, откуда мне известно, в какую сторону его уволокли?

– Так чего же мы ждем? – нетерпеливо воскликнул Огвур, хватаясь за секиру. – Вперед!

– Марвин, вот объясни мне, как товарищ – товарищу, только честно: какого гоблина она так убивается по этому своему погибшему выродку? – задушевым тоном произнес шагающий рядом с некромантом Генрих, просительно заглядывая тому в глаза. – И что, она так и собирается теперь жить одна всю оставшуюся жизнь?

Архимаг аж поперхнулся зажатой в зубах травинкой:

– Оставил бы ты Ульрику в покое, Генрих!

– Не оставлю! – категорично отрезал барон. – Мне легче умереть.

Некромант рассеянно почесал свою черноволосую макушку, подбирая довод повесомее.

– Понимаешь, дружище, – осторожно начал он, – любовь есть крайне загадочная штука, почти не подверженная воздействию магии и абсолютно не стыкующаяся со здравым смыслом. Она, скорее, напоминает болезнь, возникающую неизвестно по каким причинам и совершенно не поддающуюся насильственному лечению. Любовь обычно проходит сама, исчезая бесследно, хотя – да, может в лучшем случае перерасти в дружбу, а в худшем – в ненависть.

– Значит, я безнадежен, – горько усмехнулся барон, – живой труп, ходячий смертник...

Марвин разочарованно поцокал языком:

– Ну почему все складывается так неправильно? Почему ты не можешь полюбить Лилуиллу? – Вопрос прозвучал риторически.

– Чем больше женщину мы любим, тем меньше нравимся мы ей... – эмоционально продекламировал сильф. – Не помню, кто это написал, – кажется, один из поэтов Поющего Острова. Но факт остается фактом – я люблю принцессу, хоть и осознаю сам: у этого чувства нет будущего.

– Чем меньше женщину мы любим, тем больше времени на сон! – со смешком поправил маг, но барон даже не улыбнулся.

– Так устроены люди, – сочувственно вздохнул Марвин, пускаясь в пространные рассуждения, – каждый мечтает о чем-то нереальном. Каждый хочет заполучить сияющую в небесах луну, столь прекрасную и недостижимую... А заполучи он ее – так, скорее всего, даже не сможет приспособить этот бесценный дар для чего-то путного. Генрих, самая заветная мечта должна оставаться нереализованной, ибо если она исполнится, то зачем тогда нам жить дальше?

Но в ответ де Грей протестующе фыркнул:

– Неправда! Если бы я заполучил любимую женщину, то уж тогда точно бы знал, как мне следует с нею поступить!

– Ну да, долго ли умеючи-то! – игриво поддел его маг.

– Вот умеючи-то как раз и долго! – колко отбил подачу барон.

Некромант возмущенно всплеснул ладонями:

– Да пойми ты, упрямый, можно прыгнуть выше головы соперника, но выше своей собственной – невозможно!

– Это как? – не понял Генрих.

– Ты можешь превзойти покойного демона во всем, – терпеливо объяснял маг, – в уме, благородстве, смелости. Но при этом ты превзойдешь лишь его, на самом же деле всегда

оставаясь только самим собой. Ты – это ты, под кого бы ты ни косил! А ей – нужен только он, и ни на кого другого она не согласна! Понял?

Генрих раздраженно скрипнул зубами:

– Но если предположить, что я – лучше, то почему она продолжает любить его?

Марвин бессильно пожал плечами:

– В этом и состоит странность любви. Почему принцессы влюбляются в простолюдинов, пренебрегая принцами? Сердцу не прикажешь...

– Не верю, просто не хочу верить в подобную несправедливость! – уязвленно выкрикнул де Грей, посылая отчаянный вызов всему миру, богам и насмешнице-судьбе. – Я все равно ее добьюсь!

Но некромант недовольно поджал губы, разочарованный наивностью друга:

– Не проси у судьбы невозможного, дружище, ибо она жестоко наказывает жадных и глупых... Ты не одинок в жизни, довольствуйся хотя бы этим...

– Самое радикальное средство избавления от одиночества – это женитьба, – зло иронизировал барон. – Вот только подобный метод так же неоправдан, как ампутация ног в целях избавления от мозолей.

Марвин весело рассмеялся:

– А чего ты хочешь? По сути, все бабы одинаковы! Каждая увлеченно носится со своими личными прибабахами, эгоистично не учитывая интересов партнера, и совершенно не понимает мужчину, с которым она живет...

– Ульрика – не такая, она особенная! – не сдавался влюбленный сильф. – Не смей ее оговаривать!

– Возможно, – покладисто согласился маг, – но это даже хуже. Она привыкла к свободе и нипочем не променяет ее на твою заботу, на твою золотую клетку. Хоть борись ты за это, хоть не борись – итог очевиден...

– Кто не сдается – тот побеждает! – самоуверенно провозгласил Генрих. – Я никогда не откажусь от попытки завоевать Ульрику!

– Смотри, как бы не нашла коса на камень! – пророчески предостерег его мудрый маг. – А принцессу мне очень жалко. Возможно, она тоже не хочет понять, что жизнь заставляет нас всех решать именно те задачи, от коих мы отказываемся, которых боимся, разрешения которых избегаем. Впрочем, эти задачи все равно всплывают одна за другой, но уже на другом, более высоком витке нашего бытия. И тогда накал страстей, эмоций и переживаний при решении отложенной задачи становится значительно выше, а цена за нее – гораздо больше. Невозможно убежать от самого себя. Невозможно убежать от любви и жизни...

Глава 9

От морского побережья нас отделял последний дневной переход. К этому времени наш отряд разросся значительно, насчитывая более трех тысяч бойцов. Кому-то не шибко дальновидному подобная цифра могла бы показаться внушительной. Кому-то, но не мне! И правильно – ведь если оценивать объективно, то чего, спрашивается, стоила горстка моих воинов в сравнении с несметными полчищами демоницы? В сложившихся неравных условиях выступить против намного превосходящих нас сил противника – значило обречь себя на осознанное самоубийство. Но все равно иного приемлемого варианта развития событий я не видел.

Однообразно-серая степь расцветала с каждым часом, наполняясь свежими соками, цветами и запахами. В недрах оттаявшей от зимнего холода земли бурлили обновленные силы, требовательно рвущиеся наружу. Край, ранее казавшийся мне суровым и безжизненным, буквально заволокли вернувшиеся из теплых мест птицы, сумевшие пережить неблагоприятный период насекомые и занятые брачными играми животные, спешащие найти себе пару и произвести потомство. Все, способное родиться на этой скудной земле, требовательно тянулось к солнцу, торопясь вкушать обещаемых весной

соблазнов. И сопровождающие меня люди тоже бездумно поддались этой упоительной вакханалии торжества жизни над смертью, с каждым днем все больше проникаясь очарованием свободы.

– Принцесса, – шало вопил рыжий, усыпанный сотнями золотых веснушек Торвен, раскинув руки скачущий навстречу весеннему ветру и воображающий себя вольной птицей, – ты вернула свет надежды этим унылым холмам – ты и есть сама жизнь!

Наверно, виновником резкой смены царящих в отряде настроений стал мудрый Арланмир, специально разболтавший всем мужчинам, что их ведет за собой не просто женщина, а сошедшая с небес богиня, готовящаяся произвести на свет нового, молодого бога. Теперь на меня посматривали уважительно, оказывая всевозможные знаки внимания и норовя услужить при каждой подвернувшейся возможности. Я тайком улыбалась, оставаясь неизменно вежливой и приветливой со всеми. Станные они все-таки существа, эти мужчины. Они готовы втоптать женщину в грязь своей животной похоти, при этом почти с фанатичной настойчивостью возводя ее на пьедестал священного материнства, полностью искупающего и покрывающего любой грех. Женщина – невинное вместилище всевозможных мужских пороков, которое клеймят последними непотребными словами, при этом одновременно называя самым чистым и непорочным созданием на свете – матерью! Невероятно, но у каждого закоренелого мерзавца – убийцы, палача или демона – когда-то была мать, любовно покрывавшая поцелуями его кудрявую макушку и называвшая свое чадо «мое золотце». Мир зиждется на материнской любви, удерживающей его от стремительного падения в пучину тьмы, злобы и беззакония. Жизнь есть любовь! Проходя через плотскую близость, а иногда – через низменность насильственного совокупления, женщина приобретает возвышенность материнства. Горе, страдание и унижение зачастую вознаграждаются сполна, компенсируясь любовью и незапятнанным чем-либо счастьем. Материнство стирает грехи, очищает душу и дает возможность начать все заново. Дети – это высший дар небес, торжество настоящего над прошлым, жизни над смертью. А потому, положив руку на сильно выпирающий живот, я тихонько молилась за своего будущего сына, готовясь принять уготованную мне судьбой участь. Мой сын, дитя незаконной любви, наследник погибшего отца-демона, намеревался вскоре войти в наш мир, сделав его чище, светлее и справедливее. Он должен был обрести счастье и одарить им всех. Я верила в это искренне. А иначе – зачем же еще рождаются дети?

А между тем наше войско все продолжало прибывать, разрастаясь на манер морской волны во время прилива.

– Слухи в этих краях подобны брошенному в воду камню, – с улыбкой рассказывал мне тролль, плутовато прищуривая умные глаза. – Сам камешек вроде бы небольшой, но круги от него расходятся огромные. Слишком многие жители здешних мест лишились своих близких, а поэтому весьма недовольны сложившимся положением дел. А ты, принцесса, дала нам возможность подправить грядущее будущее, изменить все к лучшему – наказать обидчиков и устранить несправедливость. Мы будем драться не на жизнь, а на смерть, ибо перед нами забрезжил луч надежды!

Скорее всего, он не ошибался. Ведь в противном случае – почему бы к нам присоединялись и полные сил мужчины, пребывающие в самом расцвете лет, и убеленные зрелыми сединами охотники, казалось способные стрелой из лука сбить даже звезду с небес, и совсем безусые мальчишки, еще никогда не проливавшие крови врага. Одного такого отрока мои воины встретили особенно доброжелательно, разразившись громкими приветственными криками:

– Альдрик! Да здравствует юный вождь Альдрик!

Арланмир же нежно обнял мальчика за плечи, расцеловал в обе щеки и назвал братом.

Молодой воин поведал нам об удивительных вещах. Об угрозе лютой гибели от рук мертвого колдуна, чуть не настигшей его в погребальном кургане киктов, и четверке странных спасителей, благодаря которым он и избег страшной участи стать носителем

бестелесного духа. Выслушивая его пространные речи, изобилующие пышными описаниями внешности и поведения необычных путешественников, сумевших победить потусторонних существ, а в особенности – ту их часть, которая касалась постоянных пикировок и переругиваний героев, я поняла: Альдрика спасли мои друзья. Колоритную четверку – некромант, сильфский повелитель, орк и полуэльф – было невозможно спутать с кем-либо еще. Но наибольший мой интерес вызвало упоминание Радужной иглы – одной из шести даг, созданных демиургами. И мои друзья собирались раздобыть ее собственными силами? Боюсь, они недооценили подстерегающих их опасностей, рискуя вляпаться в крупные неприятности. Но, увы, решение этой проблемы мне пришлось отложить на потом, следуя своему неизбывному, многократно проверенному на практике правилу: все проблемы следует решать по мере их поступления. Или, как говорили мои новые друзья-тролли: погнавшись за тремя зайцами сразу, рискуешь и вовсе остаться без обеда. Так что пока мне следовало выбросить из головы проделки друзей и сосредоточиться лишь на одной, главной и насущной задаче, называвшейся ненавистным именем Ринецея!

Воздух заметно посвежел, неся острый запах йода. На фоне белоснежных облаков я разглядела угловатые очертания парящих над водой чаек. Покрытая невысокой травкой земля сменилась песком и галькой.

– Отсюда до моря уже рукой подать! – предупредил меня Торвен, сдерживая своего пританцовывающего от нетерпения жеребца. – Что нам делать дальше, принцесса?

– Видишь... – Вытянутым пальцем я по контуру обвела изломанную линию горизонта. – Эти скалы отделяют нас от береговой линии, растянутой наподобие длинной узкой косы. Готова поспорить на что угодно – на берегу нас ждет войско демоницы, во много раз превосходящее наш отряд как численностью, так и уровнем вооруженности. Они затаились и приберегают силы. О, я далеко не понаслышке знакома с их агрессивной тактикой ведения боя. Закованные в латы демоны выстроятся в клин, способный подавить любое сопротивление. Если мы начнем атаковать их в лоб, то буквально через несколько минут наше наступление захлебнется, и мы погибнем...

– Прикажи умереть – и мы умрем! – с достоинством пообещал отважный пират. – Мои воины не боятся ничего и никого.

– Я знаю! – одарила я смельчака признательной улыбкой. – Но мне нужна победа, а отнюдь не ваши подвиги, посмертно воспетые в балладах и легендах. Однажды в юности мне довелось читать старинный трактат о войне, повествующий о великом полководце древности – Александре Невском. Ему тоже пришлось столкнуться с примерно похожей невыгодной ситуацией, отбиваясь от свирепых ливонских рыцарей...

– И чем закончилась битва этого Александра? – заинтересовался Торвен.

– Победой! – с удовольствием констатировала я.

– Но каким образом? – не поверил орк. – На его стороне сражались боги?

– Нет, только неустрашимость и смекалка! – усмехнулась я, спешиваясь и подбирая сухой прут. – Умный вождь поступил следующим образом. Смотри, – я начертила линию на песке, – это и есть близлежащая горная гряда, с которой мы спустимся. Конница здесь не пройдет, наши скакуны переломают ноги на острых камнях. Это, – я схематично изобразила тупой клин, – войско Ринецеи. Лишь только мы форсируем горную гряду – они сразу же нанесут сокрушительный удар в центр нашего отряда, не давая нам опомниться и восстановить силы. Но через скалы пойдет только наша пехота. Немногочисленных конных воинов мы разделим на две группы и проведем на фланги, в обход горной гряды. Они должны выждать некоторое время, дать врагам увязнуть в сече, а затем, обойдя с боков, взять демоницу в клещи, прижимая к скалам.

– Рискованный план, – усомнился Торвен, внимательно рассматривая мой рисунок. – Разделившись на три группы, мы значительно ослабим основной штурмовой отряд и, возможно, не успеем дожидаться подхода конницы.

– Да, риск велик, – хладнокровно призналась я, – но иной возможности разбить врага я

не вижу! Те пехотинцы, что пойдут со мной через скалы и без отдыха примут на себя основной удар, практически обречены...

Торвен смотрел на меня уважительно:

– Никогда не слышал подобных слов из уст женщины! Но прости, принцесса, я не могу позволить тебе, да к тому же в столь уязвимом положении, – он взглядом указал на мой живот, – рисковать собой.

– Тогда тебе придется постараться не допустить моей смерти, – демонстративно рассмеялась я. – Пехоту поведу я, и никто другой. Мне уже приходилось участвовать в кровавых схватках, и я знаю, насколько заразительно действует на людей воодушевляющий пример их предводителя. Воины пойдут за мной, не желая уступить женщине в смелости и самоотверженности. А ваша задача – спасти всех нас. Вы с Арланмиром поведете два отряда конницы, расставленные по флангам.

– Сумасшедшая! – восхищенно шепнул пират, сопровождая эту уже ставшую привычной для меня характеристику низким поклоном. – Но гоблин меня побери, если в мире существует еще что-то более героическое, чем подобная форма сумасшествия!

Мы досконально воплотили в реальность предложенный мною план наступления. Себе я оставила пару тысяч самых отчаянных рубак, возглавляемых лично мной и Кса-Буном, угрожающе скалящим остро подпиленные зубы. За его спиной покачивался гигантский топор «Третья рука Амбопу», внушая невольный ужас своим серебристым лезвием и покрытой рунами рукоятью. Мои худшие подозрения подтвердились полностью – с высоты горной гряды я подробно рассмотрела готовящееся к битве войско, темной лентой растянувшееся на прибрежной гальке. На этот раз Ринецея собрала всех. Тут находились и тяжеловооруженные демоны в черных доспехах, запомнившиеся мне со дня штурма Нарроны, и изъеденные червями умертвия, и аскетичные некроманты, своими темными мантиями напоминающие старых тощих стервятников, и изрыгающие огонь горгульи. Я считала их всех, пока не сбилась и не оставила это совершенно бесполезное занятие. Нас поджидали тысячи врагов, способные с одного удара смять и втоптать в землю наш маленький отряд.

«Да хранят нас Пресветлые боги! – мысленно взмолилась я, кончиками пальцев прикасаясь к своему выпирающему под кольчугой животу. – Прости меня, сынок, но, возможно, тебе так и не удастся увидеть этот мир, который я пытаюсь сделать добрее и чище. Я надеюсь, что ты меня поймешь!» И малыш тут же ответил мне короткими одобрительными толчками.

Единым слитным броском мы преодолели горный хребет и безудержным потоком устремились вниз, на берег... Воздух наполнился топотом бегущих ног и слитным ревом тысяч крепких глоток. То звучал крик азарта, рвущийся из груди идущих в атаку бойцов. Меня плотным кольцом окружила личная охрана из двадцати человек, руководимая верным канагерийцем. Мы спустились с пологого откоса и замерли в ожидании, построившись в несколько рядов. В сотне шагов от себя я видела сплошную черную линию латников Ринецеи и саму демоницу, восседающую на нервно гарцующем гнедом жеребце. Очевидно, проклятая врагиня тоже меня заметила, потому что неторопливо опустила на лицо забрало червленого шлема и сложила защищенные кольчужной перчаткой пальцы в издевательский жест. Она не сомневалась в победе!

Мы тяжело переводили сбитое бегом дыхание.

«О боги, подарите нам еще минуту, еще хотя бы полминуты передышки!» – просила я, покусывая растрескавшиеся от холодного ветра губы и утирая струящийся со лба пот.

Но времени, достаточного для того, чтобы прийти в себя, нам конечно же не дали...

Ринецея взмахнула рукой – и тут же, повинувшись ее приказу, пронзительно запела боевая труба, трубя атаку. Те из нас, у кого имелись копыя, надежно упирали их в гальку, направляя острия в сторону противника. Тяжелая конница демонов, медленно набирая скорость для

первого удара, взяла в рысь, надвигаясь прямо на нас. Я увидела накатывающуюся лавину бешено мелькающих лошадиных ног, прикрытых щитками ключиц и вытаращенных глаз, поблескивающих налитыми кровью белками. Я слышала бряцание упряжи, скрип натягиваемых луков и стук сдвигаемых щитов. По нашим рядам прокатился сдавленный вопль ужаса.

– Не отступать! – срывая голос, закричала я, вытаскивая из ножен Нурилон. – Примем их на клинки!

И наверно, столько обреченной ярости читалось на наших напряженных лицах, что конница Ринецеи не выдержала. Некоторым всадникам изменило мужество – они начали заворачивать коней назад, создавая беспорядок и сумятицу.

Из задних рядов обеих армий стаями злых шмелей взлетели стрелы. Они образовали пару темных туч, мгновенно рассыпавшись на два потока падающей с небес смерти. Потом еще и еще раз, выкашивая людей и лошадей. Наши эльфы били прицельно, не тратя даром ни одной стрелы. Повинуясь моему резкому окрику, копейщики крепко зажали древко под мышкой, прижимая к боку. Из приближающегося строя врагов полетели дротики. Один из них скользнул по моей кольчуге, оставив после себя резкий щелчок удара, ноющую боль в плече и запоздалую вспышку страха: чуть-чуть бы выше – и все! Воин слева от меня получил дротик в лицо и начал медленно заваливаться назад. Воздух звенел от диких криков умирающих людей, от сладковатого запаха свежей крови к горлу подкатывала тошнота, а безудержно частивший пульс ощущался прямо в висках, гулом набата вышибая вскипающий от напряжения мозг. Никто не хотел умирать, цепляясь за жизнь зубами и когтями. Оставшиеся без всадников кони противника с паническим ржанием вставали на дыбы, выскакивая в сторону из строя. Мимо меня промчался каурый жеребец, волоча по земле застрявшего в стремени мертвеца. На узде другого скакуна повисла отрубленная по локоть рука, лихорадочно сжав онемелые пальцы...

Пешие демоны были уже близко, совсем близко. Они шли плотным строем сразу же за конницей, тяжело чеканя шаг и напоминая безбрежное штормовое море... Усилием воли я подавила плещущийся в душе страх и нацелила лезвие Нурилона в шлем надвигающегося на меня всадника...

Удар столкновения оказался страшен. Несмотря на то что я его ожидала, напрягая все свои силы, меня чуть не отбросило назад, под ноги второй шеренги. Из рассеченной груди напоровшейся на мой меч лошади брызнул бурный фонтан алой крови. Раненый конь поднялся на дыбы, а затем грузно рухнул на спину, придавив истощенно визжащего седока. Но охранники слева и справа от меня погибли почти мгновенно, а поэтому я оказалась в гибельном коридоре, между непрерывно сыплющимися на меня ударами. Мои мысли не успевали за телом, автоматически колющим и рубящим бесконечных врагов. Несколько раз меня тоже достали, со скрежетом попадая по кольчуге. С лезвия Нурилона стекала кровь... Я шагала по трупам, ведомая единственной мыслью: «Вперед, не отступать, не сдаваться!» Я почти не соображала, что делаю, одержимая подсознательным желанием убивать. В моей памяти запечатлелся непрерывно кружащийся калейдоскоп искаженных яростью лиц, отсеченных конечностей, блеск и звон с лязгом сшибающихся мечей. И еще равномерный, свербящий в ушах гул, стеной поднимающийся над полем. Это гудела уничтожаемая сталью жизнь, перемалываемая безжалостными жерновами небытия. А потом я внезапно увидела Кса-Буна...

Мой чернокожий друг поудобнее перехватил насаженный на длинную рукоять топор. Он осторожно переступал через павших, выбирая очередного противника и оставляя за собой широкую, заваленную мертвыми телами просеку. Высокий и черный, он сегодня казался мне кем-то большим, чем обычный человек, неким чужеземным богом войны – могучим и непобедимым. Из его рта неумолкающе лилась победная песня, повергающая врагов в ужас и обращающая в паническое бегство. Кса-Бун словно взвешивал боевые качества своих противников, придирчиво отбирая, чью жизнь он возмет в следующую очередь. И похоже, что жизни убитых врагов переходили к нему, преумножая и без того

чудовищную силу канагерийца. Его лицо искажала гримаса злой сосредоточенности. Очередной взмах исполинского топора отсек чью-то голову, и она стремительно отлетела прочь, распылив рот в последнем безумном крике и дико вращая выкаченными глазами. И вот тогда мне вдруг стало по-настоящему страшно – так страшно, как не было еще никогда в жизни!

Но все оказалось безнадежно – противник задавил нас количеством, топча копытами лошадей и прижимая к скалам. Мы упрямо шли вперед, теряя друзей десятками и вовлекая в битву все новые и новые отряды врагов. Иногда я мельком видела Ринецею, сопровождаемую некромантами и рассыпающую синие молнии магических ударов. В итоге именно чары и стали тем непреодолимым фактором, сыгравшим против нас и решившим исход битвы, противостоять которому мы не смогли. Чаша весов заколебалась, покачнулась и склонилась в сторону Ринецеи... Мы дрогнули, мы могли бы побежать, но отступить нам стало уже некуда. Я лопатками уперлась в шершавую поверхность камня, обреченно понимая – все, это конец. Битва превратилась в бойню. Шанса на спасение у нас не оставалось: единственное, что мы еще могли сделать, – так это собрать щедрую дань чужой крови, унеся с собой как можно больше жизней врагов.

Я знала, что сейчас умру. Но осознание сего факта меня почти не пугало, потому что я понимала: смерть моя станет быстрой и почетной, хотя, наверно, отнюдь не безболезненной. И возможно, в тот момент я даже хотела погрузиться в ту самую тьму пустоты, которая не так давно приняла и упокоила благородную душу моего любимого. А мое брненное тело навсегда останется здесь, где меня выпьет эта чужая земля, будущим летом возрождая на поле злой брани, позволяя стать пышным цветом высокой травы. Но я сомкну утомленные веки, усну и уже ничего не почувствую...

Нас оставалось десятка три – израненных, смертельно уставших воинов, стоящих на горе трупов.

– Не убивать Ульрику, она нужна мне живой! – донесся до меня требовательный голос Ринецеи. – Все сокровища мира тому, кто приведет мне принцессу живой!

– Хозяйка! – Толстые, жесткие, будто вырезанные из эбенового дерева пальцы Кса-Буна бережно погладили меня по щеке. Я даже не предполагала, что эти руки, еще несколько минут назад ломавшие шеи и запросто, будто орехи, раскалывающие черепа, могут быть такими нежными. – Сдайтесь ей, госпожа! В своем чреве вы носите ее родного племянника. Возможно, она пощадит дитя, снизойдет к вашему положению...

– Правильно! – поддержал его молодой эльф с арбалетом, запомнившийся мне по разговору на руднике. – Вы обязаны выжить – хотя бы ради ребенка!

– Нет! – Я упрямо тряхнула слипшимися от крови волосами, глотая горькие слезы отчаяния. – Я вас не оставлю. Я не вынесу мук нечистой совести... Нам нужно продержаться еще чуть-чуть, наша конница сейчас придет...

– Ваше высочество! – Из плотного строя окруживших нас врагов вышел высокий демон в роскошных доспехах. Его смуглое лицо поражало гармоничностью всех очертаний, практически ничем не отличаясь от нормального, человеческого. В карих глазах светилось смешанное с почтением сочувствие. – Я генерал Рахсагор. Сдайте мне свой меч добровольно – и, клянусь именем моей матери, ни один волос не упадет с вашей головы.

– Окажите мне честь, генерал, – издевательски рассмеялась я, – и попробуйте забрать мой меч силой. Я вызываю вас на поединок!

Демон вздрогнул всем телом:

– Госпожа, я присягал на верность принцу Астору. Я принадлежу к высшему дворянству Нижнего уровня. А кроме того, я мужчина и поэтому никогда не причиню вреда женщине, тем паче супруге моего господина, носящей под сердцем наследника великой династии. Сдайтесь нам, госпожа Ульрика, и обещаю – мы уговорим леди Ринецею помириться с вами. Ради будущего принца... – Он верноподданнически поклонился не мне, а скорее – моему животу. – Умоляю вас...

Солдаты поддержали своего начальника согласованным гулом.

– Мой сын родится свободным, – протестующе прорычала я, поднимая Нурилон. – Он никогда не станет пленником Ринецеи. Защищайтесь, генерал...

Я взмахнула мечом, стараясь достать открытое лицо демона. Тот вынужденно отпрянул в сторону, уклоняясь от моего колющего выпада. Мой удар рассек окованный железом край его щита, глубоко увязая в твердом дереве и металле умбона⁴². Генерал ошеломленно замер, недоуменно хлопая ресницами. Пользуясь его минутной растерянностью, я выпустила рукоять Нурилона и рванула из ножен одну из Алатор, короткую, а потому – более удобную для схватки грудь в грудь. Рахсагор отбросил искореженный щит и потянулся к ножу на поясе. Но я оказалась проворнее. Не оставляя ему времени на размышление, я сильно ударила его головой в лицо и, обхватив рукой за плечо для усиления удара, вогнала острие даги ему под ребра, с каким-то озверелым наслаждением ощущая, как Игла пробивает кольчугу и со страшным скрежетом входит глубоко в тело, пронзая мышцы...

Генерал обвис у меня в руках, обдав мое лицо потоком черной крови, хлынувшей у него изо рта.

– А-а-а! – горестно завопила Ринецея.

– Слава принцессе Ульрике! – хором грянули мои бойцы.

– Слава! – неожиданной поддержкой раздалось совсем близко.

Наша конница неслась во весь опор, торопясь спасти тех, кого еще было возможно спасти. И тогда Ринецея взмахнула белым носовым платком, поднимая в воздух стаю горгулий...

Притиснутая к скале и закрытая телами беснующихся лошадей, я видела лишь бессильно мечущегося Кса-Буна, изрыгающего проклятия, да ощущала жуткий запах паленой плоти. Там заживо сжигали наших друзей, а я ничего не могла с этим поделать.

– Боги! – отчаянно завопила я, падая на колени. – Бабушка Смерть, подскажи мне, чем я могу помочь своим друзьям. Астор, помоги же мне – я не смогу жить без них, ведь их гибель останется на моей совести...

– Пой! – едва слышным шепотом пришел ко мне приказ королевы Смерти.

– Пой! – нежно подсказал невидимый возлюбленный.

– Пой! – из песка струился голос мертвого Маллера. – Пой, как умеешь петь только ты!

И тогда, переполненная горем и слабой надеждой на спасение, путающаяся в мыслях и пытающаяся хоть чем-то воодушевить погибающих друзей, я запела:

Мне странно, люди перестали
Ценить, как в прошлые века,
Разящий свист холодной стали
И росчерк гордого клинка.

Утопнув в быта перепадах,
Они готовы очернить
Тех, кто остался жить в балладах,
Тех, кто еще умел любить.

Тех, кто носил колет из кожи,
Доспехи, шляпы и плащи.
На них мы слишком непохожи —
Напрасно сходства не ищи.

⁴² У м б о н – шишковидный выступ в центре щита.

Но иногда в толпе холодной,
Средь лиц, что змеями скользят,
Я замечаю вдруг голодный,
Живой, зовущий, яркий взгляд,

А в нем – тоску по светлой дали,
Безмолвный крик, души протест
И знак, что, видно, нас создали
Иные боги чуждых мест.

Мы не сумели жить на воле,
Добиться счастья не смогли.
И рвется вопль: «Скажи, доколе
Горят под нами корабли?..

Доколе медлить станем сами?
Ведь мы почти костями легли
За то, чтоб шхуны с парусами
Достигли краешка земли...»

Но я лелею свет надежды —
Услышать новый всплеск имен!
Тех, кто способен жить, как прежде,
Храня завет былых времен...

– Ульрика, ты услышана. Заветы храбрецов не пропадут втуне! – Призыв шел с неба. – Держись, я уже здесь!

Я подняла заплаканные глаза...

Над моей головой кружил Эткин, победно раскинувший мощные крылья и изрыгающий клубы смертоносного пламени, на лету сжигающего горгулий демоницы. Обгорелые туши мерзких тварей с душераздирающими воплями падали прямо на войско Ринецеи, создавая жуткую неразбериху.

– Эткин, – возмущенно заорала я в ответ, грозя летуну окровавленным кулаком, – ты что, с ума сошел? Это же настоящее самоубийство – в одиночку атаковать целую стаю зубастых хищниц! Тебя растерзают в клочья...

– Щаз-з-з, так я им и дался! – нахально загоготал гигант, взмахом могучего хвоста сшибая тощее умертвие со спины ближайшей к нему горгульи. Живой труп, облаченный в ржавую кольчугу, с грохотом обрушился на кучку совершенно сбитых с толку некромантов, пронзительно визжа и кувыряясь в воздухе. – Ты, дорогая наша Мелеана, на меня свои хронические диагнозы, пожалуйста, не перекладывай! Это ты у нас – неизлечимо сумасшедшая. А я, – тут Эткин специально заложил крутой вираж, хвастливо красуясь передо мной, – отныне признанный народный герой и спаситель отечества!

– Ага, может, тебе еще и орден дружбы народов выдать! – восхищенно рассмеялась я, буквально балдея от откровенно неприкрытого, неподражаемого драконьего нахальства.

– Ну – наигранно скромно буркнул летун, – я вообще-то не гордый, я согласен и на медаль. Хотя, признай сама, я ее заслужил...

– Заслужил? – недоуменно прищурилась я. – Это как?

– А вот так! – Эткин спустился к самой земле и ловко сграбастал меня правой лапой, намереваясь унести с собой.

– И генерала прихвати! – потребовала я, жалостливо указывая на харкающего кровью Рахсагора.

– Да на что тебе сдалась эта падаль? – удивился дракон, но мою просьбу выполнил беспрекословно.

Узрев меня, взмывшую к самому солнцу, мои воины разразились бурными криками и с удвоенным ожесточением напали на врага.

– Бесполезно, все бесполезно! – горестно пожаловалась я дракону. – Нас все равно слишком мало...

– Мало? – хулиганисто подмигнул мне друг. – Тебе этого мало? У-у-у, жадина! Смотри же...

И в тот же миг небо разом потемнело, словно перед грозой, заполнившись сотнями крылатых фигур, закованных в серебристые латы. А впереди всех мчался дюжий демон, размахивающий огромным мечом и во всю глотку оружий хвалебную оду в честь королевы Смерти. Личная гвардия моей бабушки прибыла мне на помощь! И надо признать – весьма своевременно.

Но это оказалось еще не все. Спокойную морскую гладь вспенивали носы десятков кораблей, несущих флаги всех известных мне государств. Я различила громадные галеры⁴³ Рохосса, крутобокие галеоны⁴⁴ Нарроны, быстроходные каравеллы свободного братства Ликерийских пиратов и серебристые клиперы Поющего Острова. На палубе передового флагмана⁴⁵ стояли великий Саймонариэль, нетерпеливо пощелкивающий пальцами, с которых сыпались синие искры, и мой державный батюшка, облаченный в богатые доспехи. Возле мачты собрались возглавляемые Арбиусом некроманты, напевно выкрикивающие боевые заклинания, а рядом с ними азартно подпрыгивал красивый рыжеволосый юноша, на чьих роскошных кудрях искрилась золотая, изукрашенная крупными изумрудами корона.

– Сестра, – гневно завопил он, увидев меня, – так нечестно! Опять тебе досталось все самое интересное. Прикажи оставить для меня хотя бы парочку-другую умертвий – я тоже хочу повоевать! И отпусти этого мужика...

– Зачем? – испугалась я, хватая раненого генерала за кирасу.

– Ты мешаешь мне в него прицелиться! – В руках Ульриха появился изящный арбалет.

– Не смей! – запротестовала я. – Генерал должен жить. Саймонариэль, помоги!

– С радостью! – немедленно откликнулся магистр. – Опустите раненого сюда...

Дракон сгрузил демона на палубу королевского корабля.

– Он выживет! – коротко пообещал маг, торопливо ощупывая раны генерала.

– Дочка, сестра! – Отец и брат обнимали меня наперебой, возмущенно поахивая над моими многочисленными царапинами и синяками.

– Но как вы смогли собраться все вместе? – продолжала изумляться я, потрясенно рассматривая приставшую к берегу флотилию и спускающихся на берег солдат, тут же вступающих в битву. Войско Ринецей, осознав безнадежность своего положения, бросало оружие, сдаваясь победителям.

– Это все он! – одобрительно хмыкнул занятый демоном Саймон, с симпатией косясь в сторону дракона, упоенно гонящего в облаках последних уцелевших горгулий. – Он такую бучу поднял, такую революцию устроил, призывая всех выступить на помощь Сумасшедшей принцессе, что остаться в стороне не смог никто! Знаешь, у твоего крылатого друга настоящий талант к организации масштабных эпических действий...

– Кто бы сомневался! – иронично усмехнулась я.

Похоже, свой орден дружбы народов Эткин все-таки заслужил!

⁴³ Г а л е р а – гребно-парусное военное судно с острым носом, заканчивающимся надводным тараном.

⁴⁴ Г а л е о н – самое крупное, трехпалубное парусное судно.

⁴⁵ Ф л а г м а н – корабль, на котором находится командующий флотилией.

Я шла по полю недавно закончившегося боя, ужасаясь и одновременно восторгаясь грандиозным зрелищем, представшим перед моими глазами. Залитую кровью землю устилали сотни трупов. Черных демонов Ринецеи вырубил почти подчистую. Исключение составляли лишь отряды Рахсагора, присягнувшие мне прямо на берегу Диких земель. И это не удивило никого – ведь именно эти бойцы ранее составляли избранную дружину принца Астора. Тут и там валялись изрубленные доспехи и бродили оставшиеся без хозяев кони. Из двух сотен горгулий не выжила ни одна. Такая же участь постигла умертвий и некромантов демоницы, возмущивших магистра Арбиуса своим наглым предательством и изменой королеве Смерти. Войско Ринецеи перестало существовать, полностью исчезнув с лица земли. Так закончилась эпоха правления коварной узурпаторши, посмевавшей сместить Пресветлых богов. Справедливость восторжествовала, Свет победил Тьму, изначальный порядок вещей оказался восстановленным. Отныне мы стали свободны и получили возможность заново строить мирную жизнь, возводить города, рожать детей и растить хлеб. Мы стали другими, потому что впервые осознали и почувствовали всю прелесть чистой, открытой, добрососедской дружбы. Я видела орков, пьющих вино из одной фляги с демонами, отзывчивых эльфов, помогающих троллям взнуздывать захваченных в бою скакунов, Кса-Буна, похваляющегося перед рукоплещущими его доблести нарронцам своим колоссальным топором. Пираты весело смеялись вместе с некромантами, маги добросердечно перевязывали раны нашим новым союзникам, а мои отец и брат подтверждали славу мудрых правителей, щедро раздавая золото, титулы и рыцарские звания, спеша почтить героев битвы. И лишь один факт сейчас не волновал никого, неосмотрительно ускользнув от внимания всех нас...

– Где она? – Я разъяренно вцепилась в воротник темной мантии Саймона, изо всех сил сотрясая сухопарое тело старого мага. – Где Ринецея?

Магистр покаянно отвел глаза:

– Каюсь, не уследили, не усмотрели... Хитроумная демоница соткала отвлекающую магическую завесу, подло бросила свое разгромленное войско и сбежала на Радужный уровень...

Я громко зашипела от переполняющей меня злости, испытывая непреодолимое желание кого-нибудь убить. Но винить мне следовало только саму себя, так же, как и все остальные, захваченную опьяняющей эйфорией великой победы. Ведь недаром самое главное правило военной тактики звучит так: всегда преследуй и добивай ослабевшего врага. Не играй в преступное благородство и не щади того, кто неспособен оценить проявленного тобой милосердия. Не пригревай змею на своей груди...

– Я должна ее догнать! – пришла я к единственному очевидному выводу, решительно сжимая кулаки.

– Да, – спешно согласился со мной Саймон, – да, девочка моя, но не сейчас, а чуть позднее. До родов осталось не более недели, ты нуждаешься в покое и уходе...

– Еще чего, – небрежно отмахнулась я. – Нужно действовать незамедлительно, пока демоница не успела зализать раны и не измыслила новую ловушку.

– Дочь моя, ты никуда не пойдешь! – Отец категорично положил руку мне на плечо. – Завтра утром мы отправимся домой. Не забывай, что твой сын – также и мой внук! А значит, он является принцем крови и посему родится не где-либо еще, а обязательно в королевском дворце Ширулшэна, с соблюдением всех приличествующих сему важному событию монарших ритуалов и церемоний. Мы представим его народу и правителям других государств. И лишь после этого я, возможно, выделю для тебя отряд лучших воинов и позволю найти Ринецею, затаившуюся в Обители затерянных душ.

Я строптиво нахмурилась.

– Не гневи меня, дочь! – сердито приказал король Мор, крепко сжимая мой локоть, которым я так и порывалась неучтиво пихнуть его в бок. – Видят боги, я люблю тебя больше жизни и именно поэтому, если придется, прикажу заковать в цепи и в таком неподобающем

для принцессы виде доставить домой! Прояви же благоразумие, дитя мое!

– Хорошо, я подчинюсь, – даже не покраснев, без зазрения совести соврала я. – Я исполню вашу волю, отец!

– Вот и замечательно, – облегченно вздохнул батюшка, нежно целуя меня в лоб. – Пойди попрощайся с друзьями, отдохни и повеселись напоследок, а на рассвете завтрашнего дня мы отплывем обратно, на Поющий Остров.

Прихватив с собой братца-короля и Эткина, я направилась к многочисленным кострам, полыхающим возле самой воды. Там собрались наши солдаты. Там пили пиво и жарили мясо, обменивались шутками и пели разудалые песни. Но, отойдя на десяток шагов, я незаметно обернулась и одарила батюшкину спину дерзким взглядом неискоренимого упрямства. Вот еще, что это он себе вообразил? Я уже взрослая женщина, а отнюдь не безвольный ребенок, которого запросто можно наказать, запугать и поставить в угол. Я обладаю всеми правами свободного, самодостаточного человека и вправе решать сама, как мне следует поступить. И, думается мне, я вижу намного дальше отца, обладая тонкой интуицией, сейчас властно подсказывающей мне: медлить нельзя. Они ошибаются, считая, что Ринецея уже неспособна нанести нам какой-либо вред. Но нет – сердцем чую, демоница не оступится так просто. Она в отчаянии – и поэтому способна на самое страшное... А значит, ее нужно остановить. Немедленно. Во что бы то ни стало...

– Ваше величество! – тихонько окликнул короля верховный архимаг после того, как принцесса Ульрика, ее брат и дракон присоединились к толпе празднующих победу солдат, единодушно встреченные громкими восхваляющими криками. – Мелеану ждут суровые испытания...

– На что ты намекаешь, маг? – вздрогнул почуявший неладное отец, напуганный мрачным пророчеством Саймона. – Ведь все уже позади. Мы победили!

– Нет, пока еще нет! – печально покачал головой магистр. – Над ней нависло страшное проклятие, да и Ринецея еще жива...

– О боги! – болезненно схватился за грудь король Мор, замечая, как усиленно забилося его любящее отцовское сердце, наполненное нехорошим предчувствием. – Какие еще беды ожидают нас впереди, друг мой?

– Сын демона! – беспощадно изрек маг, словно вынося смертный приговор. – Я не знаю, как рождаются демоны, но думаю – сам процесс родов станет чрезвычайно болезненным и опасным, способным стоить жизни нашей Мелеане! Ей потребуются помощь лучших магов и заботливый уход опытных повитух. В ее сыне соединятся Тьма и Свет, а появление нового светила способно вызвать страшнейшие катаклизмы и разбудить древние силы. Не спускайте глаз со своей дочери, ваше величество, берегите ее пуще зеницы ока!

– Обещаю! – торжественно поклялся король. – Рано поутру принцесса займет предназначенную ей каюту и отплывет на Поющий Остров. Такова моя воля!

– Будем надеяться на лучшее! – одобрительно кивнул маг, но что-то затаившееся в глубине души не давало ему покоя, предвещая новые беды и подсказывая – их благим намерениям не суждено сбыться...

Глава 10

На берегу царила атмосфера праздника. Чуть дальше, у скал, трепетали полотнища пестрых походных шатров и бок о бок миролюбиво реяли штандарты нескольких союзных государств. Я всегда считала, что скрепленная кровью дружба – одна из величайших движущих сил в мире. В вытащенной на песок шнеке⁴⁶ беспробудно дрых умотавшийся за день Кса-Бун, крепко обнимая свой ненаглядный топор и источая забористый сивушный

⁴⁶ Шнека – небольшое парусно-гребнерыболовное судно, большая лодка.

запах. Над деревянным бортом накренившегося судна торчала его черная мускулистая нога, перепачканная засохшей кровью и контрастно обвитая голубой атласной лентой от высшего военного эльфийского ордена «Львы Ширулшэна». Видимо, свежепосвященный «лев» спал столь крепко, что мой мудрый отец не счел нужным будить усталого канагерийца, а недолго думая повязал орден на первое подвернувшееся под руку место. Я иронично хмыкнула: «Награда нашла своего героя!»

На синем бархате вечернего неба зажигались первые звезды, сегодня как-то по-особенному красивые и яркие. Трескал пожираемый огнем валежник. Над костром жарилось несколько бараньих туш, а поблизости выстроилась целая батарея разнокалиберных пивных бочонков. Эткин плотоядно потянул носом:

– Ишь ты, чем тут наши вояки-то лакомятся! Ягнятинка на ребрышках... М-да-а-а, это вам небось не сырой горгулятиной на лету давиться...

– Эткин, а морда не треснет столько жрать? – поддразнивающе расхохотался Ульрих.

– Может, морда малость и того-с... – вслух размышлял дракон. – Но зато это не так болезненно, как прогрессирующая язва желудка и заворот двенадцатиперстной кишки! – со своей привычной прямолинейностью посетовал он. – Здоровье – его подорвать ой как легко, а вот восстанавливать – трудно... Ясно, молодежь?

– Эткин, ты вообще как себя чувствуешь? – взволнованно спросила я. – Я видела отчетливо, горгулий пять ты сегодня точно слопал, причем даже не подавился.

– Вообще-то я себя чувствую, – язвительно ощерил зубы дракон, – но – плохо... А для поправки настроения мне срочно требуется выпить...

Мой братец посмотрел на гиганта уважительно:

– Так ведь пить – вредно, сладкое – вредно, жирное – вредно...

– А жить – не вредно разве? – нравоучительно осклабился крылатый философ. – Сахар и соль – белая смерть. Но я знаю точно, что лес и водка – наш зеленый друг!

Повелитель Нарроны растерялся, как мальчишка.

– Не слушай Эткина, брат! – Я шутливо хлопнула дракона по лапе, одновременно с этим подмигивая Ульриху. – Знаешь, к чему может привести его воспитание?

– К чему? – наивно спросил молодой король.

– Начнешь спать с демонами, дружить с богами и обманывать родителей! – заговорщицким тоном шепнул гигант, склоняя увенчанную гребнем голову к самому уху нарронского повелителя.

– Да ну вас, хохмачи! – обиженно надул губы брат, поняв, что его разыгрывают.

– В каждой шутке скрывается доля... – серьезно начал отчитывать молодого короля Эткин, но внезапно дракона оборвали на полуслове.

– Идите к нам, ваше высочество! – дуэтом зазывали уже изрядно окосевшие Торвен и Арланмир, приглашающе размахивая литровыми пивными кружками. – Ура нашей принцессе!

– Жаркое! – обрадовался братец. – Выпивка!

– Животные, которых на земле осталось мало, занесены в магические книги, – авторитетно изрек летун, с вождением рассматривая мясо, – а те, которых много, – в книгу о вкусной и здоровой пище.

– Есть хочу – умираю. Значит, ура мне! – с намеком шепнула я.

– Ура! – корыстно поддакнул Эткин, примерился и удачно хапнул с вертела самую поджаристую баранью тушку. – Поедим за твоё здоровье и выпьем!

– Выпьем! – подтвердили солдаты, подкатывая хитрецу бочку первосортного эля.

– Ну за доблесть! – солидно провозгласил дракон, ударом когтя вышиб у бочки дно, ухватил ее зубами, поднял и опрокинул в себя...

Орк Торвен завистливо крякнул:

– Силен!

Дракон польщенно рыгнул.

Меня чинно усадили на раскладной походный стульчик, поднесли тарелку

подрумяненного мяса и бокал красного эльфийского вина.

– Ваше высочество! – У моих ног уместился тот самый юноша с арбалетом, оказавшийся сыном благородного эльфийского семейства и моим дальним родичем по материнской линии. – Скажите нам, пожалуйста, а кто, по-вашему мнению, бился лучше всех?

Я ненадолго задумалась:

– Самыми отчаянными я бы назвала тех, кто сражался рядом со мной и отбил натиск основных сил демоницы. Велика и организаторская заслуга Эткина. Но судить, кто же является самыми сильным бойцом из всех, я не берусь... Отличились многие. Десятки из вас сегодня стали рыцарями или получили иные титулы и звания. Но назвать лучшего из лучших я, пожалуй, не могу...

Солдаты разочарованно вздохнули.

– А я – могу! – важно заявил дракон, вольготно разлегшийся на песке и сейчас напоминающий мне большого кота, сыто жмурящегося на огонь. В сапфировых глазах волшебного зверя прыгали лукавые смешинки.

Тихонько хмыкнув, я отставила бокал и приготовилась наблюдать очередную шутовскую выходку своего шепутного друга.

– Я могу! – настойчиво повторил дракон, умышленно повышая голос.

Привлеченные его зычным басом, к нашему костру начали поспешно подтягиваться все новые группы изрядно нетрезвых вояк, чрезвычайно заинтересованные предполагаемой драконьей объективностью.

– В мире нет бойцов лучше орков! – торжественно объявил рыжий Торвен, поднимая свою кружку.

– Точно! – весело поддакнула я, вспомнив нашего дорогого Огвура.

– Но и тролли ничем им не уступают! – тоненько закричал возмущенный Альдрик.

– Точно! – поддержали бойцы.

– Эльфы – великие воины! – певуче выкрикнул юноша с арбалетом, носящий красивое имя Леруэль.

– Точно, мы – супер! – эффектно проскандировали стрелки Поющего Острова.

Завязались шутовые дебаты.

– А ну, тихо все! – прикрикнул на спорщиков дракон, по собственному почину решивший взять на себя роль третейского судьи. – Слушать меня внимательно и не вякать!

Собравшиеся вокруг костра мужчины выжидательно затаили дыхание.

– Задумали как-то три генерала – орк, тролль и эльф – выяснить, у кого из них бойцы храбрее, – начал рассказывать Эткин. – Сказано – сделано. Подходит орк к своему воину и бац тому – латной перчаткой по уху, да так сильно, что у солдата аж в голове зазвенело. Но воин и виду не подал, будто ему больно, – только моргнул.

«И как? – с интересом спрашивают его два других генерала. – Неужели не больно?» – «Больно! – честно признался боец. – Но орки приучены мужественно переносить любую боль!»

Орки из нашего отряда восторженно зааплодировали.

– Тогда троллий генерал подходит к своему бойцу, – как ни в чем не бывало продолжил Эткин, проказливо подмигивая мне, – и со всего маху трах – бьет того тяжелой перчаткой прямо... между ног...

По берегу прокатился всеобщий стон понимающего мужского сочувствия.

– И что дальше? – нетерпеливо выкрикнул чей-то дрожащий от напряжения, ломающийся мальчишеский голосок.

Дракон мило улыбался, выдерживая драматичную паузу. Народ, кажется, даже пиво пить перестал...

– Да ничего! – наконец соизволил сообщить Эткин. – Тролль лишь зубами скрипнул, но стерпел!

– Ай, молодец! – одобрительно рявкнул Арланмир.

«И как? – с интересом спросили тролля два других генерала. – Неужели не больно?» – «Еще как больно! – честно признался боец. – Но тролли приучены молча сносить любую боль!»

Присутствующие на пляже орки и тролли расчувствованно обнимались, клянясь в дружбе до гроба. Одни лишь эльфы сидели мрачные и надутые...

– И тогда эльфийский генерал не выдержал, – мрачным тоном вещал дракон. – Он выхватил из ножен рапиру и вонзил ее в ступню своего солдата...

Лица мужчин, безмолвно внимающих его рассказу, побледнели как полотно...

– У храброго бойца в сапоге дырка, но он даже не ойкнул! – по слогам отчеканил дракон.

Что тут началось! Эльфы вскочили с мест и пустились в безудержный пляс, выделявая умопомрачительные коленца. Но громкий голос рассказчика призвал их к порядку.

– Орочий и троллий генерал обалдели и чуть не скончались от зависти.

«Да как же это так? – шокированно спрашивали они. – Неужели не больно?» – «Да нет! – ровно ответил скромняга эльф. – Разве ж это боль?»

– Молодец! – торжествующе гаркнул эльфийский генерал, гордо выпячивая грудь колесом. – Выношу благодарность и жалую тебе дворянство. Может, еще чего пожелаешь? Не стесняйся, проси, для подобного удальца мне ничего не жалко...

– Сапоги бы мне подходящие, – потупил глаза храбрец. – А то я обычно сороковой размер ношу, но у нас на складе уже пять лет только сорок пятый выдают...

Мгновение все молчали, недоуменно хлопая ресницами... А потом по берегу пронеслась такая шквальная волна самозабвенного хохота, что меня чуть со стульчика не сдуло...

– Вранье! – пытались протестовать эльфы, но их возражения тонули во всеобщем гвалте.

Я втихомолку хихикала, любуясь Эткином, который уронил голову на скрещенные лапы и сделал вид, что он тут якобы совершенно ни при чем и вообще уже погрузился в глубокий пьяный сон. Что и говорить – вечер удался на славу!

– Госпожа! – Тихий вежливый голос отвлек меня от созерцания звездного неба. – Генерал Рахсагор просит вас пожаловать к нему в гости!

– С самочувствием его светлости все в порядке? – церемонно осведомилась я, оборачиваясь к молодому демону с нашивками адъютанта на рукаве. – Он здоров?

– Вашими молитвами! – галантно щелкнул каблуками посланец. – Он ожидает вас в своем шатре и просит почтить его вниманием!

– Хорошо! – Я тяжело поднялась на ноги. – Проводите меня к генералу. Я буду рада засвидетельствовать ему свое благорасположение.

Роскошный шатер генерала Рахсагора ничуть не походил на сооруженное наспех временное жилище или тем паче на неудобное узилище побежденного врага. Наоборот, с таким завидным комфортом у нас обычно селят лишь союзников – самых ценимых и уважаемых. И здесь, как и на берегу, тоже праздновали победу.

Я жестом остановила склонившихся передо мной охранников, несущих почетный караул возле входа, сама подняла легкий шелковый занавес и шагнула через порог. Большую часть шатра, поражающего изысканностью убранства, занимало круглое, заваленное подушками ложе, на котором и возлежал сам демон. Под небрежно распахнутым парчовым халатом виднелась белоснежная повязка, туго охватывающая грудь раненого. Но, судя по свежему румянцу, игравшему у него на щеках и весьма красившему лицо генерала, а также изрядному количеству пустых винных бутылок, генерал чувствовал себя довольно неплохо. Поэтому мне сразу бросилось в глаза, что сам Рахсагор, вольготно развалившийся на подушках, ничуть не походил на умирающего, громко смеясь над какой-то шуткой одного из своих подчиненных, восседавших на расставленных в шатре скамеечках. Точно так же, как и на пляже, в шатре шел пир горой, поразивший меня обилием золоченых блюд со

всевозможными редкостными деликатесами. Завидев меня, генерал растянул губы в приветливой улыбке, обнажая белоснежные клыки, пытаясь одновременно запахнуть халат, пристроить кубок на пол и подняться с ложа.

– Оставьте эти ненужные церемонии! – Я чуть не насильно уложила демона обратно. – Как ваша рана?

– Через пару дней заживет бесследно, – подмигнул Рахсагор. – Вы, ваше величество, прекрасно знаете, куда следует наносить удары. Да и нужно признать, этот ваш эльфийский маг – настоящий кудесник!

– Слава Пресветлым богам! – искренне обрадовалась я, усаживаясь на стоящий возле кровати пуфик. – Я старалась не задеть внутренних органов, да и к тому же – помнила о легендарной живучести демонов... Прирожденного убийцу не так-то легко убить! – добродушно пошутила я.

Приближенные генерала по достоинству оценили как мое чувство юмора, так и тонко завуалированный комплимент, ответив веселым смехом. Рахсагор признательно улыбнулся:

– Ваше величество безмерно добры и умеют приобретать друзей. Наверно, так поступают лишь истинные правители: карая одной рукой, они одновременно с этим дают тебе второй шанс – другой.

– Генерал, – недоуменно нахмурилась я, – извольте немедленно объясниться! Вот уже второй раз подряд вы величаете меня королевским титулом...

– Милостивая госпожа Ульрика, – мгновенно посерьезнел демон, – моя прямая обязанность вассала состоит в следующем: доложить вам, что здесь, в этом шатре, собрались члены высшего совета Нижнего уровня и старейшины нашего народа. Мы посоветовались и пришли к единодушному мнению – вы должны немедленно вступить во владение наследством своего покойного супруга и стать нашей обожаемой повелительницей. Мы, подлю брошенные предательницей Ринецеей, но прощенные и обласканные вами, получили возможность оценить ваше великодушие и справедливость. Вы станете нашей королевой и по законному праву передачи престола, и по выбору наших сердец. И осмелюсь вас заверить, еще ни одна королева в мире не получала столь надежных и покорных подданных!

Лицо генерала озарилось светом бескорыстной преданности, а его свита покинула свои места и вся, как один, разом опустилась на колени, приветствуя меня, своего нового сюзерена. На мои глаза навернулись слезы признательности.

– Встаньте, друзья мои! – дрожащим от волнения голосом попросила я. – Я верю, что с этого дня демоны Нижнего уровня перестанут считаться чудовищами, именами которых мы ранее пугали непослушных детей. Вы – великий народ, умеющий творить добро и созидать жизнь. Но сейчас я не могу пойти с вами...

– Почему? – ошеломленно выкрикнул Рахсагор, приподнимаясь на локте. – Вы нужны нам, ваше величество! Вы нужны дому принца Астора, опустевшему и печальному, вы нужны его саду, в котором теперь нет хозяев, не поют птицы и не порхают бабочки. Вы нужны нашим землям, разоренным жадностью Ринецеи, нашим детям, мечтающим стать пажами и друзьями нового принца. Вы носите в себе душу и сердце нашего народа, вы – залог нашего благополучного будущего...

– Госпожа! – униженно молили могучие воины, словно рабы, валяясь у меня в ногах и покрывая поцелуями мои колени. – Не откажите, позвольте нам служить вашему величеству!

И тут мне стало плохо. Сердце мое замерло и почти остановилось, разрываясь от дикого желания снова посетить все те, столь дорогие для меня, места, связанные с упоительными воспоминаниями об ушедшей любви. Мгновения, проведенные в доме у Астора, по-прежнему оставались самыми счастливыми минутами моей жизни, оказавшись невероятно короткими и волнительными. Такими, которые не забываются никогда. А теперь я могла получить этот великодушный народ, как высший дар богов готовый принять моего сына и назвать его своим владыкой. Мне предоставлялась единственная и, скорее всего, незаслуженная возможность вновь жить спокойно, посвятив себя добру и воспитанию ребенка. Способна ли какая-нибудь женщина отказаться от столь завидной участи? Конечно

же нет! И я уже почти ответила согласием, как вдруг перед моим мысленным взором промелькнуло видение бледного лица моего умершего возлюбленного, постепенно тающее в черном тумане небытия и уходящее от меня навсегда. Видение, тихонько стенающее от отчаяния и оплакивающее утраченную возможность обрести новую жизнь...

«О, прости меня, мое сокровище! – безмолвно вскричала я, корчась от раздирающей душу боли. – Я никогда тебя не предаю и не брошу, мое нереальное, горькое, краденое счастье! И не слишком важно, за какими тридцатыми морями или землями мне придется тебя искать. Я не усташу невзгод и опасностей, я тебя найду. Верь мне и жди меня, потому что я – приду...»

И наверно, что-то такое непоколебимое и судьбоносное отразилось в тот миг на моем лице, заставив генерала покинуть ложе и, оттолкнув своих придворных, пристально всмотреться мне в глаза:

– Моя королева? Мне кажется, вы что-то от нас скрываете?

Я тяжело вздохнула, решившись на откровенность:

– Дорогой генерал, давайте я стану говорить с вами предельно честно: я не теряю надежды вернуть обратно на землю нашего бесценного правителя – гранд-мастера Астора. Но полагаю, если это и возможно, то лишь ценой моих личных изысканий и усилий. А посему поймите меня и простите. Я обязательно к вам приду, но не сейчас, а только после того, как исполню задуманное и предначертанное. Ждите меня и пожелайте удачи...

Я извлекла из ножен одну из Алатор и отрезала длинный локон своих вьющихся рыжих волос. А затем вложила его в правую руку генерала.

– Господин генерал, – я властно коснулась его плеча, придавая своему голосу нужную силу, соответствующую торжественности момента, – дарю вам титул герцога Асторского и нарекаю лордом Рахсагором Верным. На время моего отсутствия назначаю вас регентом всех подвластных мне земель, лордом-хранителем Нижнего уровня и будущим наставником принца Люцифера, который вскорости должен родиться. Принимаете ли вы мою волю, лорд Верный?

– Принимаю и повинуюсь вам, моя королева! – Поцелуй горячих губ Рахсагора обжег мои пальцы. – Клянусь сохранить наши земли в целостности и нерушимости до вашего возвращения. Мы будем ждать вас, ваше величество! – Генерал раскрыл плоский, полый внутри медальон, висевший у него на шее, и вложил в него мой локон. И – о диво – медальон тут же засветился ярким золотистым светом!

– Обещаем ждать! – поддержали лорда-хранителя все приближенные, пораженные чудом, совершившимся на их глазах.

Я поблагодарила своего регента крепким рукопожатием и вышла из шатра, даже не обернувшись. Отныне моя мятущаяся душа обрела несвойственное ей ранее равновесие, преисполнившись решимости и уверенности в правильности всех планируемых действий, а мой дальнейший путь – определился!

Выдумщица-судьба презирает трусов и неизменно благоволит к храбрым. К тем рискованным авантюристам, кто не ждет ее милостей, безвольно положившись на капризную удачу, а вопреки всему готов самолично шагнуть навстречу жестокому року, зубами вырывая из его глотки свой справедливый, желанный и заслуженный кусочек счастья. И теперь ради этого счастья, ради возрождения моего возлюбленного супруга мне предстояло обмануть отца, нанеся жестокий удар его доверию ко мне. Я сознательно шла на обман, избрав гадкую ложь, правда направленную во спасение! Невозможно сделать хорошо всем одновременно и ублажить всех – кто-то все равно останется в проигрыше. Но чтобы победить в главном, нужно научиться жертвовать малым. Такова жизнь!

Я еще немного побродила по притихшему берегу. Укрывшись тонкими одеялами, наши закаленные в походах солдаты вповалку спали прямо на прогретом кострами песке, торопясь насладиться оставшимися мгновениями спокойствия и тишины. Судя по положению звезд, ночь уже хорошо перевалила через середину и до рассвета оставалось часа четыре. Хорошо

бы и мне чуток подремать, пристроившись поближе к Кса-Буну, а затем успеть вовремя разбудить верного канагерийца – до того как лагерь начнет просыпаться. Не уверена, что чернокожий воин одобрит мой смелый план, но знаю точно – он меня не бросит. Я перешагнула через невысокий борт шнеки, насмешливо покосилась на атласную ленту, по-прежнему болтающуюся на ноге громогласно храпящего «льва», и прилегла на сложенный парус. Веки мои смыкались сами собой, а голова немного кружилась от усталости и выпитого пива. И я уже почти погрузилась в освежающий сон, дав себе мысленный приказ подняться через два часа и предвкушая малую толику безмятежного отдыха, как вдруг произошло нечто неожиданное, совершенно не входившее в мои сумасбродные намерения...

Молодой вождь киктов Баргуш пребывал в непоколебимой уверенности: жизнь – штука короткая и незатейливая, притом прямолинейная, будто лезвие его любимого меча, и к тому же способна подарить немало приятных моментов. О, конечно, все это возможно лишь в том случае, если уметь ею, то бишь этой подаренной богами жизнью, правильно распорядиться. В его бесхитростном понимании, настоящий мужчина должен преуспеть в нескольких немудреных навыках, а именно: в умении врезать посильнее кому-нибудь по морде, перепить всех и вся, удачно сходить в набег на соседнее племя да задрать как можно больше бабьих подолов. Что, впрочем, совсем не трудно, если ты молод, самоуверен до судорог в челюстях, да при этом еще и приходишься родным сыном главного колдуна племени...

– Покойного колдуна! – со вкусом уточнил Баргуш, шумно прихлебывая вино из огромного кубка, представлявшего собой половину оправленного в серебро человеческого черепа. – Был батюшка, да весь вышел. Пшик один остался! – Кикт насмешливо сплюнул на дорогой шерстяной ковер. – Теперь я – ваш хозяин! Или кто-то против? – Настороженным взглядом он обвел ряд притихших, послушно гнущих спины старейшин. – Ну? Признавайтесь, кто чем недоволен?

Недовольных конечно же не нашлось. Да и как тут найтись, если сын погибшего колдуна не только по праву унаследовал трон своего отца, так еще вдобавок успел лет пять назад сколотить шайку, состоящую из самых отъявленных драчунов и забияк, преданных своему предводителю и душой, и телом. Теперь попробуй вякни хоть слово – так сразу накинут на шею крепкую веревку и вздернут на кольях ограды. Ведь жизнь и впрямь – коротка! Вот поэтому и молчали старейшины, угодливо улыбаясь и подливая вина своему новоиспеченному вождю, нужно признать отнюдь не обладающему опытом или мудростью покойного Сиваша. Вот тот действительно был весьма неординарным троллем – немного заносчивым, но безусловно справедливым, рассудительным и уравновешенным. Утверждают, правда, будто яблоко от яблони недалеко падает.... Ну да, видно, на этот раз плод на яблоне изначально завязался неудачный, сгнив еще на ветке.

Убедившись в безоговорочном подчинении седых старцев, каждый из которых ему по годам в деды годился, Баргуш довольно хохотнул и поставил обутую в вышитый сапожок ногу на спину ближайшего к нему старейшины, покорно распластавшемуся на ковре. Черные, густые брови молодого вождя продолжали гневливо шевелиться, напоминая двух толстых, мохнатых гусениц. По движению этих бровей окружающие всегда безошибочно угадывали – в каком настроении ныне пребывает их лидер, прошедшей зимой едва лишь справивший праздник своего вступления в пору мужской зрелости – восемнадцатилетие, но уже успевший приобрести плохую славу скорого на расправу самодура. Да и остальные отличительные особенности его внешнего облика ничуть не свидетельствовали о наличии каких-то скрытых душевных достоинств. Ростом Баргуш не удался, зато выглядел коренастым и здоровым, обладал широкими плечами молотобойца и длинными волосатыми руками, достигающими колен. Бочкообразный торс покрывали густые жесткие волосы, сильно смахивающие на шерсть. Голенища красивых, захваченных у олорулонов сапог сильно морщились на его кривых, выгнутых колесом икрах, а от немытого тела вождя исходил густой едкий запах. Омовения Баргуш не любил с младенчества, опасаясь, что сия излишняя процедура способна смыть с него благословение бога Брана, чьим избранным

воином он привык себя именовать. Ну а во-вторых, чаще всех моются те, кому чесаться лень. Из-под его сальных черных косм, неопратно свисающих с шишковатой головы, злобно шурились маленькие, глубоко и близко посаженные глазенки. Кичливо выступающая вперед тяжелая нижняя челюсть почти лежала на груди, поддерживаемая короткой и толстой шеей. Однако, несмотря на столь отталкивающую внешность, вождь почитал себя первым красавцем племени и, отличаясь крайне необузданным любвеобилием, буквально доставал своим вниманием всех встречаемых женщин возрастом от двенадцати до сорока лет. И хоть и бегало уже по стойбищу несколько похожих на него ребяташек, законной супругой вождь так и не обзавелся до сих пор, поэтому матримониальный вопрос оставался для него наиглавнейшей жизненной проблемой. И Баргуш уже всерьез задумался – а не посвататься ли ему, такому умному, красивому и всесильному, к какой-нибудь заморской принцессе, как вдруг...

– Мой повелитель! – Громкий призыв, всколыхнувший входную занавеску, насильно вырвал кикта из соблазнительных тенет нескромных эротических мечтаний. – Вождь!

– Кого там еще Бран принес! – сердито рыкнул Баргуш, недовольно отпихивая от себя робкого старейшину. – Чего надо?

– Мой повелитель! – В шатер шумно ввалился его доверенный сотник, сопровождаемый тремя воинами, тащившими что-то непонятное, укутанное в овечьи шкуры. – Радуйся, великий вождь, ибо наш бог снизошел к твоим мольбам, выказав милость, подобную которой еще не видывали в наших землях...

– Чего? – не поверил Баргуш. – Что ты несешь, Гуль? Да никак ты кислого кумыса упился?

Но сотник Гуль, ничуть не уступавший своему вождю в уродливости и волосатости, лишь счастливо ощерился, демонстрируя омерзительную нехватку доброй половины зубов и плачевное состояние уцелевших, превратившихся в обглоданные цингой пеньки.

– Мой господин, как вы и повелели, минувшей ночью мы отправились в главный курган бога, дабы проверить, смогла ли душа вашего покойного отца обрести вторую жизнь, вселившись в тело молодого раба...

– Ну? – нетерпеливо подался вперед Баргуш, подогнув под себя ноги, грузно восседавший на вырезанном из китовой кости троне. – И?..

– Увы, – с наигранным сожалением развел руками Гуль, – в святилище не обнаружилось и намека на ожидаемое чудо. Более того, обиталище бога Брана поразило нас своим разгромленным видом. Но зато в зале мы обнаружили невиданной красоты девушку, сопровождаемую несколькими мужчинами. Мы решили, что эта девушка является богоданной невестой, посланной вам самим Браном. Мы выкрали красавицу и доставили ее к вам...

– И где же эта девушка находится сейчас? – возбужденно перебил говорливого сотника Баргуш, похотливо раздувая крылья своего сильно приплюснутого носа.

– Здесь! – коротко отпартовал Гуль и подал знак сопровождавшим его людям.

Воины резко встряхнули шкуры, и к ногам вождя выкатилась высокая стройная фигура, облаченная в белое платье невесты и окутанная водопадом роскошных серебристых волос. Приоткрыв рот от восхищенного изумления, Баргуш затаив дыхание рассматривал молодую девушку, испуганно взирающую на него снизу вверх широко распахнутыми изумрудными очами. Все в ней сразу же пленило грубое сердце кикта – и тонкость талии, и трепет пышной груди, и блеск губ, и красота бледного лица. Воистину подобной непревзойденной прелестью не обладал никто, даже богиня любви Агния – супруга свирепого Брана.

– Кто ты? – подрагивающим от страсти голосом спросил Баргуш.

Небесное создание поправило растрепанную гриву круто вьющихся локонов и ответило тоненьким голоском, хрустально звенящим, будто весенний ручеек на камнях:

– Меня зовут Лансанариэлла!

– Лансанариэлла! – влюбленно повторил вождь, шумно сглатывая слюни. – Ути-пути, кошечка моя!

Красавица кокетливо хлопнула ресницами.

– А скажи-ка мне, моя прелестница, – продолжил допытываться кикт, – не замужем ли ты? Девушка ли ты?

– Э-э-э, – замялось с ответом прелестное существо. Надо понимать, подобный скользкий вопрос завел Ланса (а это конечно же был именно он) в глухой ментальный тупик, поставив эльфа в донельзя двусмысленное положение.

Вождь ждал, девушка мялась... Наконец терпение Баргуша лопнуло. Он протянул свою вонючую волосатую лапу и попытался нескромно пощупать бюст фальшивой девушки.

Сотник Гуль завистливо вздохнул...

Старейшины дружно ахнули от смущения...

Ланс дико заорал. Частично – от отвращения к благоухающему прошлогодним потом варвару, а еще – из страха перед неминуемым разоблачением. И отвесил кикту полновесную пощечину...

Баргуш восторженно охнул и потер отбитую скулу. Рука у опытного лучника оказалась хоть и изящной, но весьма нелегкой...

– Девушка, зашиби меня Бран! – довольно констатировал вождь, тихонько млея от привалившего ему счастья. – Вот ведь какая кобылка-недотрога необъезженная попалась... Да будет известно всем, один лишь я способен на ощупь отличить девичью грудь от женской: по высоте, полноте и... силе визга!

Воины одобрительно затопали ногами, потрясая мечами и выкрикивая имя вождя.

– Готовься, девушка, – предвкушающе поерзывая на троне, приказал кикт, – ты станешь моей женой. Наша свадьба состоится через два дня!

– Но, – ошалело вытаращился на него Ланс, – я... я же вас совсем не знаю! Я не хочу... я не должен, тьфу – не должна... Да я вообще – я не могу обещать вам верность!

– Глупая! – приторно засюсюкал умилившись Баргуш. – Да кто же тебя спрашивать-то станет? Я не дурак и знаю точно: не бывает неверных жен. Бывают – неверно выбранные!

Ланс испуганно вздрогнул и чуть не прикусил себе язык от неожиданности.

«Боги, – вихрем пронеслось у него в голове, – а ведь вождь даже не подозревает, насколько он близок к истине!»

В борт щеки тихонько постучали. Я нехотя приоткрыла глаза. Судя по ничуть не изменившемуся положению звезд, поспать мне удалось не более получаса.

– Кого там еще Аола принесла? – протяжно зевнула я. – Чего надо?

– Поговорить! – жизнерадостно отозвался внушительный драконий бас.

– Эткин, – почти простонала я, пытаюсь пальцами раздвинуть веки, слипающиеся сами собой, – озверел ты, что ли? Ты хоть знаешь, который сейчас час?

– Самый подходящий для разговора! – уверенно заявил гигант. – Просыпайся, принцесса, другого столь же подходящего момента для беседы нам может уже не представиться. Ик! – И гигант выдохнул настолько убойный сгусток насквозь пропитанного пивным перегаром дыма, что меня чуть не выдуло из лодки. Ясно дело, мою сонливость тут же как рукой сняло.

– Эткин, – укоризненно ворчала я, выкарабкиваясь из щеки и собирая свое барахло, – побойся богов, от твоей отрыжки родить можно!

– Ыгы! – радостно оскалился гигант. – А что, тебе уже пора?

Я рассмеялась и щелкнула его по носу:

– Сама как-нибудь с этим разберись, без участия пьяных драконов. Что ты вообще тут делаешь?

– Симулирую крепкое здоровье, – хмыкнул мой летучий друг. – Непонятно разве? Но пусть сия маленькая сплетня останется между нами... Хотя, похоже, этот поход за славой меня доконал...

– Удивляюсь, как тебя вообще в него взяли, животину старую, – в тон другу съязвила я. – Ты же ползими на гастрит жаловался...

– Саймон вылечил, – легкомысленно отмахнулся гигант. – Чешую мне вычистил, блох – и тех повывел...

– А что, у драконов бывают блохи? – сильно усомнилась я. – Да ну?

– А как же, – с притворной грустью Эткин смахнул мнимую слезу. – Я к ним, родимым, можно сказать, всей душой прикипел. Как живых теперь своих блошек вижу и помню, всех пятерых... в лицо...

И только сейчас я поняла, что дракон меня разыграл.

– Эткин, – рассердилась я, – хорош мне тут байки да сказки рассказывать! И морально подготавливать меня к очередной твоей проделке не требуется. Чай, не хрустальная, не рассыплюсь.

– Сказки – ложь, на них – положь, – оптимистично посоветовал друг. – Я просто избегаю эффекта внезапности, крайне вредного в твоём пикантном положении...

– Ясно, – задумчиво протянула я, усаживаясь на остывший валун. – А ну колись, что ты там опять задумал...

– Ты первая, – передразнил меня дракон, сворачиваясь компактным клубком. – Думаешь, я не понял, что твое высочество специально изображало смирную овечку, намереваясь обдурить своего уважаемого батюшку?

Я обиженно надула щеки:

– А что прикажешь делать? – В моем голосе прорезались сварливые нотки. – Ну не могу я сейчас уплыть на Поющий Остров, не могу...

– А я тебя, между прочим, и не заставляю, – с пониманием ответил друг. – Нечего тебе там делать, твоя дорога лежит совсем в иное место.

– В какое это? – подпрыгнула я на камне. – Что тебе ведомо?

– Ну вот хотя бы несколько строк из Хроник Бальдура, – хитро улыбнулся Эткин. – Рудник Ринецеи каким-то образом связан с Храмом Розы, не так ли?

Я кивнула:

– Бальдур писал очень двусмысленно, но я пришла к такому же выводу. Мне нужно попасть в шахту и попытаться отыскать хоть что-то, способное дать подсказку относительно нынешнего местоположения Храма...

– Для этого я тебя и разбудил! – перебил меня Эткин.

– Дружище! – Я растроганно чмокнула его в морду. – Если бы не ты, я так и осталась бы одинокой и никем не понятой.

– Одиночество – спутник славы! – философски вздохнул гигант. – А сейчас... – он тихонько свистнул, – я хочу познакомить тебя с одной чрезвычайно колоритной особой...

Я увидела, как, повинуясь призыву дракона, от скалы отделилась высокая, закутанная в серый плащ фигура и подошла к нам. Она откинула с головы складки широкого капюшона и явила нашим взорам лицо женщины средних лет, не отличающееся особой красотой, но зато сразу настораживающее здравомыслящим прищуром карих глаз. Выглядела гостья лет на сорок и отличалась кряжистым, почти мужским телосложением, сильными, привыкшими к физическому труду руками и неожиданно мягкой походкой хищного, крадущегося в темноте зверя.

– Здравствуйте, – поприветствовала я незнакомку первой, желая выказать ей уважение и доверие. Я понимала – Эткин привел ее совсем не просто так, очевидно радея о моей личной выгоде. А вот о какой – это мне сейчас и предстояло выяснить.

Женщина присела в вежливом реверансе:

– Ваше высочество!

– Вы простолюдинка, но явно не из бедных. – Я мельком оглядела ее добротное теплое платье, обшитое меховой полосой. – Вы – хозяйка собственного дела, дающего вам стабильный доход. – Об этом свидетельствовали уверенные манеры свободной и независимой женщины. – Но вы рано поседели, и у вас морщинки возле рта, а это значит – вы часто сжимаете челюсти и поджимаете губы, оценивая возможный риск. Вы занимаетесь чем-то опасным?

Рядом со мной одобрительно фыркнул дракон, довольный проявленной мною наблюдательностью.

– Ваше высочество недаром называют самой умной и проницательной, – польщенно улыбнулась женщина. – Вы не ошиблись, я действительно еще совсем недавно занималась весьма опасным делом, а именно – контрабандой магических амулетов и артефактов...

– Ясно. – Я сразу поняла, что Эткин откопал что-то воистину редкостное. – Вы хотите предложить мне свой товар?

– Да. – Торговка непринужденно уселась на второй камень. – Звать меня Кирой, и я долгое время работала с вашим покойным дядюшкой Абероном Холодным...

При упоминании имени проклятого некроманта, ставшего непосредственным виновником гибели моего возлюбленного Астора, у меня невольно вытянулось лицо:

– Госпожа Кира, у меня нет ни малейшего сомнения в том, что вы совершили множество черных дел. Но, возможно, боги еще прояснят ваш разум и предоставят вам возможность искупить содеянное!

Грудь торговки бурно всколыхнулась, она издала сдавленный всхлип и неожиданно упала передо мной на колени:

– Как вы добры и справедливы, принцесса! Господин архимаг Саймонариэль не стал подвергать меня наказанию, а, наоборот, – предложил сотрудничать с ним, снабжая редкостями созданную им магическую школу. Меня сразу же стали называть королевской поставщицей редкостей и зауважали. А недавно я удочерила десятилетнюю девочку, безродную сироту. Прошу вас, ваше высочество, не держите на меня зла...

Я ладонями приподняла ее склоненный долу подбородок и заглянула в заплаканные глаза, полные неподдельных угрызений совести.

– Да смилуются над тобой боги, Кира, – нежно шепнула я. – Свет в твоей душе победил тьму. Ты стала честным человеком. Так пусть простит тебя Аола, так же, как прощаю тебя я! – Сейчас мне не хотелось помнить о том, что, возможно, пусть и косвенно, но эта женщина оказалась причастной к смерти моего возлюбленного. В конце концов, я никогда не считала, что на зло нужно отвечать злом. И я верю, Астор тоже понял бы меня и поддержал.

– Я искуплю! – Кира цеплялась за мои пальцы, сияя несмелой улыбкой чистосердечного раскаяния. – Я принесла вам подарок, моя принцесса...

– Посмотри! – привлек мое внимание Эткин. – Смотри внимательно, Мелеана!

Кира расстегнула ворот платья и сняла со своей шеи замшевый мешочек, подвешенный на шнурок и надежно упрятанный под плотную ткань ее одежды. А уже расшнуровав защитный футляр, она достала и передала мне тонкую серебряную цепочку, грубоватую и потемневшую от времени, покрытую зеленоватым налетом патины.

– Что это? – удивленно спросила я, вертя в руках неказистую безделушку.

– Нить Бальдура! – почти мурлыкнул дракон. – Ну каков подарочек?

– Что! – в голос закричала я. – Та самая нить?!

– Тише, ты так весь берег на ноги поднимешь! – шикнул на меня Эткин, не сумев скрыть ликующих интонаций и наслаждаясь эффектом, произведенным на меня сим скромным украшением. – Конечно, та самая! Подделок – не держим! – Они с Кирой весело переглянулись.

– Она попала в мою лавку случайно, – начала объяснять торговка, – и я сразу уразумела, какую удивительную редкость послали мне боги! Я слышала про орочьего летописца, создавшего великую книгу, скрывающую путь к Храму Розы. Нужно наложить цепочку на карту – и она укажет путь к потерянным сокровищам творцов...

О да, я тоже прекрасно понимала, о чем идет речь, ибо неоднократно наталкивалась в тексте Хроник на упоминание об этой путеводной нити. И вот теперь вожаемый амулет достался мне!

– Кира, – взволнованно произнесла я, – эта реликвия бесценна! Сколько золота ты за нее хочешь?

– Искупление! – виновато шепнула женщина, пряча глаза. – Я шла с цепочкой к

нашему архимагу, но встретила господина Эткина, и он поведал мне о печальной участи, постигшей вашего супруга. Возможно, нить поможет вам вернуть его душу. Примите ее в подарок и простите меня...

– О, Кира! – Я горячо обняла свою спасительницу. – Благослови тебя Аола!

– Вот видишь, – меланхолично рассуждал Эткин после того, как торговка ушла, – судьба совершает непредсказуемые повороты, пытаясь управлять и манипулировать нами. Чтобы доказать тебе сей прискорбный факт, я отыскал для Киры местечко на корабле твоего батюшки и привез ее с собой. Согласись, что история с обнаружением Нити Бальдура сильно смахивает на хорошо спланированную и исполненную подставу... И ты по-прежнему намереваешься противостоять року, пророчествам и замыслам демиургов?

– Конечно, – страстно воскликнула я, пряча волшебный подарок в карман своего колета, – и теперь – еще настойчивее, чем ранее!

– Неисправимая! Ступай уже, – мягко подтолкнул меня дракон, – я знаю, что ты задумала. Но учти, это – твой путь, и ты выбрала его сама... Если не передумаешь и не отступишь, то тогда тебе неизбежно придется пройти его до самого конца, каким бы страшным он ни оказался, без обычных женских слез и жалоб...

– Эткин, – меня мучило странное предчувствие надвигающейся беды, – зачем ты меня пугаешь? Твои двусмысленные напутствия смахивают на прощание. Увидимся ли мы еще?

– Безусловно, – успокаивающе рассмеялся дракон, отползая к шатрам. – Всенепременно!

Я тихонько потрясла черное плечо Кса-Буна, будя своего верного телохранителя. Дороги судьбы внезапно обрели четкость и конкретность, постепенно выстраиваясь в финишную прямую. Итак, теперь меня ждали урановый рудник и Храм Розы...

В отличие от Сумасшедшей принцессы дракон всем сердцем верил в невозможность изменить ход истории и обмануть злодейку-судьбу. Можно долго играть с нею в «кошки-мышки», почти бесконечно длительный срок придумывая обходные маневры и изобретая все новые и новые ходы. Но в итоге судьба все равно наверстает упущенное, прежде по полной программе отыгравшись на уваливающем от нее беглеце. Эткин четко видел свое будущее, пока еще не полностью осознав, стоит ли ему печалиться, впадая в тоску от тяжести уготованной ему доли... Неизбежное грянет само по себе, а потому – все мы рано или поздно уйдем в небытие, растворившись в вечности и став одним из многочисленных узелков, образующих бесконечное полотно жизни. И возможно, нам стоит задуматься лишь о том, какие деяния совершит каждый из нас, выписывая свой индивидуальный рисунок на ткани всеобщего бытия, должный навечно запечатлеться в людской памяти. И если уж ему суждено сгореть в полете и погибнуть как падающая звезда, кратковременно вспыхнувшая во мраке вселенной, то пусть тепло его души не потухнет бесследно, но станет жертвенным источником для рождения новых, ослепительно-ярких созвездий.

«От предначертанного не уйдешь, как ни старайся! – мысленно посмеивался дракон, сворачиваясь в комок и засыпая. – Судьба не подвластна даже тебе, моя смелая принцесса, моя сумасшедшая фантазерка! Мы, безусловно, повидаемся еще раз, – умиротворенно бурчал он, – перед смертью...»

И лишь одну существенную деталь он намеренно скрыл от самого себя, избегая уточнения – перед чьей же именно смертью суждено случиться их новой встрече...

Глава 11

Уж не знаю, умным ли человеком, а вернее – орком, считался при жизни знаменитый летописец Бальдур, но писательским мастерством он, на мой взгляд, не овладел ни на йоту. Хотя, возможно, я судила излишне пристрастно, а писать по-другому не получится и у более талантливого летописца при условии, что твоим соавтором является не кто иной, как сама Судьба. Я с огромным интересом несколько раз подряд вдумчиво перечитала подробные описания дней минувших, содержащиеся в Хрониках, но осведомленнее не стала. Сия

загадочная книжица небольшого формата, переплетенная в кожу и лишенная названия, казалась мне сборником самых невероятных загадок и ребусов, не поддающихся логическому объяснению. Самыми доступными среди них стали последние листы, посвященные событиям моей жизни, как я уже поняла, тесно переплетенным с бытием всего нашего мира. Но вот годы, связанные со свержением Пресветлых богов... М-да, либо Бальдур писал слишком уж иносказательно, либо мои умственные способности оставляли желать лучшего...

Мы с Кса-Буном перебрались через скалы, скрывшие от нас морское побережье. Следовало поторопиться, потому что рассвет близился, окрашивая небо в пока еще едва уловимый розовый оттенок. Тоскуя по жаре своего родного края, чернокожий воин зябко поеживался от прохладного предутреннего ветерка, тер помятое лицо да позевывал украдкой, деликатно прикрывая ладонью рот. Я пожалела мерзнувшего – отдала ему свою кольчугу из драконьей чешуи (едва не треснувшую от ширины плеч канагерийца) и заодно сунула объемистый сверток, на прощанье выданный мне заботливым драконом, так и не удосужившись поинтересоваться его содержимым. Если рассуждать здраво, то все наиболее важные события происходят именно в тот самый момент, когда мы оказываемся к ним готовыми. Думаю, у меня еще найдется подходящее время для оценки драконьего подарка. А пока...

– Хозяйка, – опасливо протянул Кса-Бун, рассматривая Нить Бальдура, обмотанную у меня вокруг запястья, – неужели ты и в самом деле намереваешься вернуться в это проклятое богами место? Глупый поступок...

Мысленно соглашаясь со своим мудрым телохранителем, я случайно бросила быстрый взгляд на его мощную шею и заметила напряженно подрагивающие голосовые связки, простирающиеся под темной, лоснящейся кожей. Кса-Бун нервничал, стараясь не выдавать охватившего его страха.

– Глупый! – спокойно констатировала я. – Но выбора у нас нет, гляди...

В середине книги я обнаружила схематично нарисованную карту – именно ту самую, которая согласно сумбурным и зачастую противоречивым указаниям автора Хроник и вела к Храму Розы. Цепочка, будто живая, серой змейкой скользнула у меня между пальцами и словно бы впиталась в бумагу, образовав извилистую указательную линию.

– Ну и дела! – растерянно брякнула я любимую фразу Ланса.

Кса-Бун забавно вращал вытаращенными глазами, вполголоса бубня какую-то охранную молитву. До сегодняшнего утра видеть разумные карты и украшения не доводилось ни мне, ни ему.

Попав на бумагу, путеводная нить четко пролегла от берега Диких земель до темного пятна, по воле Бальдура названного «входом в никуда».

– Нонсенс! – вздорно спорила я с давно умершим летописцем, не принимая на веру его смелого утверждения. – Никуда – оно никуда не ведет и поэтому входа иметь не может...

– А что сказано в тексте? – рассудительно спросил канагериец. – Возможно, там содержатся пояснения. По утверждениям наших шаманов, мир начинается с пустоты, идущей из ниоткуда в никуда...

– Знаю, – недовольно буркнула я. – Мне уже доводилось встречаться с этой пресловутой пустотой. Могу тебя заверить – ничего приятного там нет! – И мое сердце снова окатила волна пронизывающего холода, связанная с воспоминаниями о колодце Пустоты и владениях Ледяного бога. Но тем не менее я послушно перевернула страницу Хроник и начала читать: «В своих скитаниях мне довелось забрести дальше страшных Мариенрахских болот, ставших усыпальницей для Армии смерти, впавшей в вечный сон. Священная дубовая роща принадлежала фрау Оссанариэль, легендарной эльфийской волшебнице и пророчице. Сия достойная дама приняла меня весьма ласково и подарила небольшой сувенир, по ее словам, должный стать путеводной нитью для одного из истинных повелителей нашего мира, для одного из детей Старшей крови. Речи магички Оссы изобиловали пугающими намеками, понимание коих ускользнуло от моего восприятия. Но одно я усвоил четко – в

глубине Диких земель находится спрятанный в земле источник природной энергии, питающей корабль демиургов. И энергия эта настолько опасна для всего сущего, настолько губительна, что эльфийка называет ее «черным ничто»... Похоже, магичка подразумевала ваш урановый рудник и «мертвую руду», – сочла уместным прокомментировать я, на миг отрываясь от текста.

Внимательно слушающий меня канагериец согласно кивнул.

– «Это самое «ничто» на самом деле есть не что иное, как бездонный провал, скрывающий великий Перекресток миров, – продолжила я читать. – А поскольку с Перекрестка можно попасть в любое удобное путнику место, то путь к потерянному Храму Розы начинается именно там...»

Я снова открыла страницу с картой. Серая линия заканчивалась у темного пятна, но сейчас там располагался еще и красный крестик, подписанный коротко и многозначительно: «Перекресток».

– Клянусь Пресветлыми богами, пару минут назад этого значка на карте еще не было! – потрясенно воскликнула я. – Может, мне померещилось?

Но глаза меня не обманывали.

– Магия! – с чувством произнес Кса-Бун, благоговейно поглаживая переплет волшебной книги. – Что-то в этом мире желает помочь тебе, госпожа, подавая знаки и приближая встречу с Обителью богов...

– Что-то? – недоуменно вздернула брови я. – О нет, уж скорее кто-то! Вот только кто он на самом деле, мой неведомый покровитель?

Но Кса-Бун лишь пожал своими широкими плечами, разбираясь во всем происходящем ничуть не лучше меня.

– Гоблин с ними, с загадками! – ворчала я, пряча Хроники обратно в защитный футляр и привычно убирая за пазуху. – Пора бы мне уже притерпеться, что их постоянно становится все больше и больше... Но итог все равно окажется предсказуемым...

– Это еще каким? – покосился на меня канагериец, закидывая мою сумку себе за спину.

– Или мы во всем разберемся, или, – я мило улыбнулась, – погибнем...

Кса-Бун посмотрел на меня осуждающе.

– Шучу! – Я почувствовала себя виноватой и, словно извиняясь, успокаивающе погладила его по руке. – Прости, шутка получилась на редкость неудачной.

«Интересно, – мелькнуло у меня в голове, – кого я сейчас обманываю, обещая выжить? – И недремлющий внутренний голос тут же услужливо подсказал: – Себя!»

– Госпожа! – Толстый палец друга указывал на полоску света, неуклонно разливающуюся по темному покрову неба и отгоняющую тьму прочь – за море. Бриз сменил свое направление, начиная дуть обратно на сушу и наглядно демонстрируя, что ночь закончилась. Крикливые чайки покинули надежно спрятанные в расселинах гнезда и с возмущенными криками закружились над нашими головами, привлекая излишнее внимание. Оставаться так близко от лагеря становилось опасным. – Госпожа! – повторил Кса-Бун. – Берег просыпается. Ваше исчезновение обнаружат с минуты на минуту. И великий Саймонариэль слишком хороший маг, чтобы не напасть на наш след сразу же! А ваш всемилостивый батюшка-король, – рука воина непроизвольно легла на атласную орденскую ленту, которую канагериец горделиво перевесил себе на грудь, – он... он сильно разгневается...

Я звонко рассмеялась:

– Они нас не найдут. Даже не почуют. – Я сжала в кулак правую руку, активируя ключ перехода в Портал оружия, свой перстень Пожиратель пространства, крепко ухватила телохранителя за локоть и шагнула в раскрывшийся перед нами энергетический коридор, увлекая канагерица за собой...

Кса-Бун потрясенно вскрикнул...

Светящиеся, увешанные оружием стены портала стремительно проносились мимо. Я не смогла удержаться от капельки злорадства, послав брошенным на берегу родственникам

прощальный воздушный поцелуй. Признаюсь, я поступила отвратительно, воспользовавшись оказанным мне доверием и бесцеремонно надув отца, брата да и Саймонариэля в придачу. Но что же мне еще оставалось делать? Я желала самостоятельно вершить собственную судьбу, не испытывая ни малейшей склонности к спокойному, размеренному существованию. И к тому же где-то там, впереди, меня ждал Астор...

А мне так хотелось в это верить!

Магистр Саймонариэль проснулся внезапно, словно от резкого укола боли, безжалостно пронизавшего его поджарое и жилистое тело аскета, преждевременно увядшее от неподъемных тягот магических обязанностей и бремени власти. Первый советник короля Мора, глава вновь созданной магической школы и наставник подрастающих волшебников – столь тяжкая ноша слишком сильно давила на худые плечи великого архимага, грозя согнуть их окончательно, а возможно, и сломать...

«Сломать? – Саймон гневно нахмурил тонкие брови, досадуя на совершенно непростительную секундную слабость. – Нет, этого он не допустит!»

Последние месяцы выдалась что-то уж особенно беспокойными, но теперь, слава богам и Мелеане, все образовалось самым наилучшим образом. Демоны разбиты, пленники спасены, а принцесса...

И тут Саймон буквально подпрыгнул на своем богатом ложе, разбрасывая одеяла и хватаясь за всклокоченную голову...

«Так вот что за скверные предчувствия терзали меня вчера вечером, – обреченно понял он. – Принцесса обманула всех, прикинувшись послушной дочерью и взрослой, поумневшей женщиной, уже способной адекватно взвешивать последствия совершаемых ею поступков. Обвела нас вокруг пальца, будто последних дурачков... Но сейчас она уже далеко – ибо сбежала, воспользовавшись порталом, недоступным для непричастного к оружию мага! Она сбежала!»

Сыпля проклятиями, магистр поспешно бросился к прикроватному столику и рывком сдернул шелковое покрывало, закрывающее волшебный хрустальный шар.

«Поздно, ничего уже не изменить!» – билось у него в мозгу. Он так судорожно сжимал пальцы, что чуть их не сломал, и до крови искусал свои бледные губы. Но вскоре он успокоился и даже улыбнулся.

«А если предположить, что все произошедшее еще способно обернуться к лучшему? – осмелился допустить он, усаживаясь перед шаром и приготовившись наблюдать. – Конечно, теперь наше будущее зависит только от нее, но, – тут он добродушно ухмыльнулся, – ее ведь недаром прозвали Поправшей судьбу принцессой, способной непредсказуемо изменять ход событий... А вдруг у нее получится и на этот раз?..» Он задумчиво вздохнул и испытующе вперил взор в прозрачный шар, совершенно замороженный мелькающими в нем картинками...

Стойбище киктов располагалось в уютной овальной долине, скрытой между двумя невысокими холмами. Склоны ложбины весело зеленели сочной молодой травой, а по наклонной поверхности плоской базальтовой плиты сбегал звонко журчащий ручеек, образуя крохотное озерцо пресной воды. Семейство леммингов, еще щеголяющих светлыми зимними шкурками, вскарабкалось на горку обточенных водой голышей, задорно задирая кверху свои усагие мордочки и с наслаждением нюхая теплый воздух. На вершинах холмов умело схоронились караульные, получившие двойную возможность следить за близлежащей равниной и подавать знаки укрытым за крепким частоколом соплеменникам. Весьма осведомленный в подобных стратегических премудростях Огвур одобрительно поцокал языком, оценив как выгодное расположение лагеря, так и добротность врытых в землю жердей, опоясывающих стойбище по периметру и увенчанных парой десятков лошадиных черепов.

– Хорошо, что у троллей нет собак, – ворчал он, ползком пробираясь между чахлыми

кустиками волчьей ягоды, обильно покрытыми глянцевыми листочками, и раздирая куртку об острые камни, – иначе нам пришлось бы несладко! Их нюх не смогла бы обмануть никакая магия.

– Издеваешься, да? – возмущенно огрызнулся Генрих, чей аристократичный нос чуть ли не упирался в подошвы орочьих сапог, испачканных чем-то непонятным, благоухающим весьма неаппетитно. – Твоя треклятая обувь смердит на всю округу. И что, вот это пластунское садо-мазо с элементами фетишизма ты считаешь приятным времяпровождением?

– Не привередничай, ну, может, и налипла там пара-тройка ошметков вчерашних умертвий, так что? – равнодушно напомнил ему орк. – А спорт полезен для здоровья.

– Полезен? – не поверил своим ушам де Грей. – Ты серьезно? Да на этих проклятых каменюках можно запросто импотентом стать! И все ради чего?

– Предлагаешь бросить Ланса на произвол судьбы? – ехидным голоском осведомился Марвин, благодаря своему умению левитировать без малейшего ущерба для организма свободно плывущий в сантиметре над землей и забавно перебирающий ногами и руками. Со стороны он сильно смахивал на неловко распластannую каракатицу, барахтающуюся на мелководье.

Генрих смешливо фыркнул:

– А может, все-таки стоит позволить местному вождю совершить главную ошибку его жизни и ожениться на нашем распрекрасном полуэльфе? Спорю на золотой шамуль: Ланс его через пару недель капризами в могилу загонит – и все, считай, дело сделано, дага – наша. Честно говоря, я даже не знаю, кто из них вреднее – полукровка или моя драгоценная супружница!

– Ох, не любишь ты женщин! – гнусаво просопел некромант, сосредоточенно бормочущий заклинания для создания морока, прикрывающего друзей от глаз бдительных троллх сторожей.

– До свадьбы я любил всех женщин, а теперь – на одну меньше! – вполне резонно заявил барон, морщась от запаха сапог Оггура. – Ну и гадость!

– Правильно, – с энтузиазмом прогудел орк, – все бабы – гадость! – В подтверждение своих слов он гулко рыгнул.

– Верю, верю, – чуть не закричал сильф. – Оггур, ты, пожалуйста, помни, что я нахожусь сразу же за твоей зад... гм... спиной, и больше никакими естественными звуками организма свои тезисы не подчеркивай!

– Э? – не понял Оггур.

Марвин тихонько захихикал.

– Теперь я понимаю, почему все женщины так фанатично мечтают о замужестве, – шепотом извещил он барона. – Это же сущий верх блаженства – постоянно иметь под боком мужчину, которого можно мучить и изводить придирками до самой смерти.

– До чьей смерти? – с любопытством спросил тысячник, пропустивший большую часть разговора.

– Позволь дать тебе полезный совет, друг мой, – менторским тоном изрек некромант, видимо намереваясь изложить что-то весьма важное, давно наболевшее и накопившееся в его душе. – Никогда не женись!

– Да я как бы это и не собирался! – простодушно отозвался орк. – Потому как Ланс утверждает, что он еще слишком молод для столь ответственного поступка...

Шокированный Марвин выпучил глаза и, забыв про заклинания, шлепнулся на землю...

– Офигеть! – цинично присвистнул Генрих, нахально улыбаясь от уха до уха. – Ланс, значит, молод еще... Ага! И ничто другое вас не волнует?

– Не-а, – просиял орк. – Все прочее, кроме взаимной любви, – это несущественные мелочи и глупая суета!

Попасть на огороженную частоколом территорию стойбища оказалось довольно просто.

Друзей по-прежнему прикрывала сила волшебного заклинания некроманта, а совместными магически-физическими усилиями Оггура и Марвина в ограде образовался изрядной величины пролом, до поры до времени наспех прикрытый все тем же мороком. В лагере киктов царил суматоха. Один изрядно подвыпивший, сутулый и чудовищно волосатый бездельник натолкнулся на невидимого орка, птичкой отлетел в сторону, да так и остался растерянно сидеть на земле, потирая ушибленный лоб.

– Осторожнее, – гневно прошипел Марвин, торопливо рисуя в воздухе добавочные руны. – Еще один подобный случай – и морок спадет. В Диких землях присутствует мощнейшая негативная энергетика, поглощающая значительную часть моей магии. Поэтому на мага надейся, но и сам не тупи! Ясно?

Оггур и Генрих послушно закивали.

Худшие опасения орка подтвердились целиком и полностью. Племя киктов оказалось весьма многочисленным, хорошо вооруженным и жутко воинственным. Все обитатели стойбища, включая маленьких детей, пребывали в приподнятом настроении, вызванном предстоящей свадьбой вождя. В водруженных на костры огромных котлах варились всевозможные кушанья, издающие не особо аппетитные ароматы, но зато, по мнению изрядно проголодавшегося тысячника, простые и сытные. Он заинтересованно принимался к сшитым из бересты сосудам, наполненным настоящим на клюкве самогонном, и так и норовил утянуть что-нибудь съестное. А несчастный Генрих, отличающийся куда более притязательными вкусами, брезгливо зажимал нос и далеко обходил развешанные на распорках лошадиные шкуры, выдубленные и вымоченные в моче, или же пузатые кожаные бурдюки, источающие кислый запах свежего кумыса. От немывтых троллей отвратительно разлило потом, над кучами протухших отходов вились тучи жирных зеленых мух, а закопченную кухонную утварь покрывал толстый слой прогорклого сала. Повсюду носились стайки юрких, неумытых ребятишек, а посему тройке невидимых друзей приходилось постоянно проявлять чудеса ловкости и изворотливости, дабы избежать столкновения с этой вездесущей мелюзгой.

– А что, возможно, Лансу не хватает для счастья именно таких вот примитивизмов? – оценивающе бормотнул Марвин, рассматривая крохотную девчушку, шмыгающую висящими до подбородка соплями. – Детей, домашнего уюта... Интересно, чем они лечат насморк?

– Ты что, совсем сдурел? – Оггур выразительно покрутил пальцем у виска. – Забыл небось, что полуэльф – не женщина...

Некромант только приоткрыл рот, намереваясь ответить, как вдруг на пороге ближайшего жилища появилась толстая троллиха, и Марвину тут же стало не до философского диспута о разнице между полами. Ибо женщина бесцеремонно поймала чумающую девчушку, ловко высморкала ее в подол своего платья, а затем подобрала валяющийся на земле горшочек, подцепила пальцем некоторую толику его содержимого и намазала болящему дитяте под носом. Довольная девчушка немедленно унеслась прочь.

Едва дождавшись ухода лекарки, маг заинтересованно склонился над горшочком.

– Так, что это тут у нас? – с профессиональным любопытством бормотал он, ковыряясь в неопрятной посудине. Его ладонь оказалась густо измазана вязкой беловатой субстанцией: – Жир, мелисса, мать-и-мачеха, немного морской соли и что-то еще... не могу определить из-за своего гайморита... – Он осторожно натер тролльим снадобьем свою переносицу и ямку над верхней губой. – Возможно, это излечит мой нос...

– Марвин, – укоризненно одернул друга барон, – немедленно прекрати эти несвоевременные научные изыскания. Давай поскорее отыщем Ланса и смотаемся из сего рассадника дизентерии, пока мы тут что-нибудь похлеще твоего гайморита не подцепили.

– Да там он, там! – Некромант как-то дергано махнул рукой в сторону самого богатого шатра, охраняемого двумя весьма свирепыми на вид здоровяками. – Я чувствую его ауру!

Что это со мной творится?.. – Он испуганно вращал выпученными глазами, его лицо налилось кровью и перекошилось. – Апч...

Но барон торопливо зажал своей широкой ладонью нос некроманта:

– Тихо ты!

– Ланс! – сдавленным шепотом взывал Огвур, подобравшись к задней стенке шатра. – Ты здесь?

– Здесь! – пришел немедленный ответ. – Спасите, помогите, они надо мной издеваются! Пытают!

– Как? – набычился орк.

– Мясо жирное есть заставляют! – умирающим голосом стонал полукровка. – Кошмар! А как же моя диета?!

– Ну от этой напасти мы тебя запросто спасем! – утешил милого дружка добрый орк. – Давай его сюда!

Нижний край задней стенки шатра приподнялся, и наружу просунулась тонкая рука полуэльфа, сжимающая огромную миску, доверху наполненную истекающими жиром кусками жаркого. Голодный Огвур громко щелкнул зубами, схватил «пытку» и торопливо зачавкал.

– Огвур, не смей! – предостерегающе вскрикнул Генрих, но орк одарил его возмущенным взглядом, прижимая жаркое к своей груди.

Барон негодуяще фыркнул, разозленный прожорливостью друга.

– Они к тебе приставали? – неразборчиво допрашивал тысячник, не забывая жевать и глотать.

– Вождь Баргуш начал делать мне комплименты, а я дал ему пощечину! – виновато проблеял скрытый в шатре Ланс.

– И что он сказал?

– Да он вообще молчал...

– А как же он тогда комплименты делал? – чуть не подавился от изумления орк.

– Вручную... – жалобно канючил полукровка.

Тысячник гневно взревел, отшвыривая опустевшую миску:

– Да я его...

И тут произошло нечто неприятное...

Я сделала шаг вперед и тут же болезненно зажмурилась, отворачивая лицо от колющего натиска сухого, горячего ветра. За нашими спинами схлопнулся портал, оставив после себя звук короткого щелчка и секундную вспышку мерцающего света. Солнце, напоминающее раскаленный серо-желтый шар, стояло высоко в зените, равнодушно взирая на мертвую, потрескавшуюся землю. Трава здесь не росла. Песок с сухим шорохом перекатывался у нас под ногами, обсыпая сапоги мелкой, похожей на пудру пылью. Воздух плавился горячим зыбким маревом, до предела насыщенным радиацией, при каждом вздохе раздражающей гортань и вытравляющей легкие. Этот край умер уже сотни лет назад, дотла выжженный испепеляющим дыханием «мертвой руды», скрытой в его недрах.

– Госпожа. – Голос Кса-Буна напоминал призыв бестелесного духа, начисто лишенный эмоций и интонаций. Урановая руда убивала даже их. – Нельзя оставаться тут долго, это гиблое место!

– Там будет намного хуже! – Я указала в проем ворот, криво сколоченных из выбеленных ветром и солнцем досок. За этими воротами начиналась наклонная штольня⁴⁷, хорошо знакомая канагерийцу и алчно поглотившая жизни сотен его погибших друзей. Но я собиралась попасть в проходы, располагающиеся намного ниже того уровня, на котором рабы Ринецеи добывали «мертвую руду». Туда, где располагались источники энергии,

⁴⁷ Ш т о л ь н я – наклонная горная выработка, имеющая выход на земную поверхность.

питающие сооружения демиургов, и находился загадочный Перекресток миров.

Поднатужившись, Кса-Бун открыл тяжелую створку, из-за которой ощутило тянуло то пронизывающим до костей всплеском промозглого холода, а то резко сменяющим его дуновением удушающего жара. То было дыхание самой смерти.

У щербатого порога валялись брошенные рабами горные инструменты, в основном кайла и лопаты, и несколько отлично просмоленных факелов. Мы запалили фитиль одного из них и огляделись. Темный коридор уходил во тьму, проложенный по направлению к рудному штоку⁴⁸, разведанному и разработанному. Мы осторожно продвигались вперед, освещая дорогу скудным светом факелов. Причудливые тени плясали на сырых, матово отблескивающих стенах, состоящих из черного штокверка⁴⁹, местами разбавленного серыми вкраплениями урановой руды. С низкого, грубо вырубленного в камне свода штольни капала темная жижа, скапливаясь на полу и образуя масляно-переливающиеся лужицы, издающие резкий, весьма неприятный запах.

– Осторожнее, госпожа, – предостерег меня бдительный телохранитель, заставляя перешагивать через вонючие озерца черной жидкости. – Это каменное масло⁵⁰ – жутко горячая штука. Держите свой факел подальше от него, дабы избежать пожара.

– Велика ли выработка? – спросила я, точно следуя его указаниям.

– Не очень, – коротко ответил чернокожий воин, почти неразличимый во мраке подземелья. И лишь благодаря своему острому зрению я смутно видела его высокую фигуру да ослепительно вспыхивающую белозубую улыбку. – Но у задней стены коридора мы обнаружили нечто невероятное, созданное кем-то неизвестным и задолго до нас.

– Заброшенный штрек!⁵¹ – не предполагая, но утверждая, уверенно подсказала я. – А в нем – глубокий шурф!⁵²

– Тогда это открытие повергло нас в недоумение, – вспоминал канагериец. – Но теперь я понимаю: все это создали великие творцы, о чем и говорится в Хрониках Бальдура.

Мы шли довольно долго. Темнота и затхлость воздуха сгустились неимоверно, почти физически давя на грудь. Кровь прилиwała к голове, неся с собой звон в висках и привкус желчи во рту. Пульс участился многократно, грозя взорвать набухшие мучением вены. И когда мне стало казаться, что я уже неспособна сделать ни шагу дальше, что сейчас я просто свалюсь замертво, готовая сдаться и просить пощады у кого угодно: у богов, у судьбы, у смерти, дорога вдруг закончилась. Я едва удержалась от падения, застыв на краю огромного провала, четко отмеченного стальными балками.

Это оказался даже не примитивный шурф, а добротнo обустроенный квадратный колодец, аккуратно облицованный стальными плитами и уходящий вниз, на не поддающуюся осознанию глубину. Мы сбросили вниз зажженный факел и следили за ним до тех пор, пока он не превратился в крохотную светящуюся точку, погасшую прежде, чем я услышала звук удара о дно колодца.

– Он сгорел на лету! – ошарашенно пробормотал Кса-Бун. – Этот провал, очевидно, ведет прямо на Нижний уровень или же длится бесконечно...

– Хочешь проверить? – с безумным хохотом предложила я, подтягиваясь на руках и забираясь в решетчатую клеть, зависшую в полуметре над жерлом колодца. – Нам все равно

⁴⁸ Рудный шток – главное тело руды, достигающее многих метров в диаметре.

⁴⁹ Штокверк – участок пустой горной породы, пронизанной сетью мелких рудных прожилок.

⁵⁰ Каменное масло – неочищенная нефть.

⁵¹ Штрек – горизонтальная выработка, не имеющая выхода на поверхность.

⁵² Шурф – вертикальная выработка, рабочая или разведывательная.

требуется попасть вниз во что бы то ни стало!

– Явное самоубийство! – ворчал Кса-Бун, запрыгивая следом за мной. – Мы разобьемся в лепешку.

– Существует только один способ проверить справедливость твоего утверждения! – Я нажимала разноцветные кнопки, расположенные на панели управления, но клеть оставалась недвижимой. – Гоблины проклятые, эта машина демиургов давно вышла из строя и заржавела...

– Госпожа, проявите же благоразумие, – уговаривал меня сильно напуганный канагериец, хватая за локти и пытаясь утихомирить. – Ваши усилия бесполезны, давайте вернемся обратно...

– А вот фигушки! – Я вывернулась из его железных объятий, выхватила из ножен Нурилон, просунула его сквозь верхние прутья клетки и изо всех сил рубанула по удерживающему ее тросу.

Стальная лента, толщиной не уступающая моей руке, лопнула точно льняная. Клеть вздрогнула, будто отпущенная на свободу лошадь, неуверенно покачнувшись и, стремительно набирая скорость, рухнула вниз, скатываясь по направляющим полозьям...

Все произошедшее далее я помню весьма смутно. Ветер свистел у меня в ушах, развевая волосы и забивая крик обратно в глотку. Кса-Бун что-то пронзительно выл, кажется умоляя Пресветлых богов послать нам быструю и безболезненную смерть. В унисон его воплям я дико выкрикивала какие-то грубости, похоже вульгарно клянясь поймать коварных творцов и надрать им задницы, если таковые у них имеются. Пол клетки сильно нагрелся, ибо наше фантастическое путешествие сопровождалось целыми фейерверками искр, рождавшихся от соприкосновения передвижной конструкции с металлом стен. А потом я вдруг ощутила чудовищный удар и будто со стороны услышала жуткий хруст своих переломанных костей. Безумная вспышка боли взорвалась в мозгу, неся забвение и освобождение от уз плоти. И все – больше ничего...

Тишина... Мрак... Пустота...

– Марвин, – барон вытянул вперед свой зыбко подрагивающий от волнения палец, – что это?

Некромант, мужественно боровшийся с ужасным зудом, раздрающим его многострадальный нос, испытующе глянул поверх ладони сильфа, одновременно пытаясь сморгнуть навернувшиеся на глаза слезы. На том месте, где по идее должен был сейчас находиться Оггур, возникло что-то бурое и комковатое, медленно колыхнувшееся примерно в полутора метрах над землей.

– Вот демоны, – неразборчиво ругнулся маг, – это же желудок, вернее, его содержимое... Морок распространяется лишь на то, что имелось с нами или на нас в момент его наложения...

– Сматываемся, – лаконично приказал Генрих, мгновенно оценив возникшую вероятность скорого разоблачения. – Гоблины забирай эту ненасытную орочью утробу. Не мог потерпеть!

– Да я даже и не наелся толком! – без малейшего раскаяния в голосе возразил Белый Волк. – И как говорит наша Мелеана, настоящий воин обязан всегда оставаться веселым, сытым и уравновешенным.

– Ты только Ульрику сюда не приплетай, проглот! – мгновенно поскучевшим тоном попросил сильф. – Она бы подобной глупости ни за что не совершила...

При этих словах, необдуманно произнесенных повелителем Силя, архимаг Саймонариэль, находящийся в настоящий момент весьма далеко от стойбища киктов, но пристально следящий за всем происходящим посредством своего волшебного шара, вздрогнул и громко расхохотался.

«О, Генрих, – мысленно укорил он барона, – если бы ты знал, какие несусветные

глупости творит сейчас твоя взбалмошная возлюбленная, то тоже вряд ли сумел бы сохранить спокойствие! К счастью, ты не обладаешь моими возможностями...»

– Откуда тебе знать! – рыкнул уязвленный орк. – Наша Ульрика еще и не на такое горазда!

– Придержи язык! – сжал кулак барон. – А не то...

– Хватит! – возмущенно взвизгнул некромант, вырываясь из рук де Грея. – Идиоты! Нашли время собачиться! Нужно живо решить проблему и уходить... – Он одним прыжком метнулся к стене шатра и заорал, уже не скрываясь: – Ланс! Тебе удалось обнаружить дагу?

– А чего ее искать-то? – беззаботно отозвался полукровка. – Всем известно: артефакт хранится в сундуке, сундук – в храме, храм – на озере, озеро на...

– Слушай меня внимательно, – оборвал его излияния маг. – Свадьба назначена на?..

– На послезавтра! – немногословно отрапортовал послушный полукровка.

– Где?

– К северу от стойбища находится какое-то священное озеро, около него – храм местной богини любви. Я...

– Ясно! – перебил Марвин. – Мы придем к храму, жди нас!

– Но, – жалобно завопил несчастный полуэльф, осознавший, что ему придется провести в лагере троллей еще пару дней, причем одному и совершенно беззащитному, – у меня даже оружия нет, только помада охлаждающая...

– Вот ею и воспользуйся, – не удержался от очередной подколки Генрих, – накрась губки, строй глазки и улыбайся! А еще лучше – засунь свою холодную мазилку в задницу женишку, авось он кое-чего себе отморозит и импотентом станет...

– Ах ты, урод сильфский! – рявкнул припадочно трясущийся от негодования орк. – Гад жестокий, козел ублюдочный! Марвин, заклинаю тебя именем Аолы, помоги Лансу хоть чем-нибудь!

– Чем? – задумчиво потер некромант наморщенный лоб.

– Скорее! – поторопил его барон. – Марвин, выбирай одно из двух: либо забей на нашего дурака, либо думай быстрее! Сюда уже начинают сбегаться воины. Через минуту тут соберется половина племени, нас схватят и сделают с нами все, что пожелают...

– Пожелают! – охнул просиявший маг. – Точно! Ланс, я сейчас наложу на тебя одно заклятие. И благодаря его воздействию ты сможешь насыпать на обидевших тебя существ любые свои пожелания. Только учти, пожелать нужно очень сильно и вслух...

– Сколько? – пискнул обрадованный полукровка. – Сколько раз мое пожелание исполнится?

– Пять... – щедро начал некромант, но внезапно сморщился и громко чихнул, – ...надцать!

– Мало! – чуть не расплакался разочарованный Ланс.

– Ну – виновато развел руки маг, – уж как получилось...

– Все. – Генрих выхватил из ножен Гиарду и наотмашь рубанул несущегося на него здоровяка с копьем. – Уходим!

– Апчихи! – согласно откликнулся Марвин, и в этот же самый момент привлеченные шумом кикты набросились на них всем скопом, раздраженные голосами невидимых врагов и привлеченные невероятным зрелищем самостоятельно плавающих в воздухе кусков пережеванного мяса.

В подобных битвах еще не доводилось участвовать ни Марвину, ни Генриху, ни Огтуру. Пользуясь преимуществом невидимости, барон, изрядно выведенный из состояния душевного равновесия, не щадил никого. Он шел напролом, нанося десятки глубоких и поверхностных ран, коя и рассекая мышцы. Жаль только, что его тонкая рапира не очень-то годилась для подобной драки, больше смахивающей на бестолковую свалку. Зато вооруженный огромной секирой Огтур оказался в своей стихии, буквально прорубая широченную просеку в рядах озадаченных и сбитых с толку троллей. Но зато ему

приходилось намного тяжелее, ибо предательский желудок, не выдержавший испытания голодом, служил отличной мишенью, притягивая к себе киктские клинки. И если бы не некромант, прикрывающий орка своими огненными шарами, то, возможно, тысячнику не удалось бы выйти из этой битвы живым. В один особенно неудачный момент Огвур налетел на исполинский котел с кислым молоком, и перевернувшаяся посуда вмиг окатила его обильной волной густой белой жидкости, наглядно обрисовавшей контуры мощной мужской фигуры.

– Бран! – экзальтированно завопили тролли, испуганно бросая оружие. – Это же сам бог Бран!

– Но зачем богу понадобилось нападать на своих верных слуг? – резонно усомнился сотник Гуль, морщась от боли в рассеченной губе.

– Не иначе как Бран хотел заполучить ту красивую девицу, которую наш Баргуш прячет у себя в шатре! – завистливо завопила какая-то растрепанная баба. – Ой, на беду всему племени вождь отказался от обычных женщин и решил жениться на чужеземке! Я предрекаю беду!

– Не гавкай, дура! – Сотник звонко хлопнул кликушу по щеке. – Не тебе, распустеха, лезть в серьезные мужские дела. Вождю виднее, на ком ему следует жениться!

– Увидишь еще сам, добром это не кончится! – пророчески огрызнулась обиженная женщина, держась за лицо и убираясь восвояси. – Помнишь еще мои слова, Гуль, да расквасишься...

Но сотник лишь брезгливо усмехнулся, плюнул вслед ушедшей и обозвал ее ведьмой.

И вот если бы напыщенный Гуль знал, что женщину иногда полезно выслушать повнимательнее, ибо она тоже может оказаться права, то, вероятнее всего, он не попал бы вскорости в те крупные неприятности, подобным коих в племени еще не случалось. Ну да мужчины чаще всего руководствуются не собственной интуицией, а немудреным застарелым правилом: выслушай женщину и сделай все наоборот.

А зря...

– Слышь, Огвур, – барон игриво толкнул орка в бок, – а ведь та припадочная баба орала сушую правду!

Тысячник, терпеливо сносивший лечебные манипуляции некроманта, смазывающего чем-то вонючим его многочисленные синяки и ссадины, упрямо поморщился:

– Клянусь гоблинами, я все равно отберу Ланса у троллей!

– А может, стоит просто попросить, ты же у них теперь живое воплощение бога? – продолжал вредно хихикать сильф. – Эх, да ты хоть понимаешь, что нас из-за тебя чуть не убили?

– Правильно, – поддакнул некромант, щедро намазывая плечо тысячника какой-то белой мазью. – Нужно уметь эффектно появляться и тихо исчезать. И, надеюсь, отныне сие полезное правило запомнится тебе навечно...

– Почему ты так в этом уверен? – недоуменно приподнял брови Генрих. – Это что, твое новое заклинание?

– Лучше! – проказливо хихикнул маг. – Это тролля мазь от насморка, я наконец-то понял, какой последний ингредиент оказался в нее намешан. Смею тебя заверить, нос он прочищает отлично, а медленно соображающие орочьи мозги прочистит ничуть не хуже...

– И в чем же состоит суть лечения? – искренне заинтересовался сильф. – Долго ждать требуемого эффекта?

– Да нет... – хитро начал маг, как вдруг Огвур дико вскрикнул, подпрыгнул и вприпрыжку помчался по траве, изрыгая жуткие проклятия и поочередно хлопая себя то по груди, то по плечам...

– Последний и весьма ценный ингредиент тролльского снадобья – это дикий красный перец, – спокойно сообщил Марвин, провожая удаляющегося орка донельзя удовлетворенным взглядом. – Жгучий ну просто до невозможности! Не зря я его на

собственном носу опробовал...

– Здорово! – восхищенно заржал барон. – Значит, ты намазал нашего провинившегося Оггура этой гоблиновой штукой?

– Ну да, чтобы немного проучить! – с наигранной скромностью признался некромант. – Дабы он наглядно убедился в том, что любимая солдатская фраза: «Война – войной, а обед – по расписанию» – иногда приносит больше вреда, чем пользы!

Глава 12

Мне бы очень хотелось знать, найдется ли в нашем мире хоть один человек, ни разу в жизни не совершивший ошибки или просчета. Человек, не пожалевший о каком-нибудь совершенно неудачном дне, ознаменованном тотальным невезением, и не клявшийся себе – никогда впредь не повторю этой глупости... Увы, ошибки случаются у всех, даже у самых умных и предусмотрительных из нас, причем как у людей, так и у богов. Неизбежный процесс взросления и обретения личного опыта основан отнюдь не на подвигах и достижениях, а на допущенных нами ошибках. Мы быстро забываем то, чего добились собственным терпением, выдержкой и смекалкой. Но то, ради чего мы корячились и маялись, набивали шишки и шли на жертвы, не забывается никогда.

Все самое ценное и необходимое не приходит к нам случайно или по милости богов, а добывается собственными кровью и потом, вбиваясь в память крепче, чем гвоздями, с болью и страданием. И поэтому основные вехи нашей жизни отмечены в основном не наполненными доблестью поступками, которыми можно гордиться, а преступлениями, несуразностями, промахами, ложью, изменами... Почему-то неправильные действия всегда оставляют в нашем сознании наиболее яркий след, наводя на соответствующие выводы: жизнь не настолько прямолинейна, как это кажется на первый взгляд. Почему к власти приходят обманщики и мерзавцы? Почему люди верят в ложь и боятся правды? Почему эгоизм так ловко управляет нашим сознанием, наглухо забивая совесть и здравый смысл? Почему уходит любовь? Увы, я до сих пор так и не сумела найти ответов на эти непростые вопросы...

Но я твердо уверена в одном: оплошности являются таким же необходимым элементом нашего существования, как пища, вода и воздух. Мудрость приобретается нелегкой ценой, и цена эта измеряется личными ошибками, порой фатальными. Каждая возникшая перед нами проблема таит в себе бесценный дар, способствующий нашему осознанию самого себя. Мы учимся правильно применять свои способности, оцениваем возможности, узнаем сильные и слабые стороны своей личности, постигаем свою душу. А поэтому мы зачастую сознательно создаем себе проблемы: ведь эти дары бытия учат нас главному – жить.

– Ох, внучка, внучка, ну и страшную же беду сотворила ты на этот раз! – Ворчащий старческий голосок холодным ручейком вливался в мое блуждающее во тьме сознание, возвращая его к свету и неся с собой пробуждающие покалывания, жестоко терзающие мое изломанное болью тело. – Это надо же до такого додуматься да подобное над собой сотворить... – Незримая наставница, не прекращая сурового поучения, потихоньку оглаживала мои руки, перебирая переломанные косточки и складывая их в единое целое. – Здесь ингвы⁵³ пройти не смогли, Ринецея не сумела, принцу Астору вся его магия не помогла, а она – глянь-ка чего наделала... – Нежные прикосновения невесомо скользнули по моим коленям, сращивая разбитые суставы и возобновляя ток крови в венах. – Э-хе-хе, – то ли восхищенно, то ли осуждающе продолжала сетовать Смерть, методично переходя от позвонка к позвонку, от ребра к ребру, – вот сумасшедшая-то и в самом деле! Вроде взрослая

⁵³ И н г в ы – двенадцать хранителей равновесия между Добром и Злом, стражи Обители затерянных душ – владений Пресветлых богов.

женщина уже, а до сих пор в голове ветер гуляет...

«Ну и что, пусть гуляет, – хотелось проказливо хихикнуть мне, но оказалось – хихикать мне нечем. – Зато от него так красиво развеваются локоны!»

– Даже ребятенка своего невинного не пожалела, – брюзжала бабушка, выправляя мои перемолотые в мелкое крошево челюсти и восстанавливая выбитые зубы. При этих ее словах в моем разmozженном сердце ворохнулся приступ панического страха, но я тут же успокоилась, потому что бабушка любовно огладила мой живот: – Да нет, жив наш бесценный малыш, ничего с ним не случилось. Ох и крепкий же парень вырастет... – ласково ворковала Смерть, перебирая мои залитые кровью волосы, заботливо вычищая из них кусочки мозга и восстанавливая раздробленную черепную коробку, – будущий повелитель...

Внезапно я поняла, что вполне способна видеть правым глазом, а чуть позже – и левым. Затем в мои уши ворвался разрозненный набор противоречивых звуков, постепенно сложившийся в мелодичное птичье пение. А потом в легкие неожиданно влился целый водопад свежего, упоительно сладкого воздуха, я вздохнула, закашлялась и... рывком приподнялась на локтях, удивленно осматривая этот новый мир, в который я вторглась без приглашения, да еще и столь дерзким образом...

Мы сидели на краю бездонного обрыва, бестрепетно болтая опущенными вниз ногами, смеясь и ничего не боясь. А чего, спрашивается, должны бояться люди, только что пережившие возрождение из мертвых? В нескольких шагах за нашими спинами валялась безобразно сплюснутая рудничная клеть, еще хранившая на своих прутьях капли запекшейся крови да несколько лоскутков черной и белой кожи. Мы перешагнули через страх и боль, прошли сквозь смерть, а сейчас – легкомысленно предавались самым обыденным жизненным удовольствиям, почему-то сразу ставшим необычайно приятными и притягательными. Вот ведь как случается: потеряв все, начинаешь ценить малое...

Молоко в кувшине оказалось изумительно холодным, а булочки, лежащие в сплетенной из соломки корзиночке, – обжигаяще горячими. Шумно прихлебывая из запотевших глиняных кружек и громко чавкая, мы с упоением воздали должное потрясающей стряпне моей бабушки Смерти. Кса-Бун, будто маленький, до ушей перемазался в сахарной пудре, чуть ли не целиком заглатывая обсыпанную маком и марципанами выпечку да на все лады, пафосно расхваливая мастерство божественной кухарки. Наконец корзинка с угощением опустела. Я собрала крошки и высыпала их перед спустившейся с дерева малиновкой, честно заслужившей свою часть трапезы. Наверно, раскидистая, перекошенная от старости ива, росшая на краю обрыва, служила ей постоянным домом, потому что среди листьев я заметила маленькое гнездышко, а в нем – три пестрых яйца размером не больше ногтя. Под нашими ногами клубился молочно-белый туман, причудливыми завитками выплывая из темного провала под скалой и неся с собой пряный запах мокрой травы. Чуть рассеянный, отливающий опалом свет струился меж низко нависших облаков, придавая окружающему нас ландшафту налет некоей сонной, мистической нереальности. И мне вдруг стало так хорошо, что хотелось остаться здесь навечно, ничего не делая, а бесконечно предаваясь ленивым мечтаниям и убаюкивающей полудреме.

– Что это за чудное место? – спросил Кса-Бун, старательно облизывая липкие от сахара пальцы и улыбаясь во весь рот. – Если это Обитель затерянных душ, то посмертное существование является гоблински приятной штукой. Кормят тут на убой, а одевают, – он бережно погладил свои щегольские штаны, – по-королевски!

Я тоже обзавелась новым походным костюмом: от прежней одежды у меня осталась только кольчуга из драконьей чешуи, как и наше оружие, без видимого ущерба перенесшая страшное падение в шахту.

– Эх ты широко замахнулся, дружище, – весело рассмеялась я. – Думаю, это точно не Обитель, и до нее нам еще очень далеко. Наверно, попасть на Радужный уровень не так-то просто...

– После того как хозяйка нас угробила, а потом госпожа Смерть милостиво вернула нам

жизни – я уже готов поверить во что угодно! – торжественно отчеканил Кса-Бун, прижимая к груди растопыренную ладонь и церемонно кланяясь. – Чести пройти Порталом смерти и вернуться обратно на землю удостоиваются немногие шаманы из нашего племени!

– И все же я не верю, что достичь обителища богов так просто... – задумчиво произнесла я.

– Намного сложнее, чем тебе кажется, дитя мое! – вдруг поддержал меня незнакомый, но очень красивый голос. – Радужная обитель принимает лишь тех, у кого чиста совесть и светлы помыслы. А вот нераскаявшихся отступников и злодеев – наказывает по-справедливости...

– Пресветлые боги! – ошеломленно выдохнул канагериец, хватаясь за топор. – Это еще кто? Госпожа, прикажете его убить?

Я безудержно расхохоталась, по достоинству оценив как нелепую реакцию своего отважного телохранителя, так и общий комизм ситуации. Убить это существо?!

Над пропастью свободно парил пожилой величавый мужчина, осененный внушительным размахом огромных серебристых крыльев. Четыре овальных полупрозрачных сегмента отливали всеми цветами радуги и сильно напоминали слюдянистые крылышки стрекозы. В фиалковых глазах незнакомца светился незаурядный ум, сдобренный солидной порцией лукавства. Его седые волосы и морщины странно контрастировали как со свежими, полными губами, так и с вызывающей порывистостью движений, свойственной, скорее, горячему юноше, чем уставшему от жизни старику. Более противоречивого человека я ранее не встречала.

Видимо, увлекшись наблюдением и забывшись, я вновь последовала своей излюбленной привычке разговаривать вслух, потому что мужчина иронично изогнул изящно очерченную бровь и, взмахнув крыльями, плавно опустился на траву рядом с нами.

– А я и не человек! – вежливо пояснил он, а затем галантно поклонился – точно так же, как это делают благородные придворные во дворце моего отца. – Я – наследный принц клана Белой Розы – Тайлериан эль-Таваор!

– Белый эльф! – ахнула я, шокированно округляя глаза. – Да еще и крылатый! Но вас же всех перебили...

– Во времена великой войны кланов? – печально уточнил принц. – Ну как видишь, не всех! Впрочем, это старая и очень запутанная история. Мне довелось лично знать и короля Грея, и орка Бальдура, и даже сильфского принца Гектора, позднее женившегося на Рагунде Нарронской и ставшего отцом короля Джаспера, твоего деда...

– Нити судьбы переплетены столь сложно, что осмелившийся их распутать рискует увязнуть, будто в паутине! – наставительно продекламировал Кса-Бун.

– Хорошо сказано! – похвалил Тайлериан. – Я так и не получил королевской короны, избежал смерти в бою, но зато стал одним из избранных Воинов Судьбы, ближайшим другом твоей тетушки Чумы и архидемона Азура. Так же, как и ты, девочка, мы боролись со злом и принесли в жертву всему миру свою красоту, молодость и...

– Любовь! – догадливо подсказала я, внутренне холодея от осознания преследующих мою семью совпадений, ясное дело, отнюдь не являющихся случайными.

Эльф скорбно кивнул:

– Но не стоит, однако, предаваться унынию, ведь сейчас события дней минувших уже не так важны, как ранее! – Он вызывающе тряхнул длинными волосами, становясь в чем-то похожим на Ланса. – Я сознательно выбрал свою судьбу и в итоге обрел звание Хранителя галереи Трех порталов...

– Галерея! – возбужденно закричала я. – Но где же она находится и как ее найти?

– Искать ничего не нужно! – Губы Хранителя изогнула неопределенная улыбка. – Галерея расположена прямо перед тобой!

– Да где же? – не поняла я.

– Здесь! – Принц уточняющим жестом указал на бездонную ленту провала. – Тебе страшно, принцесса?

Я обреченно присвистнула, на глаз оценивая простирающуюся передо мной бездну.

«Издевается! – сердито решила я. – Да по сравнению с этой пропастью шахта демиургов кажется безопасным детским аттракционом. В нее абсолютно невозможно спуститься! Ох, и как же я все-таки устала от этих бесконечных каверз и загадок судьбы... Понаставили, называется, ловушек для дураков – умной принцессе уже ступить некуда!»

Последнюю свою мысль я, не постеснявшись, озвучила громко и отчетливо, пеня на преследующее меня невезение. Хранитель невесело усмехнулся:

– Ничто не ново в этом мире! Каждому герою приходится рано или поздно сталкиваться с невезением и собственными страхами. Я и сам прошел через нечто подобное. Сможешь ли ты, принцесса, перешагнуть через них...

Последняя фраза явно носила оттенок риторичности и не требовала ответа. Я гневно закусил губу:

– Существует ли какая-нибудь лестница, ведущая в эту гоблинову пропасть?

– Возможно, да, – хитро прищурился Хранитель, – а возможно – нет. Не надежнее ли будет ее построить?

– Как? – опешила я. – Руками?

Эльф одарил меня оценивающе-ироничным взглядом:

– Не переоценивай силы своей плоти, девочка. Лучше взвесь-ка силы своей души...

Признаюсь честно, его туманные намеки здорово меня злили. К тому же я не находила в них ни малейшего рационального смысла.

– Что поможет мне спуститься вниз и найти Перекресток миров?

– Вера! – убежденно произнес принц. – Вера в себя и справедливую победу добра над злом...

Я возмущено помотала головой:

– Ничего не понимаю!

– Ну тогда я ничем не могу тебе помочь, – сокрушенно вздохнул Хранитель, взмахивая своими стрекозьими крыльями и взлетая над ивой. – Значит, ты еще не готова познать тайны нашего мира и лицом к лицу столкнуться со злом. Ведь на Перекрестке обычно происходят самые неожиданные встречи... Да и к тому же ты сама только что – пусть случайно, но зато вполне внятно – разъяснила мне возможный способ преодоления пропасти...

– Так нечестно, – протестующе кричала я, задирая подбородок и провожая эльфа угрожающим жестом гневно стиснутого кулака, – подскажи же мне хоть что-нибудь. – Я почти умоляла.

– Ну хорошо, – сжалился надо мной Тайлериан, – я помогу. В гнезде малиновки ты найдешь три яйца – возьми их себе. Три раза на твоём пути возникнут страшные беды, и ты сможешь их избежать, лишь разбив одно из яиц. И помни, – голос удаляющегося Хранителя превратился в едва различимое эхо, – иногда ради того, чтобы спасти многих, нужно пожертвовать одним...

– Вот стрекозел вредный! – ругалась я, шумно пыхтя и сопя, когда карабкалась на шаткую иву. Тонкие ветви качались и прогибались под моими ступнями, живот мешал, а закрытое золотой маской лицо обильно потело самым противным образом. – Наговорил загадок и улетел... – Я вытянула шею и заглянула в крохотное гнездышко...

На дне свитого из прутьев птичьего домика мирно покоились три пестрых хрупких шарика. Нахмутив брови, я несколько секунд растерянно таращилась то на яйца, а то на испуганную малиновку, с заполошным писком панически мечущуюся в ивовой листве. Кажется, крошка мать поняла, что я собираюсь преднамеренно и жестоко загубить ее еще не вылупившихся из скорлупы детей. Я подумала еще, грязно помянула демонов Нижнего уровня и начала спускаться обратно на землю. Яйца я так и не взяла.

– Ну уж нет, – словно оправдываясь перед судьбой и самой собой, неразборчиво бубнила я, стараясь не свалиться с хилого деревца, – негоже это – ради собственного спасения да невинные жизни губить. Гоблин с ними, с тремя несчастьями, как-нибудь

выпутаюсь. Не к лицу это воину Чести вовсе, чтобы от жизненных бед за птичьи спины прятаться...

О, если бы я знала тогда, какие неприятности ожидают меня впереди, то, возможно, я бы поступила иначе... Хотя нет – вру! Я бы в любом случае не смогла убить тех трех птенцов, потому что своего счастья на чужом несчастье не построишь!

– Он сказал, что способ преодолеть пропасть мне известен! – рассуждала я, вновь сидя на краю обрыва и рассеянно бросая вниз мелкие камушки. – И помочь нам может только вера... Кса-Бун, – я потянула телохранителя за рукав рубашки, насильно усаживая рядом с собой, – вспомни, какие слова я произносила совсем недавно...

– Ну – нехотя протянул канагериец, который, судя по всему, вовсе не горел желанием очертя голову вновь соваться в очередные приключения, – всякие глупые шутки. Про ловушки для дураков, про любовь...

– Еще! – приставала я, интуитивно ощущая: разгадка кроется где-то рядом. – Это все не то!

– Ну тогда еще и про «ступить некуда»... – старательно морщил лоб мой чернокожий друг. – Но я не думаю, что это как-то нам пригодится...

– Стоп! – вдруг радостно заорала я, вскакивая на ноги. – Все гениальное – просто!

– И?.. – не понял канагериец.

– Пошли. – Я спешно собирала оружие. – Бери топор и ступай за мной...

– Куда? – удивился Кса-Бун.

– Туда, – призывно махнула я рукой, указывая на бездонную бездну, – на Перекресток!

– Туда?! – Воин испуганно попятился от обрыва. – Госпожа, вы сошли с ума!

– Ничуть! – ликующе расхохоталась я. – Хранитель четко указал: путь вниз – это вера в себя и желание победить врагов. А посему... – Я крепко зажмурилась и резко шагнула вниз с обрыва...

Горестно закричал Кса-Бун, предрекая мою неминуемую гибель...

Жалобно чирикнула малиновка...

Я на секунду неустойчиво зависла в воздухе, не ощущая под своей вынесенной вперед ногой ничего, кроме пустоты, а потом внезапно раздался тихий скрежет, и из скалы чуть ниже приютившего нас уступа выдвинулась узкая стальная пластина, образуя надежную ступеньку. Я победно усмехнулась и уверенно встала на нее всем весом своего тела. Сделала следующий шаг вниз – и тут же навстречу мне из каменной стены выдвинулась вторая ступень. А затем еще и еще... Даже не сдерживая торопливой поступи, я размеренно шла вниз по разворачивающейся под моими ногами волшебной лестнице. Отойдя на значительное расстояние, я обернулась и насмешливо показала канагериюцу длинный, далеко высунутый язык:

– Ну так чего же ты медлишь? – Я призывно помахала рукой, выводя своего спутника из состояния спонтанного шока. – Поторопись. Нас ждет Перекресток миров...

Следуя по неисповедимому пути жизненных испытаний, каждый из нас рано или поздно достигает своего личного перекрестка. И не столь важно, какое название он носит – Перекресток миров, судьбы или ответственности. Намного значимее другое – нам предоставляется выбор, способный необратимо изменить нашу сущность и даже все мировосприятие в целом. Перекресток – это всегда нечто большее, чем простая развилка нескольких дорог, это кульминационный момент долгого духовного поиска, четко выкристаллизовывающий новорожденную, сильную и уверенную в себе личность. Человека, способного принимать осознанные решения и отвечать за совершенные им поступки. Перекресток души предстоит пройти каждому из нас...

Галерея Трех порталов отнюдь не произвела на меня впечатления некоего таинственного или запрещенного места. Тянувшая вдоль утеса лестница привела нас в узкое

ущелье, усыпанное мелкой базальтовой крошкой. Едва различимая тропинка замысловато петляла меж довольно крупных скальных обломков и мирно соседствовала с журчащим на камнях ручейком. Зеленый, усыпанный розовыми раструбами нежно-удлиненных бутончиков вьюнок гибко извивался по склонам обеих гор, образующих ущелье. Остатки тумана медленно утекали в щели между камнями, смирными волнами плещась ниже моих щиколоток. Я недоуменно почесала в затылке, пытаюсь внятно выразить неожиданную мысль, пришедшую мне в голову:

– Начинаю подозревать: знаменитая Хрустальная долина, родина обоих эльфийских кланов, – копия галереи... Но если в долине обитали представители Первой расы, то кто же тогда проживал в галерее?

Кса-Бун неопределенно хмыкнул:

– Хозяйка спрашивает меня? Но, увы, я знаю куда меньше нее. Боги находятся на Верхнем – Радужном уровне. Демонам достался Нижний, расположенный за Порталом Тьмы. Кто же облюбовал эти туманные земли?..

– Демиурги! – убежденно произнесла я, методом элементарного исключения придя к столь логичному выводу. – Места здесь довольно уединенные и спокойные, способные надежно охранить как священные тайны творцов, так и их грязные делишки. Признаюсь откровенно, мне не терпится поскорее прояснить несколько весьма щекотливых моментов, касающихся их проделок и затеянной ими игры. Да и сбежавшую с поля боя Ринецею, наверно, еще рановато сбрасывать со счета. Полагаю, она вполне способна сызнова преподнести нам пару-тройку неприятных сюрпризов...

Каблуки моих подкованных железом сапог бодро цокали по базальтовым плитам. Неряшливое каменное крошево сменилось нарядным белым песочком, хорошо обрисовывающим границу тропы, тянущейся вдоль всего ущелья. Небо выглядело ненатуральным, сильно смахивая на покату, сферически выгнутую крышу, сделанную из незнакомого мне полупрозрачного материала и подсвеченную волшебными светильниками. Последние сомнения исчезли – мы находились глубоко под землей, прогуливаясь по какому-то обширному, искусственно созданному помещению. Мастерство строителей сего великолепного места, глобальность замысла и размах его воплощения поражали воображение, производя неизгладимое впечатление на наши неискушенные разумы. Впрочем, мне уже приходилось вплотную сталкиваться с машинами демиургов, и я вполне объективно осознавала, сколь могущественных врагов заимела в их лице. Созданный творцами мир превратился в их послушную игрушку, став полигоном для доселе невиданных развлечений, призванных убажить четырех заскучавших, рассыпающихся от древности старух... Я гневно стиснула челюсти, скрипя зубами. Ведь это был также и мой родной мир, безусловно, заслуживающий лучшей доли и имеющий право жить самостоятельно. Моя душа повзрослела, и ее чрезвычайно тяготила насильно навязанная участь, превратившая меня в бесправного раба, в игрушку капризных демиургов. И вот эту-то вопиющую несправедливость я и собиралась исправить, пока даже не подозревая, скольких усилий мне будет стоить сие благородное устремление. Шагая по галерее, я невольно вспомнила слова Единорога, в полной мере проникаясь их направляющим смыслом. Мой звездный час настал. Пришло время начинать собственную игру.

Тропинка оборвалась неожиданно, закончившись ровной круглой площадкой. С трех сторон от нее я увидела три тусклых световых пятна, неподвижно висящих в воздухе и издающих негромкое гудение. Я уже привыкла, что Портал оружия свободно открывается по малейшему моему желанию, активизируясь посредством перстня «Пожиратель пространства». Уж не знаю, с помощью какого артефакта управлял своим порталом Астор, но здесь все три энергетических тоннеля наконец-то встретились, совпав в пространстве и времени. Второго подобного места не существовало нигде в нашем мире. Это и был Перекресток миров. И подозреваю, при наличии определенного опыта он позволял не только перемещаться в любую точку Антеи и Ундоры, но также и выходить за пределы нашей

планеты, а возможно – даже галактики. Постигнув всю масштабность представшего передо мной зрелища, я восхищенно вздохнула. Подумать только, а ведь еще пару лет назад доступный мне мир ограничивался всего лишь замшелыми стенами замка Брен. «Ищущий – да обрящет!» – так говорилось в одной странной книге. Ищи свой путь в жизни – и ты его найдешь!

Перекресток не пустовал. На соединяющей порталы площадке возвышалась небольшая, скромная часовенка, вытесанная из цельной глыбы черного чарнокита⁵⁴. Нарочито-невзрачная непритязательность архитектурных решений этого стандартного здания с завидной лихвой компенсировалась вызывающей роскошью редчайшей горной породы. Камень отливал всеми мыслимыми и немыслимыми оттенками радуги, исходящими из серебристо светящихся кристаллов, словно бы наложенных на темную основу. Свет, вкрапленный во тьму. Тьма, служившая декоративным фоном и поддержкой свету. Ничего прекраснее я в жизни не видывала. Вычурные усыпальницы моих венценосных предков не шли ни в какое сравнение с этим примитивно вытесанным зданием, напрочь лишенным отделки и орнамента. Красота камня затмевала уродство внешних очертаний. Возможно, именно этим демиурги пытались намекнуть на что-то важное, пока ускользающее от моего восприятия... Душевно и зрительно утомившись от тяжелого груза свалившихся на меня впечатлений, я ухватила за простое медное кольцо, укрепленное на дубовой, потемневшей от времени створке, открыла дверь часовни и вошла внутрь...

Лучи света перекрещивались и снова разбегались на двухцветных мраморных квадратах, выстилающих пол часовни. Проникая сквозь цветные витражи, внешний свет причудливо окрашивался в сиреневые и красные тона, гармонично дополняя черный и белый мрамор. Достигнутый оптический эффект придавал погруженному в полумрак помещению гнетущий налет инфернальности, навевая мысли о бренности попавшего в часовню существа и его незначительности перед властью великого фатума. Я мгновенно ощутила себя крохотной песчинкой, случайно угодившей в вечный жернов бытия. Сила демиургов угнетала и подавляла, заставляя упасть на колени и униженно вымаливать хотя бы каплю снисхождения, мельчайшую частицу их милости...

Я возмущенно тряхнула головой, отгоняя навязчивое наваждение.

– Дешевый трюк, – громко выкрикнула я, осмелившись посмеяться над могильной тишиной, царящей под сводами часовни. – Вам меня не сломить и не запугать...

Кса-Бун с грохотом уронил топор, моим протестующим криком насильно выведенный из овладевшего им оцепенения. Мы дерзнули бросить вызов самим великим творцам, нагло нарушив их многолетнее отшельничество.

– А ты смела, девочка! – Рокошующий голос шел из пустоты, колокольным набатом отражаясь от черных стен и заставляя быстрее забиться мое готовое к любым неожиданностям сердце. Ведь Хранитель предупреждал меня о негаданных встречах, поджидающих храбреца, отважившегося достичь Перекрестка. – Я ждала, хватит ли у тебя решимости посетить мою скромную обитель... – Голос стал мягче, наполнившись дружелюбием и симпатией. – Хватило! Ты воистину нечто необычное, еще не виданное в этом мире и достойное звания моего лучшего творения. И поэтому я говорю – добро пожаловать!

Сумрак растаял, уступая место теплему золотистому свету. И тогда я увидела статую, искусно выточенную из полупрозрачного белого халцедона⁵⁵. То была высокая женщина, отличающаяся превосходно развитой мускулатурой и плотным телосложением. Крупная, правильной формы голова, увенчанная гривой длинных волос, плавно переходила в

⁵⁴ Ч а р н о к и т – горная порода, представляющая собой гранит, смешанный с минералами ромбического пироксена.

⁵⁵ Х а л ц е д о н – полудрагоценный камень, разновидность кварца.

красивую шею и гордо развернутые плечи. Острые сосцы полных грудей придавали ей некоторую эротичность, а тяжелый, почти мужской подбородок говорил о властности и авторитарности. Шесть рук вскинулись в величественном жесте, но пять из них оказались пусты, и лишь последняя бережно хранила то, чего не уберегли прочие, – одну из Алатор. Торс женщины оканчивался толстым змеиным хвостом. Неживые глаза смотрели слепо, на лице запечатлелась высокомерная гримаса. На груди статуи зияло ничем не заполненное круглое отверстие.

Я почтительно преклонила колено, а затем, сняв со своей шеи медальон, несущий изображение перекрещенного меча и молнии, вложила его в отверстие. Ключ подошел идеально. Оружейница глубоко вздохнула, ее кожа затрепетала, порозовела, выпуклые глаза моргнули и обрели осмысленное выражение. Она упруго привстала на хвосте и скользнула на пол, покидая надоевший пьедестал. Статуя ожила...

Ее способ перемещения ничуть не напоминал змеиный. Не подползая, а словно бы паря в воздухе, Оружейница приблизилась ко мне, складывая алые губы в приветливую улыбку. Вблизи она еще меньше походила на человека, безмерно удивляя узкими щелевидными зрачками, нижней частью тела, покрытой стальными овальными чешуйками, и длинными пальцами, вооруженными кривыми когтями.

– Впервые я вижу вас так близко и отчетливо, – стараясь не вызывать волнения, почти равнодушно произнесла я, глядя ей прямо в глаза. – Вы сильно отличаетесь от всех прочих обитателей нашего мира...

– Еще бы, – хмыкнула демиург, хозяйским жестом погладив мой живот. – Но и твой сын тоже особенный. Мало кому ведомо, что он соткан из льда и пламени, этот наш долгожданный малыш – демон. Ты не боишься, принцесса, что его рождение может стоить тебе жизни?

– Любовь не убивает. Даже несчастная! – уверенно парировала я, скрещивая свой взор с ее пронзительным взглядом. – Несчастливая любовь делает нас сильнее, учит лучше понимать людей. Мне об этом королева Смерть говорила. А убивают только ненависть и разочарование в себе.

Шестирукая тварь запрокинула голову и пронзительно расхохоталась. Я с трудом подавила жгучее желание перерезать ее открытое, доверчиво подставленное горло.

– А ты умна, – отсмеявшись всласть, уважительно признала Оружейница. – И смела к тому же! Да, мы совершенно непохожи на вас. Мы уже разучились любить. Мы лишь наполовину состоим из живой плоти и крови. Тысячи лет назад на нашей планете разразилась ужасная война, стоившая жизни многим из нас. Наша родина – там, – она ткнула пальцем в потолок, мгновенно принявший форму прозрачного стекла, являющего нам изображение ночного неба, усыпанного интенсивно светящимися звездами, – в созвездии Лебедя. Планета называлась Антеей, а ее столица – Ундорой. Видишь, девочка, мы принесли с собой дорогие нашим сердцам имена, возродив на Земле величие погибшей расы. Нас осталось всего четверо – полусуществ-полумашин, сложнейших биокибернетических созданий, обладающих почти неисчерпаемыми возможностями и ресурсами. Но там, дома, мы утратили слишком многое, – Оружейница скорбно вздохнула, – то, чего, невзирая на все предпринятые усилия, мы так и не смогли спасти. Когда-то у меня была дочь... Ее звали Ульрикой...

Услышав свое имя, я затрепетала. Мне открылось обстоятельство, которое я ни за что не смогла бы постигнуть самостоятельно. Так вот в чем крылась причина странной привязанности, испытываемой Оружейницей по отношению ко мне...

– Да, – демиург нежно ущипнула меня за щеку, – да, дорогая моя. Я наделила тебя ее именем и с восхищением следила, как с каждым днем ты все больше становишься похожей на нее. Такая же дерзкая, добрая, справедливая и немного, – тут она широко улыбнулась, – сумасшедшая. И я благодарна этому чудесному миру, подарившему мне вторую дочь...

Не знаю, что руководило мной в тот момент – искренние чувства или корыстный

расчет, – но я учтиво склонила голову и приникла к руке своей создательницы благодарным дочерним поцелуем. Демиург, эта холодная и беспощадная тварь, вздрогнула... Ее хищные глаза утратили выражение отстраненного высокомерия и наполнились крупными, искренними слезами радости. Она страстно прижала меня к себе, баюкая и осыпая сотнями ласковых прикосновений. И в ее объятиях я испытала то высшее ощущение совершенной защищенности и безопасности, подобное которому уже не повторилось никогда впоследствии.

– Прости меня, дочь моя, – тихонько шепнула демиург через пару минут, отстраняясь от меня и вытирая свои мокрые щеки. – Воин должен уметь справляться со своими слабостями. А у нас совсем не осталось времени, поэтому давай потратим его с пользой. – Она взяла меня за руку, подвела к пустому постаменту и заботливо усадила на мраморную ступень. – Слушай и запоминай...

И я вся обратилась в слух, не сводя с матери горящего обожанием взора.

– Мы прилетели на Землю, – торопливо рассказывала мне Оружейница, – преодолев просторы галактики. Наш корабль «Чаша жизни» и поныне спрятан глубоко в недрах Черных гор, надежно скрытый от любопытных взглядов. Увы, и эта планета тоже не избежала печальной участи жертвы войны – атомное оружие, примененное корыстными людьми, полностью уничтожило жизнь, пощадив лишь некоторые лежащие в руинах города, хранящие остатки своего бывшего величия. Но нам повезло: мы нашли здесь уран, способный питать наши машины. И тогда мы – я и три моих сестры – начали все заново. Мы очистили Землю от радиации и элементов распада, а затем создали новые расы, новую флору и фауну. Великое Ничто, управляющее всем во вселенной, стало нашим союзником. А затем – мы заскучили...

– Как это? – изумленно спросила я.

– Самый страшный враг любого мыслящего существа – это безделье и вседозволенность, – горестно констатировала Оружейница. – Дай человеку власть, славу и богатство – и ты увидишь, чего он стоит на самом деле. Так произошло и с нами. Изживший себя герой становится злодеем, повелитель – тираном, мудрец – глупцом и извращенцем. Мы можем жить очень долго, но и мы не бессмертны. Наш стареющий разум поразил разрушительный маразм, подобный разрастающейся опухоли. Нам захотелось развлечений и острых ощущений. Послушай, – горячно шептала она, склоняясь надо мной, – я самая молодая из четырех сестер и пока еще пребываю в состоянии мыслить достаточно объективно. Поэтому я понимала, к чему мы придем. Все свои навыки и умения я вложила в крохотную зиготу, зреющую во чреве королевы Альзиры, создавая тебя. К этому времени процесс управления миром уже полностью вышел из-под нашего контроля. Демоны забирали все больше власти, а наша игра переросла в беспощадную борьбу за выживание. Но сейчас мы обречены – мы проиграли... Этот мир нам больше не принадлежит. А придя к этому печальному выводу, мои сестры приняли решение покинуть Землю, уничтожив все живое на ней, ибо вы пытаетесь идти своим путем, отныне уже не подчиняясь нам. И стрелки корабельных часов, отсчитывающих остающиеся до отлета дни, запущены и тикают...

Я потрясенно вскочила:

– Так мы все умрем?

– Да, – признала Оружейница, – если, конечно, ты не спасешь этот мир и не остановишь моих сестер...

– Но как? – отчаянно вскричала я.

Демиург покровительственно улыбнулась:

– А разве ты не догадываешься? Ты сумела остановить Ледяного бога и воскресить брата, ты восстановила звездный мост, нашла Пелену Аолы и победила могучего некроманта... И теперь ты задаешь мне столь наивный вопрос! Уничтожь корабль...

– Это немыслимо! – потрясенно стонала я, обхватив голову руками и запуганно раскачиваясь, будто слабый ребенок, убоявшийся случайной тени, промелькнувшей на стене его спальни. – Это уже чересчур...

Оружейница возмущенно фыркнула:

– Ничуть! Найди драконов, найди Храм Розы, пройди Радужным уровнем... У тебя все получится, но лишь в том случае, если ты проявишь некое исходное качество, присущее истинно доброй личности...

– Ага, всего-то! – иронично хмыкнула я. – Называется – дерзай, Ульрика! И еще – замкни Кольцо...

– Про Кольцо мне ничего не ведомо! – Уголки губ демиурга уныло опустились вниз. – Врать тебе я не стану, но я точно знаю одно – это пророчество касается лишь тебя персонально, и никто тебе в его исполнении не поможет. А в остальном...

– Что? – вскинулась я. – Говорите!

– Прими мою дагу. – Вместо ответа Оружейница вложила свой клинок в мою руку. – Это Данриэль Алатора – Пробуждающая игла. Именно она способна разбудить спящих драконов. Но учти, сейчас она не активирована, и тебе предстоит пойти на великую жертву, дабы напитать ее силой и спасти многих ценой смерти одного...

– Но клинков должно быть шесть! – совершенно запутавшись, кричала я. – Почему же никто не знает о шестой Игле?..

– О, – посмеялась Оружейница, – ты все поймешь сама. Ищи, не сдавайся, и ты обязательно победишь. Прими мои знания. – Ее губы осторожно, словно совершая обряд жертвоприношения, коснулись моего лба. – Прими мою жизнь...

Я испытала кратковременный укол боли, как будто в мой мозг вонзили острую иглу, через которую в меня хлынул шквальный поток ранее недоступной информации. В моей голове смешались запутанные обрывки доселе неведомых наук и фактов: теорема Ферма и формула вулканизации каучука, выкладки из неевклидовой геометрии и строки из поэм древнего слепого грека Гомера, основы компьютерного программирования и лексическая база родного языка демиургов. Я обрела знания...

– Хорошо, это хорошо, – обессиленно шептала Оружейница, неловко оседая на пол. – Теперь ты готова стать творцом нового мира и научить его жить по принципам добра и справедливости...

– Мама! – Я обхватила ее за талию. – Не уходи...

– Мой час пробил. – На губах умирающей играла легкая, счастливая улыбка. – Я уйду спокойно, ибо верю – будущее этого мира находится в надежных руках...

Очертания ее сильного тела внезапно утратили четкость и потекли, будто плавящийся от жары воск. Плоть сходила кусками, обнажая кости и железные детали искусственного экзоскелета. Буквально на моих глазах сталь покрывалась ржавчиной и рассыпалась хлопьями жирной коричневой трухи. Микросхемы, ранее образующие ее нервную систему, перегорали и разваливались одна за другой.

– Мать, – жалобно стонала я, удерживая на своих коленях ее голову, – я ведь только что тебя обрела... Мама, а как же Астор?

Правый глаз Оружейницы сверкнул красным огоньком светодиода и ехидно воззрился на меня так, будто готовил последнее испытание моей прочности и храбрости.

– Радужный уровень, – проскрипел механический голос, – найди Поля мертвых и дождись выпадения Снега желания. Воссоздай тело Астора из этого снега, окропи...

Дальнейших ее слов я не расслышала. Голова Оружейницы замолчала, лобная пластина ввалилась внутрь, нижняя челюсть переломилась пополам, и мгновение спустя от великой создательницы всего земного и сущего осталась лишь маленькая лужица зловонной бурой жижи, растекшейся вокруг моих ступней... Смерть победила даже демиурга, оказавшись сильнее всех...

– Прах к праху! – глотая слезы сострадания, молилась я, бережно прикрывая останки матери своим колетом. – Покойся с миром!

Мы вышли из часовни спустя несколько минут, соблюдая траурное молчание, вежливо прикрыв за собой дубовую дверь и надеясь, что ни одна сила в мире уже не потревожит

души скончавшейся Оружейницы. Трудно передать словами, что я тогда испытывала... Наверно, тихую печаль и бесконечную благодарность к этому загадочному существу, так и оставшемуся до конца не понятым ни людьми, ни своими родичами, которых она предала ради меня. Она подарила мне свою жизнь... И теперь я силилась прочувствовать – что же такое смерть, конечна ли она? Куда уходят наши души после того, как тела перестают дышать, осязать и чувствовать? До каких пор пребываем мы в Обители затерянных душ, ожидая следующего часа рождения, и кем становимся в той – иной, новой и, хочется верить, лучшей жизни? Лишившийся нас мир – каким он станет? Возможно, именно это, ответы на все не высказанные мной вопросы и предстояло теперь узнать ей – ушедшей в небытие Оружейнице...

Я много думала о смерти. Пройдя через нее несколько раз, я так и не поняла ее смысла, не постигла всей заложенной в ее глубину сути очищения и обновления. Полагаю, моя собственная смерть может огорчить кого-то другого, но только не меня саму, ибо мне не дано возможности осознать всей ее необратимости. Но вот гибель любимых ранит нас куда сильнее, чем личные горести и потери. Смерть – это награда, наказание, искупление или миг наивысшего прозрения? Смерть – не истинная ли это жизнь? Ведь именно перед ее лицом мы все становимся лучше и чище, ибо лишь за миг до смерти мы и начинаем жить по-настоящему...

Я узнала много – но, увы, так и не сумела разузнать самого важного: как я могу помочь Астору, каким образом мне суждено вернуть назад его блуждающую во тьме душу, вернуть себе его глаза, руки и губы. Я мучительно гонялась за своей ушедшей любовью, не понимая, где она – со мной или же все еще вне меня... Приблизилась ли я к нему или по-прежнему нахожусь неизмеримо далеко? Какие пути ведут нас к любви? Любовь похожа на всепожирающий пожар, а двум языкам пламени, наверное, никогда не суждено слиться в один: ведь огонь не сгорает в огне...

Я руками хватаюсь за стены —
Долго путаюсь: я или ты?
Увядаем, как в вазе цветы,
Или режем набухшие вены.

Где мы – там или все еще вне?
Под ногами свинцовые плиты.
Мы смеемся безрадостно: «Квиты!»
Ведь огонь не сгорает в огне.

Мы успеем спастись... Но петля
Мне безжалостно стиснула шею...
Мозг свербит – я опять не успею,
Мое тело не примет земля.

И возможно, мне нужно лишь влиться
В те потертые временем скалы...
Но в улыбки впивались оскалы
И кричали: «Все может случиться!»

Как запачканный кровью букет,
Осыпались недетские сны,
Запах вечной, цветущей весны
И бессмертье, которого нет.

В знак прощанья Судьбы круговерть
Раскроила надтреснутый лед,
Обрывая мой дерзкий полет...
А внизу сыто чавкнула Смерть.

Где мы – там или все еще вне?
Расстоянье я меряю взглядом —
Далеко?.. Или ты уже рядом?
Ведь огонь не сгорает в огне...

Мы с Кса-Буном покинули часовню и медленно пошли вперед, миновав врата всех трех порталов, но так и не выбрав ни одного из них. Меня вела интуиция. Свод над нашими головами потемнел, налившись полуночным сумраком. Неровную дорогу устлали обломки камней, сильно утруждавшие мои усталые ноги и вселявшие в меня смутный страх перед будущим. Будущим, еще более извилистым, чем этот путь. В воздухе витала некоторая неопределенность и неясное предчувствие чего-то страшного...

Наконец мы достигли небольшого скального уступа, с которого открывался вид на округлое, шумно бурлящее озеро с впадающей в него рекой.

– Госпоже нужно передохнуть, – заботливо посоветовал канагериец, бросая на землю свой плащ, жестом убеждая меня прилечь и немного поспать. И я совсем уже готовилась последовать его совету, как вдруг ощутила дикую, совершенно нестерпимую судорогу, огненным стержнем пронзившую мои внутренности и скрутившую их в тугую, наполненный страданием и кровью узел. Я не сдержала крика и завывала, будто зверь, – отчаянно, мучительно. По моим ногам стекла какая-то прозрачная жидкость. Испытывая тошнотворное головокружение, я почти упала на руки едва успевшего подхватить меня Кса-Буна. А боль все усиливалась – пульсируя, раздирая плоть, властно опоясывая таз и впиваясь в мое лоно раскаленными щипцами палача...

– Что со мной? – Я недоуменно хваталась за пальцы телохранителя, ища поддержки и облегчения. – Мне кажется, я умираю...

– О нет, вы ошибаетесь. – Кса-Бун сурово сжал губы, в его опасливо прищуренных черных глаза плескался панический ужас. – Это все ваш ребенок, госпожа! Он собирается появиться на свет, у вас начались роды! И я подозреваю, что они будут очень тяжелыми...

Часть вторая

Глава 1

Мой сын Люцифер родился на рассвете первого мая, накануне старинного праздника Бельтайн, в тот дивный миг, когда на розовеющем небосклоне медленно гасла последняя утренняя звезда. Согласно легендам эта ночь знаменуется скоротечным слиянием всех сил природы, происходящим всего лишь один раз в году. Именно тогда, в период от полуночи до восхода солнца, на несколько кратких часов, предшествующих расцвету нового дня, духи стихий случайно соединяются в единую грозную силу, приходя к мирному соглашению и временно забывая свои постоянные раздоры да распри. Вода уже не стремится затушить огонь, ветер не иссушает траву, и даже смерть не противостоит жизни. Люди разжигают костры и славят недолгие мгновения всеобщего вселенского благоденствия, а мудрые маги бдительно прислушиваются и приглядываются, стремясь выявить младенцев, появившихся на свет в ночь Бельтайна, – ибо они являются теми, кому изначально суждено вырасти великими воинами и волшебниками, богато одаренными самой судьбой. И так ведется испокон веков...

Кса-Бун оказался прав – мои роды стали настолько тяжелыми, что едва не стоили мне

жизни. И если бы не помощь моего чернокожего друга и не его удивительные навыки, то не избежать бы нам беды. Подумать только – от неминуемой гибели меня уберегли несколько тонких иголок! А впрочем, лучше обо всем по порядку...

Жесточайшие схватки выгибали дугой мое распростертое на земле тело. Руки бессильно скребли каменистую почву, под ногти забивалась грязь. Сосуды в глазах полопались, заливая белки – кровью. Сердце сбилось с ритма, то подавленно замирая, а то, наоборот, заходясь в частых безумных ударах. Мне казалось, что даже мои тазобедренные суставы сдвинулись с места, раздвигаясь и ломаясь. Канагериец помог мне раздеться, заботливо прикрывая своим плащом мой напряженный, будто барабан, живот. Сосредоточенно хмурясь и нараспев произнося непонятные для меня заклинания, он извлек из своей сумки десяток длинных медных игл. А затем верный друг уселся рядом, заботливо поддерживая меня за плечи и временами ласково утирая пот, градом катившийся по моему багровому от напряжения лбу.

Завладевшая мною боль была настолько страшной, что несколько дней спустя я уже не смогла отчетливо вспомнить все, произошедшее в ту необычную ночь. Наше сознание милосердно – оно предусмотрительно стирает самые тяжелые воспоминания, защищая хрупкий человеческий рассудок. Родовые муки забываются быстро, сменяясь священной радостью материнства. Природа мудра – она учит женщин терпеть и прощать, иначе они уже никогда бы не отважились повторно пройти через ниспосланные им страдания и родить второго или третьего ребенка. Всем нам известно: все лучшее и наиболее ценное в жизни дается лишь ценой почти непереносимых страданий, испытывающих нашу веру, любовь и выдержку. Боль и горе проходят, но нанесенные ими шрамы остаются навсегда. И станем ли мы гордиться этими драгоценными полученными от судьбы шрамами или же устыдимся их – зависит только от нас!

Схватки длились долго. Всеми частицами души и тела, самыми потаенными нервами и клетками я полностью, до конца прочувствовала малейшее движение крохотного существа, стремящегося выйти из моего чрева и обрести самостоятельную жизнь. Меня бросало то в жар, то в холод. Мне, почти скатившейся в предсмертный бред и полностью утратившей ощущение реальности, грезилось, будто я рожаю вовсе не ребенка, а чуждый, угловатый сгусток пламени, сжигающий мои внутренности и кромсающий их невидимыми ледяными лезвиями. В один особенно напряженный момент я прокусила себе язык и впоследствии уже не могла кричать, издавая лишь жалкие сдавленные стоны. Но и тогда я все равно продолжала любить своего богоданного сына, готовая принять любые страдания – лишь бы облегчить его участь. Когда же мне стало ясно, что мои силы истощились и подошли к концу, а смерть уже близка, на посветлевшем небе вдруг ярко вспыхнула последняя, необычайно крупная звезда...

– Сейчас! – радостно воскликнул Кса-Бун, неотрывно следящий за горизонтом. – Мужайтесь, моя отважная госпожа, все самое тяжелое уже позади. Мне доводилось видеть женщин, дерзнувших родить ребенка в ночь Бельтайна, но ни одна из них не пережила этих родов и не дотерпела до последних предрассветных минут. Но вы оказались сильнее всех – вы поправили злую судьбу и победили смерть...

«Поправшая судьбу, – устало подумала я, будучи не в силах сосредоточиться на обращенных ко мне словах. – Кажется, когда-то, очень давно, я это уже слышала...»

Кса-Бун ловко воткнул свои тонкие иголки в какие-то специфические, известные только ему точки, мгновенно отыскав их на моем животе и позвоночнике. Боль ушла в ту же минуту, растворившись без следа. Я благодарно улыбнулась, вновь обретая способность дышать ровно и не путаться в мыслях:

– Ты настоящий волшебник!

– Я – шаман королевы Смерти, – спокойно объяснил канагериец. – Нас учат управлять болью и облегчать страдания, но все это можно осуществить лишь в нужный момент.

Затем я ощутила несколько сильных потуг, и секунду спустя Люций появился на свет, выскользнув в услужливо подставленные ладони Кса-Буна. Последняя звезда прощально

мигнула и погасла, словно отдавая свою силу и свет моему новорожденному сыну. В мир пришло утро нового дня, совпав с приходом нового человека.

Канагериец ловко остановил кровотечение и вынул послед. А после этого он отер тело малыша от покрывающего его беловатого налета, распотрошил сумку, подаренную мне Эткином, которая оказалась заполнена пеленками и мягкими кусочками сухого мха, и умело завернул Люция в кусок чистого полотна.

– В «рубашке» родился! – довольно констатировал он, подавая мне хныкающий сверток. – Везунчик!

Удивленно расширив глаза, я рассматривала чудного малютку, поглаживая его круглую головку, покрытую длинными двуцветными волосиками. Она лежала в моей ладони так красиво и аккуратно, словно спелое наливное яблочко, очаровывая сказочно прекрасным чередованием белокурых и рыжих локонов, в равной мере доставшихся Люциферу от отца и матери. Я радостно подмечала удивительное сходство Люция и Астора, узнавая дорогие черты: тот же упрямый подбородок храбреца, точеный нос, изящные скулы и высокий лоб мыслителя. Дитя приоткрыло золотистые глазенки с кошачьими, вертикально растянутыми зрачками – и басовито заревело, требуя моей любви и заботы.

– Что это у него на спине? – испуганно спросила я, прикладывая сына к своей набухшей молоком груди и случайно нащупывая два твердых бугорка, расположенных у него между лопатками.

– Будущие крылья! – уверенно ответил канагериец, пунктуально собирая свои иголки. – Верьте, когда-нибудь он распахнет их широко-широко и взлетит над принадлежащим ему миром. Слышите, госпожа, как все вокруг затихло? Это Земля приветствует рождение своего повелителя. А наш первейший долг – оберегать и защищать принца Люция от любого зла, не позволяя врагам причинить ему хоть малейший ущерб...

– Это вам не по силам, – насмешливо отчеканил самоуверенный голос. – Вы испортите принцу характер, сделаете из него труса и слащавого слюнтяя. Только я одна смогу достойно воспитать будущего владыку всех измерений. Отдайте мне моего племянника!

Я пораженно подняла глаза.

Перед нами стояла Ринецея...

«Судьба – не человек, с нею не поспоришь!» – эта довольно пафосная и малопонятная фраза, однажды произнесенная Ульрикой, прочно засела у Лансанариэля в голове. Он давно уже успел забыть, когда и по какому поводу она прозвучала, но сами слова запомнились накрепко, будто прибитые гвоздями. Впрочем, как уже неоднократно подмечал прекрасный полукровка, принцесса отнюдь не напрасно прозывалась Сумасшедшей, а посему частенько изрекала что-нибудь подобное: запутанное, заумное и, как на беду, меткое до невозможности. Причем всегда подтверждающееся на деле. Так произошло и на сей раз...

Два дня, проведенные в шатре киктского вождя, стали сущим наказанием для капризного и изнеженного полуэльфа. Таких страшных мучений на его долю не выпадало еще никогда, даже в смертоносной рохосской пустыне. Примитивные жилища троллей почти не имели мебели и элементарных санитарных удобств. Кикты не знали письменности и гордились дурными манерами. Спали они на полу, практически не мылись и не причесывались, одежду не стирали, а к блохам и вшам относились с философским спокойствием. В общем, к моменту бракосочетания с Баргушем Ланс пребывал в настолько взвинченном состоянии, что запросто рискнул бы в одиночку выйти даже против знаменитого красногорского медведя, обладающего беспримерной силой и свирепостью, а не то что вступить в драку с сотней-другой вечно неумытых и вонючих троллей. Да они за одно свое абсолютно неблагоустроенное отхожее место – уже заслуживали самой лютой казни! А за то, что оказались полнейшими профанами в модных нарядах, косметике и украшениях, – тем более. Почти обезумев от ежечасных приставаний влюбленного жениха, Ланс с некоторым облегчением покорно позволил отвести себя к священному озеру, в глубине души надеясь, что час его избавления от грубых заигрываний похотливого кикта близится. И вот

теперь он ошеломленно взирал на храм богини Агнии, на краткий миг совсем позабыв все пережитые им испытания, ибо подобная уникальная красота казалась совершенно неуместной и вопиюще не подходящей для этих диких мест.

Круглое озеро, поражающее идеально ровными очертаниями и какой-то нарочитой искусственностью, располагалось в глубокой котловине, напоминая бесценную жемчужину, скрытую в складках мягкого зеленого шелка. Его поросшие молодой травой берега плавно спускались к самой воде, отличавшейся странным непрозрачным, молочно-опаловым цветом. В самом же центре загадочного водоема периодически набухал огромный водяной пузырь, сначала шумным гейзером выплескивающийся вверх, а потом – широкой воронкой засасывающийся куда-то вниз. Весь этот непонятный процесс выглядел в высшей мере настораживающим и даже пугающим. Фосфоресцирующее жерло водоворота, окруженное водопадом непрерывно движущихся брызг, казалось зловещим провалом, ведущим в иной, потусторонний мир.

– Что это еще такое? – испуганно пискнул Ланс, отодвигаясь от бушующей стихии и поспешно прикрываясь рукавом, дабы спасти от висящей в воздухе влаги свои роскошные локоны. – Зачем вы меня сюда привели?

– Озеро тысячи жизней – так мы его называем, – с готовностью пояснил вождь Баргуш, наслаждаясь романтической бледностью, разлившейся по лицу его прекрасной невесты и сделавшей ее похожей на белый, сломленный непогодой цветок. – Красивое место, не так ли, душа моя? Мы бросаем в него наших мертвецов, и их тела навсегда уходят из этого мира, отправляясь во владения богов...

– Мертвецов? – возмущенно взвизгнул полуэльф. – Дурак, ты не придумал ничего лучшего, как сыграть нашу свадьбу на кладбище? И при чем тут боги?

– Это не кладбище. – Тролль поспешил успокоить спонтанно назревающую истерику. – В наших краях существует легенда о том, что это Озеро каким-то образом связано с запретным местом, принадлежащим неким высшим существам. Но я намеревался показать тебе не его... Смотри же внимательно...

Подчиняясь нетерпеливому жесту кикта, Ланс скосил глаза влево и восхищенно ахнул...

Он не стоял на берегу, а словно бы парил над водой – возведенный на тонких сваях и нависающий над озерными волнами, любовно омывающими его хрупкие стены, маленький храм, сложенный из искусно обработанных пластин горного хрусталя, весь просвечивался насквозь, окрашенный в алый цвет, подаренный последними лучами заходящего солнца. Полукровке мерещилось, будто он увидел тончайшую шкатулку, призванную хранить заключенную в нее реликвию, потому что посередине прелестного здания он заметил и сразу же безошибочно опознал золотую статую Аолы, ставшую для троллей Агнией – богиней любви и супругой Брана. А самому Лансу она тотчас напомнила о Сумасшедшей принцессе, так схожей внешне со своей именитой родственницей. И ему мучительно захотелось вновь очутиться дома – в непритязательной, основательно обжитой драконьей пещере, в компании несносного язвы Эткина, милого Оггура и ее – этой беспокойной рыжеволосой девушки, сумевшей за короткий срок разительно изменить жизни всех своих друзей... Но помечтать всласть Ланс не успел...

Пара крепких телохранителей цепко ухватили его под руки и поволокли к храму, не оставляя времени на раздумья и не обращая внимания на сопротивление. За ними следовали слегка опечаленный сотник Гуль и счастливо ухмыляющийся вождь Баргуш.

– Милочка, сейчас ты станешь моей женой! – поспешил обрадовать Ланса тролль. – Ты предназначена мне судьбой!

Сотник завистливо вздохнул, воины одобрительно загоготали.

– Не хочу! – истошно завопил полуэльф. – Не дамся!

Но его конечно же не слушали.

– Поволокли, гады! – злобно прошипел Оггур, чуть высовываясь из-за камня и едва сдерживая закипающий гнев, поднявшийся в его душе при виде разворачивающегося на

берегу зрелища. – Да если хоть один волос упадет с головы моего ненаглядного, то...

– ...то ничего ему не сделается, – насмешливо резюмировал Генрих, хватая орка за шиворот и утягивая обратно. – У твоего милого этих волос до жо... – Он осекся под укоризненным взглядом Оггура и выразительно провел ребром ладони по своему горлу: – Во, сколько!

За их спинами тихонько хихикнул Марвин.

– А ты чего ржешь, маг зловредный? – возмутился влюбленный тысячник, весьма обеспокоенный судьбой своего ненаглядного дружка. – Не вижу ничего смешного...

– Скоро увидишь! – уверенно пообещал некромант, предусмотрительно разминая пальцы обеих рук. – Я вот все жду, когда же наш пустоголовый красавец вспомнит про мое заклинание, – и тогда у киктов начнется...

– ...веселуха! – сдавленно гоготнул сильф, прикрывая рот ладонью. – Это будет что-то!

Оггур кисло улыбнулся:

– Надеюсь! Но если твоя магия подведет... – Тут он, хрустнув суставами, угрожающе сжал кулак и выразительно сунул его под нос Марвину: – ...то смотри у меня...

Маг брезгливо поморщился и одним пальчиком оттолкнул от себя мощную орочью длань:

– Не порти мне репутацию, Оггур. Даю стопроцентную гарантию положительного результата. Неустойка, возмещение морального и материального ущерба, бесплатный бонус, компенсация урона...

– Ну-ну, – неопределенно хмыкнул орк, – если что, урон без компенсации я тебе и сам обеспечу!

Марвин со скучающим видом возвел глаза к небу и печально вздохнул, демонстрируя вселенскую скорбь, вызванную столь откровенным недоверием к его профессиональному мастерству. Генрих тихонько ржал, уперев лоб в гладкую поверхность огромного камня, послужившего им укрытием.

Солнце медленно скатывалось к линии горизонта. Не чуждый психологических наблюдений Марвин пришел к логичному выводу, что киктский вождь Баргуш, внешне сильно смахивающий на уродливое чудовище, оказался приверженцем романтики и, очевидно, потому не зря выбрал для проведения брачной церемонии сей эротично-таинственный предзакатный час. «Вполне достойный красоты юной невесты», – добавил маг, саркастично подмигивая.

Тролли, плотным кольцом окружившие неистово отбрыкивающегося и визгливо ругающегося полуэльфа, скрылись в храме.

– Быстрее, – требовательно призвал орк, покидая их импровизированное укрытие, – поспешим на помощь Лансу.

– Спешка до добра не доводит, – ворчливо вразумлял его Генрих, скептически осматривая опасно каменистый склон, довольно круто спускающийся к озеру и лишь вблизи от воды переходящий в мягкую траву. – Тут и шею сломать недолго...

– А магия на что? – поинтересовался Оггур, недвусмысленно вымогая посильную помощь некроманта.

– Я вам не рикша!⁵⁶ – обиженно возмутился Марвин. – Попробуй-ка подними такого здоровяка, как ты, – тут и до грыжи недалеко. Да к тому же на свете существуют другие, куда более полезные вещи, чем заклинания и левитация, а называются они самовнушением и аутотренингом. Учись, пока я добрый. – Он картинно взмахнул широкими рукавами своей хламиды. – Нужно просто убедить себя в том, что ты – мячик... – Он ухарски присвистнул и легко запрыгал вниз по склону. Следом за ним, вздымая тучу пыли каблуками своих походных сапог, подбитых закаленным железом, уверенно последовал барон, придерживая рукоять рапиры, раскачивающейся и бьющей его по бедру.

⁵⁶ Р и к ш а – в некоторых странах Восточной и Южной Азии человек, везущий коляску с пассажирами.

Огвур, порядочно превосходивший ростом, весом и габаритами обоих ловких прыгунов, задумчиво стоял на гребне горы, растерянно почесывая в затылке закономерно исполненную недоверия голову:

– Мячик, говоришь... – Он опасливо сделал первый шаг, а затем второй и третий... – Кажется, получается! Главное – не забывать, верить и постоянно повторять: «Я мячик, мячик, мячик...» А вот если бы я хоть на мгновение стал помидором...

Шмяк!..

До слуха Марвина немедленно донесся громкий шум, вызванный падением тяжелого тела, и витиеватая ругань, ничуть не напоминающая очищающей ауру мантры⁵⁷. Похоже, Огвур и аутотренинг банально не сошлись характерами...

– Вот, – некромант удовлетворенно дернул плечом, – как я и утверждал, самовнушение – великая штука. Конечно, если не увлекаться и ею – не злоупотреблять, ибо много хорошего – уже плохо!

«Ну уж нет, хорошего помаленьку! – мысленно твердил несчастный Ланс, следя за увлеченно хлопочущими троллями. – Эта игра зашла слишком далеко. У меня нет ни малейшего желания и в самом деле выходить замуж за этого неумытого варвара... Если это всего лишь жуткий сон, то мне необходимо срочно проснуться...»

Но мысли оставались мыслями, а между тем реальные события продолжали развиваться по нарастающей, неуклонно принимая самый нежелательный для полукровки оборот. Его волоком протащили по скользкому полу и бесцеремонно бросили перед потрясающе изысканной золотой статуей богини Аолы, державшей в прижатых к груди руках не что иное, как разыскиваемую друзьями дагу Анриэль Алатору – Радужную иглу.

«Ой, вот здорово-то!» – едва успел возрадоваться полуэльф, уже предвкушая грядущий пик звездного часа – своего заслуженного триумфа, когда он церемонно поднесет Ульрике найденную им реликвию, способную спасти жизнь Сумасшедшей принцессы. Впрочем, дагу у богини еще предстояло отобрать силой, потому что, видимо предугадав появление охотников за сокровищами, статуя вцепилась в артефакт мертвой хваткой, судорожно притиснув его к своему пышному бюсту.

«Да если потребуется, я эту Алатору зубами выгрызу!» – успел фанатично пообещать себе Ланс, как вдруг его без предупреждения грубо толкнули в спину, принуждая опуститься на колени. А вместо покрасневшего от счастья лица столь обожаемой им Мелеаны Ланс с ужасом обнаружил слюнявые губы мерзкого тролля, находящиеся совсем рядом, сложенные в бантик и жадно тянущиеся к его алым устам...

– Отвали, противный! – со всей мочи злобно взвыл полуэльф, оскорбленный в своем тщательно взлелеянном чувстве восприятия прекрасного. – Ишь, размечтался. Это же мезальянс!⁵⁸

– Чего? – недоуменно вылупилсЯ ничего не понимающий Баргуш. – Глупая девка. Да я же с серьезным намерением: я желаю взять тебя в жены!

И тут Ланса осенило. И как это он мог запомнить про чудесное спасительное заклинание, дарованное ему Марвином? А ведь для его активации нужно просто пожелать...

– Чтоб вы сквозь землю провалились! – пронзительно заверещал Ланс, пытаясь вырваться из железной хватки воинов, цепко удерживающих его за запястья.

Пол святилища сначала заметно затрясся, а затем и вовсе заходил ходуном. Хрустальные плитки перечеркнула извилистая трещина, быстро превратившаяся в глубокий провал. Расширив глаза от изумления, новоявленный волшебник следил за проваливающимися в нее троллями. Кикты разразились воплями ужаса. А дальше началось

⁵⁷ Мантра (на санскрите «орудие мысли») – священный гимн, требующий точного воспроизведения.

⁵⁸ М е з а л ь я н с – неравный брак.

нечто несусветное...

– Ослепни! – с энтузиазмом орал Ланс, мстительно прыгая от тролля к троллю. – Пусть у тебя пальцы узлом завяжутся! Пусть ноги вперед коленями вывернутся! Глаза на лоб вылезут! Вши до полусмерти заедят! Разбей тебя паралич... – Его фантазия оказалась поистине неисчерпаемой...

Храм наполнился стонами и рыданиями. Изуродованные кикты расползались по углам, стремясь скрыться от карающего взора своего прекрасного истязателя. Наконец из пребывающих в относительном здравии персон в помещении остались только потерянно поскуливающий сотник Гуль да прячущийся за него вождь Баргуш. Лансанаризель умолк, сбившись со счета и исчерпав запас желаний...

– Хватай его, он выдохся! – приказал вождь, подпихивая сотника поближе к полуэльфу.

– Боюсь! – стучал зубами Гуль, опасливо размахивая руками.

– Да чтоб у вас, чтоб у вас... – мучительно подбирал слова Ланс, отступая к статуе богини и ведя за собой двоих киктов. – Чтоб у вас руки отсохли! – наконец выпалил он, наступая на какой-то камешек и валясь на спину. – У всех!..

Пальцы Баргуша и Гуля сразу же ссохлись, словно опаленные огнем ветви, а кисти рук повисли недвижимо, будто мертвые плети – коричневые и онемелые...

– А-а-а! – выл сотник Гуль.

– О-о-о! – вторил ему вождь.

И тут случилось невероятное. Лицо золотой статуи исказила гримаса боли, богиня Аола отвела руки от груди и выронила дагу, которая со звоном грянулась об пол и подкатилась прямо под правую ладонь Ланса.

– Ну и дела! – привычно брякнул полукровка, с жадностью хватая желанный артефакт. – Вот это да!

Первым в храм ворвался удовлетворенно похохатывающий Марвин, весьма впечатленный устрашающими результатами своего колдовства. За ним следовал Генрих с Гиардой в руке. Шествие замыкала запыхавшаяся жертва аутотренинга, щедро присыпанная каменной крошкой и взбешенная до крайности.

– Ланс! – обрадованно вскрикнул Огвур, призывно раскрывая объятия. – Любимый мой!

– Душа моя! – ответно мыркнул полуэльф, сдирая с себя давно опротивевшее платье и вытряхивая из-за пазухи накладную грудь. – Ну наконец-то...

– Так ты мужик! – едва слышно прошептал Баргуш. – Позор на мою голову!

– Я же предупреждал: не получится из меня хорошей жены! – внятно напомнил ему полукровка. – Дык нет, ты уперся: люблю, люблю...

– Любовь прекрасна в теории, – наставительно хмыкнул барон, задумчиво рассматривая внушительную трещину, уродующую мраморный пол, – но изрядно обременительна на практике...

– Игла! – восхищенно всплеснул руками некромант, заметив волшебную дагу. – Мы ее нашли!

– Я нашел! – ревниво уточнил Ланс, сверля Марвина недоверчивым взглядом. – Меня из-за нее чуть замуж не выдали...

– А ведь Саймон знал об этом заранее... – потрясенно пробормотал маг. – С судьбой не поспоришь...

– Не советую даже и пытаться, – указал обеспокоенный сильф на расширяющийся провал. Стены храма качались и угрожающе поскрипывали. – Этому зданию суждено вскоре развалиться на кусочки. Нужно уходить отсюда немедленно. Через пару минут сия хрупкая конструкция прикажет долго жить, и мы очутимся в озере, а с учетом имеющегося в нем водоворота...

– ...можем и не выплыть! – мгновенно сообразил орк. – Вот ведь, гоблины проклятые, что делается-то!

– Назад ходу нет, – уведомил всех Марвин, предусмотрительно выглянувший в двери. – Не хочу вас огорчать, но со склона горы по направлению к храму спускается по крайней мере сотня отлично вооруженных троллей, видимо привлеченных воплями своего вождя. Похоже, нам кранты...

– А ты хорошо все разглядел? – с обоснованным колебанием в голосе спросил Оггур, явно не желавший умирать от лап мстительных киктов, с которыми он уже столкнулся в бою и в полной мере вкусил их завидного воинского умения. – Тебе уже доводилось ошибаться – так, может, и на этот раз ты...

– Я не слепой! – желчно парировал маг. – Не исключено, что мои заклинания не являются верхом совершенства, но со зрением у меня порядок. Знаешь, в природе все устроено чрезвычайно справедливо и пребывает в незыблемом равновесии. Если человек глух, то у него остро развиты тактильные ощущения. Если силен как мужчина, то, – некромант злорадно покосился на орка, – обычно слаб в умственном развитии...

– Хы-ы-ы, – ответно осклабился тысячник, – теперь понятно, почему ты в магии подался...

Марвин густо покраснел:

– Намекай на что угодно, но факт остается фактом. Мы находимся в практически безвыходном положении, и помочь нам способен лишь кто-то весьма сильный и маневренный...

– Я знаю кто! – неожиданно дошло до Ланса. – Эткин, где сейчас Эткин?

– Невероятно! – Генрих восхищенно хлопнул себя по ляжке. – Поздравляю, Марвин, твоя теория блестяще подтвердилась. Слабый как мужчина экземпляр проявил редкостную сообразительность в ущерб своим первичным половым признакам...

Полуэльф польщенно заулыбался, приняв все высказанное сальфом за комплимент.

Нашу жизнь плотно опутывают тысячи незримых нитей, называемых законами судьбы. Разрубишь одну из них – и можешь зваться грешником или преступником, разорвешь десять – окажешься приговоренным к казни смертником, преодолеешь их все – достигнешь уровня бога. И поэтому дракон Эткин ничуть не кривил душой, справедливо признавая: срок его смерти близится. О нет, он никогда не считал себя трусом и не привык сожалеть о содеянных поступках. Последний дракон совершенно не боялся жить, да и умирать – тоже. Эткин всегда называл себя не иначе как циником. А значит, тем, кто имеет осознанную наглость, позволяющую видеть мир не таким, каким он мог бы стать согласно чьим-то правилам, а таким, каковым он являлся на самом деле. И следует признать открыто – для подобных ортодоксальных жизненных убеждений требуется немалая смелость. Его ироничный пессимизм являлся не чем иным, как столкнувшимся с грубой реальностью оптимизмом, а посему – в огне не тонул и в воде не горел. К тому же легун-философ пребывал в твердой уверенности: ему повезло – ведь он отлично понимает, для чего именно появился на свет и прожил столь невероятное количество лет. Каждое существо имеет право считаться бессмертным только до тех пор, пока судьба не убедит его в обратном. Но возраст и бессмертие уже давно его тяготили, из дара превратившись в наказание, а из силы – в слабость и уязвимость. И Эткин не стыдился своей слабости, ибо открыто высказывать подобные недостатки способна лишь очень сильная личность, безоговорочно уверенная в собственной правоте. Но сейчас и его силы подходили к концу, а предназначение властно требовало воплощения. Ныне Эткин мечтал лишь об одном – исполнить предначертанное, а потом тихонько отойти в небытие, дав желанный покой измученным душе и телу. Возможности никогда не даруются нам впрок, но добываются ценой огромного внутреннего напряжения и борьбы с самим собой. Заветные желания всегда дополняются силами на их осуществление, а после своей реализации неизбежно сменяются усталостью и депрессией. Жизнь состоит из множества выборов. Выбор есть всегда. Мир полон возможностей. Однако доступные нам возможности зависят от правильного выбора, ибо не бывает приобретений без потерь. При этом судьба многих живых существ зачастую зависит от добровольной

жертвы одного...

Союзный флот людей, эльфов и пиратов покинул негостеприимный берег Диких земель. Но невзирая на настойчивые уговоры Саймонариэля и короля Мора дракон предпочел остаться. Он чувствовал – Ульрика нуждается в его помощи, а поэтому вот уже несколько дней он без устали кружил над холмами, чутко прислушиваясь и приглядываясь. Магистр Саймон так и не смог отыскать следов внезапно исчезнувшей принцессы, бессильно признавшись: Портал оружия, которым ушла сумасшедшая воительница, ему неподвластен. Но Эткин знал – судьба сведет их снова, подарив возможность попрощаться и совершить именно то самое деяние, мечты о котором стали смыслом всей его жизни и ее предназначением. А посему он не поддавался разочарованию, упрямо вспарывая ночное небо размеренными взмахами мощных крыльев. И когда он уже начал сомневаться в успехе задуманного, удача вдруг милостиво перешла на его сторону, донеся до чуткого драконьего слуха отчаянный призыв о помощи...

Не выдержавший заклинаний храм неумолимо разваливался. Золотая статуя богини Аолы тяжело рухнула набок, доламывая мраморные плиты, провалилась в воду и закружилась в водовороте, подхваченная смертоносной стремниной. Друзья лишь чудом держались на обломках стен, ожидая неминуемой гибели. Воинственные крики троллей приближались...

– Вижу! – внезапно радостно вскрикнул остроглазый Марвин, вглядываясь в ночное небо. – Не знаю, как это стало возможным, но дракон находится совсем близко от нас. Я разглядел его своим магическим оком! Эткин, – выл некромант, будто голодное привидение, – помоги!

– Спаси нас! – хором поддержали Огвур и Ланс.

– Именем Сумасшедшей принцессы! – зычно добавил Генрих.

– Это кто тут упоминает всеу мою бесценную Мелеану? – Из непроницаемой тьмы ночных небес медленно выплыл огромный силуэт дракона, величественно осененного размахом широких крыльев. – Орете, понимаешь, как коты весной!

– И нечего обзывать, – оскорбился злопамятный орк, точивший на Эткина зуб еще со времен его двусмысленных шуточек в «Королевской питейной». – Сам-то ты петух петухом – только гребень во всю спину!

– Петух? – негодуя взревел гигант. – Кто? Я?

– Тихо, дурни! – почти взвизгнул Марвин, из последних сил цепляясь за клонившуюся к водовороту колонну. – Нашли время ругаться и собачиться.

– Ну хочешь, я Огвuru просто молча морду набью? – с готовностью предложил Генрих. – И потом... – Его слова оборвал густой град из стрел, выпущенных троллями, сгрудившимися возле развалин храма. Одна из них мимолетно оцарапала руку некроманта. Марвин дернулся, колонна повалилась плашмя, исчезая в бурлящей озерной глубине... Маг истерично взвизгнул, прощаясь с жизнью, но парящий над руинами дракон вытянул лапу и удачно подхватил некроманта возле самой воды. Его мощные когти уверенно обхватили Марвина за талию, а добродушный голос успокаивающе прогудел:

– Не дрейфь, магикус, не уроню!

Некромант испустил громкий вздох облегчения.

Эткин заложил крутой вираж, на бреющем полете прошелся над Озером и остальными тремя лапами синхронно подхватил Огвuru, Генриха и Ланса. Причем последний не выпускал из рук чудом добытую дагу. Дракон понимающе хмыкнул:

– Для нее нашел?! – Фраза прозвучала скорее утвердительно, чем вопросительно.

Полуэльф восторженно закивал.

– Молодец! – искренне похвалил летун. – Да ты у нас настоящим мужиком стал!

– А Марвин говорит, что нет! – хнычуще пожаловался полукровка.

– А ты слушай его больше, – иронично посоветовал Эткин. – Он сам от своей бабы сбежать не прочь. Настоящий мужчина выше сплетен и пересудов. Он и коня на скаку того-с,

и в горящей избе то самое проделать может... А уж по женской части и вообще... – Он игриво прижмурился.

– Да чего ты в женщинах понимаешь, змеюка летучая? – взбеленился некромант. – Много ли у тебя самого их в жизни было?

– А у тебя? – ехидно поддразнил гигант.

– Как листьев на дереве! – не моргнув глазом, лихо солгал маг.

– А у меня больше, чем звезд на небе! – подпел другу барон.

После чего оба выжидательно уставились на нахального летуна.

– Крупную манку знаешь? – с наигранным безразличием, заботливо осведомился Эткин. – Семь мешков...

Сильф и некромант пристыженно замолчали. Они конечно же понимали, что их спаситель нагло врет, но не нашли достаточно убедительных доводов, способных превзойти драконью брехню. Последнее слово в споре осталось, как всегда, за Эткином.

Заняв все четыре лапы своими вовремя спасенными друзьями, дракон торжественно воспарил над Озером, собираясь покинуть сей опасный край и предоставить киктам возможность безутешно оплакивать свой разрушенный храм, бесследно сгинувший в толще озерной воды. Но не тут-то было. Очевидно, среди собравшихся на берегу троллей присутствовало несколько шаманов, потому что в воздухе ощутимо запахло приближением чего-то зловещего. Над Озером быстро сконцентрировалась здоровенная грозовая туча, из которой направленно ударили три разветвленные молнии, взбурлившие и без того беспокойную воду. Эткина подхватило, словно сорванную с тополя пушинку, закружило и швырнуло вниз.

– Вот гоблин, – ругнулся летун, перекрывая шум воды и кое-как выравнивая нарушенную траекторию полета. – Марвин, поможешь отбиться?

– Бесполезно, – печально откликнулся некромант, жмурясь от попадающих в лицо брызг. – Огненным шаром их не достать – не смогу прицелиться. Да и к тому же это Озеро – настоящая прорва, оно поглощает большую часть моих заклинаний. Судя по его энергетике, оно более смахивает не на обычный водоем, а на некую пространственную петлю, служащую порталом между нашим миром и чем-то еще...

– Оп-па, интересно-то как! – медленно протянул Эткин, искусно маневрируя среди столбов сиреневого пламени, протянувшихся между небом и водой.

– Кикты хоронят в Озере своих мертвецов, – торопливо излагал Ланс, делясь приобретенными знаниями. – Тролли верят, что, погрузившись в водоворот, трупы попадают напрямую в Обитель богов...

– Ага! – обрадовался летун, кружа над самой воронкой. – А может, и мы того-с, рискнем?

– Не смей! – протестующим дуэтом заорали Марвин и Генрих. – Тебе никак жить надоело?

– Ну-у-у, – меланхолично, будто принимая ответственное решение, тянул время гигант. – С одной стороны, нет, а с другой...

Между тем толпа киктов, заплывшая к берегу Озера, все увеличивалась. Ночную тишину нарушало потрескивание многочисленных факелов и ровный гул выпеваемых заклинаний, приобретающих откровенно угрожающую тональность. Грозовая туча налилась багрянцем, становясь похожей на сгусток смертоносного пламени.

– Щас как шарахнет! – опасливо предупредил Марвин, стуча по когтю дракона. – Мало нам не покажется!

– Сам вижу! – сварливо огрызнулся Эткин. – Могу предложить всего два варианта развития событий: наихудший и маловероятный...

– Это как? – пискнул Лансанаризель.

– Выбирайте, – милостиво разрешил летун. – Наихудший – мы сгорим!

– Нет! – хором завопили четверо друзей.

Дракон иронично хмыкнул:

– Ну тогда маловероятный: мы без особого вреда для здоровья пройдем через водоворот и... куда-нибудь да попадем!

– Нет! – опять отказались все.

– Эх, на вас не угодишь! – наигранно вознегодовал Эткин, прижимая крылья к спине, вытягивая шею в струнку и зажмуривая глаза. – Тоже мне выискались мазохисты-диабетики на мою голову. Вас и кнутом не напугаешь, и пряником не заманишь... А ну-ка всем задержать дыхание и не вякать...

– Зачем это еще?.. – успел недогадливо поинтересоваться Генрих, но небеса над их головами вдруг разверзлись, выплескивая ровную стену пламени и дыма. Две противоборствующие стихии – вода и огонь – встретились, порождая клубы белесого пара и каскады радужных искр. Выжить в этом убийственном противостоянии не смогло бы ни одно живое существо.

Но буквально за миг до катастрофы Эткин стрелой вошел в воду – и успешно канул в жерле водоворота, унося с собой четверку замерших от ужаса друзей.

Глава 2

Афоризм – это однажды произнесенная фраза, которую повторяет каждый, кому не лень.

– Предупреждать нужно! – запоздало упрекнул дракона Генрих, с нескрываемым наслаждением ковыряясь пальцем у себя в ухе и пытаясь избавиться от попавшей в него воды. – Ты же нас чуть не угробил...

– Да, чуть! – согласно подвяхнул Ланс, в кои-то веки почему-то позабывший о своих постоянных разногласиях с сильфом и принявший его вердикт.

– Чуть! – довольно вяло буркнул орк, не столь замороченный на поддержании импозантного внешнего вида, а посему настроенный куда либеральнее прочих путешественников и, следовательно, выходки Эткина почти не осуждающий.

– Эхм-м-м! – так неразборчиво пробубнил увлеченно отжимающий волосы Марвин, что его реакцию можно было принять как за порицание, так и за одобрение. В зависимости от настроения. Эткин предпочел второй вариант.

– Да, но не угробил же! – жизнерадостно хмыкнул он, иронично рассматривая до нитки промокших друзей, рассеявшихся на плоских камнях и пытающихся хоть немного просушить пропитавшуюся водой одежду. Впрочем, все это казалось сущими мелочами по сравнению с тем, сколь страшной угрозы для жизни им только что удалось избежать. К тому же понесенные потери ограничились только сырой одеждой, ибо свое оружие они уберегли, включая Радужную иглу, все еще рефлекторно зажатую в побелевшем от напряжения кулаке Ланса.

– А если бы мы утонули? – продолжал брюзжать де Грей, похоже пробуя хоть немного умалить заслугу дракона, проявившего беспримерную отвагу, находчивость и оперативность. В отличие от всех остальных.

– Да будет тебе, Генрих, – умиротворяюще улыбнулся справедливый некромант, всегда встающий на сторону истины, какой бы нелицеприятной для некоторых она ни оказалась. – Признай же честно: если бы не Эткин, то бродить бы нам сейчас по Полям мертвых...

– Он нас чуть не угробил! – настойчиво гнул свое барон. – Мы запросто могли утонуть...

Маг возмущенно всплеснул руками:

– Вот упрямец-то! Эткин, ну скажи ему...

Тело, впернутое в воду,
Выпирает на свободу

Силой выпертой воды
Телом, впернутым туды... —

дурашливо продекламировал летун, благодарно подмигивая некроманту.

— И что это значит? — ословело моргнул полуэльф, совершенно запутавшийся в непонятных фразеологических оборотах.

— Всего лишь то, что драконы — не тонут! — весело рассмеялся Марвин.

— Знаю я еще кое-что этакое, тоже не тонущее... — якобы отвлеченно бормотал Огвур, с помощью песка и подобранного обломка кремния старательно доводящий до немыслимого совершенства лезвие своей любимой Симхеллы. — И нашли бы лет через ...дцать на этой речке кости, некогда принадлежавшие дракону...

— Найденные кости бесспорно принадлежали дракону, — с готовностью развил орочью мысль гигант. — Сейчас нашедший их археолог лечится от ожогов третьей степени и очень сожалеет о том, что трогал чужую еду...

Смеялись все, даже ворчун Генрих. А потом отлично понявший намек Марвин развязал свой походный мешок, сшитый из непромокаемого эльфийского шелка, и предложил подкрепиться чем боги послали. Его скудных припасов оказалось явно недостаточно для пяти молодых прожорливых ртов, включая бездонную драконью утробу, но трапеза проходила оживленно. Ведь каждый из них понимал, что пережить можно все, кроме собственной смерти, а посему от души радовался нежданному спасению. Маловероятный вариант стал самым выигрышным.

Изрядно подсохшие сыр и хлеб, вареные яйца, пучок квелой зелени, кружок колбасы и несколько ломтиков нагло экспроприированного летуном шпика показались изголодавшимся путешественникам самыми лакомыми в мире кушаньями. Они по-братски разделили все до последней крошки и с аппетитом умяли не совсем свежие продукты, дружно подхихикивая над явно не насытившимся драконом и его двусмысленными репликами типа: «Пальцами и яйцами в соль не тыкать!»

— А если у нас от этой плесневелой жратвы живот заболит? — вдруг спохватился Ланс, запивая пищу проточной речной водой.

— Не успеет, — флегматично отмахнулся орк. — Сами раньше померем...

— С чего бы это? — чуть не захлебнулся шокированный полукровка.

— Я так подозреваю, мы попали в загробный мир богов, а здесь умереть — это самое быстрое, что может произойти с каждым живым человеком...

— Неужели смерть настолько быстра? — недоверчиво изогнул бровь Генрих. — А как же слово, которое вылетит — не поймает?

— Быстрее всего — магия! — авторитетно заявил Марвин. — Эткин, подтверди...

— А фиг его знает, — задумчиво пошуршал крыльями дракон. — Но вот давеча у меня диарея случилась, так я ни слова сказать, ни колдануть не успел... Быстрее всего, вернее — быстротечнее, сама жизнь. И никто в этом не виноват...

Ланс смешливо прыснул, некромант скептически надул губы:

— Эткин, тебя не поймешь. То ли ты излишне добрый и прощаешь всяческое причиненное тебе зло, то ли настолько глупый, что просто не умеешь обижаться...

— Если кто-то сделал тебе зло, — с добродушной улыбкой произнес дракон, — то не обижайся на него, а дай ему конфету. Он тебе опять зло — а ты ему опять конфету... И так до тех пор, пока у этой поганой сволочи не разовьется сахарный диабет...

— Так мы что, пришли в этот мир ради того, чтобы совершить что-то хорошее? — озаренно расширил глаза полукровка, ухвативший глобальную идею дракона, преподнесенную в столь иронично-завуалированной форме.

— А для чего же еще? — величественно склонил голову Эткин. — Разве не ради этого мы живем и дышим?

Жизнь — быстротечна. Острее всего это осознается вот в такие наиболее опасные

моменты, когда возникает реальная угроза с нею расстаться. А обиднее всего то, что ты никогда к этому не готов, потому что за спиной остается целый ворох невыполненных обещаний, нереализованных желаний и невоплощенных надежд. А это уже звучит как самый настоящий афоризм.

– Что, я не вовремя? – злорадно усмехнулась Ринецея, угрожающе сжимающая рукоять Полумглы – меча, некогда принадлежавшего моему умершему возлюбленному. Увидев священное оружие, попавшее в недостойные руки и сейчас обращенное против новорожденного сына его бывшего владельца, я испытала спонтанный приступ вполне обоснованного раздражения. Похоже, жизнь не только быстротечна – она еще и чудовищно несправедлива.

– Гениальная фраза! – Я не глядя сунула сынишку Кса-Буну и с трудом поднялась на ноги, ощущая предательскую дрожь в еще слабых после родов коленях. – Но не по моим меркам.

– Если гений не понят и не признан, значит, он еще жив! – издевательски хохотнула демоница, словно невесомым перышком, легко поигрывая огромным мечом. – От тебя невозможно избавиться, принцесса. Я специально подкинула Нить Бальдура на Поющий Остров, надеясь, что она рано или поздно попадет в твои руки и приведет тебя к гибели. И тогда моим замыслам уже никто не сможет помешать...

– Ну это упущение мы сейчас поправим! – щедро пообещала я. – В итоге я все равно спроважу тебя на тот свет и позабочусь о том, чтобы ты задержалась там как можно дольше...

Ринецея почти восхищенно покачала черноволосой головой:

– Почему-то при сильном испуге у женщин в первую очередь атрофируется именно та, очень небольшая часть мозга, отвечающая за умение думать! Ты еще не поняла, глупышка? Меня нельзя убить.

– Демиурги тоже говорили о себе нечто подобное, – вызывающе парировала я. – Но, увы, смертны даже они. Одна из них уже скончалась...

– Кто? – панически расширила глаза моя врагиня.

– Оружейница! – послушно ответила я, сильнее всего изумленная явным испугом, демонстрируемым нестигаемой охотницей за властью.

– О-о-о, – длинные локоны демоницы почти встали дыбом от ужаса, – это конец всему. Она хоть немного сдерживала прочих своих сестер, но сейчас... мы обречены...

– Изволь объясниться, – заволновалась я. – Я тоже кое-что о них знаю, и, возможно, если мы объединим свои усилия по спасению нашего мира, то...

– Дура! – презрительно припечатала демоница, взирая на меня с нескрываемым отвращением. – Глупая наивная девчонка! Ты не понимаешь происходящего...

– Неправда! – в свою очередь возмутилась я. – Оружейница дала мне знания...

Но Ринецея не желала слушать, безнадежно погрязнув в своем высокомерии и замшелом снобизме.

– Не верю, – пронзительно верещала она. – Как смеешь ты равнять себя со мной? Ты, тупая деревенская девка. Я посвятила сотни лет постижению высших тайн, а тут приходит какая-то дрянь, совратившая, а затем и погубившая моего брата, и начинает учить меня жить...

– Сестра, будь же благоразумна, – предприняла я последнюю попытку успокоить Ринецею, взывая к ее рассудку. – Если враг не сдается, то... нужно найти себе другого врага. Наши проблемы мы решим позднее, а сейчас нам нужно разобраться с оставшимися демиургами...

– Ты посмела назвать меня сестрой? – На губах демоницы выступила пена, словно от припадка безумия. – Ты, мерзкая дрянь! Никогда – слышишь? – никогда я не воспользуюсь твоей помощью – я скорее умру! Нет, я сильнее всех! Я уничтожу тебя – поганое рыжее отродье – и заберу моего племянника. И возможно, лишь в этом случае я, так и быть, скажу о тебе что-то хорошее...

– Если хочешь услышать о себе нечто хорошее, – печально усмехнулась я, – умри! Нет, Ринецея, моего сына ты не получишь! – Я встала в защитную стойку, прикрывая грудь лезвием Нурилона.

– Получу, – уверенно откликнулась моя противница, кончиком Полумглы прочерчивая светящуюся линию, на мгновение вспыхнувшую в воздухе, – пусть даже через твой труп! О, верь, я хорошо подготовилась к этой встрече. Смотри! – Демоница взмахнула свободной рукой, и за ее спиной тотчас возникло несколько размытых, словно бы сотканных из сумрачной дымки и медленно колышущихся на ветру силуэтов. – Против них тебе не выстоять!

– Кто они? – Я прищурила глаза, пытаюсь рассмотреть этих странных призрачных воинов, плохо различимых в свете полностью вступившего в свои законные права дня. – Фантомы? Духи?

Ринецея гортанно расхохоталась:

– Каждому из нас воздается по заслугам его! У тебя слишком извращенное чувство справедливости, если ты позволила себе забыть эту банальную поговорку, «сестра»! – Последним словом она почти физически хлестнула меня по сердцу, напрочь убивая еще живущую в нем надежду на установление чего-то, хоть отдаленно похожего на взаимопонимание. – Это Тени прошлого – твоего прошлого, принцесса. И они явились сюда, чтобы потребовать неотвратимого возмездия, расплаты за все совершенные тобой ошибки и грехи. Они высосут твою душу, испепелят ее дотла, замучают тебя нечистой совестью и сведут в могилу...

Речи демоницы звучали воистину чудовищно. Я беспомощно оглянулась на своего верного телохранителя, ища поддержки, но Кса-Бун замер недвижимой статуей, прижимая к себе замолкшего младенца.

– И не надейся, – язвительно усмехнулась Ринецея. – Мне трудно сразу убить воина-шамана, находящегося под защитой королевы Смерти, но нейтрализовать и временно его обездвижить я вполне способна. Тебе придется встретиться со своим прошлым в одиночку, лицом к лицу, ибо каждый из нас должен самостоятельно отвечать за свои проступки...

В тот страшный момент мне даже не пришло в голову то, что в ответ я могла бы напомнить проклятой врагине и об ее собственных грехах, наверняка во много раз превосходивших мои как по количеству, так и по степени тяжести. Но, увы, я не владела магией. Я облизала внезапно пересохшие губы, с ужасом вглядываясь в приближающихся врагов. Их было четверо. Четыре спирально закручивающихся столба черного дыма, напоминающих маленькие ураганы. Неожиданно из ближайшей Тени выдвинулся узкий отросток темноты, медленно принявший форму обычной человеческой руки, потянувшейся к моему лицу. Меня парализовало от страха. Я утратила дар речи и способность двигаться, неосознанно отдаваясь во власть неведомого колдовства.

Черная рука легонько тронула меня за щеку. Я невольно вздрогнула – не потому, что ощутила боль, а потому что интуитивно ожидала болезненных ощущений. Тень почти ласково провела по моей скуле сначала пальцами, а потом – тыльной стороной ладони. Она крепко обхватила мой подбородок и безжалостно его стиснула. Она могла бы раздробить мои кости в мелкую крошку, сминая мое лицо вместе с покрывающей его золотой маской, как тонкий листок исписанной жизнью бумаги. Рука вздернула меня вверх за подбородок, поднимая в воздух так, что лишь пальцы моих босых ног едва касались земли. Мне стало очень больно, да и синяки наверняка останутся. Тень подняла меня так резко, что мне не удалось бы сохранить равновесие самостоятельно, и только ее жесткая хватка удерживала мое тело в вертикальном положении. Что могла я противопоставить этой жуткой силе? Волю, клинок, смелость? Все казалось бессмысленным. Никакая логика или аргументы меня бы не спасли. Любые доводы не значили ровно ничего против этой стихийной энергии, подпитываемой моими же страхами и отчаянием. В самой сердцевине Тени образовались два огромных, пронзительно светящихся глаза, заглянувших мне прямо в душу.

Я увидела их всех – погибших по моей вине друзей и врагов. Окровавленного Тима,

предсмертно улыбающегося принца Ужаса и его сестру Страх, сжимающую свой разрубленный живот. Сыплющую проклятиями ведьму Гельду, жалкого старика Аберона Холодного и его верного Гнуса. А затем и Астора, моего прекрасного возлюбленного, прощально смежившего веки золотистых, будто звезды, глаз. Так неужели я принесла в этот мир только горе, смерть и зло? Я ощущала, что умираю, а Тени прошлого потихоньку вытягивают из меня жизненные соки, не встречая ни сопротивления, ни даже противодействия. Мое сердце преисполнилось раскаяния за все содеянные мной грехи...

– Это неправда! – Отрезвляющий голос пришел из пустоты, делясь со мной своей силой. – Тебя обманывают. Разве ты не боролась за правду и свободу, разве не рисковала ради друзей своей жизнью, разве не отдавала ее за исцеление родителей...

Я узнала голос Астора и возмущенно вскрикнула, вновь обретая желание жить. Астор был прав!

Да, я не хочу, я не могу мириться с ложью и обманом. Я не позволю обижать невинных и насмехаться над любовью. Я искореню жадность, подлость и дам нашему миру новый шанс – шанс обрести свободу. Я смещу лживых демиургов и устраню нависшую над Землей угрозу... Мне нечего стыдиться своего прошлого, ибо я всегда действовала во благо других, честно принимая на свою душу и плечи ответственность за все совершенные ошибки...

Тень отчаянно взвыла и отдернула удерживающую меня руку так стремительно, словно обожглась. Она отпустила меня настолько резко, что я чуть не упала. Я сглотнула и сделала медленный вдох. Сейчас – или никогда! Слова сами рванулись с губ, отбрасывая Тени прочь, оттесняя их к Ринееце:

Вода под камень не течет
Потоком из колодца.
Я знаю всех наперечет,
Кто ищет в людях недочет
И с ним готов бороться.

Нет, не приносит счастья ложь,
А лишь беду приносит.
Как не взрастет из грязи рожь,
Как выдает трусливых дрожь,
Как сердце ласки просит.

Всего дороже в мире – честь,
Я убеждаюсь снова.
Она – основа жизни есть,
Ей не страшны ни гнев, ни лесть,
Ни даже сила слова.

Не смелют хлеба из греха,
Из лжи не сварят пива.
Судьба ленивого – лиха,
Душа заблудшая – ветха
И неблагочестива.

Но вне корысти и греха
Та, что сроднилась с кровью.
Она прекраснее стиха,
Она шумлива и тиха...
Ее зовут любовью...

Тени затряслись, будто листья на ветру, и попятились от меня еще дальше. Ринецея обреченно завопила, дико и отчаянно, подняла над головой Полумглу и шагнула ко мне:

– Умри, дрянь!

Я попыталась парировать направленный на меня удар, но руки отказались повиноваться, роняя Нурилон на каменную щебенку. И тогда я просто зажмурилась, готовясь принять неминуемую гибель, но внезапно услышала негромкий хрустальный звон и ощутила сладостную прохладу, окутавшую мое разгоряченное тело. Я потрясенно открыла глаза... По обе стороны от меня стояли две высокие полупрозрачные фигуры, надежно прикрывающие мое слабое тело от клинка Ринецеи. Их скрещенные мечи легко отбили выпад Полумглы. Первый воин переливался серебристым туманом, сплошь испещренным мельчайшими, жемчужными каплями дождя. Я мгновенно узнала его одухотворенное, исполненное юношеского задора лицо и потрясенно вскрикнула:

– Ты?

Воин нежно рассмеялся, опуская мне на плечо свою неожиданно тяжелую, мускулистую и отнюдь не эфемерную руку:

– Я!

– И я тоже! – Другой боец вторил брату звонким девичьим смехом. – Ты не забыла нас, не так ли?

Она почти не изменилась, оставшись такой же молодой и бойкой на язык. Но сейчас ее стройное тело облекали изящные доспехи, переливающиеся всеми известными мне оттенками цветовой палитры, глаза сияли, словно сапфиры, а кудри реяли языками пламени. И она была так прекрасна, так светла и чиста, что на мои глаза навернулись слезы восхищения.:

– Неужели это вы, мои брат и сестра – Страх и Ужас? – с недоверием в голосе прошептала я.

– Мы, – улыбнулась девушка. – Только теперь нас зовут Туман и Радуга, и мы стали воинами Света. Благодаря твоей бескорыстной любви, сестра, наши души возродились вновь, впитав все самое лучшее, что могло дать нам твое доброе, искренне тоскующее о родичах сердце. И мы пришли, чтобы защитить тебя от зла, сестра!

Как и предполагал Марвин, Озеро тысячи жизней оказалось своеобразным проходным шлюзом, незаметно отделяющим Дикие земли от какого-то иного мира, в высшей степени необычного и непонятного. Погрузившись в рокошующий водоворот, четверо друзей, надежно удерживаемые когтистыми драконьими лапами, спустя всего лишь несколько секунд вынырнули в другом водоеме, являющемся точной копией первого, земного. Озерный берег покрывали плоские, обглоданные волнами камни, а высоко над головами мерцал тусклый свет, нехотя пробивающийся сквозь туманную мглу, чем-то напоминающую облака. Иногда небесные ширмы слегка расходились, и тогда в просветах между белесой дымкой мелькало что-то вроде неба, более всего смахивающего на стеклянный потолок. Узкая река, правда отличающаяся довольно бурным течением, причудливо петляла между обкатанными водой глыбами, уходя к темнеющим на горизонте горам. Мертвенную тишину сего странного места нарушал лишь ритмичный плеск воды, ставший единственным звуком, присущим волшебному краю. Здесь не росли деревья и не пели птицы, а в самом внешнем виде окружающего ландшафта присутствовала некая грубоватая незавершенность...

Марвин знобко поежился, плотнее заворачиваясь в свою просторную мантию и пытаясь отделаться от неосознанного ощущения отчужденности, источника водой и валунами. Его мучила неясная мысль узнавания, витающая где-то на самой границе сознания.

– Это похоже, похоже... – маялся некромант, подбирая слово поточнее. – Да, на изолятор в лазарете Саймона, где он обычно запирает тех, кому предписано пройти карантин...

– Точно, – согласно кивнул дракон, – буферная зона между Землей и Радужным

уровнем...

– Галерея Трех порталов! – хлопнул себя по лбу Огвур. – А ведь верно! Мне же доводилось читать Хроники Бальдура. Именно так он и называл некое место, согласно описанию идеально совпадающее с этим!

– Детские сказки, – пренебрежительно усмехнулся барон. – В запретные края так просто не попадают. Поменьше бы вы всякие бредовые книги читали...

– Почему это? – нехорошо прищурился Эткин. – Обоснуй!

– Запросто, – снисходительно хмыкнул Генрих, пребывающий в отвратительном расположении духа. – Могу привести три последовательных утверждения: знание – сила, сила есть – ума не надо, нет ума – считай, калека...

– А вывод? – с любопытством спросил Лансанариэль, впечатленный логикой сильфа.

– Вывод напрашивается сам собой. – Де Грей досадливо топнул ногой. – Знания калечат человека. Мы ведь сюда прибыли не ради подтверждения правдивости выводов какого-то чокнутого орочьего летописца, а на поиски Ульрики...

– М-да-а-а, – делано равнодушным тоном протянул дракон, гневно перекатывая лапой приличных размеров камень и пытаясь сдержать закипающее в нем негодование, – у меня, конечно, имеется превеликое множество недостатков, но самый главный среди них – такой: я не умею общаться с дураками...

– А под дураком ты, естественно, подразумеваешь меня? – изображая на лице скуку, вежливо осведомился барон.

– Ну не Ланса же! – издевательски выдал Эткин, одним нажимом когтя превращая в каменную крошку ни в чем не повинный валун. – Генрих, ты если начинаешь тормозить, то уже не можешь остановиться...

Сильф разъяренно встопорщил усы, становясь похожим на сердитого и драчливого кота:

– В отличие от тебя я не отношусь к идеалистам и четко понимаю – в нашем мире хватает зла, бороться с которым нужно отнюдь не добром, как ты только что нам заливал, и не цитатами из морально устаревших трактатов!

– Так ты сторонник насилия? – испуганно пискнул Ланс, прячась от греха подальше за мощную спину орка.

– А я сюда не конфеты раздавать пришел, – предупреждающе ощерил зубы Генрих, – по примеру Эткина, да ждать, когда обожравшееся сладостей зло соизволит сдохнуть само. Со злом нужно бороться решительно, всю применяя грубую силу...

– Ага, – саркастично фыркнул дракон, по-собачьи усаживаясь на задние лапы и складывая передние на своем впалом животе, – вот мы и коснулись самого животрепещущего вопроса: можно ли бороться со злом насилием?!

– А че, нельзя разве? – искренне удивился орк. – Так, это, на всех злыдней конфет точно не напасешься...

– Зло так сразу не убить! – осуждающе покачал головой рассудительный Марвин. – Оно – живучее!

– Вот именно, – наставительно рявкнул крылатый философ, выпуская струйку дыма. – Поэтому страшно даже представить, что сделает с нами недобитое, оклемавшееся после изнасилования зло...

Генрих со стуком уронил на камни свою рапиру:

– Раздери меня гоблин, но, кажется, ты прав...

– Угу, – расплылся в радостном оскале дракон. – Поэтому пусть со злом борется тот, кому от рождения предназначено заниматься сим нелегким делом...

– Ульрика? – ошалело вытаращился Генрих. – Она?

– Вот и конфеты заодно сэкономим! – успокаивающе улыбнулся Марвин, протягивая благодарно заморгавшему полукровке сахарного петушка на палочке.

– И что ты предлагаешь предпринять дальше? – спросил у дракона куда более сдержанный в проявлении эмоций Огвур.

Дракон довольно хмыкнул:

– Как обычно, объединить приятное с полезным. Генриху не терпится найти Ульрику, тебя интересует судьба Храма Розы, а мне нужны бесследно исчезнувшие драконы. Марвину до смерти любопытно, что за тайны скрывает мир богов, а Лансу хочется новых впечатлений. Полагаю, все наши желания в итоге удовлетворятся, ибо они связаны между собой незримой нитью судьбы...

– Ишь ты, опять разумничался, – чисто для проформы буркнул совершенно успокоившийся де Грей. – Если знаешь, куда идти и что искать, тогда не болтай, не трать время попусту, а просто води нас за собой...

– Ой, – жалобно захныкал мгновенно управившийся с леденцом полукровка, – опять куда-то идти? Сколько же можно-то... Бедные мои ножки!

– Поплывем, – великодушно предложил дракон, опускаясь на воду и приглашающе сворачивая крылья на спине так, что они образовали вполне удобное сиденье. – В одной старинной книге я вычитал умную фразу: все дороги ведут в Рим. А теперь мне представилась уникальная возможность проверить – куда же ведут реки?..

В очередной раз устроившись на давно уже ставшей привычной драконьей спине, Генрих предался безрадостным размышлениям. Он прекрасно осознавал, что складывающаяся ситуация гоблински ему знакома, поэтому и одолевающие сильфа мысли также текли по накатанному, изрядно наболевшему руслу...

«Сердце не обманешь, – печально констатировал барон. – А любовь нелюбовью не вышибешь». Его скоропалительный брак, предназначенный стать лекарством от тоски по Сумасшедшей принцессе, гвоздем засевшей в душе де Грея, оказался сущим наказанием. И это еще мягко выражаясь... Удача при выборе спутника жизни заключается в том, чтобы, вслепую сунув руку в бочку со змеями, вытянуть ужа... Но Генриху не повезло – он промахнулся... Тоскуя по недостижимой, словно звезда, Ульрике, он глупо рискнул и вытащил настоящую гадюку! И вот эта-то самая змеюка теперь неторопливо выедала ему сердце, вытравляя из него все радости, шалости, да и само желание жить тоже. Когда боги хотят наказать мужчину за какие-то грехи – они насылают на него сварливую, глупую, себялюбивую женщину. А кары страшнее немилой жены в мире не существует!

Сначала Генрих посчитал спасение Лилуиллы своей величайшей победой, призванной пробудить ревность Сумасшедшей принцессы. Но, как известно, победитель плачет дважды – от радости победы и от горечи ее плодов. Сию немудреную истину барон вкусил в полной мере. Теперь женщины рисовались ему карающим бичом, способным разрушить все и вся. А вы хоть раз задумывались над тем, почему ураганы называют женскими именами? Да потому что вначале они загадочны и прекрасны, а потом буквально вытряхивают из вас душу, разрушают ваш дом и вносят в ваше некогда размеренное существование ужасную неразбериху и хаос. При этом женщины искренне считают себя скромными и тихими овечками, ибо любая из них скорее покается в совершенных ею грехах, чем признается в своих слабостях и ошибках. Впрочем, по части повторения уже совершенных ошибок мужчины ненамного отстали от прекрасной половины человечества, с не менее завидной регулярностью наступая на ими же самими разбросанные грабли. И в этом Генриху еще предстояло убедиться в будущем...

Ничего в этой жизни не дается нам настолько дешево, как хотелось бы. А особенно – счастье, за даже временное достижение которого приходится платить непомерную цену. Как и за любовь, кстати. Но стоит ли ставить знак равенства между словами «счастье» и «любовь»? Наверно, Генрих и сам плохо понимал, что конкретно так сильно влечет его к Ульрике, – ведь она никогда не являлась тем образцовым и безмерно идеализированным эталоном, столь дорогим каждому мужскому сердцу. Она никогда не была сексапильной кокеткой или отменной хозяйкой, не обладала покладистым характером или воспеваемой в балладах девичьей скромностью. Не отличалась робостью сизокрылой голубки и не

благоговела перед мужским авторитетом. Напротив, она дралась как бретер⁵⁹ и ругалась скабрезнее сапожника. Она мыслила не по-женски объективно и не стеснялась отстаивать собственную точку зрения. Она не увлекалась нарядами, не кокетничала, да и готовить вряд ли умела. Но при этом она всегда оставалась только сама собой, производя впечатление на редкость целостной, гармоничной натуры – невозможной, невероятной, бесподобной Сумасшедшей принцессой. Той, ради которой Генрих бросил пребывающую на сносях жену и ударился в самые головокружительные приключения. И все ради одной-единственной цели – увидеть ее, помочь ей...

К тому же, и следует признать сей факт свершившимся и очевидным, мужчины всегда убегали от брака. Сначала самозабвенно добивались, помогали любимой женщины, а после получения желаемого, тут же утрачивали к ней интерес. Быт убивает любовь. Об этом Генрих как-то позабыл. А ведь именно поэтому и спасаются мужчины от тяжких уз брака. Бегут вприпрыжку, толпами. Несутся в трактир, прячутся за книгами, занимают места за столами с азартными играми, уезжают на рыбалку, сверлят лед и часами тупо пялятся в лунку, ни о чем особенно не мечтая. Пытаются достичь нирваны. Стараются не думать. Ибо если задумаешься – становится страшно...

Им страшно, этим смелым парням. Семейная жизнь требует усилий, работы над собой, поиска компромиссов. Ежедневных и ежечасных. Любовь – это не шутка и не развлечение. И посему заигравшимся в героев парням приходится весьма трудно. Они не могут признаться в собственной уязвимости и откровенно сказать: «Так, стоп. Кажется, у меня депрессия, мне срочно нужно к лекарю или магу, а вернее – к обоим сразу». Они не имеют права даже на слезы. А поэтому – прочь. Подальше от жены, галопом в похождения, авантюры и интриги. А в самом тяжелом случае – на войну... Совершенно не считаясь с тем, что еще совсем недавно эта до смерти опостылевшая жена тоже была желанной, ну или хотя бы считалась таковой... А что же эдакого приключилось? Да ничего особенного – просто любовь прошла.

Необременительная любовь – привлекает, надоевшая и погрязшая в рутине – отталкивает. Недоступная женщина кажется во сто крат желаннее, будто запретное яблоко с соседской яблони. Срабатывает избирательный принцип: не так хорошо с вами, как плохо без вас. Не принадлежащая тебе женщина манит и очаровывает, будто луна в небе. А добейся этой луны – ну и что ты станешь с нею делать?.. Разве можно завоевать или украсть любовь? Можно ли позаимствовать не предназначенное тебе счастье?

Проходит все: счастье, любовь, жизнь... И не ищи чужой вины в том, если счастье прошло мимо, жизнь – зря, а любовь – бесследно...

Эта странная битва напомнила мне что-то волшебное-мистическое, упоминаемое только в сказках. Приютивший нас скальный уступ сотрясаясь от раскатов грома, заливался потоками проливного дождя, выжигался молниями. Кажется, все существующие в мире стихии соединились сейчас в две противоборствующие силы, стремящиеся во что бы то ни стало одержать верх друг над другом. Туман и Радуга взмыли в небо, световым зигзагом расколов едва забрезжившее утро и превратив его в жаркий день. Тени прошлого уподобились беспощадным черным смерчам, закрутившим моих неожиданных защитников в феерическом танце смерти. Всполохи багрового зарева прорезали неподвижный воздух, неожиданно сгустившийся до состояния душной, вязкой субстанции, грозившей поглотить, сожрать меня, Люция и верного Кса-Буна. Зло концентрировалось, тяжким грузом надавливая на плечи и затрудняя дыхание. Мечи воинов Света с ужасающим лязгом врубились в сгустки тьмы, порождая порывы ледяного ветра и фейерверки темных искр. Возносясь под самые облака, Туман и Радуга окутались мерзкой плотью Теней, и я уже не могла толком разобрать, что происходит у меня над головой, а видела лишь два кокона мрака, издающие жуткий, замораживающий разум вой. Мы с Ринецеей остались одни, не

⁵⁹ Б р е т е р – профессиональный дуэлянт, наемный боец.

считая замершего наподобие статуи канагерийца, удерживающего завернутого в пеленки малыша.

– Замечательно, – змеей прошипела демоница, обходя меня по широкому полукругу. – Я не ожидала, что у тебя найдется еще пара запасных заступников, но меня устраивает и подобный вариант. Тени растерзают предателей, некогда называвшихся моими воспитанниками, а с тобой я, пожалуй, управлюсь и сама... – Лезвие Полумглы угрожающе покачивалось у меня перед лицом. – Начнем? – Она глумливо хохотнула, занося меч для удара, должного оборвать мою жизнь...

Я практически не могла пошевелиться, испытывая неестественную вялость, сковавшую мои члены. Пальцы сгибались с трудом, почти неспособные удерживать рукоять Нурилона, а все движения замедлились так, будто я плыла в густом киселе, облепившем мои мышцы отвратительно инертной, неэластичной массой.

– Магия, это все моя магия, – любезно пояснила Ринецея, наслаждаясь моей растерянностью и беззащитностью. – Плюс проклятие, конечно...

Я изумленно расширила глаза, недоумевая: о каком проклятии она говорит? Словно в страшном сне я наблюдала за мечом, обрушивающимся на мою беззащитную макушку. «Полумгла, меч Астора... – Несформировавшаяся мысль внезапно посетила мою разрывающуюся от звона в висках голову, намекая на что-то важное, но изрядно позабытое. – Я ведь знаю о нем нечто нужное, касающееся лишь нас троих... Точно, – нитью света, ведущей меня к спасению, вспыхнуло понимание: – Запечатленное на мече пророчество, ранее нами не расшифрованное... Так вот что оно означает!»

Добро с уродливым лицом
И Тьма – прекрасней бога.
Соединится сын с отцом —
У них одна дорога...

– Полумгла, – закричала я на языке демонов, обращаясь к мечу, – выслушай меня. Ты не смеешь причинять нам вред, потому что вычеканенные на тебе руны связывают в единое и нерушимое целое три наших судьбы, ставшие одной общей! Ты принадлежала отцу, поэтому не покушайся теперь на жизнь его сына... Заклинаю тебя именем Астора – повернись против моих врагов, защити, обереги нас...

И Полумгла услышала! Она на секунду неподвижно зависла у меня над головой, а затем вильнула вбок, срезав прядь моих волос и чуть не вывихнув демонице запястье. Ринецея зашипела от боли. На широкой, обоюдоострой, зеркально отполированной плоскости меча на миг возникло изображение разгневанного женского лица, нечеловечески жестокого и в то же время прекрасного, обрамленного буйными прядями пепельных волос. Я невольно содрогнулась от смешанного с ужасом восхищения, осознав – это проявилась душа Полумглы, проснувшаяся и обретшая силу. Демоница, также узревшая сей кошмарный лик, панически завизжала и отбросила меч подальше от себя, словно ранее любимую и ручную, но внезапно взбесившуюся тварь. Однако Полумгла стремительно взлетела над землей и пошла в атаку, нанеся серию коротких ударов, которые демоница едва успевала отражать с помощью огненных шаров. Я облегченно рассмеялась:

– Видишь, сестра: как ты и утверждала, каждому из нас воздается по заслугам его!

Ринецея криво усмехнулась, намеренно игнорируя мое ласковое обращение:

– Рано торжествуешь, дрянь! Ты вскоре придешь ко мне сама – и тогда я рассчитаюсь с тобой за все разом. Проклятие разъедает тебя изнутри, высасывает волю к победе и подтачивает твоё здоровье. Тебе не спастись! – Она призывно хлопнула в ладоши, и тотчас же за ее спиной раскрылся темный зев Портала Тьмы. Демоница послала мне насмешливый прощальный поцелуй и шагнула назад, исчезая бесследно. Вместе с ней пропали и Тени прошлого.

Мир вновь обрел прежнюю яркость и живость, освобождаясь от тенет зла. Солнце вышло из-за туч и засияло вовсю, вода в озере заплескалась, говорливо зашумела река, переливаясь с камня на камень. Туман и Радуга опустили на уступ, вкладывая оружие в ножны. А затем они благодарно взмахнули руками и растворились в воздухе, напоследок нежно коснувшись моих щек веянием прохладного ветерка. И мне очень хотелось верить в то, что вот эта наша встреча окажется не последней. Кса-Бун отмер и разразился длинной тирадой, совершенно неприличной как по форме, так и по содержанию. Басовито заревел Люций. Я же устало улыбнулась, понимая: мы опять выжили, уцелели в очередной беде, назло всем врагам, пророчествам и самой судьбе. Полумгла подлетела ко мне и, урча по-кошачьи, начала тереться о мою ногу, недвусмысленно выражая любовь и преданность. Все это выглядело настолько невероятным, что я и в самом деле ощутила себя сумасшедшей. Но на этом заготовленные нынешним днем сюрпризы отнюдь не закончились...

– Эй, на берегу! – До меня внезапно долетел чей-то отлично знакомый, ироничный голос. – Вы чем это там без нас занимаетесь?

Я страдальчески закатила глаза, мгновенно узнав и эти неподражаемые интонации, и серую тушу, величественно покачивающуюся на речных волнах, и всех облепивших его спину пассажиров. Ну конечно, ни одно мало-мальски значимое событие моей жизни никогда не обходится без Эткина!

– Эткин, – с упреком закричала я в ответ, – ты хотя бы приблизительно догадывался, куда способен завести меня твой демонов подарочек – эта путеводная Нить Бальдура?

– Конечно, – уверенно кивнул дракон, пряча улыбку. – К гоблину на кулички...

Кса-Бун смешливо фыркнул и случайно тряхнул Люция, тут же пронзительно разорвавшегося пуще прежнего.

– Ребенок! – донесся до меня шокированный вопль Генриха. – Он родился?!

– Вау, сын демона! – восторженно щелкнул зубами Эткин.

– Мелеана, я привез тебе Радужную иглу! – хвастливо голосил полуэльф, отплясывая на драконьей спине разухабистую джигу⁶⁰, в его интерпретации изобилующую забавными рукомашествами и ногодрыжествами.

– Нить Бальдура? – экзальтированно взвыл некромант, поспешно сигая в воду и во весь дух плывя к берегу. – Покажите мне ее немедленно!

Но эмоциональные реплики полукровки, мага, дракона и барона с лихвой перекрыл трубный бас Оггура, грозно взревшего:

– Какого демона здесь делает этот чернокожий паразит?

Мне едва удалось удержаться от саркастического смеха, взирая на картину всеобщего разгульного бардака, неотъемлемо сопутствующего моим взбалмошным друзьям, если они собирались все вместе. Теперь мне поневоле придется мобилизовать свое и так не шибко завидное везение да постоянно держать ухо востро, ибо так просто, без проблем и самых парадоксальных нелепиц, эта компания не появляется никогда. Но вслух я, естественно, произнесла совсем другое:

– Привет. – Я мило улыбалась, излучая самую искреннюю благожелательность и в глубине души понимая – вот те, кого мне не хватало слишком долгое время. – Как же я по вас соскучилась!

Глава 3

Порядок и спокойствие удалось восстановить далеко не так скоро, как мне этого хотелось бы. Я с трудом переборола сильнейшее желание выколоть глаза Генриху, бестолково тарачившемуся на меня с идиотски-влюбленным выражением лица. Кое-как утихомирила Оггура и Кса-Буна, чуть не перегрызших друг другу горло, и временно

⁶⁰ Д ж и г а – быстрый, динамичный танец.

обезопасила себя от дотошливых расспросов Марвина, просто сунув в его требовательно подставленные руки томик Хроник Бальдура, бормотнув: «Чем бы дитя ни тешилось – лишь бы боевые амулеты не изобретало». С бесконечными благодарностями приняла от лучившегося гордостью Лансанариэля гоблин знает где и как раздобытую Анриэль Алатору, краем уха выслушивая его сбивчивый рассказ, повествующий о тотальном истреблении целого племени кровожадных троллей лично им: самым смелым, сильным и прекрасным из полуэльфов. При этом я не забывала восхищенно поахивать, конечно же не веря ни единому слову полукровки. Ну еще бы поверить, если невообразимая история, повествующая об их экстремальном полете в плетеной корзине, усмиренном покойнике, кастрированной статуе бога Брана, несостоявшейся свадьбе с вождем киктов и его отсохших руках, выглядела настолько ядреным бредом, что рядом с ней меркло все, вплоть до перипетий знаменитой эльфийской войны. Ума не приложу, как это наш не слишком-то обремененный фантазией Ланс сумел придумать столь грандиозно-эпическую байку? Боюсь, тут тоже не обошлось без неугомонного Эткина, никогда не лезшего за словом в карман, даже невзирая на вопиющее отсутствие такового. Ладно, боги с ними, с неправдоподобными приключениями моих друзей, сейчас мне совершенно не до них. Воспользуюсь-ка я лучше многократно испытанным на практике приемом – буду решать возникающие проблемы последовательно, по мере их поступления.

Несчастный дракон так громко урчал изрядно отошавшим животом, что я снизошла к его голодным взглядам, извлекла из кармана незаменимый платок Единорога и мгновенно организовала роскошный стол, изобилующий мясными блюдами. Терпеливо дождавшись, когда насытившийся гигант удовлетворенно отвалится от моего щедрого дастархана⁶¹, не уступающего размером двуспальной простыне, я принесла дремотно посапывающего Люция и вложила его в огромную драконью лапу. Дите безбоязненно щурило золотистые глазенки и самозабвенно пускало слюнявые пузыри. Эткин что-то умиленно заворковал, пытаясь своим острым когтем поправить укрывающую мальчика пеленку и рискуя раздавить его одним пальцем. Впрочем, я доверяла дракону всецело и безоговорочно.

– Ути-пути, солнышко наше! – увлеченно выпевал гигант, старательно укачивая моего сыночка, родившегося вопреки и назло всем проискам судьбы. – Демоненочек сладенький!

– А что, похож? – счастливо допытывалась я, критично вглядываясь в розовые щечки и двухцветные кудряшки своего малютки.

Эткин посмотрел на меня как на дурочку:

– Ты ожидала чего-то другого? Вообще-то законы природы неумолимы: с кем поведешься – на того и дети похожи.

– А на кого станут походить мои отпрыски? – влез в разговор Ланс, как обычно, совершенно не вовремя и не в тему.

– На Оггура! – необдуманно выдала я первую пришедшую в голову ассоциацию, пытаясь отделаться от навязчивого внимания полукровки.

Дракон неприлично заржал:

– Ланс, ты дурак!

Полуэльф обиженно суксился, хлюпая носом.

– Эткин, зачем ты сказал Лансу, что он дурак? – возмутилась я, пристыженно отводя взгляд и чувствуя себя виноватой. – А теперь немедленно скажи, что ты об этом очень сожалеешь...

– Лансанариэль, я очень сожалею о том, что ты – дурак! – послушно повторил летун, хитро прищуриваясь. – Довольна?

– Отнюдь. – Я отобрала у него крепко заснувшего Люция и оглянулась, отыскивая Кса-Буна, вполне устраивающего меня в качестве няньки. В нескольких шагах от нас я заприметила канагерийца и орка, устроивших тренировочный бой с целью выяснить степень

⁶¹ Д а с т а р х а н – восточный аналог русской скатерти-самобранки.

превосходства прославленной Симхеллы над топором «Третья рука Амбопу» – ну или наоборот. Но, похоже, итогом их поединка стала почетная ничья. Недавние враги прочувствованно пожали друг другу руку и преисполнились сердечного уважения к взаимным воинским навыкам.

– Как я погляжу, твой арсенал все расширяется! – улыбнулся Эткин, тактично намекая на Полумглу и две Иглы, пополнившие мою коллекцию оружия. – Ты наконец-то собрала полный комплект даг и теперь вполне способна свергнуть Ринецею.

– Ой ли? – недоверчиво отреагировала я, бережно укладывая тихонько посапывающего Люция в мягкий мешок, укрепленный на груди канагерийца, во всеуслышание объявившего своей наиглавнейшей жизненной целью неусыпную заботу о маленьком принце. – Я неоднократно наталкивалась на упоминания о том, что Алатор якобы должно быть шесть!

Гигант скептически фыркнул:

– Ты воспринимаешь все слишком буквально, Мелеана. Лучше почаще прислушивайся не к досужим бабьим сплетням, а к моим здравым советам, ибо мужская логика – правильное.

– Зато женская – интереснее, – нисколько не смутилась я.

– Ничего подобного, – бурно возмутился молчавший до сих пор Генрих. – Я согласен принимать каждый высказанный женщиной афоризм лишь до тех пор, пока он работает в любой ситуации...

– По какому поводу протестуем? – нахмурилась я, доведенная почти до ручки назойливым обществом барона, не отходившего от меня ни на шаг.

– Твоя парадоксальная система бессвязных умозаключений ничем нам не поможет, – сердито съязвил он, явно раздосадованный моим нескрываемым безразличием. – Ибо она не дает четкого ответа на вопрос – куда следует пойти дальше. Ты это знаешь?

Я хотела ответить какой-нибудь резкой фразой на тему – куда именно следует пойти самому де Грею, но не успела...

– Я знаю, – решительно заявил некромант, пальцем придерживая одну из страниц книги, – я вычитал об этом в Хрониках.

За неимением мебели мы расселись на крупных обломках базальта, усеивающих берег озера. Уж не знаю, насколько повезло другим участникам сего форума, но мое импровизированное сиденье оказалось на редкость угловатым, больно врезаясь мне в ягодицы, а посему ощутимо ускоряя мыслительные функции и побуждая к скоропалительным действиям. Впрочем, к необдуманной глупости – тоже. Ну а как еще можно назвать выдвинутое мною предложение, послужившее отправным толчком к вовлечению нас в самые незаурядные приключения?

Выхватывая друг у друга книгу и беззлобно переругиваясь, мы досконально изучили карту, нарисованную на одной из страниц Хроник. Тонкая серая ниточка, буквально вплавившаяся в бумагу, в точности соответствовала проделанному мною пути, доходила до озера и... разделялась надвое. Я ошеломленно похлопала ресницами, совершенно сбита с толку:

– И как прикажете понимать сей двухвариантный ребус? Направо пойду – коня потеряю, налево – мужа?..

– Ну твой вороной Бес и так уже считай что потерян, – насмешливо пробасил Эткин. – Настолько основательно прописался он в уютной конюшне замка Кардиньяк.

– А твой невенчанный муж эффектно почил в бозе, – издевательски процедил мой злопамятный воздыхатель Генрих де Грей. – Так что – мимо!

Я сосредоточенно скребла в затылке. Время – поджимало, отдавленные ягодицы – ныли, а поэтому я вознамерилась переложить решение нашей насущной проблемы на чьи-нибудь другие, более выносливые плечи, и возможно – на более светлую голову.

– Марвин, – небрежно заявила я, – ты же маг! Проведи обряд вызывания и пригласи к нам какую-нибудь умную высшую тварь, лучше нас разбирающуюся в секретах этого мира.

Некромант покосился на меня точно так же жалостливо, как немного ранее смотрел дракон.

– Тварь? – возмущенно всплеснул он руками. – Мелеана, ты в своем ли уме? Да ты даже не представляешь, насколько жуткое существо может проникнуть сюда через портал, воспользовавшись энергией подобного неосторожного вызова! А если оно попытается нас сожрать?

– Ну и делов-то, – хихикнул Ланс. – Рыжая просто стукнет его пару раз своим мечом...

– Сейчас я сам кого-то стукну! – взвился побледневший от негодования маг. – Вызвать из Тьмы незнамо кого, к примеру голодного ифрита, – это вам не в королевский зоопарк прогуляться. С таким гостем правило «зверей чем попало не кормить» не срабатывает!

– Или кем попало, – поддержал друга барон, откровенно указывая на полуэльфа.

– Язык придержи! – привычно потребовал Огвур, заслоня Ланса своим широченным плечом. – Ифрит получит его лишь после того, как переварит тебя. А я...

– Хватит! – Я сердито хлопнула ладонью по колену, требуя тишины. – Вы не команда, а дурдом на выезде. Видимо, Марвину придется постараться да вызвать кого-то дружелюбного и реально для нас полезного.

Некромант еще немного поворчал, капризно набивая себе цену, но потом все-таки согласился и начал готовиться к ритуалу. Он начертал на земле цепочку непонятных рун, зажег магический огонь и, вытащив из какого-то потайного кармана своей необъятной хламиды пучок сухих трав, бросил его в пламя. Над костром немедленно поднялась жуткая вонь, заставившая нас чихать и кашлять. Гнусаво затянув нудный, состоящий из одних согласных речитатив, Марвин воздел руки к небу и выполнил ими серию сложных пассов, сформировавших сизый дым в плотный веретенообразный сгусток. Руны вспыхнули желтым светом и погасли... Перед нами появилась моя любимая тетушка Чума собственной персоной, как обычно облаченная в щегольский батистовый саван. Лицо прелестной дамы наполовину завешивали длинные растрепанные волосы, а ее глубоко провалившиеся глаза, напоминающие красные угли и плохо различимые за завесой из черно-белых прядей, горели неподдельным негодованием.

– Бездельники, – взбешенно прорычала любезная родственница, угрожающе покачивая в костлявой длани фарфоровой ночной вазой, – и как вы только посмели оторвать меня от тяжелой работы?

– Ой, – испуганно пискнул незадачливый маг, в момент узнавший старшую сестру своей ненаглядной супруги Лепры. – Простите, нам были нужны совсем не вы, промашка вышла...

– Зато уж я-то не промахнусь, будь спокоен! – эмоционально пообещала Чума, замахиваясь горшком. – Эх...

Необычный снаряд, ловко запущенный ее тощей, но сильной рукой, со свистом пронесся над головой вовремя присевшего мага, расплескивая во все стороны свое мутное, отвратительно смердящее содержимое...

– Вау! – радостно заорала я, потому что ваза угодила точнехонько в барона, щедро заляпав его красивый камзол мерзкими коричнево-зелеными потеками...

– Ах ты, бездарь! – бушевала Чума, нацеливая на Марвина угрожающе сжатые кулаки. – Да этому клиенту уже девяносто лет стукнуло, и он умирал от чумной диареи, а вы отвлекли меня от столь важной миссии...

Услышав про пикантный диагноз случайно спасенного некромантом пациента, я расхохоталась еще громче. Маг обвиняюще вскинул палец, указывая на меня:

– Это все она виновата, наша Сумасшедшая принцесса!

– Кто? – сразу сменила гнев на милость тетушка. – Ульрика? Племянница, это и правда ты?

– Я! – шагнула я вперед, ласково обнимая страшную тварь. – Мы уже сто лет и сто зим не встречались, тетя.

Чума отвела от лица свои распущенные волосы, ранее перекрывавшие ей весь обзор, и

теперь пытливно разглядывала нашу разношерстную компанию.

– Ну конечно, – насмешливо буркнула она, снисходительно уцепив за щеку невезучего мага, – кто еще способен на подобные фокусы, кроме тебя, дорогой деверь! Здравствуй, девочка! – Я получила нежный поцелуй. – Рада видеть тебя в добром здравии! Ну говори, зачем звали?

– Да, собственно, ради этого вот! – не растерялась я, одним движением волшебного платка Единорога создавая богатый набор разнообразных закусок, дополненных кувшинами с элем и бутылками с вином. – Выпить, закусить...

– А вот это совсем другое дело! – обрадованно потерла узловатые ладони Чума. – Пусть тогда мой скорбный животом дедок еще парочку деньков по земле погуляет. Под лежащий камень все успеем! – Она проказливо хихикнула. – А вот пиво замени-ка на что-нибудь более крепкое. Я, чай, уже не маленькая – низкоградусной-то бурдой баловаться!

– Мадам, вам водку, самогон или коньяк? – Огвур галантно взялся за посуду, решив поухаживать за моей милой тетушкой.

– Даже и не знаю, что выбрать, – польщенно зарделась Чума, – все такое вкусное!

– Вот это по-нашему! – похвально бурчал Эткин, наблюдая за лихо опрокидывающей рюмку за рюмкой Чумой. – Не знаю, как у вас, а вот у меня каждая непьющая личность всегда вызывает нехорошие подозрения. – Он одним глотком опустошил немаленькую бочку красного эльфийского.

– Ого, сразу видно – мужчина в самом заквасе сил! – по-девчоночьи щебетала тетушка, строя дракону глазки.

– Ну за Ульрику! – облегченно провозгласил Марвин, поднимая наполненный до краев бокал.

Все чокнулись, выпили и дружно налегли на острый салат из маринованной по-уррагски морковки.

А в озере с руганью и проклятиями отмывался заляпанный неаппетитным содержимым ночного горшка Генрих, сникший и надолго утративший желание ухаживать за вдовствующими принцессами...

– Принц Тайлериан пригрозил мне тремя страшными потерями, – рассказывала я внимательно слушающей меня Чуме, – если я не возьму яйца малиновки и не откуплюсь от встреченных в пути бед жизнями ее птенцов...

– И ты, конечно, их не взяла – птичек пожалела! – догадливо хмыкнула тетушка. – Уж я-то тебя, милая племянница, насквозь вижу.

Я покаянно отвела глаза:

– Не взяла!

– Зря! – нахмурилась суровая родственница. – Первая напасть уже пришла – погибла Оружейница, единственная из демиургов еще сохранявшая ясность рассудка и способная хоть как-то повлиять на своих безнадежно сбрендивших сестер. А теперь три старые мымыры окончательно съехали с катушек и способны сотворить любые жестокости. Девочка, теперь ты стала нашей последней надеждой на избавление от гибели. – Невзирая на усердно поглощаемую выпивку, Чума смотрела на меня серьезными, абсолютно трезвыми глазами. – Будущее планеты в твоих руках...

Я побледнела:

– Думаешь, яйцо малиновки могло спасти жизнь Оружейницы? – Мой язык заплетался от волнения и гнетущего осознания собственной вины. – Возможно, я еще смогу вернуться к тому гнезду и...

– Тсс! – ласково остановила меня тетушка, своими иссохшими пальцами обрывая поток покаяния и сожаления. – Ничто не происходит просто так, никто не умирает зря. Да, Оружейница погибла, но ради благой цели – она отдала тебе свои силы и знания, и отныне твой дочерний долг состоит в том, чтобы оправдать чаяния матери и выполнить возложенную на тебя миссию.

Я печально вздохнула:

– Как же это странно, когда тот, кого ты уже привык считать своим врагом, вдруг оказывается другом и помощником, самоотверженно жертвующим собой ради спасения многих...

Чума участливо улыбнулась:

– Ты повзрослела и поумнела, девочка моя. Ты учишься не только оценивать внешнюю сторону явлений и поступков, но и постигать их внутреннюю, истинную суть. Ведь лишь те из нас, кто умеет объективно взвешивать последствия совершаемых ими деяний и с достоинством принимает неизбежные потери, способны на равных потягаться с судьбой. А враги – они тоже не всегда оказываются врагами...

– Оружейница не была плохой, – убежденно произнесла я. – Отныне я вообще отказываюсь верить в существование неисправимо плохих людей. Я верю, что есть люди, по какой-то весомой причине пока еще не сумевшие стать хорошими...

Своей сухой, жесткой ладонью тетушка любовно погладила меня по волосам:

– Ты милосердна и справедлива. А ведь это и есть именно те основные черты характера, которые необходимы воину Старшей крови, пришедшему в наш мир ради защиты слабых и спасения обездоленных. Люби своих друзей, но всегда уважай и цени врагов. И тогда не исключен вариант, что в итоге многие из твоих врагов прозреют и станут настоящими друзьями...

Я поймала Чуму за запястье и благодарно прижалась губами к ее морщинистой кисти, прекрасно понимая, что сейчас устами тетушки со мной говорит вовсе не она, а сама жизнь, даруя мне свою высшую мудрость. Из глаз ужасной твари скатились две прозрачные слезинки любви и соболезнования, ибо в гнилой, изъеденной могильными червями груди Чумы билось живое, доброе и на редкость отзывчивое сердце. Судьба преподнесла мне очередной урок, показывая: истинно человеческие качества не чужды даже тем, кого мы привыкли считать жестокими и бесчувственными.

– Обозначенная на карте дорога раздваивается, – перешла я к самому важному для меня вопросу. – Которую из них мне следует выбрать?

– А кого из двоих ты бы выбрала, – угрюмо усмехнулась посланница смерти. – Астора или Люция?

– Что? – Я не желала поверить в услышанное. – А они-то тут при чем?

– Тебя преследует наложенное Ринецеей смертное проклятие. – Выражение лица тетушки стало совершенно непроницаемым – таким, будто она сообщила мне нечто малозначительное. – Автоматически падающее и на твои близких. Поэтому потери неизбежны...

– Еще только проклятия мне и не хватало, – обеспокоенно пробубнила я себе под нос и добавила уже громче: – О каких потерях ты говоришь?

– Пойдешь направо – навсегда потеряешь любимого... – Слова Чумы звучали приговором, обрекающим меня на мучительную казнь, совершаемую над моей истрадавшейся душой. – Налево пойдешь – лишишься сына... За все нужно платить, дорогая! Ты ищешь добра, но путь к нему ведет через зло... Так устроен мир!

– Но это же нечестно! – возмущенно закричала я. – Подобное не должно случиться!

– Честность и честь – это твое предназначение, – почти враждебно поцедила Чума, – абсолютно не присущее большинству обычных людей. Люди эгоистичны, они думают лишь о себе, а вовсе не о счастье для всех. Ты сознательно избрала сей тяжелый удел, обязывающий тебя страдать за всех, хотя и была предупреждена о последствиях. Найди же в себе силы не отступить, не сломаться – и докажи нашему миру: да, ты являешься настоящим воином, настоящей Сумасшедшей принцессой. Ибо, – сейчас она шептала мне на ухо, поскольку эти слова предназначались лишь для меня, – если отступишь ты, то что же тогда остается делать остальным?..

– Девочки! – В нашу беседу неожиданно вклинился настырный драконий бас. – Не нужно так демонстративно игнорировать скромное мужское общество. Хватит уже

шушукаться между собой! Мы пьем или как?

– Пьем, конечно! – с наигранным энтузиазмом откликнулась я, стараясь стереть с лица малейшие следы овладевшего мною отчаяния. – Наливай! – Моя рука действовала самостоятельно, весело протягивая Эткину пустой бокал, но в голове непрерывно вертелись три убийственных слова: «Астор или Люций?» Кого из них мне следовало обречь на смерть, а кому – подарить жизнь?

И я совсем не заметила испытующего взгляда Чумы, взиравшей на меня с немym восхищением и затаенной надеждой на спасение...

В каждой удавшейся пьянке, вне зависимости от ее масштабов и размаха, всегда наступает фаза совершения подвигов, когда основательно набравшихся собутыльников начинает тянуть на шалости и приключения. И в этом смысле наша знаменательная пирушка также не стала исключением из правил.

Через час усиленных возлияний мы уже напрочь позабыли все прошлые разногласия и перешли к стадии, названной метким на определения драконом: «Ты меня уважаешь?» Марвин услужливо высушил свежевystиранный камзол Генриха, мгновенно вернувший себе свой первоначальный цвет, но все еще издающий некое подозрительно-удушливое амбре. Недавние враги Огвур и Кса-Бун, неоднократно выпившие на брудершафт, обнимались, нескладно голосили что-то душещипательно-фольклорное и называли друг друга «брателло», к вящей ревности прекрасного полукровки. Вокруг остатков закуски прыгало несколько странных существ, смахивающих на помесь мышей с кузнечиками, злостно нарушая отлаженный биогеоценоз⁶² береговой линии и пытаясь спереть не доеденное драконом жаркое. Это наш капитально упившийся некромант попробовал заселить галерею Трех порталов хоть каким-нибудь зверьем, но его трясущиеся руки категорически отказывались выполнять магические пассы, а посему опыт закончился плачевной неудачей, породив нескольких жалких мутантов. Сам же Марвин заработал профессиональную травму в виде внушительной шишки на лбу, сердито объяснив свое падение не убойным действием орочьей водки, а возмутительной опечаткой в магическом трактате. После этого он сразу пригорюнился и начал слезно жаловаться на жену, активно поддерживаемый Генрихом. Мы выпили еще, нехорошим словом помянув всех стервозных баб. Чума извлекла из кармана савана потертое портмоне и хвастливо показала портрет бравого архидемона Азура, сентиментально обклеенный розовой бархатной тряпицей. Посетовала на профессиональную загруженность, отсутствие нормальной семейной жизни и хроническое бесплодие. Марвин клятвенно пообещал помочь, не уточнив – как именно... Чума смущенно захихикала. Мы дружно покосились на забавно причмокивающего во сне Люция и выпили за детей.

– Послушайте, госпожа Чума, – вдруг ни с того ни с сего отважно выпалил Ланс, еле ворочая заплетающимся языком, – а вы добро творить можете?

– Могу, – торжественно объявила тетушка, непослушными пальцами пытаясь ухватить скользкий кусочек колбасы. – Ибо что есть добро, как не оборотная сторона зла?

Я восхищенно прищелкнула языком, Эткин потрясенно отвалил челюсть, а некромант предвкушающе потер ладони. И понеслось...

Следующую пару часов мы посвятили добру. Совместными магическими усилиями тетушки и Марвина мы добавили субтильному супругу принцессы Будур принцу Али-Мангуту двадцать сантиметров росту и, хорошенько подумавши, десять сантиметров его детородному органу.

– Пусть корова усатая порадует! – вполголоса ехидно буркнул Ланс, видимо вспомнив что-то свое, личное.

Мы наградили бессмертными лобковыми вшами зловредных киктских шаманов, организующих регулярные набеги на мирных олорүлонов, и отправили всем голодающим

⁶² Биогеоценоз – сложная природная система.

канагерийским детям гуманитарную помощь в виде сытного ужина из четырех мясных блюд. Мы повысили среднюю урожайность знаменитой кардиньякской брюквы до пятисот центнеров с гектара и удалили безобразную бородавку с носа красногорской княжны Феклы, во всем остальном – писаной красавицы и невесты на выданье... В общем, групповая вакханалия фантазии и безудержный разгул добрых дел продолжались всю ночь напролет.

Утро следующего дня застало нас усталыми и жутко невыспавшимися, но зато – чрезвычайно довольными собой. Мы долго благодарно пожимали руку тетушке Чуме, целовались на прощание и произносили прочувствованные речи. После чего моя нетрезво покачивающаяся родственница скрылась в свете повторно нарисованных некромантом рун, куда я едва успела просунуть кувшин пива на опохмел.

Светало... В далеком Рохоссе в обнимку почивали утомившиеся от ночи любви новобрачные. В кои-то веки досыта наевшиеся чернокожие дети сыто икали сквозь сон, а у стен замка барона Пампура вповалку дрыхли совершенно обалдевшие от счастья мужики, так и не сумевшие всем поселком вытянуть из земли один неподъемный буряк. Смежила очи счастливая красногорская невеста, недоверчиво проглядевшая зеркало почти до дыры, да так и не отведшая руки от чудом похорошевшего носа. Музыкально булькая натянувшимся, будто барабан, пузом, раскатисто храпел Эткин, беззаботно улыбаясь от уха до уха. Деликатно вздыхал прекрасный Лансанариэль, нервно скрипел зубами барон и натужно кряхтел зверски уработавшийся некромант. Спали все, кроме меня...

Я сидела на камне, забравшись на него с ногами и задумчиво упершись подбородком в подтянутые к груди колени. В голове у меня было пусто, а на душе – грустно и радостно одновременно. Нет, скорее все-таки радостно, потому что отныне в моем сердце навечно поселилась слабая надежда на благоприятный исход поджидающих впереди злоключений, уж если даже такая непутевая команда, как наша, все же сумела сделать этот мир немного светлее и чище. И, безусловно, намного лучше.

Каждому из нас хотя бы единожды, но приходится сталкиваться со спорным утверждением, гласящим: «Из двух зол выбирай меньшее», подразумевающим нечто уклончивое вроде псевдодобровольного предпочтения, заключающегося в выборе наименее болезненного способа смерти между утоплением и удушением... Но результат-то в любом случае один и тот же!

Вот примерно это и высказала я озабоченно насупленному Эткину, уже вытоптавшему ровную площадку на развилке двух дорог. А какой смысл топтаться на месте?

– Из двух зол выбирай меньшее! – дословно процитировал опытный дракон, уповая на народную, веками проверенную мудрость.

Я протестующе скривилась:

– Меньшее зло – вон, у Кса-Буна в мешке спит! Ты что, предлагаешь пожертвовать Люцием? – Я угрожающе потянула из ножен Нурилон. – Вот только попробуй тронь моего сына...

Дракон обескураженно засопел, на всякий случай прикрывая свою массивную голову скрещенными передними лапами:

– Мелеана, не гневи богов! Да чтобы я невинного дитя обидел? Да ни в жисть!

– Вот то-то же, – удовлетворенно хмыкнула я.

– Нет, а я не понял, в чем заключается проблема? – Генрих аристократично наморщил нос, видимо безмерно удивленный моими колебаниями. – Тебе как Чума сказала? Направо пойдешь – потеряешь сгинувшего муженька? Так чего тут думать-то, если твой покойный благоверный – и так уже покойный. Ну будет он дважды покойным, какая ему разница...

Я ругнулась и опять схватилась за меч – кажется, на этот раз с таким красноречивым выражением взбешенно сощуренных глаз, что сохранностью своих голов озаботились уже все, кроме сильфа, который нагло ухмылялся с самым невинным видом:

– А смысл? – Он иронично похлопал меня по плечу, проверяя, насколько я способна контролировать собственный гнев. – Ну предположим, убьешь ты меня – и что? Все равно

тебе так или иначе придется выбрать одну из двух дорог...

Эткин печально кивнул, подтверждая правоту сего неприятного, но бесспорно справедливого утверждения. Я показала гиганту кулак и ненадолго задумалась...

Я скомандовала подъем около полудня. Умывшись озерной водой и наскоро позавтракав тем, что осталось от нашей ночной гулянки, мы свернули походный бивак, при помощи магии Марвина утилизировали пустую посуду и двинулись в путь. Обогнули озеро и довольно бодро, насколько позволяли не шибко резвые с похмелья ноги, запылили по посыпанной мелким песком дороге, уводящей нас к замысловато иззубренной горной гряде. Было жарко и скучно, окружающий пейзаж не радовал разнообразием, являя нашим глазам все те же, уже порядком поднадоевшие камни. Похоже, создавшие эти места демиурги решили не напрягать попусту мозгов и сил, здорово сэкономив на архитектурных изысках. Более унылой местности я в жизни не видывала. К тому же я совершенно не понимала, куда же мы попали.

Я остановилась, достала из кармана Хроники Бальдура и полистала желтые от старости страницы.

– Слушайте, – обратилась я к выжидательно замершим друзьям, – читаю: «Королева Смерть милостиво сопровождала меня до Перекрестка миров, показав бурлящее озеро, по ее словам связующее «вне и не вне». Но следовать далее она отказалась, объяснив свое поведение тем, что подвластная демиургам территория ограничивается именно берегом озера, а дальше начинается великое Ничто, возникшее задолго до Творцов и доступное лишь детям столикого Логруса, повелителя Пустоты. А найти вход в Пустоту способен отнюдь не каждый. Она потребовала точно записать ее слова, не аргументировав, зачем и кому это нужно. А затем она увела меня обратно, строго-настрого приказав забыть все виденное...» На этом записи Бальдура обрываются, – закончила я.

Лица моих спутников отражали овладевшее ими глубочайшее недоумение.

– Мне доводилось читать Хроники, но я не встречал там ничего, даже отдаленно похожего на этот абзац, – признался Огвур. – Бредятина какая-то...

– Ничего подобного, – возмущенно запротестовал Марвин, фанатично благоговевший перед творением бродячего орочьего летописца. – Просто книга обладает разумом и показывает каждому своему читателю именно то, что касается его лично...

– Эка круто ты загнул-то, дружище! – саркастично гоготнул скептик Генрих, постучав себя пальцем по виску и намекая на умственное расстройство некроманта. – Книга с мозгами... Да мозги – они даже не у каждого эльфа водятся, не то что у макулатуры...

– Но разве не вычитал в ней Огвур про относящееся к Лансу пророчество? – надулся маг. – О нет, здесь нет никакой ошибки, я уверен в собственной правоте.

Меня ничуть не трогали их сто лет назад вошедшие в привычку взаимные подколки и перепалки. Я, скорее всего, обращаю внимание на обратное явление, а именно – на то, если бы они вдруг перестали пикироваться и цапаться через каждые пять минут. Ну да это все мелочи, ведь сейчас меня волновало нечто совсем другое, ибо я отлично помнила: как и когда повстречалась с Пустотой, назвавшей меня возлюбленным творением Логруса, а значит...

– А это значит – мы не выберем ни одну из двух дорог! – Взмахом руки я указала на развилку и вкопанный в нее камень, в противовес всем сказкам не имеющий никакой предупредительной надписи. Просто гладко отполированная глыба мрамора, безликая и безымянная. Сразу за нею воздух сгущался до состояния мерцающей дымки, сквозь которую слабо просвечивали далекие горы.

И вот тут-то Эткин и выдал про меньшее зло...

Озарение настигло меня внезапно. Я криво усмехнулась, попросила прощения у своего здравого рассудка и, подчиняясь никогда еще не подводившей меня интуиции, смело шагнула вперед. Прямо за камень, угодив ровнехонько посередине между двух дорог,

прочивших гибель одному из двух самых дорогих для меня созданий. За моей спиной шокированно ахнули друзья...

Я ощутила кратковременный болезненный укол, судорожной волной прокатившийся по моим мышцам, – такой, какой, наверно, случается от удара электрическим током, известным мне благодаря подаренным Оружейницей знаниям. Серебристая марь упруго натянулась, продавленная моим телом, и лопнула с хрустальным звоном, разлетевшись радужными клочьями мыльного пузыря. Моим глазам предстала поросшая травой лощина, затененная гибкими ветвями дикого орешника и усыпанная желтыми соцветиями проглядывающих повсюду лютиков. Теплый, благоухающий цветочным нектаром ветерок ласково коснулся моих щек. На склоне холма виднелся бьющий из расщелины ручеек, русло которого окаймляли беломраморные плитки, украшенные изображением молодого бородатого мужского лица. Давний знакомец взирал на меня дружелюбно, на его губах играла понимающая улыбка. И все сразу же стало четким и понятным, логично встав на свои места. Этот благодатный край, называемый Пустотой, а следовательно, началом всех начал, принадлежал Логрусу, когда-то чтимому на Земле под именем милосердного Иешуа. Именно он спас меня от гибели в колодце Пустоты города Геферта – и вот наши пути пересеклись вновь...

Я зачерпнула пригоршню сладкой воды и напилась. А затем повернулась к своим друзьям, продолжающим нерешительно переминаясь у входа в эту сказочную долину благополучия и спокойствия, и подбадривающе подмигнула Эткину:

– Из двух зол не нужно выбирать какое-то одно, ибо зло всегда остается злом, независимо от его формы и размера. Идите же все сюда!

Мы заночевали возле ручья, вдосталь насытившись необычайно вкусными орехами и удобно устроившись на мягком мху. Долину наполняла жизнь. В траве скользили юркие ящерки, на ближайшей ветке сидела никем не пуганная белка, доверчиво принявшая от меня ломтик белого хлеба, а из гущи орешника бок о бок вышли козленок и волчонок, долго пившие прохладную воду и игриво брызгавшие друг на друга крупными каплями влаги. На закате нас посетила бойкая пестрая сойка, привлеченная блеском моей золотой маски, а следом за нею пожаловало не менее двух сотен светлячков, устроивших праздничную иллюминацию в честь незваных гостей. Атмосфера лощины так и дышала расслабляющей негой, вселяя в наши сердца чувство защищенности и покоя.

– А знаешь, – доверительно сообщил мне дракон, нежась на изумрудной траве, – об этом чудесном месте издревле было известно всем народам, так или иначе описавшим его в своих религиозных трактатах...

– Ну да, – с улыбкой ответила я, шаловливо дергая за хвостик малютку белочку, – только называли они его по-разному. Олимпом, Валгаллой, Пандемониумом, Раем, Эдемом, Ирием... И обитали в нем истинные боги, а не те, которых позднее создали демиурги...

Эткин согласно вздохнул:

– Да, и я бы очень хотел встретить одного, вернее, одну из них...

– У драконов тоже имеются свои боги? – искренне удивилась я. – Вот уж чего не знала!

– Не боги, – смущенно замялся реалист Эткин, – а скорее цари и царицы. Я всегда мечтал найти самую легендарную из наших цариц – последнюю, пропавшую в период войны...

– Ларру! – догадалась я. – Единорог говорил именно о ней. Она является квинтэссенцией магии и способна вернуть в наш мир ее былую силу...

– Что знаешь ты о магии, принцесса? – снисходительно усмехнулся тихонько внимающий нам некромант. – Я бы отдал все – лишь бы вернуть ее на Землю в полном объеме...

– Знаю, – повторно улыбнулась я. – Не владею ею ни в малейшей степени, но знаю о ней все, доступное лишь демиургам. Магию считаю пятой стихией – ментальным эфиром, противостоящим четырем вещественным элементам: земле, воде, огню и воздуху.

Способный управлять магией человек – силен, но существует еще и шестой элемент, превосходящий не только волшебство, но и все остальное в мире, даже жизнь и смерть...

– Что за элемент? – так и подпрыгнул Марвин. – Ты пошутила?

Но я молчала, улыбаясь загадочно и слегка печально.

– Спи, дурень! – ехидно хмыкнул дракон, как обычно понявший меня с полуслова. – Хватит с тебя и волшебства. А шестой элемент – это любовь! Вот так-то, магикусы.

Мы шли к горам два следующих дня, с трудом пробираясь сквозь девственные лесные дебри и боясь сломать хоть одно растение или раздавить мельчайшее насекомое. Все здесь выглядело настолько совершенным, что малейшее нарушение этой божественной красоты казалось нам страшным кощунством, недостойным любого справедливого человека. Нас впустили в первозданный мир, заслуживающий самого бережного отношения. Мир, отражающий состояние наших душ, жаждущих обновления и просветления. И жаль, что я тогда не понимала главного: как и на Ранмир, сюда тоже пускают лишь за плату, способную стать слишком дорогой и несоизмеримой....

Лес закончился неожиданно. Мы увидели округлую, залитую светом полянку, сплошь засаженную кустами роз, цветущих огромными белыми бутонами. Густой аромат кружил голову, вызывая восторженное опьянение и неверие собственным глазам, потому что в центре розария стояла она, высеченная из белоснежного, пронизанного розовыми прожилками мрамора. Она выглядела неправдоподобно живой, погруженной в многовековой беспробудный сон. Длинная лебединая шея, свободно распахнутые серебристые крылья, широко раскрытые сапфировые глаза... Такие красивые, такие страдающие, но – незрячие. Все линии ее изящного тела отличались гармонично законченными и идеальными пропорциями, правильнее говоря – перед вами находилась исходная красота, самая безупречная в этом мире. Мраморная статуя драконицы высилась среди роз, будя тоску по чудесному, безвозвратно ушедшему от нас прошлому...

– Как она прекрасна! – очарованно простонал Эткин. – Наша царица...

– Смирись, друг, – горестно склонился в галантном поклоне Марвин. – Окажем дань уважения царице, коей уже нет. Нам осталась лишь эта статуя да не менее красивая сказка. Былого – не вернуть.

– Нет, – не желал сдаваться разочарованный дракон. – Я не верю. Она слишком похожа на живую...

– Это холодный камень! – уверенно постучал по боку статуи Генрих. – Смирись, брат... – Он стукнул сильнее.

Эткин строптиво нахмурился, возмущенный вопиющей бесцеремонностью барона. А я... Мне на миг показалось, что по белоснежной поверхности каменной драконицы прошла едва уловимая дрожь боли... Я присмотрелась внимательнее и неожиданно заметила слезу отчаяния, одиноко застывшую в ее сапфировом глазу...

– Эткин! – радостно закричала я. – Ты прав. Она – жива!

Глава 4

– Мелеана, ну сделай же что-нибудь, – всхлипываяще упрашивал дракон, пытаясь молитвенно сложить все четыре лапы сразу, – заклинаю тебя!

– Что сделать? – Я мучилась от безысходности, не находя выхода из создавшейся ситуации и абсолютно не догадываясь, чем мы можем помочь мраморной Ларре. Безрезультатно перепробовавший десятки заклинаний Марвин раздосадованно тер лоб и бессильно ругался.

«Логрус, – напрягала я память, – тени в колодце Пустоты называли меня Разбудившей драконов. Но чем и как можно вернуть к жизни уснувшую статую?»

– Песней, – категорично заявил Эткин. – Но отнюдь не какой попало, а именно твоей песней, Мелеана! Разбуди Ларру, расскажи ей, как сильно она нам нужна, тронь потаенные

струны ее души, поведай ей что-то свое, женское...

«Женское? – мысленно рассуждала я. – Но что я знаю о душе драконицы? Она молода внешне, но так стара внутренне. Боится ли она времени, жалеет ли о прожитых годах? Через какие испытания она прошла?»

Песня родилась сама, наливаясь почти осязаемой энергетикой, гремя торжественным крещендо⁶³ ушедшей боли и вновь обретенной надежды:

Над острыми кручами гор,
Где коршунов стая гнездится,
Вплетаясь в межзвездный узор,
Летает драконья царица.

Пусть снежной холодной крупой
Предгорье с утра замело,
Но солнечный отблеск скупой
Поднимет ее на крыло.

Дыхание ветра поймав,
Плывет над простором земли,
Закон притяженья сломав,
Как могут драконы одни.

С высот благосклонно глядит,
Как славит пришествия день
Народ, над которым парит
Ее благодатная тень.

От жалоб, где стынет слеза,
От прочих проблем непростых —
Закроет царица глаза
Заслонами век золотых.

Она разучилась любить
Крылатых драконов-самцов,
Она, если нужно, убить
Способна хоть сотню бойцов.

Не властно над нею добро,
И зло в ней не будит души.
За помощь сулить серебро
Ей, грешник земной, не спеши.

Она безразличьем полна,
В ней сила божественных волей,
Она исчерпала до дна
Возможных страданий юдоль.

⁶³ К р е щ е н д о – в музыке постепенное усиление звука, плавный переход от очень тихого до очень громкого.

Уже искупила вполне
Свои и чужие грехи
И даже у Бездны на дне
О небе писала стихи.

Но истина только одна
Нужна ей средь тысячи строк:
В драконах душа не видна —
Дракон навсегда одинок.

Быть может, к ней старость близка,
Но снова над гнездами птиц
Летает – как смерть, как тоска —
Царица драконьих цариц...

Переход к тишине стал болезненным, будто удар под дых. Потрясенно молчал Марвин, забавно хлопал глазенками разбуженный моим пением Люций, бесшумно рыдал Эткин...

Но тут статуя мраморной драконицы вдруг устало опустила крылья, с наслаждением потянулась, словно заспавшаяся гибкая кошка, и проникновенно глянула на меня влажными, ожившими глазами.

– Он обещал, что однажды ты придешь к нам, девочка, – нежно произнесла она глубоким бархатным сопрано, приблизив к моему лицу свою аккуратную голову, увенчанную серебряным, похожим на корону гребнем. – И вот ты пришла! Ты готова совершить предначертанное?

– Вы ждали меня? – тупо переспросила я, заикаясь от волнения и внутренне поеживаясь от неприятного чувства предопределенности, делающего меня слепой игрушкой в руках беспощадной судьбы. – Но зачем?

Ларра мягко улыбнулась мне, подмигнула Марвину, заинтересованно покосилась на Эткина, дунула на Ланса, придавая его прическе элегантную растрепанность, вежливым кивком приветствовала наших вояк – в общем, не сделала, кажется, ничего особенного, но за минуту умудрилась оказать внимание всем сразу, в лучших традициях великих правителей. Я лишь оторопело раскрыла рот, потрясенная ее талантом по налаживанию контактов и завоеванию симпатии. Неведомо каким образом, но драконица умела влюблять в себя с первого взгляда. Впрочем, чего в этом удивительного? Ведь она была сама магия во плоти!

– Мир выглядел таким обустроенным, – начала рассказывать она, сойдя с пьедестала, – таким прочным и нерушимо-отлаженным. И он принадлежал нам без остатка. Весь, целиком и полностью, включая безбрежное небо над Антеей, леса Красногорья и руины Айгюпта, пески Намбудии и наши родные оазисы. Но так продолжалось недолго. Демиурги заскучали... Они неосмотрительно расслабились, позволив самому благородному из демонов – принцу Астору – увлечься идеей одного отступника-чернокнижника и войти в доверие к добрым Пресветлым богам. А затем коварная Ринецея воспользовалась Усыпляющей иглой, вынесенной ее братом с Радужного уровня, и заняла место богини Аолы. На Земле воцарились война, хаос и разруха. Демиурги радовались, будто дети, легко манипулируя целыми народами, ими же самими и созданными. Так погибли два клана эльфов. Мы восстали, но, увы, творцы впали в безумие, грозясь уничтожить всех драконов. Ринецея тоже желала нам смерти. И тогда мы попросили помощи у пятого, самого древнего демиурга – Логруса, когда-то, миллионы лет назад, создавшего эту планету. Объединив возможности всех драконов, мы сумели пробудить спящую Пустоту, это первообразующее Ничто, служащее основой, началом и концом всего во вселенной. И отец справедливости услышал нашу просьбу. Он перенес главное хранилище артефактов – Храм Розы, ранее располагавшийся в Хрустальной долине, сюда – в свои владения. Демиурги оказались отрезаны от сокровищ Храма, помогавших им управлять всеми процессами жизни и смерти.

Порталы также стали практически недоступными для всех, подчиняясь теперь лишь маленькой горстке избранных, принадлежащих либо к архимагам, либо к детям Старшей крови. Создатели так и не сумели найти Храм и нас, укрытых милостью Логруса. Отец вселенского добра погрузил нас в глубокий сон, пообещав, что однажды нам явится его любимая дочь, способная подарить агонизирующему миру новую судьбу, полную счастья, добра и света. И вот ты пришла. – Ларра смотрела на меня просительно. – Верни же нам нашу жизнь, принцесса!

– Кто, я? – обомлела я. – А ты ничего не путаешь, повелительница? Я, конечно, собираюсь остановить демиургов и избавить мир от губительной угрозы, но создать на земле царство всеобщей справедливости... Под силу ли мне это?

– Не сомневайся, – с пониманием улыбнулась Ларра, проникнувшись моими вполне понятными колебаниями и вместе с тем желая хоть немного приободрить ту, на чьи плечи она только что взвалила новые, весьма обременительные заботы и обязанности, – ты со всем справишься. Мы тебе поможем. Не правда ли, друзья?

– А как же! – важно отозвался Эткин. – Всенепременно!

– Да! – кивнул Генрих.

– Да! – мурлыкнул Ланс.

– Безусловно! – рассудительно подтвердил мудрый некромант.

– Точно! – дружно вскинули топоры Огвур и Кса-Бун.

– Гу! – согласно чмокнул алыми губками крошка Люцифер, протягивая ко мне свои розовые ручонки.

– Да! – тихим эхом прилетело из пустоты, вызывая в памяти бесподобный голос моего возлюбленного. – Я здесь, рядом с тобой, мое нереальное, горькое, краденое счастье!

И тогда я запрокинула голову, громко смеясь от радости, потому что осознала – наша истинная сила заключается в той бескорыстной любви, которую даруют нам родные и близкие. А ради них я готова пойти на все!

– Ларра, – взволнованно попросила я, боясь услышать отказ, – ты поможешь мне найти Астора? Подскажи, научи – как вернуть к жизни его тело и душу?

– Это находится вне предела моих полномочий, – печально прищурилась драконица.

Мое сердце словно оборвалось и ухнуло в ледяную бездну, наполненную черной влагой горя и безысходности... Как, она не может? Но ведь Единорог обещал, что если я найду драконью царицу, то она...

– Хотя, – белая драконица хитро улыбнулась, – я знаю тех, кто обязательно сможет прийти к нам на выручку!

Она требовательно взмахнула широким крылом, и, подчиняясь ее воле, небо над нашими головами мгновенно потемнело, превращая день в ночь. Я увидела узкий серпик молодого месяца, окаймленный тончайшей звездной пылью, напоминающей алмазную обсыпку и украшающей его игриво изогнутые рога. Но пыль вдруг легко отделилась от полуполночного светила и понеслась к нам, становясь волшебным звездопадом. Я восхищенно ахнула, увлеченная красотой удивительного явления, и тут же поняла: нет, это не звезды. То были крохотные светящиеся шарики, а внутри каждого из них находился живой огонек-сердце, пульсирующий в ритме еще не рожденной человеческой души. Это души мертвых покинули ступени Звездного моста, идущего в небо с вершины горы Ранмир, и спустились на Землю. Они окружили меня дружелюбным облачком и запели десятками мелодичных, хрустально-звонящих голосков:

– Мы помним тебя, принцесса. Мы рады вновь тебя увидеть...

– Дорогие мои, хорошие мои, – шептала я, глотая слезы. – Как вы там?

– Замечательно, – журчали светлячки, путаясь у меня в волосах, садясь на плечи и опускаясь в подставленные ладони. – Мы искали след твоего погибшего принца...

– И?.. – замерла я, затаив дыхание и чувствуя, как вся моя кровь отхлынула от лица и прилила к сердцу, заставляя его биться короткими, пугливыми рывками.

– Увы, – скорбно сознался самый крупный огонек, властно отгоняя от меня других и жалостливо согревая мою холодную щеку. – Его нет нигде – он ушел безвозвратно...

– Дедушка, – заплакала я, узнав душу покойного короля Шеаррана, – это несправедливо. Поищите еще...

– Бесполезно, – печально мигнул светлячок, – его уже не спасти...

– Нет, – звонкий крик нарушил скорбную тишину, – это не так!

Золотистый огонек, самый крохотный из всех, но при этом наиболее быстрый и яркий, почти упал мне на грудь, торопясь рассказать о своей находке:

– Не отчаивайтесь, госпожа Ульрика! Я пролетел весь Радужный уровень и узнал сокровенные тайны возрождения...

– Не тяни! – подстегивающим тоном приказала душа короля. – Говори немедленно!

– Вам нужно пройти через Долину вечной скорби и преодолеть Поля мертвых, – детским голоском сбивчиво лепетал маленький огонек. – За этими полями находится Поляна воскрешения. Дождитесь, когда выпадет Снег желаний, и вылепите из него тело вашего принца. Окропите его сначала мертвой, а затем живой водой, и он восстанет из мертвых...

Я ощутила, как волосы на голове встают дыбом от ужаса.

– Но это же невозможно, – с рыданием закричала я. – О такой воде упоминается лишь в сказках! Где я найду подобное чудо?

– Не знаю, – покаянно пискнул огонек. – Разузнать о воде я не сумел...

Повинуясь напутственному жесту Ларры, души умерших опять взмыли вверх, исчезая в темноте. Последним меня покидал резвый светлячок-помощник, и, на мгновение заглянув в самую его сердцевинку, я заметила фигурку новорожденного мальчика, хорошенького и черноволосого, доверчиво тарасившегося на меня изумрудно-зелеными глазками. Незримая ниточка нежности протянулась между ним и мной, а я тут же мысленно пообещала малышу отыскать его опять – и уже не отпускать от себя никогда...

– Мне нечего добавить, – виновато пожала плечами Ларра. – Я всегда считала разговоры о живой и мертвой воде всего лишь преданиями старины глубокой, доставшимися нам в наследство от ушедших рас. Но, возможно, ты сумеешь отыскать требуемое снадобье, если попадешь в Обитель богов и пройдешь указанным маршрутом...

– Но я даже не знаю, где начинается этот путь! – исступленно шептала я, порываясь немедленно куда-то бежать и что-то делать.

– Завтра, – усталым голосом посоветовала Ларра. – Мы все узнаем завтра. А пока... – она призывно потерлась головой о шею совершенно одуревшего от счастья Эткина, – спать пора, ночь на дворе...

– Утро вечера мудренее, – лукаво усмехнулся дракон, обнимая белую драконицу своим мощным крылом и увлекая за собой. – Спокойной ночи, Мелеана!

– И вам, – от души пожелала я, провожая их глазами. – Если, конечно, она станет для вас таковой...

Бессонные ночи всегда кажутся нам бесконечно длинными и одновременно с тем – неуловимо короткими. Я лежала на расстеленном в траве плаще, вперив в небо отрешенно-задумчивый взгляд и не решаясь пошевелить даже пальцем. Я боялась разбудить волшебницу-ночь или же отвлечься и проморгать момент наступления нового дня, по тревожному, необъяснимому предчувствию просто обязанного принести с собой нечто значимое и особенное. Наш новый день – интересно, каким он станет? Думаю, ему суждено до основания разрушить старый, давно укоренившийся жизненный уклад, расчистив место для построения иного фундамента нашего мироздания. Но знала ли я досконально, что именно собираюсь строить? Стоило ли столь напористо крушить прогнившее, но такое привычное для всех бытие, еще не определившись детально с запутанным переплетением обновленных созидательных путей? Да и куда вели эти пути? А ведь человек, не осведомленный точно, куда он идет, вполне способен прибыть не туда. Попутный ветер никогда не направит к берегу плывущий неправильным курсом корабль. Забывшая маршрут

перелета птица обречена на гибель. Сейчас я одновременно напоминала себе и заплутавшую птицу, и корабль без парусов, попавшие в затягивающий водоворот неопределенности... И признаюсь честно, я вовсе не горела желанием брать на себя неблагодарный труд по созданию этой новой жизни, якобы несущей нам счастье и спокойствие. Все мои комплексы и привычки, все столь милые моему сердцу недостатки и эгоистичные отговорки властно цеплялись за старый жизненный уклад – пусть несовершенный и опасный, но зато такой обыденный и знакомый. Нелегко сознательно нарушать законы мирового равновесия, сдвигая с места заржавевший маятник фатума и вновь запуская его ритмичные раскачивания, но уже совершенно в другом направлении. Поэтому любые изменения в нашей жизни протекают медленно и лениво, причиняя боль, что происходит по причине инерции в мыслях и поведении, из-за внутреннего сопротивления нас самих и противодействия окружающих. Нелегко бороться за свое собственное счастье...

– Нелегко, – неожиданно вклинился в мои размышления голос Эткина, – это ты точно подметила. Впрочем, ты всегда отличалась завидной наблюдательностью...

– А если я откажусь? – Я приподнялась на локте, обращаясь к глыбой нависшему надо мной другу, выглядевшему еще более серым и массивным в мутном сумраке подкрадывающегося рассвета. – Просто плюну на все, заберу Люция – и уйду домой, к генералу Рахсагору и его демонам. Разве не обрету я там счастье и покой? Разве я их не заслужила?

– Возможно, и обретешь, – насмешливо фыркнул дракон, – но лишь ты одна. И не надолго, а лишь до тех пор, пока демиурги нас всех не прихлопнут, будто сонных мух. Хотя, – тут он многозначительно чиркнул когтем себя по горлу, – ты до того дня точно не дотянешь: тебя совесть раньше заест, ибо совестливая ты у нас и обязательная – аж до жути...

– Ну да, – согласно усмехнулась я, – совесть всегда напоминает мне толстого хомяка.

– Почему? – не понял Эткин.

– А она постоянно или спит, – я зевнула и сладко потянулась, – или грызет...

Гигант одобрительно фыркнул:

– Угу, она такая!

– И врагов, значит, спасать до кучи придется? – немного растерянно справилась я у дракона, не осмелившись в открытую упомянуть о Ринецее. Но мудрый друг и так отлично меня понял.

– Всех без исключения! – ехидно прогудел он, сворачиваясь в комок возле моего скромного ложа и язвительно цыкая зубом. – А ты как намеревалась поступить, разборчивая моя? Поздно спохватилась, некогда уже тебе нас на врагов – не врагов сортировать, всех оптом спасать придется! – И Эткин саркастично заржал, безмерно довольный собственным остроумием.

Я натянуто улыбнулась:

– Если враг не сдастся, то нужно найти себе другого врага?

– Нет. Нужно пересмотреть классификацию врагов в корне, – наставительно буркнул Эткин. – Ибо наши враги – тупые. Они думают, будто это мы – их враги, хотя на самом деле враги – они...

Я кусала губы от едва сдерживаемого смеха, глядя на разгорающийся в небесах рассвет. Пытаться переспорить дракона – занятие совершенно бесполезное, изначально обреченное на провал. Вот я и не пыталась, а просто подмигнула ему с самым поощрительным видом. Эткин горделиво дернул нижней челюстью – дескать, уж какой есть!

Я через силу, преодолевая все нарастающее ощущение неумолимо приближающейся опасности, поднялась с земли и начала собираться в путь. В конце концов, если тебе трудно, значит, ты идешь в правильном направлении. И посему сейчас меня беспокоило лишь одно – никогда доселе не виданное мною выражение морды Эткина, исполненное какого-то величавого, немного неземного умиротворения...

То, что мы ранее принимали за горы, оказалось отнюдь не горами. Огромные и чудовищно бесформенные известняковые наросты, напоминающие выросшие посреди дороги сталагмиты, перекрывали посыпанную песком путеводную полосу, упирающуюся прямо в эту неожиданную преграду.

– Обойдем? – то ли предложил, то ли констатировал Генрих, вынимая из ножен кинжал и небрежно ковыряя бурую, мягкую, легко поддающуюся стали породу.

– Слишком далеко, – на глаз прикинула я, оценивающе рассматривая простирающуюся вправо и влево гряды. – Может, попробуем прорыть туннель?

– Осторожно! – испуганно вскрикнула Ларра, тревожно наблюдавшая за небрежными манипуляциями сильфского клинка. – Это не камни!

– Серый мел? – предположил Марвин, ногтем отколупывая крохотный обломочек слоистого покрытия.

– Нет, – печально опустила драконица длинные ресницы, – это мой народ!

– Пропавшие драконы? – Я отшатнулась, пытаюсь осмыслить услышанное и поверить в сию неправдоподобную версию. – Но как... – Хотя да, мои глаза уже цепко отслеживали едва различимые линии, почти затертые временем и скрытые под толстым слоем осадочного налета. Вот мощный хвост, неловко замершая лапа, угловатый гребень, кольцом изогнутая шея, расширившиеся в последнем вздохе ноздри... Горы состояли из плотно переплетенных десятков и сотен драконьих тел, слившихся в последнем предсмертном объятии, тесно прижавшихся друг к другу и словно бы пытающихся укрыть что-то хрупкое, ценное, нуждающееся в опеке и защите. Да это же...

– Ты угадала, – торжественно расправила крылья драконья царица, подчеркивая значимость моего страшного открытия. – Логрус собрал их здесь и повелел ждать прихода освободительницы, призванной повести драконов за собой – к свету и свободе. Но он сказал, что даже наше знаменитое долголетие не позволит моему народу выжить. И тогда мы решили уснуть, погрузившись в глубочайший летаргический сон, многократно замедляющий все функции наших организмов. Но перед этим они переплелись между собой, образовав непроходимый барьер, скрывающий от чужих глаз Храм Розы...

– Время шло, – подхватила я, – заноса спящих драконов песком и пылью, превратившимися в многослойный панцирь...

– Да, – закончила Ларра. – Именно так все и случилось. Но теперь ты пришла во владения Пустоты, а в руках у тебя – Данриэль Алатора, способная пробудить всех драконов и вернуть в наш мир магию.

– Так за чем же дело стало, – радостно рассмеялась я, выхватывая нужную из даг и начиная скоблить ею поверхность ближайшего куска известняка. Но, увы, ничего не произошло. Порода просто послушно крошилась под лезвием Иглы, не торопясь становиться живой плотью и упрямо отказываясь обретать форму тела. Что-то было не так...

«Она не активирована! – вдруг всплыло в моем мозгу предупреждение Оружейницы. – Тебе предстоит принести великую жертву – забрать жизнь одного, дабы воскресить многих...»

– Чьей жизнью мне придется пожертвовать? – потерянно шептала я, обводя потухшим взглядом моих поникших друзей. – Кому предназначено стать этим героем?

И тут до меня дошло...

– Нет, – надрывно закричала я, с отвращением отшвыривая страшное оружие, срубленным деревом валясь на песок и бессильно колотя по нему стиснутыми кулаками. – Нет, что угодно, но только не он...

– Ульрика, – спокойно произнес Эткин, легко поднимая меня одной лапой и растроганно прижимая к своей необъятной груди, в глубине которой ровно стучало благородное, любящее сердце, – не плачь, родная моя. Ничего уже не изменишь, все предreshено судьбой. Существует лишь одна-единственная сила в этом мире, способная пробудить ото сна всех моих братьев и сестер. Вспомни свою чудесную балладу о мудрейшем из нас, ставшую пророческой. Потому что эта нужная нам сила – кровь

последнего выжившего дракона... Моя кровь!

Жить хотят все – старые и молодые, глупые и умные, богатые и бедные, счастливые и несчастные. Подчас случается так, что мы терпим совершенно не поддающуюся описанию боль, переносим невыносимые унижения, пускаемся на подлость и предательство ради самой желанной цели, называемой выживанием. Мы готовы платить за жизнь любую цену. Жизнь покупают и продают, дарят и одалживают взаймы, забирают и отдают. Жизнь частенько измеряется, а иногда – не измеряется деньгами и властью, благами и удовольствиями. Жизнь – это все и ничего, слишком мало и неизмеримо много. Ее называют даром богов и наказанием судьбы, долей и испытанием, тяжелой участью и улыбкой фортуны. За жизнь цепляются все и каждый, и наверняка лишь очень немногие из нас способны отказаться от жизни добровольно, безвозмездно передав ее другому. А ведь именно таких бескорыстных смельчаков мы и называем героями.

Эткин осторожно поставил меня на ноги, поднял и подал мне несправедливо обиженную, ни в чем не повинную дагу – и теперь смотрел на меня сожаляющим взглядом, терпеливо склонив набок свою тяжелую голову.

– Эткин! – взмолилась я, вкладывая в его благозвучное имя всю страшную боль, отныне навечно поселившуюся в моем сердце. – Эткин!

Дракон немедленно заgrimасничал, мастерски изображая на своей морде величайшее сожаление, впрочем изрядно разбавленное его неизменной дурашливостью до такой уместной степени, будто он доподлинно знал: умирать нужно весело.

– Мелеана, не драматизируй, – четко выговорил он. – Оно того не стоит!

– Не стоит? – Мне казалось, что он несет несусветную чушь. – А чего оно стоит?

– Это не имеет стандартных единиц измерения, – спокойно пояснил гигант, – во всяком случае, вещественных. Если тебе станет от этого легче, то ты можешь придумать их сама. Например, «одна драконо-смерть» за спасение целого народа, или – «один удар клинка» за выживание моей любимой.

Он посмотрел на Ларру так, что мне немедленно стало во сто раз горше. Ибо я никогда еще не видывала такой самоотверженной и безбрежной любви, способной уместиться в одном коротком, мимолетном взгляде. Ну разве только у Астора – там, на залитой кровью арене Геферта...

– Поверь мне, моя милая девочка, – тихонько продолжил Эткин, прикрывая веками свои возбужденно блестящие глаза, – ради достижения подобной цели я готов умереть не один, а целую сотню раз. Не сожалей ни о чем и не печалься попусту, ибо все предопределено заранее. Ведь ради этого я и родился, встретил тебя и прошел длинный жизненный путь. И спасибо демиургам, позволившим мне умереть столь доблестной смертью, а не сдохнуть от старости в своей пещере, закопавшись в груду золота, которую, кстати, я завещаю тебе. Полагаю, – он добродушно усмехнулся, – ты пораскинешь мозгами на досуге да и придумаешь, куда ее следует употребить с наибольшей пользой для всех...

– Отолью твою статую в натуральную величину! – хрипло буркнула я, утирая слезы и пытаясь выдавить приневоленную улыбку.

– Это мне-то, склочному и вредному? – обалдело выдохнул дракон струю дыма. – Статую? Круто!

– Ну я и сама далеко не подарочный вариант! – утешила я друга. – А вообще-то еще подумаю...

Эткин улыбался во всю пасть.

– Ульрика, – мягко напомнил он, – не затягивай прощания, не мучай ни себя, ни меня. Прделай нужную процедуру быстро и дай отдых моей истерзанной душе...

Я вздохнула, совершенно не представляя, что конкретно мне следует сделать.

– Прислушайся к себе, – еле слышно подсказала Ларра. – И интуиция тебя не обманет...

Я постояла еще мгновение, нерешительно покачивая в ладони тяжелую дагу, а потом

внезапно решила и, коротко размахнувшись, нанесла один быстрый удар, направленный прямо в сердце моего мудрого наставника. Драконью чешую всегда называют непробиваемой, от соприкосновения с нею гнутся мечи и ломаются наконечники копий, но сейчас она поддалась необычайно легко, приняв в себя лезвие Алаторы полностью, до самой рукояти... Все наблюдающие за этим ужасным зрелищем потрясенно вскрикнули...

Но, наперекор моим ожиданиям, на краях раны не появилось ни капли крови. А силуэт мускулистого драконьего тела вдруг начал бледнеть и истончаться, медленно превращаясь в россыпь серебряной пыли, многочисленными тонкими струйками поднимающейся вверх.

– Магия, – ликуя закричала Ларра, смеясь и плача одновременно, – в наш мир вернулась магия...

Я опустилась на колени, не отрывая взгляда от грустно улыбающегося Эткина.

– Прощай, Ульрика! – благодарно шепнул он. – Спасибо тебе за все! Прощай, любимая Ларра! Прощайте друзья!

– Прощай, последний дракон! – хором ответили мы. – Храни тебя Логрус!

– Но ведь ты вернешься, не правда ли? – с неистребимым оптимизмом предположила я, замечая, что контуры его фигуры становятся все прозрачнее, а рукоять даги темнеет, наливаясь пронзительно-багровым светом. – Обещай мне, Эткин!

– Верь! – Его ответ напоминал бесплотное эхо, переплетенное с шумом водопада и криком улетающих на юг птиц. – И если ты захочешь этого очень сильно, то...

Алатора со звоном упала на опустевшую каменную площадку, раскалившаяся настолько, что от ее прикосновения песок плавился, превращаясь в стекло. Эткин исчез, навечно оставшись в моем сердце и в моей памяти, поселившись рядом с воспоминаниями о других, не менее дорогих для меня созданиях, также ушедших во тьму, но наперекор всему – обретших бессмертие в песне и в любви.

Глотая злые слезы, я рывком вскочила и подхватила горячую дагу, чувствуя, как требовательно стучит и бурлит в ней напор живой крови, вырываясь на свободу, а потом яростно врубилась в огромную глыбу известняка, скрывающую уснувших драконов...

Слоистые пластины крошились и откалывались кусками, падая мне под ноги. По поверхности гряды пошли трещины, перерастая в глубокие разломы. Мы услышали громкий треск... А вслед за тем из ближайшего к нам камня вдруг высунулась сухощавая лапа, бешено орудующая когтями и старающаяся расширить выход на волю... Известняк развалился, и из него выбрался первый дракон, а затем – второй и третий...

Воздух звенел от их гомона, смеха и шелеста крыльев. Они кричали все одновременно, отыскивая знакомых и детей, задавая вопросы и обмениваясь приветствиями. Они окружили моих абсолютно растерявшихся друзей, засыпая их обрывками рассказов и радостно тормоша. Их испачканные мелом шкуры отливали всеми оттенками серого, черного и коричневого. И их было много, очень много! Драконы, прекраснейшие творения нашего мира, возвращались на Землю, знаменуя приход дня нового – светлого и счастливого! А я, не обращая на них ни малейшего внимания, продолжала самозабвенно крушить податливую темницу, выпуская на волю еще десятки и десятки волшебных крылатых существ... Я исступленно рубила камень, напирая так, будто стремилась уничтожить саму смерть, творя гимн надежды и жизни, вполголоса приговаривая:

– Ради Эткина, ради наших детей, ради их безоблачного будущего! Ради нашего счастья – счастья для всех!

Еще не выпита до дна
Моих потерь ушедших мука,
Как нерв натянута струна,
Но я напрасно жажду звука.

Еще звенело эхом: «Ах!»

Не покидай, останься рядом!»
Кровь закипала на губах,
Когда тебя держала взглядом.

Зачем ты свой урезал срок?
Сгорел без крика и без стога,
Отдал себя судьбе в залог —
Мужчина с обликом дракона?

Но кто-то тихо шепчет мне,
Уже не требуя ответа:
«Вам не дано пропасть в огне,
Ведь эта песня не допета».

Все крепче поручни моста,
Прах собирать совсем не сложно,
Когда душа твоя чиста,
Вернуть ушедшего – возможно.

Чтоб спеть о том, что он любил,
Навстречу ветру улыбался,
О том, как гибель победил,
О том, как смерти не боялся...

Надежды вновь замкнется круг,
Заря осветит поднебесье —
Из чьих-то душ, из чьих-то рук
Он возродится в новой песне.

Судьба утратит власть свою,
Разрушит вера – мрака сети,
Плечом к плечу встают в бою
Совместно с нами – наши дети.

Плоть обретя, воскреснут боги,
Сойдут живыми к нам с икон,
И к небу, в звездные дороги,
Взлетит неумерший дракон...

Алатора погасла и остыла, полностью отдав ожившим драконам напитавшую ее кровь и вновь становясь обычной холодной сталью. На смену бешеной вспышке энергии пришло усталое оцепенение, заставившее меня бессильно опустить руки да утереть мокрое от слез и пота лицо. Взметнувшиеся к небу клубы пыли постепенно оседали на землю, открывая моим глазам что-то поистине невероятное. Драконы замолчали, выстроившись ровными шеренгами у меня за спиной и готовясь бросить вызов любой опасности, любому злу. Но вот подул свежий ветерок, идущий откуда-то сверху, разом разогнавший грязь и уныние, а я увидела нечто прекрасное и непонятное, кажется сотканное из тысячи золотых нитей и мириад янтарных пластинок.

– Вот он, Храм Розы, – торжественно объявила Ларра, указуя простирая крыло. – Твои усилия и жизнь Эткина вернули его нам. Теперь уже – навсегда!

О да, легендарная сокровищница артефактов и впрямь поражала воображение своей красотой и великолепием. Она напомнила мне полураспустившийся бутон чайной розы,

отлитый из стекла и золота. Чей изощренный ум проектировал эти ажурные арки и воздушные мостики, чьи искусные руки чеканили это высокое крыльцо и створки изящных ворот, распахнувшихся, словно половинки морской раковины?..

– Его двери открыты! – с некоторой долей подозрения обнаружила я. – Там...

– Иди же, – настойчиво подталкивала меня драконья царица. – Тебя там ждут! Но – лишь тебя одну!

И тогда я вложила оружие в ножны, а затем прикоснулась к перстню «Пожиратель пространства», активируя портал.

– Вам нужно вернуться домой, друзья, – ласково попрощалась я со всеми, одного за другим отправляя их в мерцающий проход межпространственного коридора, – ждите меня в Силе...

– На, – протянул мне свою любимую помаду Ланс, – мне она пригодилась – авось и тебе понадобится!

– У тебя лицо в пыли. – Марвин протянул мне свой изрядно замурзанный, жутко скомканный носовой платок. – Вытрись!

Я хмыкнула, провела по лбу мятым комочком ткани и с благодарностями сунула оба подарка к себе в карман.

– Я позабочусь о малыше Люции, будто о родном, – трогательно пообещала Ларра, подсаживая к себе на спину Кса-Буна, нежно баюкающего моего притихшего сыночка. – Не беспокойся о нас, принцесса!

Наконец они ушли. Наверно, они унесли с собой очередную частицу моей души, делая меня пустой и легкой, словно излившееся дождь облако. Отныне мне предстояло сражаться с судьбой в одиночку, надеясь только на свою смелость и свое отчаянное сумасшествие. Я ощущала себя полумертвой от горя потери, немного успокаиваясь сакральной фразой: «Все, что не убивает нас сразу, делает нас сильнее», – точно так же, как и после гибели Астора. Ведь тогда я тоже не имела права проявлять слабость. Все повторялось... Вот и сейчас мне нужно идти вперед, всегда вперед!

До моего слуха вдруг долетели три ритмичных колокольных удара, шедших из глубины Храма и настоятельно зазывающих меня внутрь.

«Ну что ж, – мысленно усмехнулась я, отменяя последние сомнения и колебания, – похоже, неугомонная госпожа судьба желает разыграть очередной миракл⁶⁴, отводя мне в нем далеко не последнюю роль. Прочитать сценарий я не успела, а посему – держитесь, я обещаю: буду импровизировать на ходу...»

И, придерживая бряцающее оружие, я бестрепетно шагнула на крыльцо...

Глава 5

Я проследовала через анфиладу просторных светлых комнат, соединенных между собой ажурными серебряными арками. Храм купался в лучах полуденного солнца, причудливо преломляющихся на его янтарных стенах и потоками жидкого пламени растекающихся по золотому полу. Мне казалось, будто я ступаю по плоти некоего мифического существа, пробуждающегося ото сна, размеренно вздыхающего после долгого забытья и неторопливо вспоминающего, как это приятно – дышать, видеть, осязать... Преданное забвению хранилище артефактов возвращалось к жизни.

Храм выглядел пустым и необитаемым. Ни единого звука не нарушало тишины его залов, ни одна нога, кроме моей, не топтала легкой кованой лестницы. Выполненный в форме устремленной к облакам башни, Храм спиралью извивался вокруг золотого стержня, нанизывая на него этаж за этажом, ярус за ярусом. Преодолев десяток ступеней, я попала в

⁶⁴ М и р а к л ь – религиозно-назидательное представление, повествующее о «чуде», совершаемом каким-либо святым.

новое помещение и восхищенно расширила глаза, потому что эта комната оказалась до отказа забита самыми редчайшими артефактами, когда-либо существовавшими на земле. Затаив дыхание и усмиряя стук бешено колотящегося сердца, я беззвучно скользила между прозрачными витринами, благодаря знаниям Оружейницы безошибочно распознавая выставленные в них раритеты. Вот знаменитый скипетр древнеегипетского бога Собека – властителя вод. Резной жезл венчал огромный аквамарин, переливающийся всеми цветами радуги. Именно это сокровище похитил у фараона Рамзеса хитрый иудей Моисей, чтобы провести свой народ через пустыню, выйти к горе Синай и раздвинуть воды Красного моря. В соседнем стеклянном отсеке покоился выполненный в виде шлема венец Амона, коим некогда увенчали Александра Македонского, объявив его сыном бога. Шлем многократно усиливал экстрасенсорные способности любого человека, позволяя ему видеть прошлое и будущее. А рядом с ним стояли громовое копье скандинавского аса Одина, совершеннейший накопитель энергии, и обвитый змеями кадуцей⁶⁵ Гермеса – бездонный носитель информации. Черная жемчужина Кришны, призванная убить каждого человека, произносящего хоть слово лжи, и золотая эгида⁶⁶ Афины Паллады, способная отразить любой клинок. Огромный двуручный меч-кладенец, якобы принадлежавший какому-то крестьянскому сыну по имени Илья из деревни под городом Муромом. Походный бунчук Джебэ-нойона⁶⁷, согласно легенде сделанный из гривы единорога и приносящий победу в бою. Не уверена, насколько точно сия версия соответствовала правде, но вот по цвету и фактуре – волосы на бунчуке⁶⁸ идеально подходили под масть одного моего весьма говорливого знакомого. А далее – всякое и всяческое прочее... Следующие полки заполняли еще более древние предметы, упоминания о которых дошли до нас в виде сказок и преданий: портативный излучатель лжевизуальной завесы – шапка-невидимка, самоходные ускорители движения – сапоги-скороходы, антигравитационная платформа – ковер-самолет, призывающая крыс дудочка, компас в виде клубка ниток. И еще многое и многое другое. Второй зал занимали артефакты и амулеты, созданные демиургами, родные братья и сестры моего перстня «Пожиратель пространства». Но меня интересовали отнюдь не эти удивительные сокровища, а проход, ведущий на Радужный уровень. Внезапно мой натренированный слух уловил легкий шорох. Я мгновенно повернулась на каблуках, выхватывая из-за пояса кинжал и занося его для удара...

Передо мной стоял молодой, худой до истощения мужчина, облаченный в белое жреческое одеяние. Ритуальный балахон болтался на его тощем теле настолько свободно, что мне сначала показалось, будто аскет-янтр⁶⁹ совсем не имеет плоти, уничтоженной разрушительным действием одурманивающей травы. Удерживаемый серебряным обручем капюшон низко нависал надо лбом, отчего его узкое лицо постоянно оставалось в тени, не позволяя рассмотреть черты, и лишь огромные глаза с пьяно расширенными зрачками светились угольями, внушая мистический страх. Я вздрогнула и опустила оружие.

Жрец смиренно сложил ладони на груди и низко поклонился.

– Повелительница драконов, – его голос звучал торжественно и глухо-тягуче, – мы

⁶⁵ Ка д у ц е й – жезл древнегреческого бога Гермеса, крылатого вестника.

⁶⁶ Э г и д а – в древнегреческой мифологии щит Зевса и Афины, символ защиты и покровительства богов.

⁶⁷ Д ж е б э - н о й о н («нойон» – монгольское слово, обозначающее – тысячник) – реальное историческое лицо, соратник Чингисхана.

⁶⁸ Б у н ч у к – воинский штандарт.

⁶⁹ Я н т р ы – жрецы, впадавшие в транс под воздействием запаха сжигаемой травы янт, произрастающей в Рохоссе.

рады приветствовать тебя в нашей скромной обители. Прошу, следуй за мной, пророк Логрин ожидает в хрустальной зале.

– Какой еще пророк? Зачем я ему понадобилась? – Я засыпала янтра вопросами, но он, так и не выходя из своего сонного оцепенения, равнодушно повернулся ко мне спиной и, почти не отрывая ступней от пола, буквально заскользил в противоположную сторону. Сквозь зубы помянув гоблинов, я последовала за ним.

В углах комнаты были расставлены медные жаровни, на которых тлели семена травы янт. Струйки сизого дыма медленно поднимались вверх, сворачиваясь в причудливые спирали и источая едкий, настойчиво лезущий в нос запах. Не сдержавшись, я звонко чихнула...

– Люди действия не любят затуманивать свой мозг! – донесся до меня дребезжащий старческий смех. – Но мы вынуждены использовать вещества и препараты, способные усилить мощь мысли...

– Зачем? – удивилась я, усаживаясь на подsunутую мне подушку и с любопытством оглядываясь. – Кто вы, не желающие жить в реальности? Дано ли вам осознание тех границ, кои вы пытаетесь преодолеть?

– А кому дано знать, где заканчивается реальность и начинается вымысел? – парировал мой невидимый собеседник, скрытый за пеленой дыма. – Да и где она проходит, эта размытая грань бытия и небытия?

Пытаясь заглушить собственную, изрядно раздражающую меня робость, вызванную загадочной атмосферой, царящей в Храме, я лихорадочно замахала ладонями, разгоняя дымовую завесу, скрадывающую фигуру моего собеседника. Туман немного рассеялся, и я увидела...

Оно полулежало на низком и широком хрустальном троне, обложенное десятком подушек и укутанное шерстяным белым покрывалом. Его тяжелая голова опиралась на правую многосуставчатую длань, лишь отдаленно смахивающую на нормальную руку. Своими удлинненными, согнутыми под немыслимыми углами конечностями это существо напомнило мне старого, сморщенного кузнечика, что-то вещающего пронзительным, скрипучим голосом. Я невольно улыбнулась, надеясь, что хозяин Храма не догадается о моих потаенных, но излишне нелестных сравнениях. Но кузнечик тоненько хихикнул, шевеля заменяющими ему губы жвалами:

– Ты права, принцесса. По линии эволюционного развития мой народ стоял гораздо ближе к насекомым, чем к людям. Некогда мы напрямую влияли на судьбы этой планеты, управляя действиями царей и жрецов, но ныне в живых остался лишь я, сумев пережить и закат великого Вавилона, и гибель Атлантиды, и упадок Римской империи. И даже – страшную ядерную зиму...

– Ты служишь демиургам? – несмело предположила я.

Существо засмеялось еще отвратительнее:

– Нет, моя милая девочка. Меня называют верховным пророком Логрином, и я не служу никому, ну разве что великой Истине – главной в этом мире.

– Так ты жрец Логруса! – догадалась я.

Логрин протестующе кашлянул:

– Пустота – лишь часть Истины. Я – уста и глаза Пустоты, оценивающие объективные шансы будущего и фатальные последствия прошлого...

– Уста? – Я оторопело воззрилась на жвала Логрина. – Глаза? – Белый капюшон его одежды спускался почти до подбородка...

Пророк повелительно взмахнул рукой. Два молодых жреца поспешили откинуть капюшон с его лица, но глаза Логрина по-прежнему оставались закрытыми, потому что он оказался не в силах самостоятельно поднять два серых лоскута кожи, свисающие, будто надежные заслоны, и неподвижно покоящиеся у него на щеках.

– Поднимите мне веки! – приказал пророк.

Жрецы подчинились ему беспрекословно.

Два луча испепеляющего пламени вырвались из глазниц пророка, вонзаясь в мои глаза и почти прожигая их насквозь. Мне показалось, будто две остро отточенные спицы проникли в мой разум, взламывая, изучая, исследуя, бесцеремонно пробиваясь в мои самые интимные думы и желания. Я застонала от нестерпимой боли и прикрылась ладошкой.

– Хорошо, – каркнул Логрин, подавая знак помощникам вновь опустить ему веки, – очень хорошо. Помыслы твои чисты и бескорыстны, а сердце исполнено отваги и любви. Но ты еще не приняла света Истины, а потому рассуждаешь эгоистично и посредственно...

– В чем же состоит настоящая Истина? – вопрошающе воскликнула я, жадно подаваясь вперед и приготовившись внимать откровению мудреца.

Но Логрин лишь осуждающе качнул головой:

– Истина открывается лишь нелицемерным и самоотверженным. Нужно научиться быть самим собой, а не кем-то другим, хотя зачастую нам кажется, что жить под маской другого намного проще. Но это не так. Миражи обманчивы, а посему – учись превозмогать их власть. Учись творить добро не ради личной выгоды, а ради самого добра. Не бойся быть милосердной, ибо жалость – это не слабость, а сила. Живи помыслами другого человека – и добро вернется к тебе сторицей. Невозможно пройти свой путь чужими ногами, нельзя купить свою удачу чужой кровью – помни это, принцесса. Если хочешь приручить свое пугливое счастье, то согрей его теплом своего сердца, приласкай открытостью своей души, привлекли нежностью своего голоса. И тогда оно останется с тобой навсегда!

Я пристыженно прикусила губу и покраснела:

– Да, видно, даром говорят: «На чужом горбу на Радужный уровень не въедешь!»

– А ведь туда тебе и надобно попасть? – скрипуче хмыкнул Логрин.

– Ага! – Я беспомощно хлопнула ресницами – совсем точь-в-точь как это частенько проделывал Ланс, старательно притворяясь наивным глупышкой. – Туда!

Пророк смеялся долго, так сильно сотрясаясь всем телом, что я уже начала не на шутку опасаться – а ну как этот хрупкий остов, насчитывающий не одну тысячу лет, развалится, унеся с собой светоч негасимой мудрости, обитающий в столь ненадежной оболочке. Но, к счастью, ничего подобного не случилось.

– Притворщица, – наконец соизволил успокоиться Логрин. – Меня на такие женские штучки не подловишь, но я помогу тебе не столько по велению сердца, сколько по зову Истины. Прими мой дар. – Он распахнул шерстяной балахон, на миг обнажив что-то совершенно немыслимое, похожее на хитиновый панцирь рака, и снял со своей шеи две тонкие цепочки с подвешенными к ним крохотными флакончиками. – Вот сюда, – жрец подал мне первый сосуд – хрустальный, оплетенный серебряной проволокой, – ты наберешь мертвую воду. А сюда, – второй флакон оказался отделан золотом, – живую. Да смотри не перепутай.

– Вам уже доводилось напутствовать желающих попасть в Обитель богов? – спросила я, пряча подарок у себя на груди. – Не так ли?

Жвала Логрина гневно заскрежетала:

– Нет. Но много лет назад среди нас нашелся гнусный предатель – отступник, посмеявшийся выкрасть запасной комплект флаконов и обманом проникнувший на Радужный уровень. Я слышал – судьба наказала его по заслугам...

– А вода? – дрожащим голосом перебила я. – Он ее добыл?

– Мертвую – да, – спокойно подтвердил пророк. – Посреди Полей мертвых находится неугасающий вулкан, носящий имя Купель посмертных слез. Он полыхает огнем и жаром, а в его недрах плещется густая черная жижа, состоящая из пепла сожженных трупов. Набери эту мертвую воду в защищенный серебром флакон, хотя я не представляю, как ты сможешь до нее добраться.

– А живая? – продолжала я допытываться. – Где искать ее?

Логрин виновато дернул своими длинными руками, бестолково комкая край

покрывала:

– Этого не знаю даже я!

И тщетно я задавала все новые и новые вопросы, пытаюсь разобраться в ожидающих меня испытаниях: жрец лишь бессильно шуршал пальцами да многословно извинялся за неосведомленность.

– Умойся живой водой – и проклятие, наложенное на тебя Ринецеей, спадет. А еще, возможно, эта вода оживит твоего погибшего возлюбленного...

– Возможно? – растерянно переспросила я. – Но я так надеялась...

– Ты так и не постигла истинной сути любви! – В холодном голосе Логрина не прозвучало и намека на сочувствие. – А как можно реанимировать то, настоящего смысла чего ты не понимаешь?

Я зарычала от злости и дерзко вскинула подбородок.

– Вам не дано ощутить всю боль моей потери, – кричала я, почти захлебываясь от переполняющего меня возмущения. – Вы никогда не лишались любимого и неспособны осознать, каково это – выживать без него!

– Эгоистка! – презрительно скрипел пророк. – Ты думаешь только о себе... Иди! – Он ткнул пальцем в сторону выхода из комнаты. – И моли великую Истину просветлить твое черствое сердце!

Разъяренно ругаясь, я вихрем взметнулась с подушки, отлетевшей прямо в лицо зловеще хохочущего Логрина, и выскочила вон...

Я не стала утруждать себя подсчетом количества этажей и ступеней, ведущих наверх – к крыше Храма Розы. До сих пор пребывая под впечатлением нанесенной мне обиды, я просто бездумно мчалась по спирально изогнутой лестнице, бормоча неловкие оправдания и мысленно все еще пытаюсь убедить несговорчивого пророка в своей правоте. Хотя мне следовало признаться откровенно – отныне в моей бунтующей душе поселился крохотный зародыш сомнения, коему суждено было вырасти впоследствии до громадного размера и полностью перевернуть все мои прежние представления о природе и сущности любви. Но пока это оставалось делом будущего...

Лестница закончилась неожиданно. Потная и разгоряченная от бега, я выскочила на плоскую крышу, представлявшую собой небольшую квадратную площадку, в центре которой высился толстый золотой стержень, оканчивающийся горизонтально закрепленным диском.

«Активная зона телепорта, – услужливо подсказала память Оружейницы. – Ее можно задействовать простым поворотом вложенной в приемное отверстие Радужной иглы, являющейся ключом от пространственного коридора...» И, не задерживаясь ни на мгновение, я одним вызывающим в своей решительности движением запрыгнула на диск. Уверенно выпрямилась, вглядываясь в даль...

Я еще успела рассмотреть извилистую линию горизонта, покрытую девственным лесом, прелестное маленькое озеро, все иссеченное белыми бурунчиками волн, но тут мое созерцательное настроение нарушило басовитое гудение, шедшее от телепорта. Воздух вокруг меня подернулся разноцветной рябью, задрожал и исказился. Линия леса поплыла вбок, все убыстряя ход, а затем встала на дыбы и разломилась на сотню синхронно вращающихся частиц. Озеро взорвалось мириадами острых брызг, вонзившихся в мое тело. Я ощутила космический холод – ненасытный и беспощадный, способный пожрать плоть и выпить рассудок – и пронзительно закричала от ужаса. Я видела, как мимо меня проносятся хвостатые кометы и смертоносные астероиды, как рождаются и стремительно стареют планеты, превращаясь в огненные квазары, я ощущала яростные порывы солнечного ветра⁷⁰. Я поняла, что лечу, а потом куда-то падаю. И мое вынужденное падение длилось целую

⁷⁰ С о л н е ч н ы й в е т е р – поток ионизированных частиц, истекающих с поверхности звезды в космическое пространство.

вечность...

Чтобы на равных бороться с судьбой, нужно обладать двумя не зависящими друг от друга качествами: иметь безграничное рвение к победе и молча терпеть прямое или косвенное вмешательство судьбы. А если не хочешь смириться – просто не суйся. Нет, конечно, можно и сунуться бесшабашно, но тогда будь готов самостоятельно отвечать за последствия своих поступков, ибо никакие отмазки здесь уже не помогут. Назвался героем – полезай в пекло, да помни: герои от страха не плачут и маму не зовут. Но зато им дается редкостный шанс умереть красиво и патетично – а это, согласитесь, уже немало!

Если ты упустил свой шанс, то никогда не думай, будто он – последний. Будут и другие шансы, которые ты упустишь столь же благополучно. Но в любом случае если ты желаешь, чтобы в твоей жизни произошли какие-то перемены, то обязательно бери власть над обстоятельствами в свои руки. Начни преобразования с себя, ибо нельзя изменить жизнь, не изменившись самому. И если до этого момента я свято соблюдала принципы, диктующие мне методику последовательного разрешения возникающих проблем, то сейчас ход судьбы сбился настолько, что я отбросила прочь все прежние правила и решила взять судьбу за рога. Что же касается принципов... Ну их тоже нужно иногда нарушать. А иначе какое от них удовольствие?

Придя в себя, я осознала, что лежу на чем-то неприятно твердом и холодном, уткнувшись носом в пучок квелих растений. Осторожно приоткрыла правый глаз, опасаясь обнаружить какой-нибудь подвох, но, слава Пресветлым богам, это оказался всего лишь кустик блеклых бутонов асфоделя⁷¹, неловко примятый моим подбородком. Прислушавшись к своим ощущениям, я пришла к однозначному выводу: я грохнулась с приличной высоты, отключилась от удара о землю и провалилась в таком положении гоблин знает сколько времени. Но мне очень хотелось верить в то, что сейчас я все-таки нахожусь именно там, куда и стремилась попасть: на Радужном уровне.

Я поднялась на ноги, отряхнула испачканную рубашку и внимательно осмотрелась. Здешние места мало чем отличались от привычных мне нарронских лесов. Ну разве только приглушенной, весьма невыразительной окраской травы и листвы деревьев, скорее смахивающей на серую, чем даже на светло-зеленую. Этот мир будто бы выцвел, являясь всего лишь бледной копией живого земного ландшафта. Ленивый ветерок вяло колыхал поникшую листву, солнце светило вполсилы, и даже небо казалось каким-то рыхлым куском грязной ваты. «Брр», – я с неприязнью передернула плечами, начиная понимать, почему души умерших так торопятся вернуться обратно, в реальный мир. Тоска и серость тут царили поистине смертные.

Точно передо мной находилась пара горных вершин, закругленных и симметричных, словно женские груди. Кажется, я уже привыкла к строгому символизму философии демиургов. Они возвели парные горы как наглядное отображение двойственности добра и зла, смены дня и ночи, взаимосвязи жизни и смерти, неразрывности мужского и женского начал. Бытие и любовь состоят из двух половинок, образующих единое целое. И неудивительно, что поиск своей пропавшей половины и спасение Земли от гибели слились для меня в общую задачу.

На правой возвышенности располагался маленький храм – точная копия того, где я имела честь познакомиться со склонным к философии Единорогом. А вот на левой – раскинулось длинное, приземистое здание, совершенно не блистающее внешней привлекательностью и – более того – сильно смахивающее на неприступную боевую цитадель. Никаких тебе колонн, капителей и цветных витражей, все строго и практично. Окна заменяли узкие щели бойниц, примыкающая территория находилась под контролем видеокамер, а крышу украшала тарелка спутниковой связи. Итак, сказочный антураж

⁷¹ А с ф о д е л ь – мертвый цветок, согласно греческой мифологии произрастающий в загробном царстве.

закончился – я попала на территорию демиургов.

Обитель затерянных душ, жилище богов-координаторов – так называлось это здание. Генная лаборатория, предназначенная для процесса реинкарнации, когда лишившиеся физической оболочки души походили через блок очистки памяти и заселялись в новое, едва народившееся тело. Конвейер жизни, запущенный всесильными творцами.

Я насчитала шесть датчиков слежения, полностью перекрывающих площадку перед воротами, и как ни пыталась, но так и не смогла избежать внимания их всевидящего ока. Значит, незаметно проникнуть внутрь здания мне не удастся. Следовательно, придется действовать в открытую. Насвистывая легкомысленную мелодию, я спокойным шагом подошла к массивным двустворчатым воротам, постаравшись навесить на лицо самую беззаботную улыбку, на которую только оказалась способна. Ну до чего же трогательная картинка у нас тут вырисовывается: блудная дочь возвращается под отчий кров, старательно строя из себя примерную паиньку. Идиллию немного портил мой внушительный арсенал, состоящий из Нурилона, пяти даг и пары метательных кинжалов, неприметно запрятанных за отворотами высоких сапог. Интуиция подсказывала – внутри меня встретят отнюдь не хлебом-солью. Проигравшая войну Ринецея попытается любым доступным ей способом удержать свой последний рубеж, и, думается мне, выбор окажется прост до банальности: из нас двоих уцелеет только одна. Вот такая суровая диалектика выживания – и ничего личного.

Входная дверь не имела ни замка, ни ручки, только крохотный экранчик дактилоскопического анализатора личности. Скептически хмыкнув, я приложила подушечку большого пальца своей правой руки к квадратной рамочке, уже прикидывая, устоит ли металл двери против лезвия моего меча... По поверхности сканера прошлась зеленая полоска света, считывая представленные данные. «Имеется ли в компьютерной базе Обители образец кожного рисунка моего пальца?» – успела подумать я, мало надеясь на успех предпринятой авантюры и боясь даже предположить, сколько времени мне придется потратить на взлом двери...

– Служба контроля Обители приветствует вас, Оружейница! – Холодный механический голос шел из ниоткуда и отовсюду сразу. Едва слышно щелкнул невидимый замок, и железная створка призывно отворилась.

«Ну и дела!» – к месту припомнила я любимую фразу Ланса, ужом проскальзывая внутрь...

Серые, однообразные коридоры Обители напоминали казарму. Повсюду господствовала стерильная чистота, освещаемая равномерным голубоватым светом, льющим из электрических светильников. Где-то в отдалении ровно гудел генератор, создавая мнимую видимость обитаемости. Это место внушало мне подсознательный страх, пробуждая в душе целый ворох чужих, противоречащих моему рассудку воспоминаний. Я видела руки – свои и не свои одновременно, плавно раскачивающие реторту с кровью, а затем обнаружила, что сосредоточенно рассматриваю ее на свет, оценивая густоту и состав. Я сплавляла в единое целое магию и науку, отковыывая клинок, сейчас покоящийся в ножнах у меня за спиной. И, наконец, я дневала и ночевала в секретной лаборатории, экспериментируя с пятью дагами, призванными когда-нибудь воздать по заслугам любому, кто осмелится покуситься на благополучие слабого и жизнь беззащитного... Тогда я звалась Оружейницей...

– Как, почему пять? – вслух воскликнула я, выплывая из тумана ушедшего в небытие прошлого. – Но ведь все считают, что Алатор должно быть шесть!

– Так-так, – насмешливый голос Ринецеи дрожал, тщетно пытаясь обрести силу и уверенность, – ты все же добралась до святой святых нашего мира! Следует признать, ты отличаешься редкостной настырностью, принцесса.

Появление демоницы стало для меня настоящей неожиданностью. Вот так это обычно и случается: ты прилагаешь все мыслимые усилия для того, чтобы найти нужного тебе человека, а когда он сам находит тебя первым – теряешься и выпускаешь инициативу из

своих рук. Мгновенно осознав, в насколько невыгодное положение поставила меня расторопность противницы, я изобразила на губах радостную улыбку и приветливо качнула головой:

– Дорогая сестра, не ожидала от тебя столь теплого приема! Как же это мило – ни растяжек в коридоре, ни ведра с кислотой над дверью! Неужели ты решила посвятить остаток своей жизни исключительно добрым делам?

Лицо Ринецеи перекопилось от негодования:

– Да что ты смыслишь в добре и зле, девчонка?

– О, – я с наигранным легкомыслием взмахнула обеими ладонями, – зато я немного смыслю в демонах. Признайся, дорогая: так и не научившись творить крупные неприятности, ты теперь специализируешься на мелких пакостях и низкопробном хулиганстве?

– Как это? – не поняла меня заклятая врагиня, растерянно моргая красивыми черными глазами, округлившимися от моей непроходимой наглости. – Да что за ерунду ты несешь, дурочка?

А между тем я вполне отдавала себе отчет в том, что говорю и делаю. Сбитая с толку воспоминаниями Оружейницы, я не успела заметить, из какой именно двери появилась демоница, но затевать драку в том узком проходе, в коем мы находились в данный момент, категорически не входило в мои намерения. Поэтому я продолжала напористо идти вперед, изошряясь в бессмысленной болтовне и непрерывно наступая на противницу, вынужденную пятиться спиной вперед.

«Скорее шевели ботфортами и выпихни ее куда-нибудь из этого гоблинового коридора, – молоточком стучало у меня в мозг. – А то здесь даже мечом по-нормальному размахнуться негде...»

Еще пара шагов, еще пара едких фраз – и мы ввалились в многогранное, похожее на грот помещение, все стены которого занимали соединенные между собой зеркала, образуя единую, слепящую глаза поверхность. Я сдавленно ругнулась себе под нос, понимая, что худшей арены для поединка не подобрать и специально, ибо сия комната предназначалась для медитаций и упражнений в магии, благодаря зеркалам многократно усиливая любой выброс ментальной энергии. То была территория магов.

Демоница довольно ослабилась:

– Ну что, вот ты и попалась, дерзкая выскочка! Умоляй меня о снисхождении, и, возможно, тогда я убью тебя быстро.

Гневно сузив глаза, я посмотрела на нее в упор, стараясь разобраться – так ли уж сильно я ненавижу ее на самом деле? Наверно, мне стало ее жалко: она судорожно пыталась не выдавать овладевшей ее сердцем паники и осталась совсем одна. Ведь она и так уже лишилась всей своей семьи: двоих братьев убили мои друзья, а третий – наиболее сильный и умный, казавшийся столь надежным и преданным – совершил самое худшее из предательств, полюбив врага. Сейчас она уже не производила впечатления прежней могучей волшебницы, уподобившись напуганной маленькой девочке – бледной и потерянной. И в глубине души я признавала: да, я смогу простить зло, причиненное ею людям, если Ринецея раскается и исправится. Ее мертвенно-серое лицо утратило ранешнюю сказочную красоту, теперь вызывая только жалость видом усеивающих его трупных пятен и каплями черной крови, сочащейся из глаз и ноздрей. Видимо, срезанная с Аолы кожа так и не прижилась полностью, доставив демонице больше хлопот и неудобств, чем радости и выгоды. И я заговорила с нею очень мягко, совершенно позабыв об осторожности.

– Сестра, – сострадательно позвала я, протягивая к ней миролюбиво простертые ладони, – видишь, мое оружие вложено в ножны. Приди в мои объятия. Забудем вражду и объединим наши усилия в борьбе против общего врага. Раньше я не верила, что жестокие люди способны исправиться, но ты – ведь ты же моя родственница, сестра моего супруга... Ты не такая...

– О нет... – патетично всхлипнула Ринецея, – о нет...

И тогда я придвинулась еще ближе к ней, обезоруженная ее слезами...

– О нет, – вдруг глумливо зарычала демоница, ликующе оскаливая клыки. – Ты права, дура доверчивая: жестокие люди не меняются никогда. Они умеют обманывать и без зазрения совести пользуются своим талантом...

Зеркала изливали волны холодного света, бьющего прямо по глазам. А в руке у демоницы вдруг появился маленький пистолет, направленный мне в грудь. Она торжествующе расхохоталась, наслаждаясь моей обреченностью, и нажала на курок...

Конечно, я уже располагала достоверной информацией о существовании огнестрельного оружия – благодаря наложенной творцами защитной магии абсолютно бесполезного на Земле, но вполне дееспособного здесь, в мире иных правил, в мире техники. Только тут, в пределах созданной ими Обители, демиурги смогли объединить магию и достижения своей далекой родины, основанные на применении механических и кибернетических устройств. Я получила универсальные знания об их разработках, но опытом в противостоянии стрелковому оружию вовсе не обладала.

Мне уже не раз приходилось спасать собственную жизнь, мобилизуя все скрытые ресурсы своего организма, специально созданного для подобных ситуаций: полное погружение в схватку, умение становиться воплощением воинского духа, совершенной машиной убийства. Но никогда еще мои способности не проявлялись столь блестяще.

Я перемещалась быстрее звука и мысли, стремительнее пули, вылетевшей из дула пистолета. Смертоносный серебристый цилиндр лениво завис в воздухе, словно муха, угодившая в кусок янтаря. До автоматизма отработанным движением я выхватила из ножен Рэнуэль Алатору, полагаясь на убийственную силу Разящей иглы. Однако дага легко выскользнула из моих пальцев, взлетая к потолку и оставляя внизу свою недоумевающую владелицу, расширившую возбужденно блескующие глаза. С натужным краканьем лопнули перевязи, удерживающие ножны остальных даг, – и еще четыре Алаторы присоединились к своей сестре, образовав сверкающий хоровод из пяти клинков, кружащихся у меня над головой. А дальше произошло невероятное...

Вращение даг все ускорялось до тех пор, пока контуры их лезвий не слились в один общий, образовав непрерывную, лучезарную полосу. Сталь звякнула о сталь, когда Алаторы сблизилась и неожиданно сложились все вместе, превратившись в совершенное оружие, вобравшее в себя силу всех даг. Новорожденный клинок – тяжелый и буквально налитый пронзительно-белым светом – грянул вниз, покорно впечатываясь в мою выжидательно подставленную ладонь, ложась в нее весомо и уверенно. И тогда я наконец-то поняла все...

Оружейница говорила правду – Алатор и в самом деле было шесть. Пять стальных лезвий, в нужный момент соединившихся, будто верно собранные кусочки мозаики, и шестой – живой, являющийся умом и сердцем возрожденной Алаторы. И этим шестым клинком стала я – естественное продолжение и логическое завершение моей даги, дочь великой создательницы мечей. Ибо эти даги предназначались мне изначально, ковались нарочно для меня и ждали только меня.

Одним виртуозным взмахом кисти я легко отбила пулю, стукнувшуюся о лезвие даги и упавшую на пол. Ринеcea разъяренно взвыла, как раненый зверь, отбрасывая прочь свой пистолет, ставший совершенно никчемным.

– Вот уж не предполагала, что ты сумеешь раскрыть тайну пяти Алатор, – уныло созналась она, одаривая меня опасливым взглядом. – Недаром говорят, будто дуракам везет...

– А давай проверим? – предложила я, поигрывая дагой. – Сразимся. Разве не видно – нам двоим слишком тесно на одной планете...

– Ты не имеешь права лишать меня жизни, – криво улыбнулась Ринеcea, стараясь выглядеть уверенной в себе, но улыбка вышла жалкой. – Это же нехорошо, недостойно воина-защитника.

– Да, жить – вот что приятнее и лучше всего, – согласилась я, крадущейся походкой обходя ее по периметру и прикидывая, каких еще неприятностей можно ожидать от сей

подлой особы. Ведь она чуть не подловила меня на жалости. – А умирать все равно придется...

– Я не могу умереть, – истерично взвизгнула демоница, сжимая кулаки и едва сдерживая переполняющий ее страх, – я не хочу! – Она уже кричала.

Я презрительно приподняла бровь:

– Да ну? – В этом я с нею еще могла согласиться: ведь умирать добровольно не хочется никому. – Знаешь, некоторые женщины страдают полнейшим отсутствием логики. Они уверены, что два умножить на два – будет пять, если хорошенько поплакать и устроить скандал. Да вот беда – время твоих капризов почти закончилось...

– Не доводи меня до крайности, – шипела Ринецея, отступая к зеркалам. – А не то...

– А не то – что? – заинтересовалась я. – Ты сейчас заплачешь?

Но демоница не ответила. Она внезапно резко упала назад – прижалась лопатками к гладкой, однородной поверхности стекла и словно бы ушла в глубь зеркала, растворившись в его плоскости. С громкой руганью я прыгнула вперед, намереваясь ухватить ее за рукав и вытянуть наружу, но сумела различить только прощальную, язвительную усмешку, тающую в толще зеркальной пластины. Я ударила по стеклу кулаком, но оно ответило мне издевательским гулом, больше смахивающим на хохот голодного полуночного хищника. И вот тут я осознала повторно, что зеркало – вовсе не друг мне, а, как и прежде, враг, сейчас нарушивший наш нейтралитет и готовящийся перейти в нападение...

Гибким поворотом я отпрянула назад, в центр комнаты, и совершила это вовремя, потому что зеркальная поверхность вдруг пошла широкими кругами, словно черная полынья зимней проруби, и выплеснула из себя несколько высоких фигур, завернутых в одинаковые серые плащи. Вышедшие из иного мира бойцы угрожающе шагнули мне навстречу, отводя полы своих одеяний, и тогда я закричала – горестным и пронзительным криком смертельно раненной птицы, отказываясь принимать навязанный мне бой. Я не хотела драться с этими противниками, ибо узнала их с первого взгляда.

Возможно, их поразительное сходство с кое-кем могло обмануть кого угодно, но только не меня. Зеркало дотошно воспроизвело внешность моих друзей, воплотив в созданных им тварей: не ошибившись ни в завитке волос, ни в форме носа и придав призракам поразительное сходство со своими живыми прототипами. Но вот в самом главном магия осталась бессильной: не сумела вдохнуть душу в тех, кто нес смерть и зло. У зеркальных монстров не было глаз, а на их месте тускло мерцали слепые бельма...

Первым шел вооруженный секирой Огвур, за ним – Кса-Бун с топором наперевес, а третьим стал Генрих, уже нацеливший на меня острие своей рапиры. Но самым страшным оказалось то, что шествие моих будущих убийц замыкал Астор, обеими руками сжимающий рукоять Полумглы. Ринецея коварно обратила против меня все самое ценное, когда-либо доставшееся мне в жизни: дружбу, преданность, любовь. Уж лучше бы она заставила меня драться с самой собой! Я смотрела на своих противников жалобным, умоляющим о милосердии взглядом, но, увы, созданные демоницей призраки не ведали пощады. А я, смогу ли я переступить через свои эмоции и вонзить клинок в сердце Огвура или Астора, пусть даже и не настоящих, а наведенных колдовским мороком? Смогу ли я повторно убить свою любовь?

«Миражи обманчивы, учись превозмогать их власть» – так, кажется, говорил пророк Логрин, лучше меня осведомленный о сути предстоящих мне испытаний. И вот он настал – час моей проверки на прочность, час выбора, час принятия нужного решения. Сколько стоит моя жизнь? Сколько стоит жизнь нашего мира, зависящая от меня одной? И стоит ли она разбитого зеркала моей души?

За жизнь расплата немала —
Но кто ее оценит точно?
Принять решение нужно срочно!

Как хрупко бьются зеркала,
Слезой скрепленные непрочны.

В них все двоятся и троится:
Дробится страсть, взбухает ложь...
И, не скрывая страха дрожь,
Кривятся нашей злобы лица —
Ты их напрасно не тревожь.

С осколков тихо каплет кровь,
И бликом робкого движенья
Отсрочить хочет час рожденья
Не мной убитая любовь,
Не признающая сближенья.

О, демон мой! Тебе хвала!
Ты мне закрался молча в душу,
Ты думал — я уйду, я струшу,
Меня не примут зеркала,
Я их условий не нарушу.

Но я шагнула... И возник
В них день прошедший и грядущий,
Друг к другу нас с тобой ведущий
Бессмертья край. И — смерти лик,
Тайком любовь у нас крадущий...

С тяжким стоном я чуть согнула колени, заноса над правым плечом обнаженную дагу. Сердце билось угнетающими ударами погребального колокола, хороня мое прошлое и начисто лишая будущее прежней чистоты и наивности. Выбор был уже сделан, и отступить стало некуда. Призрачные фигуры друзей-врагов взяли меня в кольцо, готовясь к атаке. Вперед выступил мой возлюбленный, замахиваясь огромной Полумглой, нацеленной мне в голову. Я понимала: созданные Ринецеей фантомы вполне способны наносить настоящие, реальные раны, а потому — мысленно попросила у Астора прощения и ударила первой...

Глава 6

Проскользнув под опускающимся лезвием его меча, я пропустила не-Астора мимо себя, привычным танцевальным па повернулась на носке правой ноги — и успела-таки поймать на лезвие своей даги тонкий стержень рапиры Генриха, напиравшего на меня сбоку. Четверо мужчин против одной женщины, к тому же едва оправившейся от родов, — это уже не смешно! А поэтому я плюнула на совесть, решила не церемониться и в благородство не играть, ибо уж слишком высокими оказались ставки в этой опасной игре.

Острые Гиарды соскочило с поверхности даги и оцарапало мне запястье. Я глухо вскрикнула, несколько капель крови упало на пол, но лица моих противников — безжизненные и пустые — не отразили ни малейшей эмоции. Я дралась с бессердечными монстрами, порожденными изощренным умом Ринецеи. Обидно погибать от руки жестокого врага, но погибать из-за существа, не отличающего жалость от безжалостности, — обиднее вдвойне. И тогда в глубине моего ущемленного в лучших устремлениях сердца закипел неслыханный гнев, ранее мне неведомый...

«Чем дальше заводят девушку в лес, тем меньше вероятность того, что ее угостят пирожками! — не без причины заподозрила я, изгоняя из себя последнюю надежду

отвертеться от поединка с двойниками моих друзей. — Да вот не учла ты, врагиня проклятая, сущей мелочи: я и сама кого угодно обидеть не постесняюсь. А посему...»

Я безукоризненно выполнила обманный выпад, якобы метя лжебарону в пах и побуждая его открыть грудь, что он и совершил, переместив рапиру ниже пояса. Ногтем второй руки я поддела постоянно носимую за манжетой рубашки метательную звездочку, вытряхивая ее к себе в кулак. Остро заточенная пластинка сверкнула падающей звездой, входя призраку точно в солнечное сплетение. Поддельный Генрих покачнулся, а затем — широко распахнул незрячие глаза и рухнул навзничь, тут же расплескавшись мутной лужей серой ртути, медленно втянувшейся обратно в зеркало. Я испустила громкий вздох облегчения. Мои врагов оставалось трое...

Мы завертелись в смертельной карусели: в центре я, а в паре шагов от меня — опасное трио призраков, ожидающих благоприятного момента, чтобы наброситься всем скопом и покончить с дерзкой пришельцей. И тогда я решила не ждать, отлично понимая, насколько малы мои шансы на победу. Я выбросила назад ногу, подкованным железом каблуком нанося чудовищный удар в торс не успевшего никак отреагировать не-Астора и отшвыривая его к стене комнаты. Мнимый принц с грохотом откатился прочь, а две другие твари синхронно взметнули топоры, обрушивая их на меня. Но я не стала защищаться, а отважилась на безумный поступок, полностью оправдывающий мое прозвище Сумасшедшая...

Сгруппировавшись в комок, я перекувырнулась через плечо, подкатываясь под ноги поддельного Оггура. Призрак не успел посторониться, оказавшись беспомощным против столь нелогичной тактики. Сбитый моим телом, он упал вперед, прямоком на лжеканагерийца. Затрещали рукояти столкнувшихся топоров... А я мгновенно вскочила, вонзая дагу в спину фальшивого орка. И вот уже вторая тварь утратила свою форму, разбрызгавшись тяжелыми каплями вязкой жижи. Но эта жертва чуть не забрала меня с собой, стоив мне той краткой доли мгновения, за которую поддельный Кса-Бун успел рубануть своим страшным оружием, срезав прядь волос с моего виска и отхватив кусочек уха. Я еле смогла увернуться, проявив чудеса гибкости, а лезвие задело мое лицо лишь по касательной, не повредив ни костей, ни мышц... Но и этого оказалось вполне достаточно. Кровь брызнула струей, заливая щеку и левый глаз, а боль была столь неожиданной и жгучей, что я невольно схватилась за рану, отвлекаясь от поединка. Призрак не растерялся, спеша воспользоваться образовавшимся преимуществом. Он перехватил топор обеими ладонями и обрушил на меня чудовищный удар, способный раскроить череп от макушки до самых плеч... Я закричала, вкладывая в последнее отчаянное усилие все остатки своего почти исчерпанного запаса смелости, и, даже не поняв, как это получилось, выбросила вверх левую руку с неведь когда выхваченным кинжалом, встретив топор на полпути его поступательного движения. Металл звякнул о металл... Лезвие оружия призрака молниеносно изменило траекторию, гася замах и распарывая мое предплечье. Тварь утробно взвыла... Но, не давая ему опомниться, я метнулась вперед, всаживая дагу ему в живот и утапливая по самую рукоятку в сумеречной плоти магического существа... Лжеканагериец послушно стек на пол, оборачиваясь озерцом ртути.

Я вся дрожала от усталости, лоб заливал пот, а алые потеки крови запятнали мне весь левый бок почти до колена, стекая по бедру. Рука мне уже не повиновалась. Я молила о секундной передышке, давшей бы мне возможность оторвать от рубашки полосу ткани и перевязать рану, но, кажется, сегодня удача меня покинула, потому что последний защитник Ринецеи успел подняться и неторопливо вернулся на прежнюю позицию, свежий и бодрый. И он имел внешность незабвенного Астора — моего дорогого погибшего супруга...

Он передвигался со скоростью ветра и непредсказуемостью молнии, явно сделав какие-то выводы на основании уже допущенных ранее ошибок и не собираясь совершать новых. Он не велся на обманные приемы, каким-то особым образом заранее угадывая все мои

уловки. Он фехтовал так, как мне и не снилось, причем используемые им рипосты⁷² не укладывались в рамки ни одного из превеликого множества известных мне стилей ведения боя. Видимо, создавая фантом своего брата, Ринецея все же сумела скопировать и часть его души, а оттого он намного превосходил остальных призраков, выглядя устрашающе натуральным, что причиняло моему сердцу невыносимую боль. И я должна его убить? Это ли не насмешка судьбы!

Моя раненая левая рука онемела от плеча до кончиков пальцев, свисая будто плеть и превратившись в никчемный груз. Меня лихорадило, по спине сбегали струйки холодного липкого пота, а лоб пылал, словно в огне. Зеркала визуально нарушали обзор, сбивая меня с толку. Мне казалось – я иду по бесконечному коридору, ведущему к пропасти без дна, способной поглотить и душу, и тело. Падаю в бездну безысходности и страха.

Выпад, контратака, защита... Наверно, это длилось уже очень долго, совершенно измучив меня, но никак не отразившись на не ведающем усталости призраке. Полумгла свистнула у меня над головой, чуть не задев волосы, в опасной близости от макушки. Я ответила удвоенным ударом, отбитым настолько молниеносным поворотом кисти лжеАстора, что впору было кричать от бессильной ярости и осознания: мне его не победить. В итоге он вымотал меня почти до потери чувств и загнал в угол, заставив упереться спиной в стык двух зеркал – холодных, как лед на высокогорном леднике, и таких же равнодушных. Его лицо придвинулось максимально близко, смущая видом любимых очертаний и одновременно отпугивая блямбами мертвых белым. И тогда я послушалась своего сердца, подсказывающего мне действовать наперекор здравому рассудку.

– Астор, не убивай меня, – попросила я, опуская дагу. – Не сироти собственного сына! У него же нет никого, кроме матери...

Призрак вздрогнул всем телом, по его бледному лицу прошла нервная судорога, придавая ему осмысленное выражение. Рука, сжимающая Полумглу и приставленная к моему горлу, опустилась.

– Астор, я люблю тебя! – тихонько шептала я, мысленно сотни и сотни раз проклиная себя за эту жалкую попытку обмануть пусть не свое сердце, но его – этого неживого фантома. – Астор, чем я могу тебе помочь?

И вдруг случилось невероятное. В глубине его груди неожиданно родился натужный, клекочущий стон, мучительно прорывающийся наружу.

– У-у-у-бей меня-а-а... – надрывно выдавил он, а в его слепых глазах мимолетно зажглись и потухли две яркие золотые искорки. – Про-о-о-шу-у-у...

– Нет, – закричала я, через силу поднимая свою непослушную руку и прикасаясь к его холодному подбородку, глядя и лаская щеки, цепляясь за него, будто за спасение от любого зла и искупление всех грехов. – Нет!

– У-у-у-бей! – жутко тянул он, корчась от какой-то иной, недоступной мне боли. – Ради-и-и Лю-у-юция-а-а...

Я не смогла вынести этого кошмара. Я приставила Алатору к его межключичной ямке и одним коротким ударом вогнала клинок в горло псевдо-Астора. Фантом захрипел и повалился мне на руки, чуть не увлекая за собой на пол... А зеркала внезапно вскрикнули, словно живые, и разлетелись на тысячи мелких осколков, усыпав меня дождем серебряных брызг, так похожих на искры свадебного салюта...

«Ой, – суеверно вздрогнула я. – Разбитое зеркало – это же гоблински плохая примета, угрожающая виновному в сем печальном деянии чем-то весьма нехорошим, а именно: семью годами тотального невезения. Сбудется или нет?..»

Мысленно поругивая себя за глупость и предвзятое отношение к самым обычным происшествиям, а заодно и за веру в пустопорожние бабьи сплетни, я перевела взгляд вниз.

У моих ног лежала умирающая Ринецея...

⁷² Р и п о с т – ответная атака (фехтовальный термин).

– Каждому по заслугам – помнишь! – насмешливо каркнула она, выплевывая кровавые сгустки. – Вот так-то, дурочка!

– Зачем? – растерянно всхлипнула я, неловко плюхаясь рядом, вытягивая Алатору из раны демоницы и пытаюсь зажать ее ладонями. – Зачем?

– Бесполезно, – почти довольной простонала она, с непонятной жалостью глядя на меня. – Эта рана смертельна!

– Хранитель говорил, что Радужный уровень принимает лишь тех, чьи помыслы чисты, и сурово наказывает преступников! – вспомнила я, обнимая демоницу и бережно укладывая ее голову к себе на колени. – Покайся, сестра, и спокойно уйди в Обитель затерянных душ для перерождения...

– К гоблинам это хваленое перерождение! – перебила меня демоница, крепко сжимая мои пальцы. – Знаешь, мы ведь с тобой очень похожи! Я тоже пыталась спасти мир, правда, на иной – на свой лад...

– Да? – Я оторопело разглядывала ее залитое кровью лицо, подмечая в нем нечто новое, светлое, не понятное мною ранее. – Может, мы еще сумеем излечить тебя?

– Поздно, – просипела демоница. – Ты мне лучше племянника спаси, дурочка! И еще, – она лукаво улыбнулась, – в зале спутниковой связи ты найдешь инструкцию, которая поможет тебе проникнуть внутрь корабля демиургов и уничтожить его...

Я потрясенно приоткрыла рот.

– Я знаю – ты сможешь это сделать, – с напором добавила Ринецея, – я в тебя верю.

Ее дыхание стало редким и прерывистым, зрачки сузились и закатились.

– Спаси Астора, – молила она едва слышно, требовательно сжимая мои пальцы. – Обещай...

– Обещаю! – рыдала я, смешивая свои слезы с ее слезами, а свою кровь с ее кровью.

Демоница захрипела, вплотную притягивая меня к своим губам.

– Скажи мне это еще раз, – вдруг стеснительно попросила она, широко распахивая прекрасные черные ресницы. – Пожалуйста!

– Сестра, – я нежно поцеловала умирающую Ринецею в лоб, – моя любимая сестричка!

– Хорошо, – счастливо выдохнула она, – как же мне хорошо...

Ее глаза остановились и начали стекленеть, руки похолодели...

А спустя всего несколько минут я бережно прикрыла ее веки и поцеловала мертвую Ринецею еще много-много раз, прощаясь с той, которая сумела подтвердить мои слова: в мире не существует безнадежно плохих людей – просто есть те, которые по какой-то причине пока еще не стали хорошими. Добро дремлет в любом из нас, ожидая момента своего пробуждения. Добро вечно живет в каждом, потому что оно – бессмертно.

Я долго думала, стоит ли мне срезать с ее лица кожу, некогда принадлежавшую богине Аоле, но мертвая плоть все решила за меня, начав разлагаться с невероятной скоростью, и вскоре от тела моей бывшей врагини осталась лишь лужица желтой лимфы да плавающая в ней прядь черных волос. И тогда я не стала понапрасну спорить с судьбой, а со страдальческим стоном кое-как поднялась на ноги и отправилась искать документ, завещанный мне скончавшейся демоницей. Документ, от которого теперь зависело будущее всего нашего мира.

Я нашла аптечку и перевязала свою рану, причем и так уже начавшую затягиваться. Попетляла по этажам Обители, заглядывая во все двери и изумляясь обилию всевозможной аппаратуры, большая часть которой давно вышла из строя и годилась лишь в металлолом. Наглядная иллюстрация к ущербному процессу эволюции необразованной твари: пока демоница научилась пользоваться техникой демиургов, она необратимо испортила основную часть хрупких микропроцессорных устройств. Но сердце Обители, ее главный командный пункт, еще функционировал.

Зал спутниковой связи оказался большой светлой комнатой, заставленной компьютерными мониторами, подключенными к парящим над планетой спутникам. Я с интересом прошла между рядами управляющих консолей, работающих в автономном режиме и не нуждающихся в контроле операторов. Восхищенно поцокала языком, распознав в транслируемых из космоса картинках и пустыню Рохосса, и вечнозеленый лес Поющего Острова, покрывающий склоны горы Ранмир, и главную торговую площадь нарронской столицы.

– Вот уж воистину: кто владеет информацией – тот владеет миром! – не удержалась я от сарказма в форме нотации самой себе, процедив сию многократно слышанную фразу, но только сейчас осознавая ее настоящий смысл. – Ай да творцы! Извращенцы гоблиновы, подглядывающие за всеми нами...

Впрочем, я отнюдь не намеревалась уподобляться тем, кого раскритиковала столь бесцеремонно. Я отключала мониторы один за другим, неприязненно хмурясь от понимания: как же много десятилетий мир не имел ни малейшей возможности жить самостоятельно, по своему замыслу верша собственную судьбу, а оставался лишь беспомощной забавой в цепких клешнях заигравшихся старух. Но отныне мир обрел шанс стать иным – более независимым, чистым и светлым. Стать самим собой!

На подлокотнике центрального – роскошного, заметно смахивающего на трон – кресла я обнаружила сложенный вдвое листок, запаянный в прочный целлофан. Жадно схватив обещанную Ринецеей инструкцию, я торопливо пробежалась взглядом по скупым, лаконичным строчкам сугубо технического текста и ликующе расхохоталась, благословляя прозорливость Оружейницы, безусловно заранее предвидевшей, кто именно явится сюда за этим бесценным документом. Даже не обладай я ее знаниями, а оставайся прежней глупой деревенской девчонкой, – и в этом случае указания самой мудрой и дальновидной из демиургов являлись доступными моему разумению, направляя меня последовательно, четко и безошибочно.

– Все гениальное – просто, – одобрительно бормотала я, пряча инструкцию в карман штанов. – Уж не знаю, как она умудрилась обвести вокруг пальца своих окончательно сбрендивших сестер, но воспользоваться ее указаниями способен и ребенок.

Таким образом, искомое было найдено, а цель моих последующих действий обозначилась вполне явственно. Но неразгаданным оставалось еще кое-что – нечто важное и особенное, заставлявшее меня продолжить поиски и изыскания... Меня вела любовь!

Громадный центр управления оканчивался крохотной стальной дверью, неприметно замаскированной под цвет стен. Точно предчувствуя, что ожидает меня за ней, я с трепетом повернула ручку и перешагнула через порог, на миг ослепленная светом ламп, включенных по сигналу датчика движения... Я попала в святая святых этого мира!

Он оказался настолько громоздким, что стоял не на столе, а прямо на полу, удерживаемый железными кронштейнами и снабженный панелью регулировки и настройки. Вероятностный анализатор будущего, выполненный в форме массивного круглого зеркала, представлявшего собой плазменную панель, прикрытую защитным хрустальным экраном. Величайшее творение демиургов, чаще всего называемое Оком времени, способным заглядывать на годы вперед, будто карты в колоде перетасовывая наиболее возможные варианты развития будущего. Моя последняя надежда отыскать Астора.

Но, увы, Око производило впечатление неработающего. Включенное, оно передавало лишь серую рябь эфирных помех, скорее всего, потому, что его защитный экран был покрыт частой сеткой глубоких трещин, нарушивших работу чуткого устройства. Я разочарованно погладила стекло пальцем, сочувствуя ему как родственному созданию, подобно мне страдающему от изуродованного облика... Внезапно я чуть не прикусила язык от волнения, осознав – я уже неоднократно сталкивалась с материалом, идеально идентичным покрытию экрана. Подрагивающими от волнения руками я выпотрошила свои карманы, среди прочего нужного скарба отыскав и компактный овальный предмет в простой железной оправе. Им являлся магический артефакт, некогда подаренный мне дядюшкой Лионелем: Зеркало

истинного облика.

Я задумчиво нахмурилась, сосредоточенно вспоминая недавние слова пророка Логрина. Он тоже упоминал Истину, открывающуюся только самоотверженным, готовым принять ее неизбежность. А ведь он прав! Зыбкая грань бытия и небытия проходит в первую очередь в наших сердцах и душах, наделяя умерших силой любви живых, не желающих отпускать своих любимых в загробный мир. Значит, нужно попробовать восстановить искаленную Истину!

Действуя кинжалом, будто рычагом, я с некоторым раскаянием разломала оправу раритетной вещицы, отделив хрусталь от железной основы, а затем приложила высвобожденное из стали зеркало к самой большой трещине на поверхности экрана. Раздалось негромкое шипение... Хрусталь потек из моих пальцев, впитываясь в раны Ока и заращая их. Плазменная панель засветилась теплым голубоватым светом...

Замирая от благоговения и уверовав в свершившееся на моих глазах чудо, я бессистемно щелкала тумблерами подстроечного вариометра, надеясь на невозможное. И невозможное – произошло! Сначала на экране возникли ветви какого-то дерева, зеленевшие молодой листвой, а затем на них начали сыпаться хлопья чего-то белого, напомнившего мне крупный снег. И нехотя, будто прорываясь через бездну пространства и времени, в Оке показалось лицо Астора – худое и болезненное, своим острым профилем разительно схожее с подтаявшим, доживающим последний срок льдом, грубо разломанным в первый весенний день. Это был несомненно он – и в то же время будто бы и не он вовсе! Страшно постаревший и измученный, с в кровь искусанными тонкими губами и отрешенно потухшими глазами. Он – мое нереальное, горькое, краденое счастье!

Мое сердце словно заплакало навзрыд, грозясь вырваться из груди и прильнуть к нему, такому далекому и близкому одновременно. Я метнулась к экрану, приникая к холодному стеклу всем телом и всей истерзавшейся в разлуке душой.

– Астор, вернись! – иступленно кричала я, пытаюсь согреть своим теплым дыханием его безучастные черты. – Ты нужен мне, я не могу жить без тебя! Умоляю тебя, вернись!

Его серые губы приоткрылись.

– Белый вихрь соединится с зеленой листвой, – непонятно бормотал он, неся невразумительную околесицу и старчески потряхивая неряшливо спутанными, неравномерно поседевшими волосами, – тогда, тогда... Жди! – Последнее слово внезапно обрело силу приказа, наполняя меня безумной радостью и верой. – Жди...

Око мелко завибрировало, изображение потухло. Хрустальный экран ходил ходуном, все увеличивая амплитуду прогиба и надсадно гудя. И я еле успела отскочить в сторону, потому что панель вдруг лопнула, рассыпаясь в пыль. Лучшее детище демиургов погибло, лишив мир возможности прогнозировать будущее. Но, возможно, это было даже к лучшему...

Я вышла из комнаты, напоследок оглянувшись на пустой корпус Ока, сиротливо черневший искривленным остовом рамы. Моя душа расправляла крылья, готовая взлететь к небу и мчаться навстречу солнцу, уже не опасаясь сгореть в его жарких лучах. Я ощущала – отныне я способна справиться с любой бедой, потому что верю: однажды наступит тот день, когда я снова увижу Астора – обниму, прижму к себе и уже не отпущу никуда...

Мы встретимся, обязательно встретимся!

Радужный уровень поражал невероятными контрастами, являясь апофеозом безумного гения демиургов, сумевших создать столь невероятное место. Сердце серверной представляло собой извергающий искры вулкан Огненное озеро, питающий энергией весь уровень. Я направилась к нему, бредя по колено в сугробах и пересекая пространные Поля смерти, засыпанные снегом, перемешанным с пеплом мертвых. Здесь не существовало заметного различия между днем и ночью, и поэтому меня постоянно окружал однообразный туманный полумрак, напрочь стирающий ощущение пространства и времени. Иногда сумрак немного редел, являя моему изумленному взору картины нереальной красоты:

низвергающиеся с горных уступов водопады, почти бесшумно падающие в чаши из белого халцедона, или же целые рощи неизвестных на земле деревьев, чьи ветви покрывали бледно-зеленые листья, чередующиеся с прожорливо шевелящимися щупальцами, каплющими свежей человеческой кровью. Довольно часто до моего слуха долетал предупреждающий звон колокольчика, и тогда я поспешно шарахалась в сторону, пропуская вереницу послушно бредущих и робко трепещущих огоньков-душ. Цепочку мертвых возглавляли загадочные, закутанные в непроницаемые одеяния существа, конвоирующие в запретные дали эти подвластные им караваны обреченных на вечное скитание умерших, не удостоившихся повторного рождения. Куда заведут их дороги Долины вечной скорби? Но я смирляла свое возмущение да вспоминала: Пресветлые боги беспристрастно взвешивают и оценивают наши прижизненные деяния, воздавая каждому по заслугам. Смерть – справедлива!

Наконец я достигла симпатичного невысокого холмика, свободного от снега и идеально подходящего для кратковременного отдыха. Я уже заранее сглатывала голодную слюну, предвкушая сытный обед из платка Единорога, как вдруг, к своему вящему разочарованию, заметила, что холмик уже занят...

Над его вершиной агрессивно кружили три энергичных сгустка черного огня, злобно пихая одинокого маленького светлячка, сходного с лучиком чистого, ничем не замутненного дневного света. И тогда я торопливо вытащила из ножен Нурилон, ускоряя шаги и намереваясь вмешаться в этот неравный поединок. Я напрягла слух, вникая в сбивчивую скороговорку нескольких голосов.

– Не лезь не в свое дело, сопляк, – рассерженно визжало первое темное пятно, наступая на светлячка. – Иначе заплатишься!

– Не боюсь вас, шпионы демиургов! – звонко отчеканил отважный огонек, возгораясь, будто звездочка. – Вы не уберегли вверенную вам тайну, и теперь я собираюсь донести ее до принцессы...

– Не посмеешь, мелюзга дерзкая! – шипели черные огни, зажимая светлячка между собой. – Мы заберем твою энергию, и ты уже никогда не родишься повторно!

«Ого, – подумала я, переходя на бег, – похоже, и после смерти люди способны встать на сторону добра или зла, продолжая враждовать и сражаться. Видимо, некоторых не исправляет даже смерть...»

Я резким прыжком вскочила на холмик, вклиниваясь в строй испуганно разлетевшихся при моем приближении теней и прикрывая храброго светлячка. Но растерянность темных душ длилась недолго – они быстро восстановили прежнее самообладание, засветились еще яростнее и слаженно набросились на меня. Совершив выпад вправо, я достала кончиком своего клинка крайнюю тень, взывшую долгим отчаянным стоном и бесследно сгоревшую на лезвии благородного меча. Но две уцелевшие тени метнулись ко мне, целясь точно в лицо. В какой-то момент я не поверила собственным глазам, мельком узрев в непрерывно меняющих форму и размер сгустках темноты две омерзительные морды полулюдей-полутварей, скалящих огромные кривые клыки. Потрясенная подобным зрелищем, я ослабила бдительность и открылась для неожиданного нападения...

Меня спас светлячок. С возмущенным писком он вылетел из-за моего плеча и молниеносно выбросил тонкую иголку света, уколів ближайшую к нему тень. Черная душа болезненно заверещала и отпрянула назад. Я пришла в себя и успела уклониться от второго сгустка темного пламени, уходя с линии атаки. Враг стремительно промчался мимо, задев мою щеку и оставляя на ней широкую полосу ожога. Я вскрикнула от боли...

– Берегитесь, госпожа! – вдруг громко предостерег меня светлячок. – Он сзади!

Я круто развернулась, прочерчивая дугу клинком и разрубая противника, пытавшегося подкрасться ко мне со спины. Вторая черная душа вспыхнула и погасла, испарившись струйкой едкого дыма. Последний уцелевший сгусток тьмы трусливо взвыл и ударился в паническое бегство.

– Не отпускайте его, – заметался мой светлый огонек, – он донесет на нас демиургам!

Я выхватила из ножен кинжал и метнула вслед удирающему противнику. Пятно

темноты мигнуло напоследок и бессильно скатилось вниз, канув в снег.

– Что у вас тут происходит? – недовольно насупилась я, заботливо баюкая в ладонке уставшего светлячка и уже опознав в нем своего помощника, недавно поведавшего мне про Поляну воскрешения. – Ты цел, малыш?

– Цел! – источая искреннее радушие, тоненько прочирикал огонек, и я опять увидела в нем душу крохотного мальчика, любовно тянущего ко мне пухленькие ручонки. – Вы подросли вовремя.

– Задира! – ласково пожурела я, мизинцем поглаживая по-кошачьи мурлыкающий шарик теплого света, доверчиво прильнувший к моей руке. – Зачем ты связался с этими заблудшими душами?

– Они – преданнейшие слуги демиургов, – обстоятельно докладывал малыш, – стерегущие путь к Купели с мертвой водой. Я сумел найти дорогу, но неосмотрительно попался им на глаза, и они сумели меня выследить. И если бы не вы, госпожа...

– Понятно, – нежно успокоила я разволновавшегося малыша. – К счастью, все твои беды остались в прошлом. Ты проводишь меня в нужное место?

Огонек интенсивно запульсировал, выражая согласие. Я наспех перекусила хлебом с сыром и, посадив на плечо своего отважного поводыря, тронулась в дальнейший путь.

– Там. – Светлячок возбужденно подпрыгивал у меня на руке, указывая вперед. – Пройди над жерлом Огненного озера – и сразу за ним ты увидишь второй вулкан, меньший по глубине и размеру. Именно в его недрах и укрыта мертвая вода!

– Пройти над самым пеклом... – недоверчиво хмыкнула я, с опаской косясь на капли лавы, взлетающие над кратером вулкана. – Однако!

Огненное озеро представляло собой гигантскую воронку, источающую нестерпимый жар и смрад. Поверх жерла протянулся хлипкий мостик, перекинутый от одного края вулкана до другого и состоящий из четырех длинных титановых цепей, две нижние из которых служили опорой для гнилых досок пешеходного покрытия, а две верхние – представляли собой гротескное подобие ходящих ходуном перил. Вся эта древняя, рассыпающаяся в труху конструкция выглядела отвратительно ненадежно и не вызвала ни малейшего желания ступить на нее хоть носочком левой ноги. Но разве у меня имелся выбор? Я ненадолго задумалась... Получается, что даже если я и сумею перебраться на другую сторону жерла, то там мне сразу же придется столкнуться со вторым вулканом, в глубины которого мне и предстоит спуститься... Ну и задания, гоблин меня заberi, одно другого хлеще! Я внимательно оглядела опорные, вкопанные в землю столбики, к коим и крепились цепи, а затем достала Нурилон и перерубила одну из них, лишая себя левого перила. Цепь тут же отделилась от опоры и упала на доски.

– Зачем? – недоуменно пискнул светлячок. – Теперь вам станет намного труднее перемещаться по мосту!

Я невесело рассмеялась, отдавая должное его здравомыслию, и, держась за оставшийся целым поручень, упрямо бросила очередной вызов судьбе, ступив на мост...

Восходящие потоки горячего воздуха, поднимающиеся из недр вулкана, создавали практически непреодолимую турбулентность, завивающуюся в смертельный штопор и грозившую сбросить меня с шатких, разламывающихся под ногами досочек. Да, наверно, когда-то этот мост и считался достаточно прочным, но те времена давно канули в Лету, намереваясь отправить туда же и безрассудную меня... Стоило мне только поставить ногу на какую-нибудь доску, как она сразу же рассыпалась в труху, заставляя меня бессильно скрежетать зубами. Огонек у меня на плече прекратил свою нервную возню и пугливо замер, не издавая ни звука, ни шороха. Мы медленно ползли по цепям, ежеминутно рискуя сверзиться вниз и погибнуть в волнах раскаленной лавы. Не знаю, чья добрая рука хранила меня в этом страшном испытании и как долго оно длилось, но в конце концов, мокрая от пота и обожженная летучими искрами, я в изнеможении повалилась на упоительно холодную землю, сипло отдуваясь и выкашливая из горла остатки сернистых газов. Я

последней сумела пройти над Огненным озером, напрочь доломав остатки моста. Пути назад отныне не существовало!

Купель посмертных слез оказалась даже не вулканом, а скорее глубокой, узкой расселиной, отвесно уходящей в недра сплавившейся от жары почвы. Лезть внутрь было форменным безумием и явным самоубийством. Я приблизила свое закрытое маской лицо к провалу, пытаюсь представить, сколько продержусь в этой геенне огненной, прежде чем изжарюсь заживо и, проследовав давно проторенной дорожкой, эффектно отбуду в чертоги бабушки Смерти, на сей раз изрядно обгорелая и закопченная. Честно говоря, мне вовсе не улыбалось пускать коту под хвост (да простит меня бабушкин любимец за столь вольное сравнение) все достигнутые к нынешнему моменту успехи и начинать все сызнова, повторно карабкаясь на Радужный уровень. Таким образом, требовалось срочно придумать что-то экстраординарное – вывернуться наизнанку, но добыть-таки мертвую воду, самой оставшись при этом живой и невредимой. Я кисло улыбнулась импровизированному каламбуру. Ха, а кто обещал, что будет просто?

Подготовка к любому мероприятию всегда складывается из трех взаимосвязанных этапов: анализа имеющихся фактов, моделирования предстоящих действий и оценки их ожидаемых последствий. Причем для непосредственной реализации рекомендуется выбирать вариант, обещающий максимально щадящие постэффекты и не наносящий вам физического ущерба или морального вреда. Но это в теории, а на практике – у нас имелся раскаленный вулкан и полнейшая невозможность его охлаждения... Стоп! Я чуть не запрыгала от радости, случайно набредя на столь очевидный вывод: если нельзя охладить вулкан, то, значит, нужно понизить температуру того, что придется опустить внутрь жерла... И кажется, у меня имелось спасительное средство!

Я провела ревизию содержимого своих карманов, тщательно разглядывая наличные запасы. Сразу же отложила в сторону пару кинжалов и запас метательных звездочек, томик Хроник Бальдура, подарок Единорога и скомканный платок Марвина... Так, а вот это уже интересно – на моей ладони нарядно поблескивал сиреневый футлярчик с губной помадой, сунутый мне на прощание кокетливым Лансанариэлем. Я уже и раньше наслушалась немало восторженных отзывов о сем чудесном творении нашего скромняги некроманта, с которым заикленный на косметике полуэльф носился, будто с писаной торбой. Мол, раритетная штучка – бесконечная и губы охлаждает до состояния льда! А зачем, спрашивается, их охлаждать-то? Наверно, только наш прибабахнутый полукровка способен добровольно записаться в обмороженные губошлепы! Ну да боги с ним, мне этих заморочек не понять. Я открыла футлярчик и вывернула аккуратный столбик розовой помады. Она даже пахла чем-то кошмарно холодным, а уж стужей от нее тянуло – почище чем от высокогорного ледника... Я счастливо ухмыльнулась, заговорщицки подмигнула оторопело замершему светлячку, ссадила его на рукоять воткнутого в землю Нурилона и принялась за дело...

Я вытянула с моста обрубленную цепь, одним концом так и оставшуюся прикрепленной к опорному столбику, предпочитая не думать о том, что произойдет, если крепление не выдержит моего веса. Старательно, звено за звеном я обмазывала длиннущую цепь волшебной розовой помадой, а затем разделась догола и извозилась ею сама – с головы до пят, заледенев чуть ли не до смерти. Любимая косметика Ланса оказалась воистину термоядерной штукой, доведя до того, что у меня зуб на зуб не попадал от холода. При себе я оставила только подаренный Логрином флакончик, оплетенный в серебро и предназначавшийся для хранения мертвой воды, да еще дагу Алатору в напоясных ножнах. А затем я опустила покрывшуюся инеем цепь в расселину и полезла по ней вниз, стараясь тщательно контролировать свои плохо гнущиеся, почти одеревеневшие от мороза пальцы...

Титановая цепь вертко скользила под моими ладонями, намокшими от испаряющейся из-за жары помады. Я с превеликим трудом протискивалась между каменными стенами узкого лаза, до крови обдирая локти и колени. Температура внутри жерла вулкана оказалась

настолько высокой, что при каждом вдохе раскаленный воздух обжигал мне гортань так, будто я глотала расплавленный металл. Мои брови и ресницы тлели, губы пересохли и потрескались, но я упорно перебирала звенья цепи, метр за метром приближаясь к потаенным глубинам Купели.

И все-таки – цепи не хватило... Я зависла на самом ее конце, стараясь не расплакаться от разочарования и тщетно напрягая отказывающиеся соображать мозги, превратившиеся в бесполезную, размягчившуюся от жары массу. Я безрезультатно протягивала руку, крепко ухватив раскупоренный флакон за удерживающую его цепочку и пытаюсь дотянуться до вязкой массы, вяло бултыхающейся на дне Купели. До нее оставалось еще около полуметра. И тогда, словно придя извне, во мне родилось удивительное воспоминание: Астор играет моими длинными волосами, обматывая их вокруг собственной шеи и создавая некое подобие любовных уз, должных соединить нас в одно нерасторжимое целое... Я осененно вскрикнула, выхватила Алатору и безжалостно отсекла свои волнистые локоны, а потом скрутила из них тонкий жгут, привязав его к цепочке флакона. Опушенный вниз сосуд погрузился в черную жижу, зачерпнув некоторую толику мертвой воды, состоящей из пепла сожженных человеческих тел. Я закупорила флакон и заторопилась обратно, стремясь побыстрее выбраться наружу.

Огонек встретил меня восторженным писком, когда, покрытая волдырями многочисленных ожогов, я, напрягая последние силы, выползла из расселины вулкана и измученно повалилась рядом с ожидающими меня вещами. Немного передохнув, я отбрела в сторону и обтерлась снегом, смывая остатки розовой помады Ланса, защитившей меня от губительного дыхания Купели посмертных слез. Растрескавшиеся губы болели нещадно, все тело ломило, мою кожу почти сплошь покрывали пузыри с водянистой жидкостью, а на ладонях вспухли чудовищные мозоли, но все равно – я улыбалась, прекрасно понимая, что еще на шаг приблизилась к Астору. Я и на этот раз сумела обыграть коварную судьбу, вырвав победу из ее загребущих лап.

– Волосы, где же ваши прекрасные волосы, госпожа? – горестно причитал огонек, заполошно мечущийся возле моей вкряк и вкось обкромсанной шевелюры.

– Да гоблин с ними, с волосами, – равнодушно отмахнулась я, закладывая за уши короткие пряди, сейчас едва достигающие плеч и назойливо лезущие мне в глаза. – Руки и ноги в целости-сохранности остались, голова на месте – значит, все хорошо. А волосы и вовсе не беда – отрастут снова...

– Ну и видок у тебя, дорогая! – Неожиданно прозвучавший насмешливый голос застал меня врасплох. – Краше в гроб кладут!

Я сердито подняла взгляд, на всякий случай одновременно нашаривая рукоять меча...

Чуть выше своей головы я обнаружила славное облачко, неподвижно зависшее в сером небе, а на нем, устроившись так же удобно, как на пуховой подушке, в вольготной позе восседал мой давний знакомец – белый Единорог, нахально разглядывающий меня иронично прищуренными глазами...

Глава 7

– Ты за мной подглядывал! – сердито констатировала я, грозя ехидной твари обвиняюще вытянутым пальцем. – Извращенец!

– Да ничего подобного! – уперто заржал жеребец, опуская облачко к самой земле и приглашающе хлопывая по нему рядом с собой. – Поговорим?

Но я демонстративно повернулась к нему спиной, всем своим видом недвусмысленно давая понять – ну уж нет, я с плохо воспитанными личностями не общаюсь!

– Ну подумаешь, посмотрел немножко! – пошел на попятную Единорог, впрочем не выказывая ни малейшего раскаяния. – Что я, не мужчина разве?

– Хм! – демонстративно усомнилась я. – Много там небожители в женской красоте понимают!

– А вот и понимают! – На этот раз Единорог действительно оскорбился всерьез. – У тебя, кстати, вполне есть на что посмотреть. После родов ты стала намного женственнее, жаль, если столь роскошное тело зачахнет без мужской ласки...

– Это ты на что намекаешь! – Я угрожающе выставила вперед обнаженный меч. – Хам беспардонный!

– Кто тут хам? – потрясенно икнул жеребец. – Я хам? Ну знаешь ли, дорогая, твоя наглость переходит все допустимые границы...

Облачко заволоклось серебристой дымкой, а когда она растаяла – передо мной сидел уже вовсе не конь, а молодой симпатичный мужчина с грустинкой во взоре ласковых серых глаз, золотисто-пшеничными волосами и царственной бородкой. Его удлиненное лицо я узнала бы из тысячи других, сразу припомнив и изображения на колодце Пустоты, и плитки у родника в девственной долине Пустоты.

– Логрус! – ошеломленно воскликнула я. – Зачем же ты столь долго скрывал от меня свою истинную сущность?

– Ну – немного виновато развел ладони сверхдемиург, – скучают даже те, кто не имеет души. Мне очень хотелось знать, каких сумасбродств ты еще способна натворить...

– И как, развлекся? – обиженно буркнула я. – Что же вы все так стремитесь превратить меня в свою игрушку?

– О нет, – бурно запротестовал Логрус, – наоборот, я хотел понять, способна ли ты научить этот мир жить самостоятельной жизнью. Ибо кто еще может стать лучшим наставником в подобном вопросе, чем Поправшая судьбу!

Если он хотел мне польстить, то это у него получилось! Я покраснела и смущенно захлопала ресницами:

– И теперь ты предлагаешь мне себя?

– Что? – Он посмотрел на меня недоуменно расширенными глазами, а затем ойкнул и расхохотался, словно мальчишка, безудержно и заливисто. – Нет, дорогая! Хотя не скрою – я немало пленен твоим обаянием и храбростью. Намазать цепь охлаждающей помадой... М-да, тебя не зря называют сумасшедшей! – Он восхищенно прищелкнул языком. – Бесподобный поступок!

– Тогда о какой мужской ласке ты говоришь? – нетерпеливо перебила я, замирая от волнения.

– О Генрихе, милая девочка! – Логрус сконфуженно потрогал пальцами свои целомудренно зарумянившиеся щеки. – Пророчество надобно исполнить: ты должна с ним, – он выразительно сложил ладони и с намеком потер их одну об другую, – ну, в общем, сделать это самое... Поверь, сие эротическое деяние чрезвычайно важно для всего наземного мира...

– Никогда! – холодно отрезала я. – Я любила и продолжаю любить Астора. А с бароном де Греем, если он тебе так приглянулся, можешь сам... – И я ввернула на редкость скабрзное словечко, нимало не заботясь о том, что подумает обо мне великий демиург.

Логрус брезгливо поморщился:

– Ну зачем так грубо-то сразу? Не любишь Генриха – значит, не любишь, делов-то! – Его излишне спокойные интонации вызвали у меня сильнейшие подозрения в неискренности демиурга. – Сама все поймешь со временем!

– И не собираюсь! – мрачно набычилась я. – Отдавай мне Астора, немедленно!

Логрус проказливо показал мне пальцы, сложенные в откровенно издевательскую фигуру, и гаденько хихикнул:

– А если не отдам?

– Весь мир по кирпичикам разберу! – мстительно пообещала я, угрожающе поигрывая желваками. – Да, кстати, еще и Эткина верни в придачу!

– Ну и обнаглела же ты, девушка! – вовсе веселился Логрус, падая на спину, хохоча и брыкая ногами в простых кожаных сандалиях. – До беспредела! Может, поторгуюсь?

– Запросто, – согласилась я, заодно припоминая, который уже по счету раз со мной

пытаются заключить похожую сделку. – Чего тебе нужно?

– Да вот нужно бы кое-что, но только у тебя этого нет, – мгновенно поскущел Логрус.

– И что это за штука?

– Не штука, – с печалью в голосе пояснил сверхдемиург, – а душа – обычная человеческая душа...

Я почувствовала, как у меня буквально челюсть отваливается от удивления.

– Да этих душ вокруг, – я широко распахнула руки, – хоть пруд пруди. Выбирай любую!

– Э, нет, – горестно вздохнул Логрус. – Мне какая попало не подойдет, мне особая нужна... Я есть великая Пустота, Ничто и Все одновременно. Чтобы меня заполнить и гармонично слиться с моей плотью, мне требуется особенная душа – великая и могучая при жизни, магическая, не теряющая своего «я» при каждом новом и последующем перерождении. А таких душ в мире – не более десятка и наберется, да и не разбрасывается ими никто, потому что принадлежат они лишь архимагам и магистрам...

От таких откровений меня даже в жар бросило. Я вытащила из кармана скомканный платок Марвина, расправила изрядно замызганную тряпку и утерла ею свой разгоряченный, повлажневший от испарины лоб. И каковым же оказалось мое потрясение, когда из подаренного некромантом комка ткани, грязного и засморканного, вдруг выкатилась яркая красная звезда, метнулась к пораженно замершему Логрусу и, как мне показалось, буквально впиталась в его лоб. Демиург побледнел и замертво повалился на свое облако... Перепуганная почти до обморока, ничего не понимающая, я тормошила его за плечо, пытаюсь привести в чувство...

– Ульрика? – Демиург наконец-то соизволил открыть глаза, поразившие меня блестящими, пьяно расширенными зрачками. – Где ты ЕЕ взяла?

– Да не брала я ничего, – с виноватыми интонациями залепетала я, покаянно отводя взгляд, – это во-первых. А во-вторых, – я уже все на место положила...

– Блистательный образчик сногшибательной женской логики! – во весь рот ухмыльнулся Логрус, демонстрируя полный комплект безупречно белоснежных зубов. – Ульрика, не лги и смотри мне прямо в глаза. Что ты там видишь?

– Темно и страшно... как в лесу! – трагическим шепотом выдала я, наигранно щурясь и жмурясь.

– Вот демоны Нижнего уровня! – не на шутку рассердился мой собеседник. – Да ты не в нос смотри, а в глаза...

– Ну смотрю уже! – вздохнула я, словно нашкодивший ребенок. – Если ты сейчас скажешь, что я опять сотворила невесть какую ерунду и в очередной раз все испортила, то лучше пойду в вулкан прыгну...

– Ни-ни, – расцвел еще более ослепительной улыбкой Логрус, – наоборот, ты сотворила чудо! Где ты взяла дибук?

– Так это... – уклончиво забормотала я, не осмеливаясь сразу поверить ушлому сверхдемиургу, обладавшему чересчур оригинальным чувством юмора, – Ланс мне рассказывал о душе, пойманной ими в носовой платок, но признаюсь – все это выглядело настолько бредовым, что я...

– Что ты им не поверила! – вдохновенно закончил за меня Логрус. – И зря! О, Ульрика, это же не просто душа, а бессмертный дибук, видимо принадлежавший ранее весьма могучему колдуну и способный принципиально изменить все мое дальнейшее существование. Теперь я ощущаю запахи и слышу звуки. Теперь я уже не пуст... Я даже, – тут Логрус посмотрел на меня совсем по-другому, не так безразлично, как прежде, а тепло и сочувственно, – начал понимать смысл слова «любовь»...

– Вот здорово! – чистосердечно возрадовалась я. – Значит, ты проникся моими страданиями и вернешь мне Астора с Эткином?

– Не могу! – Для убедительности Логрус ударил себя кулаком в грудь. – Честно, не

могу. Они должны сами захотеть вернуться в этот мир... Убеди их!

– Как? – опешила я. – Каким способом?

– Не знаю. – Щеки Логруса, доселе бледные и впалые, цвели будто розы, радуя лукавыми ямочками. – Измени этот мир, сделай его таким, чтобы дорогие для тебя существа вновь захотели вкусить все прелести земной жизни... Научи этот жестокий мир чему-то новому, хорошему...

– Та-а-ак, – я подергала себя за короткую прядь волос, – непростую задачку ты мне задал. Ну а как разрешить проблему живой воды? Покажешь мне ее хотя бы?

– Показать-то покажу, да что толку... – Логрус повелительно пошевелил пальцами, и, подчиняясь его жесту, тучи на небе разошлись, являя моему взору небольшую хрустальную Чашу, неподвижно висящую у нас над головами. – Живая вода – она всегда с нами, да вот только узреть ее суждено не каждому, а лишь тому, кто живет не ради собственной корысти, а во благо другим людям. И это справедливо, ибо наполнена Чаша сия нашими чистыми слезами и добрыми делами. А уж зачерпнуть из нее... – демиург бессильно пожал плечами, – и того сложнее...

– Логрус, – проникновенно попросила я, – помоги не в службу, а в дружбу. Ты же знаешь, для кого нужна мне эта вода! А летать или колдовать я не умею...

– Если найдется на этом свете хотя бы одна безгрешная душа, которую ты спасла без корыстного умысла, а по велению сердца, ничего не требуя взамен, то она может возжелать отплатить тебе добром за добро и сумеет приблизиться к Чаше, – пояснил Логрус. – Имеется ли такая душа, готовая стать твоей заступницей?

Я опечаленно задумалась...

Наверно, я много кому успела так или иначе подсобить, но смею ли я, положив руку на сердце, признать без сомнений и колебаний: да, вот этому человеку я помогала сугубо ради него самого? Дано ли мне право самолично оценивать все совершенные мною деяния? Я никогда не считала себя безупречной и идеальной. Ведь даже пытаюсь вернуть Астора, я радела в первую очередь о себе, о своем личном счастье и благе... Зверек, носящий имя Совесть, проснулся и принялся грызть меня с удвоенным усердием. Нет, похоже, не видать мне живой воды как собственных ушей...

Мое вынужденное молчание затягивалось. Логрус сочувственно вздыхал и посматривал на меня с явным разочарованием. Я без лишних комментариев сгребла свое разбросанное там и сям барахло, посадила на плечо преданно жмущегося ко мне огонька, что-то подавленно попискивающего, в последний раз взглянула на Чашу с живой водой и самоуверенно расхохоталась – наперекор всему и всем. Ну и гоблин с нею, с душой-заступницей! Не нашлось таковой – и ладно, придумаю что-нибудь другое! Сумасшедшая я принцесса или кто? Самое страшное испытание, ожидающее нас на жизненном пути, – это трусливый отказ от желания бороться дальше, упрямо добиваясь поставленной цели. А посему – фиг вам, я не отступлю. Я найду другую дорожку, я не заплачу и не согну гордо выпрямленной спины, я все равно его верну, моего Астора, даже если ради этого мне придется покорить еще сто вулканов и перебить гоблинову кучу фантомов. Я не сдамся!

В серых глазах Логруса, теперь уже не холодных и высокомерных, а любопытных и полных внутреннего огня, мелькнуло безмолвное уважение. Я дружелюбно изобразила оптимистичный жест рукой, типа: я не прощаюсь, я просто говорю до свидания, – развернулась и только приподняла ногу, чтобы сделать первый шаг прочь от Чаши, как вдруг в небе раздалось заполошное, переливчатое птичье чириканье...

Мы с демиургом дружно вскинули головы...

Это были четыре малиновки, несущиеся к нам изо всей скудной силы своих крохотных крылышек. В первой – самой крупной – я сразу узнала ту самую милую птичку, гнездо которой я не тронула там, на уступе над Перекрестком миров. Мать сопровождали три подросших птенца. Старшая малиновка приземлилась мне на плечо и лукаво скосила темную бусинку глаза, многозначительно указывая на оплетенный в золото флакончик, висевший у меня на шее и пока еще пустой. Обмирая от проснувшейся в душе надежды и пытаясь

утихомирить бешено заколотившееся сердце, я сняла второй подарок Логрина. Четыре малиновки тут же ухватили цепочку флакончика своими острыми коготками и воспарили ввысь, к Чаше. Глотая слезы умиления, я наблюдала, как они погружают сосуд в Чашу с живой водой, наполняя его до краев, и возвращают мне. А потом птичка-мать легонько задела своим крылом мою изуродованную ожогами щеку, пропев на прощание что-то благодарно-ласковое. И тогда я уверовала – наш мир не посмеют погубить ни судьба, ни война, ни демиурги, потому что его защищают вот такие чуткие, отзывчивые существа, помнящие хорошее и всегда отвечающие добром на добро!

А рядом, уткнувшись в знаменитый платок Марвина, в голос рыдал расчувствовавшийся Логрус, в полной мере осознавший, что же это значит на самом деле – стать человеком!

– Получила желаемое? – Демиург смачно высморкался и вытер мокрые глаза. – Только, пожалуйста, никому не рассказывай, как я расплакался, будто девчонка. Не поймут...

– М-да, над своим новым имиджем тебе еще работать и работать, – беззлобно пошутила я. – Пока не научишься управлять свежеприобретенными эмоциями – лучше никому не показывайся и в земные дела не лезь!

– Справедливо подмечено, – сразу же согласился Логрус, – затихарюсь-ка я до поры до времени... – Его облако стало набирать высоту.

– Ну да, – как можно более небрежно напутствовала я, – цветочки там пока пособирай, звездами полюбуйся...

Следовало признать, что обретший душу Логрус сейчас ничем особо не отличался от обычного земного мужчины – тут тебе и комплексы всевозможные сразу откуда-то повылазили, и ранимое самомнение выпятилось, и боязнь совершить оплошность появилась. Но, во всяком случае, я-то точно повела себя правильно, безошибочно и незаметно надавив на его неопытность. А посему отныне наш великий сверхдемиург сто раз подумает, прежде чем вмешается в скучную земную рутину, поостерегшись наломать дров под влиянием внезапно накотивших эмоций. А пока он с ними разберется да научится управлять самим собой... Короче, Логруса можно лет двадцать не опасаться – не до нас ему сейчас.

– Стой! – опомнившись, заорала я вслед удаляющемуся облаку. – А как же три моих беды? Последнюю можно считать аннулированной?

– Ну уж нет, – ехидно ухмыльнулся Логрус, назидательно грозя мне пальцем. – Никаких поблажек. Два яйца малиновки тебе уже аукнулись – ты потеряла Оружейницу и Эткина. Жди третьей неприятности, самой страшной. И возможно, она коснется не лично тебя, а кого-то другого, кто связан с твоими делами лишь косвенно. А это гораздо тяжелее для нашей совести – ощутить себя замешанным в смерти безвинного человека. Не так ли, принцесса?

– Вот гоблины драные! – сердито бормотнула я. – Удружил, называется...

Логрус саркастично расхохотался:

– Путь к счастью – тернист да извилист. И тебе предстоит пройти его до конца!

– А вода? – еще громче завопила я. – Она поможет?

– Не знаю. Ты ее проверь. – Голос демиурга превратился в слабое эхо. – На себе...

«На себе?» Я скептически пожала плечами, сняла маску, раскупорила флакончик, вылила на ладонь несколько кристально-прозрачных капель живой воды и омыла ими свое лицо...

Я ощутила нечто неестественное. А именно – многочисленные точечные покалывания, волной разбегающиеся по щекам и распространяющиеся на скулы, подбровные впадины, лоб. Мое лицо жгло огнем, кости ныли и зудели... Я растерянно потерла его пальцами и внезапно нащупала аккуратный, дерзко приподнятый носик с небольшой аристократической горбинкой. И это вместо моей привычной дыры, затянутой неровными лохмотьями сизых хрящей! Язв и рытвин не было и в помине. Вместо них я обнаружила гладкую шелковистую кожу, нежную, будто бочок спелого персика... Я шокированно ахнула и, за неимением

лучшего, попыталась посмотреться в отполированную поверхность своего меча... Узкое лезвие Нурилона отразило прелестное лицо, один в один схожее с ликом красавицы Аолы, дарительницы жизни. Именно такое, какое и показывали мне некогда мои высокородные родственницы, подговаривая добыть брачную Пелену богини. Я торжествующе присвистнула и убрала ставшую ненужной маску в карман. Не знаю, почему я тогда ее не выбросила... Наверно, сказывалась давняя привычка, а возможно, и некоторое неосознанное предчувствие, подсказывающее – сия волшебная вещичка мне еще понадобится. Но, так или иначе, живая вода оказалась подлинной – проклятие Ринецеи спало точно так же, как и более старое наказание, преследовавшее нашу многострадальную семью. Мое уродство исчезло без следа, и мне очень хотелось надеяться на то, что чудодейственное средство выполнит свое предназначение – поможет оживить Астора, возвращая на землю его тело и душу. Теперь мне следовало найти Поляну воскрешения и дожидаться выпадения Снега желания...

Малыш-огонек порывался отправиться со мной, но я отрицательно покачала головой, с огромным сожалением признав: нам придется расстаться. Ведь если все задуманное исполнится и мы с Астором вернемся в мир живых, то эта ожидающая повторного рождения душа в любом случае не сможет последовать за нами, обреченная полностью пройти уготованный ей путь. Светлячок боязливо приник к моей груди, обещая проявить смелость и решительность. А я, в который уже раз разглядев предназначенный ему облик, поклялась ждать нашей новой встречи, мысленно умоляя судьбу позволить мне когда-нибудь поддержать в своих объятиях нежное тельце черноволосого и зеленоглазого малыша, почему-то кажущегося мне невыразимо родным и близким. Посаженный на ветку бледного куста шиповника, огонек долго и печально светил мне вслед, тихонько мурлыкая простенькую мелодию, смахивающую на дарующую удачу молитву и наполняя мое сердце уверенностью в успехе. И мне казалось – задуманное должно осуществиться, нет – оно просто обязано воплотиться в реальность! Перед моим внутренним взором витали золотистые глаза, белокурые локоны и очертания широких гордых плеч. Я снова вдыхала упоительный запах лаванды, исходивший от его упругой кожи, ощущала на своих плечах его ласковые руки и оживляла в памяти очертания его губ, самых желанных и сладостных. И клянусь, я была готова совершить все, что угодно, лишь бы вернуть себе Астора – того, в ком и заключалось мое нереальное, горькое, краденое счастье!

Можно совершить тысячи героических поступков и прославиться невероятными подвигами. Можно посвятить жизнь приключениям или поиску таинственных кладов. Можно рисовать чарующие картины и слагать возвышенные стихи. Можно стать богатым, знаменитым и всеми уважаемым. Можно удивить всех своей добротой и справедливостью, верша судьбы народов и государств. Но ни одно из этих достижений не принесет нам счастья и не наполнит наши души гармонией и успокоением – ведь все это не имеет никакого значения, если в нашей жизни нет самого главного чувства, которое называется Любовью! Только она объединяет в себе героизм и очарование, ценится дороже всех сокровищ земли и заменяет целый мир. Слова любви намного упоительнее самой совершенной музыки, а глаза любимого затмевают полотна самого искусного художника. Богатство и власть – желанны, но они еще никого не согрели в длинную зимнюю ночь и не разорвали страшного кольца одиночества, безжалостно сжимающего горло того, кому довелось потерять любимого человека. Потеря любви озлобляет корыстных и черствых людей, но возвышает добрые и отзывчивые сердца. Лишившийся любви человек становится чрезвычайно восприимчивым к чужому горю, потому что знает, каково это – потерять все. Познавший любовь человек уже никогда не обидит слабого и не оттолкнет просящего, ибо свет ушедших чувств остается в его душе навсегда, уподобляясь крохотному огоньку свечи, отгоняющему темноту. И если приглядеться повнимательнее, то можно увидеть тысячи теплых разноцветных фонариков – наших познавших доброту сердец, уверенно освещающих всю землю светом негасимой любви, не дающим этому миру кануть в пучину тьмы и зла. Наш мир жив! И будет жить до тех пор, пока в наших сердцах теплится это волшебное чувство, называемое Любовью!

Я искала Астора повсюду... Я брела сквозь вьюгу и туман, переходила вброд звонкие горные ручьи и переплывала бурные реки. Я штурмовала острые пики скал, своими зубчатыми вершинами упирающиеся в самое поднебесье, и спускалась в глубочайшие каньоны, никогда не изведавшие прикосновения дневного света. Подошвы моих сапог прохудились до дыр, а натруженные ноги, стерлись в кровь. Мучительно ныла переполненная молоком грудь. Меня секли холодные дожди и терзали свирепые ветры. Плотное покрывало изморози опускалась на мою голову, превращаясь в капли росы. Я исхудала и устала до одурения, непрерывно мечтая о кратковременном отдыхе, но не смея остановиться даже на минуту. Я забыла о сне и времени, подгоняемая одной, превратившейся в неумолкающий призыв мыслью – вперед, только вперед! Я шла через миры и пространства, неподвластная смерти и жизни, ведомая надеждой и любовью. И где-то там, впереди, я постоянно слышала ритм его сердца, становившийся все громче, все явственнее. Я знала: он меня ждет, из последних сил цепляясь за этот случайно выпавший нам шанс – хрупкую возможность встретиться вновь. Встретиться, чтобы не расставаться уже никогда!

Я поняла, что самая главная наша задача – это беречь своих любимых, дорожа каждым мигом доставшегося нам счастья. Любовь – ранима, и мы слишком часто неосторожно разрушаем ее пустой обидой или грубым словом, непониманием или необдуманной изменой. Любовь – многогранна и чиста, подобно не замутненному грязью хрусталу. Любовь, желающая оставаться только духовной, – истончается до состояния тени и умирает. Но вторая ипостась любви – страсть, лишенная духовного начала и охватывающая лишь тела, – превращается в пошлость, в низменную похоть. Любовь невозможно приковать цепью и удержать насильно, будто посаженную в клетку птицу, – ведь она не признает никаких преград и не терпит ограничений. Любовь не является чьей-то собственностью, а дается всем, ибо никто из нас не может потерять никого, потому что никто никому не принадлежит. Наверно, это и есть истинная свобода любящей души – обладать тем, кто стал для тебя дороже всего на свете, но не владеть им. Любовь – будто птичка, не поющая в неволе: она прилетает когда захочет и уходит не попрощавшись. Любовь и есть жизнь!

Наконец интуиция привела меня на поляну, разительно отличающуюся от всех прочих мест Радужного уровня. Небольшая лесная прогалина, окруженная стройными стволами тоненьких березок, зеленела молодой травой, напоминая светлый оазис надежды, случайно выживший среди сумрачных Долин вечной скорби. Двенадцать берез, печальных и хрупко склоненных, словно плакальщицы на похоронах, стерегли изумрудный лужок, дружелюбно принявший меня в свои мягкие объятия. И какое-то спонтанно нахлынувшее озарение внезапно захлестнуло меня с головой, подсказывая – я пришла, мой путь закончен: вот она, Поляна воскрешения. Я вступила в медвяно благоухающую растительность, достигающую моих щиколоток, укрылась под сенью священного дерева, своей непорочной белизной символизирующего таинство обетов, приносимых женихом и невестой, улеглась в густую мураву, свернувшись клубочком и крепко заснула...

Вы верите в сны? Я – да! Но только не в том случае, если они превращаются в кошмары... Возможно, причиной всему стала накопившаяся чудовищная усталость, до неузнаваемости исказившая мои самые заветные мечты и чаяния, низведя их до уровня отталкивающего в своей бессмысленности ночного бреда. Мне приснились мои собственные руки – чистые и ухоженные, чья белизна эффектно оттенялась богатыми красно-зелеными рукавами атласного домашнего халата, обшитого дорогим мехом. И вот этими-то руками я педантично раскладывала крупные серебряные снежинки, симметрично размещая их изящные фигурки на мраморной доске огромного камина, в недрах которого жарко пылало целое дерево. И при этом снежинки не таяли, создавая атмосферу некоего праздника, радостного и долгожданного. Брр, что за ерунда? Разве бывает нетающий снег? А потом картинка сместилась, поплыла фигурами незнакомых людей, подносящих мне конскую попону, укутывающую нечто неживое, напоминающее замороженное человеческое тело. Вот

они отгибают край покрыва и показывают мне исхудалое, восковое лицо, полускрытое прядями смерзшихся волос... Я растерянно отвожу их рукой и разеваю рот в диком вопле ужаса, ибо в этом искривленном, безобразном трупe я внезапно узнаю его – моего Астора! Вокруг меня заполошно мечутся бородатые, облаченные в тулупы мужики, а я все кричу, кричу и никак не могу остановиться...

Я проснулась со сдавленным всхлипом, вырвавшимся из моего полупарализованного от ужаса горла. А еще – от пронизывающего, сковывающего все члены холода, неожиданно нагрянувшего в заповедный березовый лесок и сопровождающегося обильным снегопадом. Видимо, я проспала всю ночь, потому что небо, расстилающееся над макушками деревьев, слегка порозовело, торопясь избавиться от апатичной серости, присущей Радужному уровню. Похоже, снег шел уже давно – он полностью покрыл траву и наметил приличный сугроб возле моей озябшей фигуры. Бриллиантово поблескивающий иней обсыпал березовые листья, создавая тончайший кисейный покров, потрясая контрастирующий с их изумрудно-насыщенным цветом и превосходящий по своей красоте фату молодой, целомудренно смутившейся невесты. Несомые ветром снежинки танцевали вокруг моего лица, оседая на ресницах и оборачиваясь мельчайшими капельками сладкой влаги, смачивающей пересохшие губы. Несколько секунд я потрясенно таращилась на белую круговерть, хороводившую меж березок, а потом одним рывком вскочила на ноги, бормоча сбивчивые слова:

– Мне велели дожидаться выпадения Снега желания... Так неужели это и есть тот самый снег? А Астор – он ведь тоже говорил о белом вихре на зеленой листве... – Я тоненько взвизгнула, прыгнула в снег, упала на колени и принялась торопливо сгребать его в кучу, стремясь охватить как можно больший участок мягкого, долгожданного покрыва.

Мои пальцы замерзли и плохо справлялись с непривычной для них работой. Абсолютно не представляя, как это делается, я все-таки упрямо скатывала и приминала пышные хлопья, ползала на четвереньках и, высунув от усердия кончик языка, лепила сначала голову, а затем плечи, грудь, руки, талию, бедра, ноги... Я понимала, что неспособна добиться точного портретного сходства, и уповала на милость судьбы, воссоздавая из Снега желания тело своего любимого мужчины, намереваясь вырвать его из бездны небытия, чтобы вернуть обратно – в мир живых. Наконец распростертая на земле статуя была закончена. Снегопад прекратился. Над кронами берез взошло теплое солнце, растворяя фату изморози и одевая слепленное мною изваяние в панцирь прозрачного льда. И тогда я сняла с шеи оправленный в серебро флакон и щедро окропила снеговую скульптуру мертвой водой. Едва заметный туман окутал ледяного принца, пробегая по нему волной и придавая снегу разительное сходство с настоящей плотью. Грубая корка потекла и преобразилась, принимая форму прекрасного, одухотворенного лица с чеканными скулами, высоким лбом, точеным носом и капризно изогнутыми губами. На мощной колонне шеи проступили мельчайшие жилки, ниже обрисовались очертания налитых силой грудных мышц и рельефного пресса. На кончиках пальцев рук выросли черные когти, длинные белокурые локоны нимбом разметались кругом головы, упруго взбугрились мускулистые икры. Я восхищенно расширила зрачки и, раскупорив флакончик с живой водой, вылила ее на воссозданного демона...

Его рот чуть приоткрылся, выдыхая облачко теплого пара. Глазные яблоки задвигались, плотно сомкнутые веки – дрогнули. Грудь приподнялась в напряженном вздохе и... вновь опала – жалобно и бессильно. А откуда-то издалека, из иной реальности, до меня долетел громкий разочарованный стон, полный отчаяния и несбывшейся надежды. Чуда не произошло! Всею душой, всеми помыслами я мгновенно ощутила – Астор здесь, рядом, совсем близко, нас разделяет всего лишь один удар сердца, страстное слияние губ и прикосновение пальцев. Но что-то властно удерживает его по ту сторону незримой границы, не отпуская сюда, ко мне. А стон, полный невыразимой горечи и тоски, звучал все глуше, тая во мраке и уходя обратно в пустоту. Я повалилась на ледяную статую, жарко лобзая холодные губы, умоляя его сжаться и остаться со мной.

– Не уходи! – смертельно раненным зверем завывала я, бессильно царапая снег и ломая ногти. – Не оставляй меня, Астор! Ты так нужен мне, любимый! Я не могу, я не хочу жить без тебя...

Я выхватила из ножен Алатору, намереваясь обрызгать мертвое изваяние своей горячей кровью, но мое тело вдруг приобрело твердость стали, не поддаваясь клинку. На моей коже не образовалось даже царапины, и как я ни старалась – так и не смогла добыть хотя бы каплю живительной жидкости. Все мои усилия оказались тщетными...

Я долго сидела подле бесформенных остатков растаявшего снега, почти превратившихся в лужу и уже утративших всякое сходство с мужской фигурой. Я не понимала – почему, невзирая на все пройденные мною испытания, нам не помогли ни вода, ни любовь, так и не сумев удержать его ответившую на призыв душу. Счастье казалось таким возможным и достижимым, но будто бы чего-то испугалось или не получило желаемого, не дождавшись от меня каких-то ключевых слов. Что я сделала неправильно? Вполне возможно, я так и не постигла главной сути, скрытой в речах Логрина и наставлениях Логруса. Неужели я показалась Астору неубедительной и его посмертная сущность не узрела искомой причины, способной привлечь ее обратно на землю? Но разве можно любить сильнее, чем я? Кто осмелится совершить больше, чем я, и выдержит худшие мучения, чтобы вернуть себе любимого мужчину? Так в чем же я ошиблась?

Моя душа словно онемела и уже ничего не чувствовала, превратившись в беспрестанно пульсирующий сгусток боли. Я с трудом разогнула затекшие колени, поднимаясь из лужи мутной воды, чуть не ставшей им. Теперь я испытывала невыразимое отвращение к своей никчемной жизни и приняла бы смерть как заслуженное, желанное избавление от бессмысленности своего дальнейшего существования... Но, увы, я не имела права даже на то, чтобы умереть, ибо впереди меня ждали новые проблемы и обязательства. Я пообещала спасти этот мир и собиралась любой ценой выполнить данную мною клятву, думая уже совсем не о себе, а только о сыне и верящих в меня друзьях. Я в последний раз оглянулась на поблекшую Поляну воскрешения, ставшую для меня обманчивым миражом и несбывшейся мечтой. О, как же сильно мне не хотелось жить – ведь моя душа и так уже была мертва, но оставаться здесь я тоже не могла. Пришло время возвращаться. Мои слезы иссякли, сменившись словами новой песни, звучавшей траурно, словно похоронный гимн. Сейчас я прощалась с ним – с моим Астором, с моим недостижимым счастьем, так мне и не доставшимся...

Этот снег, удивительно белый,
Что на зелени летних берез
Примостился покровом несмелым,
Растревожил мне душу до слез.

Выпал он неожиданно – ночью,
Мой случайный, венчальный наряд.
А снежинки, как путь к многоточью,
На листве изумрудной горят.

Я недавно поставила точку
На своей несуразной судьбе.
И поверь, эту странную строчку
Не хотела писать о тебе.

Но, возможно, и сам ты не верил,
Что закружит нас вдруг снегопад,

Он две ночи нам только отмерил
Да отсыпал любви наугад.

И развел, отделив друг от друга,
Наслаждаясь горячкой моей...
Чтобы видеть, как белая выюга
Саван шьет из любви простыней.

А затем передо мной разверзлось темное окно портала, ведущее неизвестно куда. Но разве это имело какое-нибудь значение? Радужный уровень грубо выпроваживал меня вон, презрительно отторгая, как чужеродный, никчемный элемент. Я горестно усмехнулась и равнодушно шагнула в слабо фосфоресцирующую дыру энергетического провала, совершенно не представляя, в какие неведомые края забросит меня на сей раз, но целиком положившись на волю слепого providения. Теперь мне было все равно...

Глава 8

В королевском дворце Силя царила суматоха. Но, увы, отнюдь не та долгожданная и захватывающая, которая наблюдается в канун радостных торжеств или праздников, а самая настоящая паническая суeta, вызванная растерянностью и смятением, неуклонно перерастающими во всеобъемлющий, всепоглощающий ужас. Сам барон Генрих сразу же после похорон скончавшейся при родах Лилуиллы заперся у себя в апартаментах и беспробудно пьянствовал уже третий день подряд, на все призывы друзей отвечая лишь идиотскими посылками куда подальше и нечленораздельным мычанием. Правитель сильфов чувствовал за собой вину, а посему целенаправленно и планомерно топил себя в вине, очевидно намереваясь последовать за безвременно почившей супругой. И тщетно зывали к его рассудку Саймон и Марвин, поочередно сменявшиеся на боевом посту под запертой дверью баронской опочивальни, – Генрих напрочь отказывался внимать их аргументированным доводам, оставаясь слепым и глухим к любым словам и просьбам. Ну вот втемяшил он себе в голову, что останься он во дворце, а не шастай по Диким землям, то жена перенесла бы роды куда как благополучнее и осталась бы жива. Но, выслушивая его перемежающиеся пьяными слезами оправдания, смутно долетающие из-за толстой двери, мудрый Саймонариэль отрицательно мотал удрученно поникшей головой и однообразно повторял: в случившейся горести нет вины барона, ибо над несчастной роженицей тяготели остатки черной магии Ледяного бога, обрекшие ее на смерть без надежды на спасение. И понапрасну распинаясь в увещеваниях самый близкий друг сильфского повелителя – некромант Марвин, разумно внушая: барон обязан жить хотя бы ради малютки дочери. А случившегося уже не изменить, поэтому нужно перебороть скорбь и не придавать слишком много значения сегодняшней беде – ведь не исключено, что завтра придет новая, еще более страшная... Кстати, именно этой-то закономерной неприятности, логически вытекающей из всех предыдущих, так и боялись мудрые архимаги, расписавшиеся в собственной немощи и опечаленно разводящие руками – дескать, здесь бессильны даже мы...

Крошка Мириам, златокудрая дочка сильфского владыки и красавицы Лилуиллы, стоившая своей матери жизни, родилась немного раньше положенного срока и, по единодушному признанию всех окружающих, стала самым очаровательным ребенком в мире. Убитый горем и раскаянием отец не удостоил малютки ни единым взглядом, поэтому имя для принцессы выбрала драконица Ларра, нарекая ее древним словом, обозначающим «богоравная». И следует признать, столь громкое имя ничуть не казалось претенциозным, ибо едва народившаяся девица обладала на редкость ослепительной внешностью, затмевая и прелестную мать, и саму богиню Аолу. Наверно, на всей земле не нашлось бы второго подобного личика, выточенного так изящно и обрамленного золотыми кудрями. Огромные карие глаза девочки сияли, будто звезды, утопая в тени пушистых черных ресниц, а

персикового оттенка кожа поражала мягкостью и бархатистостью.

– Она и есть олицетворение доброты и красоты! – восхитился Саймонариэль, укачивая крошку принцессу. – Я уверен, она принесет в наш мир радость и счастье! Когда Мириам достигнет шестнадцати лет, ее красота затмит солнце и луну!

Но всего этого могло и не случиться – ведь новорожденная категорически отказывалась брать грудь кормилицы, выплевывала влитое ей в ротик козье молоко, коим вскармливали принца Люцифера, а при малейшей попытке накормить ее насильно начинала синеть и задыхаться. Магия оказалась несостоятельной, ввергнув великих магистров в ступор. Малышка тихонько угасала на руках своих многочисленных нянек, очевидно не считая нужным надолго задерживаться на этом свете, недостойном ее ослепительной красоты. Во дворце воцарилось уныние...

В душе Саймона едва теплилась робкая, последняя искорка надежды. Он тайно уединился в отведенной ему комнате, затемнил окно бархатной портьерой, непроницаемой для лучей солнечного света, водрузил на стол свой магический кристалл и вперил в него неподвижный взор сомнамбулы, посылая неистовый призыв, способный преодолеть любую преграду, проникнув сквозь пространство и расстояние. Поначалу он не слышал и не увидел ничего, но потом внутренность волшебного шара налилась густым серым маревом, становясь рамкой для засыпанной снегом поляны. Кристалл завибрировал, издавая странные звуки... Тишина сменилась победным маршем, разливаясь напевом ликующего скерцо⁷³, исполняемого дуэтом нежной женщины-арфы и гордого мужского скрипичного баритона. Глаза мага шокированно расширились, ибо его взору явилось нечто совершенно немыслимое и невозможное – Сумасшедшая принцесса, воссоздающая тело своего погибшего возлюбленного и пытающаяся вдохнуть в него жизнь. О, Саймон даже побоялся представить, через что пришлось пройти этой отважной девушке, дабы раздобыть живую и мертвую воду, совершая то, чего не смог добиться никто до нее. Но архимаг понимал: если Ульрика и Астор воссоединятся сейчас, то все пойдет не так, как нужно, и древнее пророчество – самое важное из всех, записанных на стенах Пещеры безвременья, – останется невыполненным, а мир снова канет в пучину Хаоса и раздора. Иногда ради спасения многих нужно пожертвовать одним... Впрочем, кому, как не Ульрике, знать об этом суровом правиле! Глотая горькие слезы и сокрушаясь, мучаясь от жгучего отвращения к самому себе, Саймон воспрепятствовал душе принца демонов, мучительно выбирающейся из пропасти Тьмы и рвущейся навстречу своей любимой. Болезненно стелющаяся посмертная сущность Астора, ропщущая на примененную к ней несправедливость, вновь канула в небытие, не дойдя до жизни всего лишь на шаг, на вздох, на спасительное прикосновение губ. Сердце Саймона разрывалось от жалости к беспомощно мечущейся принцессе, рыдающей на кучке тающего снега, но другого выхода он не нашел. Ульрика была нужна здесь, в Силе... И тогда старый архимаг, мгновенно сгорбившийся и поседевший от содеянного им зла, направленного на благо всех, принял на себя и второй грех, создавая портал перемещения и призывая Ульрику обратно в земной мир, для которого она и так уже сделала слишком много полезного, сама окунувшись в беспросветную ночную тьму одиночества и безысходности.

Но ведь ночь темнее всего перед рассветом...

– Я так больше не могу. – Марвин без стука ворвался в комнату старшего друга. – Я с ним поговорю...

– Поговори, – хитро прищурился Саймонариэль, утирая со лба испарину усталости, вызванную сложными магическими манипуляциями. Он выглядел озабоченным, в чем-то виноватым, но вместе с тем весьма довольным собой. Таким, словно совершил какую-то

⁷³ С к е р ц о – часть музыкальной симфонии, исполняемая в очень живом, стремительном темпе и обычно символизирующая что-то победное.

тяжелую повинность, наложившую на него ответственность за чью-то судьбу. Все это сильно отразилось на внешности почтенного архимага и не ускользнуло от внимания бдительного некроманта. Но Марвин так и не сумел распознать, чем именно была вызвана сия чересчур явственная метка печали, омрачившая ясное чело мудрейшего из эльфов. – Уговори его потерпеть еще чуть-чуть...

– А что произойдет потом? – Марвин жадно впился глазами в утомленное лицо мага. – Ты нашел выход, способный спасти жизнь малютки Мириам?

– Возможно, – сварливо закричал Саймон, недовольно кривясь. – Возможно... Время покажет... Напомни ему про Ульрику...

– Ясно! – Молодой волшебник исполнительно кивнул, интуитивно понимая: друг не склонен сейчас к проявлению излишней откровенности, а посему ему придется удовлетвориться уже услышанным и увиденным. – Я с ним разберусь! – И, взметнув лапами своего широкого одеяния, он торопливо выскочил из комнаты. Саймонариэль проводил его хмурым взглядом, не зная, куда деваться да спрятаться от отвращения к своей суровой, но справедливой сущности, только что заставившей его содействовать сей далеко не благовидный поступок. Он знал: обмануть можно кого угодно, но не себя самого.

Марвин вихрем мчался по дворцу, переживая за оставленного без присмотра Генриха, в состоянии опьянения способного на самые безрассудные деяния. А ну как этот дурачок удумает на себя руки наложить? Но, к счастью, если, конечно, это определение подходит для описания столь напряженной ситуации, за время отсутствия некроманта в покоях барона ничего не изменилось. Под дверью запертой комнаты по-прежнему сидели добровольные охранники – Ланс и Огвур, радевшие о благополучии овдовевшего барона не меньше, чем сам некромант. Орк сосредоточенно хмурил брови, полируя и без того зеркально сияющее лезвие Симхеллы, а прекрасный полукровка, правда сегодня довольно растрепанный и поблекший, методично раскачивался и постанывал, держась за припухшую щеку.

– Ты чего? – участливо осведомился Марвин, косясь на уродующий полуэльфа флюс. – Конфет объелся?

– Зуб болит, – невнятно прошепелявил страдалец, – жутко... – Он приоткрыл рот и указал куда-то пальцем. – Там, в самом заду...

– Я, конечно, не спец в стоматологии, но не уверен, что зубы находятся конкретно в том самом месте! – не удержавшись, хихикнул волшебник, на секунду забывая обо всех навалившихся на них несчастьях. Уж очень забавно описывал Ланс прискорбные симптомы постигшего его заболевания.

– И нечего тут ржать, – сердито огрызнулся Огвур, многозначительно постукивая по рукояти любимой секиры. – Ты лечи его давай, а не то... – Кулаки тысячника сжались, огромные бицепсы угрожающе взбугрились.

– Ладно, ладно, – покладисто выставил ладони Марвин, – сейчас, вот только с Генрихом поговорю...

– Ага, так он тебя и послушает! – пискнул Ланс. – Вон Огвур пытался, так барон в ответ начал посуду бить. А фарфор жаль – он у него в спальне красивый стоит, дорогой, рохосский...

– Но я все-таки попробую! – заупрямился некромант, скромно полагавший, что в искусстве дипломатии он заведомо даст фору десятку прямолинейных и неотесанных орков. Он нагнулся, приложил губы к замочной скважине и закричал: – Генрих, хватит уже пить, открой дверь – ты нам нужен!

Ответом ему стал мелодичный звон.

– Ого, – оценивающе приподнял бровь полуэльф, – никак наш барон супницу вдребезги кочнул!

– Генрих, – повысил голос Марвин, – ты нужен дочери!

После этой реплики за дверью послышался непонятный шум, свист воздуха, разрезаемого увесистым предметом, запущенным сильной рукой, и жуткий грохот, вызвавший осыпание штукатурки со стен... Марвин недоуменно покосился на Ланса.

– Чайник это, – с видом знатока пояснил тот, – серебряный! Тяжелый он, собака...

– Кто, барон или посудина? – иронично осклабился орк.

Марвин хмыкнул и продолжил:

– Генрих, ты нужен своему народу!

В опочивальне барона установилась напряженная тишина...

Переговорщик с видом превосходства уставился на парочку охранников, предлагая оценить его заслуги, но полукровка выжидательно приложил ладонь к уху, призывая подождать... Из спальни донеслось натужное кряхтение сильфа, непонятное шебуршание и... в двери изнутри бухнуло так, что прочные дубовые створки чуть не сорвало с петель. Затрещал косяк, с потолка рухнула хрустальная люстра, обдав друзей веером осколков. Некромант не удержался и упал на колени, прикрывая голову.

– А это что еще? – шепотом осведомился он у Ланса.

– Самовар! – авторитетно констатировал полукровка. – Был! Подарок от красногорских послов – ведерный, неподъемный, из золота. Ума не приложу, как Генрих умудрился его в одиночку со стола своротить и грызть себе при этом не нажил...

– Марвин, – душевно посоветовал Огвур, старательно выбирая из прически полуэльфа набившееся туда хрустальное крошево, – отвали-ка ты отсюда подобру-поздорову, не зли барона более. Авось он сам успокоится...

И вдруг маг вспомнил наставление Саймона.

– Генрих, – взмолился он, – угомонись. Ты нужен Ульрике!

Дверь спальни тихонько и зазывно растворилась...

– Заходи! – В образовавшейся щели показалось лицо де Грея, опухшее и крайне недовольное. – Но только ты. – Он жестом пресек слабую попытку Ланса просочиться к себе в опочивальню и с шумом вновь перекрыл доступ на свою суверенную территорию, на сей раз предусмотрительно оставив ключ в замке и тем самым устранив возможность подсмотреть и подслушать.

– Мне нужно с тобой поговорить, – в не терпящей возражений форме изрек маг, едва очутившись внутри спальни, – но я не мог, ибо ты вечно выпивши!

– Странное дело, – косо подмигнул нетрезвый вдовец, пунктирно ковыляя к креслу и облегченно в него падая, – выпивши – я, а говорить не можешь – ты. Парадокс! Ну давай излагай, зачем приперся?

Марвин придиричиво огляделся. Незастеленная кровать, батарея пустых бутылок, блюдо с непонятными объедками. Пол устилают осколки разбитого фарфора, на двери вмятина, а уж запах в комнате стоит...

– Фу! – Некромант рысцой, зажимая нос, добежал до окна и толкнул створки, распахивая их во всю ширь, чтобы впустить в затхлое помещение струю свежего воздуха из дворцового сада, несущую аромат цветущих растений. – Дружище, твои личные апартаменты превратились в логово вонючего упыря. А сам ты... – маг критически оглядел барона с ног до головы, – м-да-а-а...

Беспощадный дневной свет падал прямо на Генриха, с предельной откровенностью подчеркивая и нездоровый цвет его кожи, и сальные нечесанные волосы, и налитые кровью глаза.

– В общем, выглядишь ты вполне в стиле своего логова, – подвел неутешительный итог Марвин. – Силушки-то у тебя полно, – он со смешком указал на помятый самовар, небрежно валяющийся в углу, – да вот сила эта, – он брезгливо повел носом, намекая на исходящее от барона «амбре», – нечистая...

Генрих смущенно покраснел.

– Значит, так. – Некромант повелительно похлопал в ладоши, призывая прислугу. – Придется эту силу из тебя срочно изгонять.

– Заклинаниями? – криво усмехнулся сильф.

– Хуже, – соорудил грозную гримасу маг, – намного хуже. Мылом, пемзой да горячей

водой с шампунем...

– А мне и так хорошо. – Барон ни в какую не желал добровольно расставаться с милой его сердцу депрессией. – Я себе и таким нравлюсь.

– Себе-то – да, – иронично согласился некромант. – А вот Ульрике?

– Сумасшедшей принцессе? – Де Грей произнес это прозвище настолько безразличным тоном, будто напрочь запамятовал о существовании Ульрики. – Она-то тут при чем?

Но маг не ответил, с деланным равнодушием подняв глаза к потолку и ехидно насвистывая какую-то мелодию...

– Она возвращается? – Голос де Грея дрогнул, выдавая охватившую его растерянность. – Правда? Марвин, не молчи – или я тебя убью!

Некромант удовлетворенно расхохотался, деликатно ухватил повелителя за локоть, вытащил из кресла и вывел из захламленной спальни. Жизнь потихоньку налаживалась...

А чуть позднее, расположившись в двух соседних ваннах, установленных в выложенной мрамором мыльне, друзья завели обстоятельную беседу, сопровождаемую ритмичным движением щедро намыленных мочалок. В горячем воздухе плыл упоительный аромат фуксии и миндального масла, стирая из памяти страдания минувших дней, и разнежившимся друзьям казалось: струящаяся в трубах вода смывает грязь не только с тел, но и с их душ, обновляя и врачуя. А уходящая в сток грязная мыльная пена уносит с собой их вольные или невольные грехи, освобождая место для чего-то светлого, нового и невыразимо прекрасного.

– Я виноват, – с трагическим вздохом произнес Генрих, откидывая назад длинные мокрые волосы, отмытые до блеска и скрипа, – в том, что она скончалась. Я не думал о ней, я вообще ни о ком и ни о чем не думал. Я просто тупо гонялся за Ульрикой!

Марвин набрал воду в ладонь и, сибаритствуя, медленно вылил ее себе на грудь.

– Глупости, – урезонил он сильфа, – какого гоблина ты занимаешься бессмысленным самобичеванием? Ведешь себя словно рефлексирующая барышня, посуду бьешь. Мужчина обязан с достоинством принимать посылаемые ему испытания. К чему безумствовать, если прошлого уже не вернуть. И не стоит разрешать этому неудавшемуся прошлому портить твоё благополучное настоящее и будущее. Живи тем, что имеешь в текущий момент, живи ради родных и близких...

– Да-а-а? – Барон возмущенно вскочил на ноги, поднимаясь из ванны. – Полагаешь, совесть так же просто отмыть, как и тело?

Предельно расслабившийся некромант нехотя разлепил тяжелые веки, исподволь любясь роскошной фигурой де Грея, эффектно выступающей из пены и пара. Сам малость подуставший от сладостных, но чрезвычайно обременительных уз брака, Марвин тем не менее искренне сочувствовал другу, понимая: лишать подобную плоть женской любви и ласки – суровое и несправедливое наказание. Литые плечи Генриха, его могучий торс, мускулистые руки... Да он просто неспособен жить без женщины, не годится для воздержания и неприспособлен к участи отшельника. Нет, повелителю сильфов срочно требуется другая жена! В конце концов, настоящая проблема кроется даже не в постельных утехах барона – просто малышке Мириам нужна мать, а народу – правительница. И всем понятно, какая именно женщина лучше всего подходит для столь нелегкой роли... М-да-а-а, а ведь совсем недавно Марвин настоятельно советовал Генриху выбросить ее из головы...

– Умирают все, – с проникновенными нотками сообщил маг, старательно подбирая самые простые и доступные слова, способные проникнуть в израненную душу барона, – умные и глупые, любимые и нелюбимые. Вопрос лишь в том – когда? Ну а это уж как кому повезет, в зависимости от отмерянного ему срока. Саймон – самый искусный маг на земле – не отходил от смертного одра Лилуиллы, но и он в итоге сумел лишь облегчить ее последние мгновения, а не отогнал смерть. Смирись, друг, твою жену не смогли бы спасти даже боги...

Генрих с покаянным плеском осел обратно в воду.

– Я думаю, она страдала вовсе не от осознания неизбежности смерти, – глухо произнес он, – а оттого, что понимала: я ее не люблю!

– А ты ее и вправду не любил? – заинтересованно спросил маг. – Совсем-совсем?

– Поначалу просто вожделел, – смущенно признался де Грей. – А потом... – Он обреченно махнул рукой. – Негодный характер способен убить все...

– Это точно! – понимающе откликнулся некромант, подразумевая что-то свое, личное. – Но, – он печально улыбнулся, – разве не учит нас сама жизнь: люби не того, кого хочется любить, а того, кого можешь, кем обладаешь!

Сильф возмущенно фыркнул, погружаясь в воду с головой и вновь выныривая на поверхность:

– Ты еще скажи: не умеешь любить – сиди и дружи! Нет, мудрый ты мой, любовь – на то она и любовь, что не признает никаких рамок и правил...

Этого справедливого заявления Марвин оспорить не смог, а потому нехотя кивнул:

– Так-то оно так. Да вот только все равно не стоит кусать больше, чем сможешь прожевать и проглотить, – подавишься или клыки сломаешь!

Генрих хвастливо оскалил белоснежные зубы:

– Да я ими даже гвозди жую!

– А Ульрику, – подначивающе поддел некромант, впиваясь испытующим взором в расширившиеся зрачки друга, – прожует?

– А я и не собираюсь с ней сюсюкаться. – Щеки барона пошли багровыми пятнами, отражая нарастающий в нем бунт. – Я устал от любви, я больше ее не хочу. Мне нужно обладание...

– Врешь! – холодно отчеканил Марвин. – Ты ожесточаешь себя намеренно. Но это не выход... Так ты сделаешь только хуже. И ей, и себе...

Де Грей задумчиво гонял по воде увядшие лепестки фуксии.

– Что ты хочешь от меня услышать? – прерывая молчание, запальчиво выкрикнул он. – Да, признаю – я вряд ли смогу заставить ее жить со мной добровольно! Но я очень постараюсь, потому что жить без нее мне тоже невмочь!

– Любовную рану умеет залечивать лишь тот, кто ее нанес, – признал маг. – Но советую тебе серьезно: забудь ее и перетерпи свои чувства. Рано или поздно они иссякнут. Да и к тому же, – он гоготнул донельзя скабрезно, – от баб одни проблемы и прямой ущерб нашему здоровью. Ибо чем меньше женщину мы любим, тем больше времени на сон! Впрочем, это я тебе уже говорил.

Генрих страдальчески улыбнулся:

– На том свете отоспимся. Нет, от Ульрики я не отступлюсь даже в том случае, если мне придется ее изнасиловать и если она мне все зубы повышибет...

– Ой, гоблины! – Марвин потрясенно подпрыгнул в ванне, выплескивая на пол половину ее содержимого. – Как же я мог забыть! Там же Ланс зубами мается!..

– Ну я точно уверен, что его недуг не имеет под собой эротической подоплеки, – нескромно пошутил де Грей, подавая другу полотенце. – Мои больные зубы тебе явно не по зубам, о великий магистр! Но помоги тогда хотя бы нашему впечатлительному полуэльфу!

В холле первого этажа собрался целый консилиум. В центре, на табуреточке, смиренхонько сидел болезный Лансанариэль, чей флюс стал еще внушительнее, а глаза блестели нехорошим лихорадочным блеском. У полукровки поднялась температура, поэтому решить проблему с зубом требовалось незамедлительно. За плечом любезного дружка грозно высился орк, напряженно тискающий в потных ладонях рукоять Симхеллы. Оггур волновался, тщетно пытаясь скрыть охвативший его страх, подобного коему он не испытывал даже на поле боя. Саймонариэль, задумчиво пощипывая ухоженную бородку, нервно ходил вокруг полуэльфа, изредка издавая маловразумительные «н-да» и «однако».

– И чего мы ждем? – первым не выдержал Генрих. – Ты, твое магичество, не тани давай, здесь все свои, а посему говори открыто – выживет Ланс или нет?

– Надеюсь! – неуверенно улыбнулся Саймон, подступая к полукровке ближе. – Очень на это надеюсь.

– То есть как это «надеюсь»? – ошеломленно переспросил Огвур, роняя секиру себе на ногу и портя паркет. – Его жизни что-то угрожает?

– Да, – спокойно кивнул магистр, пряча в бородку лукавую ухмылку, – глупая трусливость и нерешительность...

– Но-но, полегче на поворотах, – набычился тысячник, – без инсинуаций, пожалуйста. Ланс – он еще посмелее нас всех вместе взятых будет.

– Ничего не понимаю! – вмешался окончательно запутавшийся, а потому выведенный из терпения Генрих. – Объясните толком!

– Понимаете ли, уважаемый барон, – безупречно вежливо начал архимаг, – физиология полукровок непредсказуема и вполне способна обладать рядом удивительных особенностей, не присущих чистым расам. Самый блистательный образчик проявления нестандартности подобных организмов – это наша незабвенная Мелеана. В ДНК полукровок присутствует некий свободный мутаген, подчас ведущий себя весьма и весьма странно...

Сильф ошеломленно помотал не полностью просохшими волосами:

– Но я и сам отношусь к народу, возникшему путем смешения крови эльфов и орков...

– Это произошло давно, – небрежно отмахнулся Саймон. – С тех пор ваша раса успела набраться сил и приобрела завидный иммунитет. Но Ланс, – архимаг рассматривал полукровку, как некое подопытное насекомое, – вообще неординарное во всех отношениях создание.

– Ну это точно! – не удержался от ухмылки барон. – Но прошу вас ближе к сути проблемы, господин архимаг.

– Так вот... – Саймон академически кашлянул, видимо собираясь прочитать полнообъемную лекцию по генетике. – Я выяснил, что у нашего чудесного Лансанаризля не существует привычного для нас понятия молочных и постоянных зубов. Зубы у него периодически выпадают в течение всей жизни, регулярно сменяясь один на другой...

– Здорово, – позавидовал Марвин. – То-то он конфеты непрерывно трескает. Похоже, кариес ему не грозит.

– Не грозит, – поддакнул Саймонариэль, – но сейчас у Ланса случился неприятный сбой: новый зуб торопится поскорее вылезти из лунки, а старый – пока еще не спешит ее покидать. Отсюда и боль, и воспаление...

– А я-то уж подумал, будто произошло что-то и в самом деле серьезное. – Генрих с негодованием уставился на обоих магов. – А тут... Зачем вы нам головы-то морочите? Выдрать Лансу зуб – и долой проблему...

– Вот и я это предложил, – бесцветным голосом изрек магистр. – Но он... – Его указующий перст обвиняюще повернулся в сторону Ланса...

– Нет, – изо всех сил заверещал полуэльф, отпрыгивая вместе с табуреткой. – Не дамся! Боюсь!

У опешившего барона шокированно расширились глаза, чуть не вылезая из орбит. Ланс испугался?

– Что за детский бред? – разъяренно рявкнул сильф и, чеканя шаг, начал наступать на скорчившегося на своей табуреточке полуэльфа. – Да я сейчас самолично тебе этот гоблинов зуб выбью!

– Эй, полегче! – Огвур преградил ему путь. – Посмей хоть пальцем его тронуть...

Но де Грей не слушал. Ловким финтом обойдя массивную фигуру тысячника, он прорвался-таки к Лансу, схватил его за лацканы щегольского бархатного камзола и, приподняв над сиденьем, затряс, будто ветер осину. Полукровка мелко дрожал и всхлипывал.

– Хватит притворяться, – орал де Грей, изливая все накопившееся возмущение, – чего ты нам уррагскую лапшу на уши вешаешь?

Огвур взревел раненым медведем и рванулся на помощь милому другу, но маги своевременно поймали его с двух сторон, шепча: мол, Генрих не сделает Лансанаризлю ничего плохого – просто сбросит излишек адреналина. Орк с неохотой подчинился,

продолжая что-то ворчать и поглядывая на барона с опаской. А Генрих продолжал вопить.

– Да всем известно, что на самом деле ты далеко не трус, – отводил он душу. – Ты и над разбойниками верховодил, и на Ульрику наезжал, и в бою отличался, и демонов Астора наглостью доставал, и из папочки своего чокнутого дух вышиб. Так чего же ты сейчас ломаешься перед нами, как девка, и сопли пускаешь? Да подумай – зуб! Ну хочешь – я себе для примера его вырву?

Ланс флегматично шмыгнул распухшим носом:

– Все равно – боюсь!

– Ну знаешь... – Генрих с размаху опустил его обратно на табуретку, – это уже пахнет паранойей!

В холле воцарилась драматическая пауза, напоминающая затишье перед грозой. Огвур нежно гладил Ланса по волосам, Генрих продолжал недовольно бухтеть, маги – думали. Ситуацию спас Марвин.

– Послушайте, – вкрадчиво предложил он, – давайте не станем рвать зуб специально. Я предлагаю положиться на благой промысел судьбы. Вот, – он вытащил из кармана прочную шелковую нитку, – чем вам не нить фортуны? Привяжем один ее конец к дверной ручке, а второй – к зубу. И первый же, кто зайдет во дворец, неминуемо избавит Ланса от мучений. А исходя из того, что дуракам везет, – тут маг весело подмигнул радостно ослабившемуся Генриху, – я уверен: нас посетит хороший человек, а больной – не почувствует боли!

На том и порешили.

Минут десять ничего не происходило. Лансанариэль нервно поерзывал на табуретке, остальные дружно переживали за него. Вдруг из-за двери донеслось быстрое постукивание каблучков, сопровождаемое звоном оружия...

– О, – торжественно расправил плечи некромант, – а что я вам пророчил? Сюда идет отважный воин!

Все выжидательно затаили дыхание. Ланс напрягся...

Во входную дверь вежливо постучали, но столпившиеся в холле и не намеревались отвечать. Стоявший на крыльце посетитель нерешительно потоптался, гневно выругался и... резко потянул дверь на себя...

– А-а-а! – пронзительно взвыл Ланс, потому что больной зуб птичкой вылетел у него изо рта и повис на ниточке.

– А-а-а! – еще громче заорали все остальные, ибо в дверном проеме стояла Сумасшедшая принцесса, с озадаченным прищуром разглядывающая собравшееся в холле общество.

– Ну и как прикажете это понимать? – требовательно спросила она, приподнимая брови и указывая на стоматологический трофей. – Окончательно без меня сбрендил?

Саймонариэль залиvisto расхохотался, становясь похожим на расшалившегося мальчишку и начисто забывая о своем важном статусе.

– Девочка, ты, как всегда, вовремя! – справедливо признал он.

Генрих смотрел на Ульрику восхищенно вытаращенными глазами, подмечая и отсутствие маски, и ее новое, безупречно прекрасное лицо.

– Мелеана, – выдохнул Огвур, – ты выздоровела!

– И я! – в унисон пискнул Ланс, ощупывая заметно опавшую опухоль. – Я тоже выздоровел!

– Добро пожаловать! – радушно развел руки Марвин. – С возвращением домой, повелительница сильфов!

– Чего? – оторопела принцесса. – Как ты меня назвал?

Но тут Генрих внезапно отмер, вспомнил все недавние поучительные разглагольствования некроманта и ломанулся навстречу любимой, призывно распахивая объятия.

– Родная моя, – изощрылся он в эпитетах, – ненаглядная, желанная. Ты вернулась! Причем – без него... Значит, теперь ты уже точно станешь моей...

Он не успел договорить. Принцесса побледнела, покраснела, гневно раздула ноздри, выдохнула излишки воздуха сквозь неплотно сжатые губы и приласкала влюбленного барона прямым, сильным ударом кулака в нижнюю челюсть...

Генрих застонал, осел на пол и схватился за левую щеку.

– Ты чего, – потянул его Ланс за рукав, – вставай!

Де Грей посмотрел на него с легкой обидой во взоре, а потом приоткрыл рот и выплюнул что-то маленькое, белое...

– Ты же сам хотел именно этого! – рассмеялся полукровка, поднимая с паркета выбитый сильфский зуб. – Уж не знаю, как тебе, а мне было совсем не больно! Ульрика и правда настоящий профи по удалению зубов! Не так ли?

– Зачем ты меня ударила? – Генрих стоял, небрежно привалившись спиной к стене и не отрывая от меня горящего желанием взгляда. – Заметь, я не спрашиваю – почему, я спрашиваю – зачем? – Он выглядел идеально спокойным, но напряженные шейные мышцы и то, как побелели напряженно стиснутые пальцы его якобы безмятежно скрещенных на груди рук, говорило мне об обратном. Он боялся. Боялся, что у него опять ничего не выйдет... Но натужно перекачивающиеся желваки красноречиво намекали – отступить или уступить он не собирался. И, осознав весь ужас этой совершенно очевидной истины, я почувала – холод в моем сердце крепнет и расширяется, затвердевая до состояния непробиваемого льда. Ведь именно в этот момент я потеряла Астора окончательно и безвозвратно, ибо теперь мне не остается ничего другого, как жить дальше. Жить без него... Жить для других...

Я подняла на Генриха устало-насмешливый взгляд, заставивший его неуютно поежиться и виновато нахмуриться, но уже через миг он поборол ненужную ему слабость, вызывающе вскинул подбородок и ответил мне нагло-хозяйской ухмылкой.

– А ты изменился, – констатировала я. – Почему? Заметь, я не спрашиваю – зачем, я спрашиваю – почему?

Барон расцепил руки и неистово саданул кулаком в стену, сбрасывая с себя обманчивую личину напускного равнодушия.

– Ты – женщина, – зарычал он, и я поняла – следующий удар достанется мне, – всего лишь женщина – и ничего более. Сосуд для принятия излитого мужчиной семени, чрево для рождения детей. Так почему же ты забрала надо мной так много власти? Почему ты стала для меня дороже друзей, милее власти и благочестивее богов? Ты делаешь меня слабым... Но клянусь, отныне все изменится, и ты согласишься на любой мой приказ...

– О, – тихонько хихикнула я, стараясь не разбудить спящих в колыбельке детей, – ты, кажется, уже перестал искать взаимопонимания и сейчас признаешь лишь одно семейное положение – сверху!

Генрих метнулся ко мне и схватил меня за пальцы, больно выворачивая кисть. Я посмотрела на него укоризненно:

– Тише, детей разбудишь!

Сильф пристально взгляделся в две кудрявые младенческие головки, мирно разделившие одну подушку, и язвительно изогнул губы, словно разгадал – он нащупал мое слабое место.

– Дети, – прошипел он, – вот что тебя волнует. Ну дети – это не вопрос! Сколько тебе еще их сделать для полного счастья – троих, пятерых?

Я поднялась с брошенной у колыбели подушки, легко вывернувшись из захвата озверевшего от страсти безумца и отступила к противоположной стене, принимая недавнюю позу Генриха настолько демонстративно, что это выглядело хлеще любой пощечины.

– Да, ты изменился, – спокойно подтвердила я. – Ты не только примирился со своими потерями, но даже научился извлекать из них пользу...

Де Грей навалился на меня всем телом, втискивая в обтягивающий стену бархат и приближая к моим губам свой жадно полуоткрытый рот. Его зрачки пьяно расширились,

напоминая глаза жаждущего крови хищника в тот самый момент, когда он готовится растерзать беспомощную жертву.

– Ты, – хрипел он, – не сумевшая спасти свою погибшую любовь, брошенная, неприкаянная, пришлая... У тебя нет дома, нет даже крыши над головой. Нет того, кто бы приютил твоего нагулянного ребенка. Кому ты нужна? Тебе еще не надоело попирать судьбу, бьющую тебя все сильнее и сильнее? Хочешь этих детей? Хорошо, ты их получишь. Но ведь за все нужно платить...

– Так назови цену! – приняла я брошенный им вызов.

– Ты! – жарко выдохнул Генрих, прижимаясь ко мне еще откровеннее. – Я знаю, что никогда не получу твоей души. Но твое тело должно стать моим. Видят боги, я ждал тебя слишком долго!

Все это прозвучало настолько предсказуемо, что я ничуть не удивилась...

Вот уж чего я ожидала меньше всего – так это того, что портал выбросит меня прямоком на крыльцо главной сальфской резиденции. Я постучалась, но мне не ответили. И тогда я просто дернула дверную ручку и вошла внутрь... Меня неприятно удивила первая реакция Генриха, слишком откровенно радующегося отсутствию Астора, поэтому я не сдержалась и ударила его по лицу. А впрочем, неужели я ожидала чего-то иного? Ведь недаром говорят – на войне и в любви хороши любые способы, ведущие к победе. В том числе и нечестные. А по части совершаемых подлостей с желающей выйти замуж женщиной способен сравняться лишь мужчина, намеревающийся уложить в свою постель несговорчивую девушку. О любви же здесь и близко речи не идет, ибо необузданные плотские инстинкты превращают нас в животных – жестоких и беспощадных. А мне так хотелось остаться человеком!

Кса-Бун, похоже весьма неплохо прижившийся в баронском дворце, принес мне Люция – здоровенького, румяного и заметно подросшего. Целуя его шаловливые пальчики, хватающие меня за волосы, я краем уха услышала унылый шепот обоих магов, наперебой рассказывающих мне о скорбной участи, постигшей красавицу Лилуиллу, и медленном угасании ее новорожденной дочки. У меня подкосились ноги, и я чуть не упала. Так вот о каком третьем несчастье предостерегал всевидящий Логрус, намекая – оно коснется не меня лично, но другого, невинного человека, что горше и тяжелее во сто крат. Пощадив жизнь малиновки, я обрекла Лилуиллу на гибель! И зачем, ради чего? Ведь Астор мне так и не достался... А посему я тяжко задолжала усопшей эльфийской княжне и была обязана спасти хотя бы ее дочь. Причем любыми средствами и любой ценой!

– Покажите мне малышку! – попросила я и чуть не заплакала от жалости, когда в мои руки вложили худенькую до прозрачности Мириам, очевидно доживающую свои последние часы.

Подчиняясь непреодолимой материнской интуиции, я расстегнула рубашку и приложила малютку к своей набухшей молоком груди. И – о чудо, девочка, казалось уже впавшая в предсмертное забытие, в тот же миг широко распахнула свои прелестные глазки, открыла розовый ротик и зачмокала столь жадно, словно торопилась наверстать все упущенные дни воздержания от пищи. Собравшиеся в холле испустили одновременный вздох облегчения и умиления.

– Благослови тебя Аола, милосердная моя! – Трясущаяся от волнения рука Саймонариэля осторожно обняла меня за плечо, боясь помешать увлеченно насыщающейся малютке. – Ты заменишь мать этому несчастному ребенку и вырастишь ее благонравной, скромной девицей!

– Да! – шепнула я, ласково баюкая двух лежащих у меня на груди детей – мальчика и девочку. – Я согласна! – Я чувствовала, что уже люблю Мириам как родную, ничуть не меньше Люцифера. – Боги послали мне дочку!

И все это время я ощущала на себе неотступный взгляд Генриха – раздевающий, удовлетворенный, собственнический. Отныне я оказалась целиком и полностью в его

Глава 9

– Ладно, – бросила я тоскливый взгляд на размеренно покачивающуюся колыбельку, прислушиваясь к синхронному сопению двух крохотных носиков, – я согласна...

Генрих тут же сделал шаг назад, избавляя меня от неприятной тяжести своего тела и выдыхая столь шумно, будто он только что освободился от некоего неподъемного груза. Неужели он подумал, что победил? О нет, наша битва едва началась...

Я склочно прищурилась, собираясь поторговаться:

– Согласна, но с рядом условий!

– Это еще какие такие условия ты придумала? – угрюмо буркнул барон, усаживаясь в кресло, разливая по бокалам неизвестно кем недопитые полбутылки вина и жестом приглашая меня занять место напротив него. Его загорелый лоб прорезала одинокая упрямая морщинка, карие глаза смотрели крайне настороженно и неприветливо... Я вздохнула, испытывая искреннее раскаяние и сожаление...

«Мне и правда очень жаль, Генрих, – мелькнуло у меня в голове. – Сложись все иначе – мы, наверно, смогли бы стать уж если не любовниками, то хотя бы друзьями. Я не обвиняю тебя ни в чем. Ты такой, какой есть, – обычный земной мужчина, озабоченный собственными удовольствиями и эгоистично стремящийся урвать от жизни самый сладкий кусок. Ты не паришь в облаках, а прочно стоишь на обеих ногах, не заморачиваясь излишней романтикой. Тебе не дано расправить крылья и взлететь к огнедышащему солнцу, рискуя сгореть от жара его лучей, но за этот краткий миг успев понять: ради этого стоит умереть. Боги, у тебя и крыльев-то нет, а есть лишь красивые мышцы, излишек либидо⁷⁴, немного мозгов, много сомнений и прочие полагающиеся мужику причиндалы. – Мои губы невольно растянулись в откровенно саркастичной ухмылке. – Ты не герой, и даже не мой принц. Ты просто беспринципный претендент на мое тело...»

Словно угадав посетившие меня мысли, де Грей сконфуженно пригладил свои ухоженные усики и смущенно закинул ногу на ногу, неосознанно пытаясь защитить самое дорогое мужское достояние. Я смешливо фыркнула. Я его не боялась.

– Генрих, – заявила я ультимативно, – я принимаю условия нашей сделки...

«О боги, – услужливо подсказал мой внутренний голос, – опять сделка! Жизнь слишком часто превращается в омерзительную торговлю телом, душой и идеалами, разбивая мечты. Жизнь продажна по своей сути...»

– И ты удовлетворишь мое желание? – нетерпеливо наклонился ко мне сिल्ф, обшаривая похотливо прижмуренными глазами всю мою фигуру. Наверно, так смотрит голодный кот, узревший вожаделенную миску со сметаной.

– Да, – я язвительно рассмеялась, откидываясь в кресле и принимая соблазнительную позу, – удовлетворю!

Барон взбудораженно сглотнул, по его сильной шее прокатилась волна рефлекторного подергивания мышц, почти пресекая дыхание. Кровь прилила к смуглым щекам, протянутые ко мне пальцы плотоядно скрючились...

– Стоп, – я ударила Генриха по руке, – не спеши. Я еще не озвучила своих ответных требований.

– Проси! – коротко каркнул мужчина, судорожно вцепляясь в подлокотники кресла и пытаясь усмирить свою бунтующую плоть. – Чего ты хочешь?

– Ее. – Легким движением ресниц я указала на безмятежно спящую малютку Мириам. – Отдай мне свою дочку. Тебе она все равно не нужна.

Барон изобразил задумчивое колебание, набивая цену. Я усмехнулась. Кого он

⁷⁴ Л и б и д о – половое влечение.

пытается обмануть? Да у него же все на лице написано! Участь малышки волнует его в самую последнюю очередь.

– Забирай, – небрежным взмахом бокала он отдал мне безгрешную душу своей дочери, – теперь она твоя.

– Договорились. – Я спрятала свою жалость подальше, в самую глубину души, продолжая старательно играть роль жестокой, расчетливой стервы. – Мы проведем с тобой одну ночь, а после нее я забираю обоих детей – и ухожу из дворца!

– Чего? – От неожиданности Генрих буквально подпрыгнул в кресле, взирая на меня с ужасом и растерянностью. – Как уйдешь? Но я рассчитывал, что ты останешься жить здесь, со мной... Хотя бы некоторое время... – В его голосе проскользнули заискивающие нотки. – Пожалуйста, Ульрика! – Очевидно, это слово далось ему нелегко, ощутимо уколов его самолюбие и унизив гордость. – Прошу тебя!

Я нагнулась к своим сапогам, делая вид, будто поправляю пряжку на шиколотке, а на самом деле скрывая торжествующую улыбку. Если в этом мире продается все – даже женщины, – то почему бы тогда мне не продать себя за что-нибудь подлинно нужное, полезное для всех?

– А если я проведу во дворце месяц, два, три... – Я забавлялась с ним, словно кошка с мышкой, любясь мгновенной сменой настроения, красноречиво отражающейся на его нервно подергивающемся лице, – ...скажем, полгода? – Тут глаза барона засияли столь экзальтированно и ярко, что я всерьез побоялась ослепнуть. – То что ты дашь мне взамен?

– Все! – Он широко раскинул руки, предлагая свое движимое и недвижимое имущество, да и самого себя в придачу. – Все, чего ты только пожелаешь!

И тогда я прекратила увиливать, заговорив с ним начистоту.

– Генрих, – с подкупающей мягкостью произнесла я, – мне нужно, чтобы ты проводил меня в Черные горы, показал там место, где скрывается корабль демиургов, и помог его уничтожить!

– Уничтожить? – Сильф беспомощно разинул рот, предобморочно хватая воздух и шокированно держась за грудь. – Ты сошла с ума, Ульрика!

– Неоригинальный диагноз! – Я с удовольствием допила вино – выдохшееся, но еще довольно вкусное. Вино моей победы – пусть горьковатое, но такое необходимое всему миру. – Если бы ты знал, дорогой, сколько раз мне уже об этом говорили!

Если любовь и ненависть разделены сущей безделицей, равной одному короткому шагу, то расстояние от ненависти до любви измеряется совсем другими мерками, стремящимися к непреодолимой бесконечности. Нет, я отнюдь не ненавидела Генриха. В какой-то степени я его даже понимала, но это не меняло ровным счетом ничего. Я его не любила, и более того – знала точно, что не смогу полюбить и впредь. В своих поступках барон руководствовался лишь личным желанием, а если желание велико, то способ его реализации найдется всегда. Вот он его и изыскал... А посему я решила примириться с жестокой действительностью, осознанно принеся себя в жертву необходимости. Причем именно примириться, а не смириться – ведь смирение схоже с бездействием, с абсолютным подавлением воли и уничтожением стремления к победе. Я ощущала – отведенный мне срок почти закончился, не оставляя времени на колебания и рассуждения о морали. Я даже не думала о сохранении верности Астору, ибо осознавала – именно в эти дни демиурги совершают последние приготовления, форсируя процедуру отлета. Еще несколько дней – и они навсегда покинут Землю, превратив в дымящиеся руины так и не покорившуюся им планету. И над колыбелькой своих детей я торжественно дала самую страшную клятву, обещая: я не позволю загубить их едва начавшиеся жизни, я спасу этот мир, отныне ставший смыслом моего существования. Мир, ответственность за который я приняла на себя добровольно. Мир, созданный мной!

Ранее я полагала – причиной неудавшегося брака Генриха стало легкомысленное поведение Лилуиллы, интересующейся только нарядами и развлечениями. Но позднее до

меня дошло – вина за сломанные отношения всегда в равной степени ложится и на мужчину, и на женщину, поскольку они оба задействованы как в связывающей их любви, так и в разделяющей их ненависти. Любовь не уживается рядом с меркантильностью и себялюбием, убивающими ее намного быстрее клинка или отравы. Мы любим другого человека не ради самих себя, а ради него – ведь счастье не признает неискренности и поддельного интереса, прикрывающего индивидуальную выгоду. Любовь всегда бескорыстна! И кажется, теперь я начала постигать истинный смысл мудрых поучений Логрина и осознала, почему душа Астора не откликнулась на мой призыв, не найдя в себе достаточно силы, способной преодолеть пропасть смерти, ставшую пропастью моего эгоизма. Ведь я любила Астора лишь ради себя, хотела вернуть моего принца ради обретения своего маленького, прожорливого, черствого счастьяшка, не имеющего ничего общего с настоящим счастьем. И сейчас я все-таки познала настоящую суть того чувства, которое пыталась реанимировать столь фанатично и настолько безрезультатно. Познала, но, возможно, уже слишком поздно...

Мы с Генрихом выехали из Силя перед рассветом, как в добрые старые времена, согласно скача бок о бок и иногда дружески касаясь друг друга коленями. Он верхом на Песне, а я – нежно поглаживая шею Беса, немного облевившегося и чутко располневшего от сытой жизни в теплой конюшне замка Кардиньяк. Мы с бароном заключили временное перемирие, отложив до некоей спокойной поры все наши сделки, споры и разногласия. Сейчас мне было не до них. Я надеялась на успех. Мы взяли с собой наши клинки повелителей, выкованные Оружейницей, ибо не знали, что же понадобится для воплощения задуманного мной плана. Генрих божился, уверяя: он, дескать, досконально помнит запутанную дорогу, ведущую к некогда виденной им пирамиде, чей безмолвный призыв навечно запечатлелся у него в сердце. Де Грей признался: посетив подземелье, скрытое под Озером Безвременья, он очаровался загадкой демиургов и дал себе зарок вернуться туда вновь – с целью окончательно разобраться в тайне, окутывающей древние катакомбы. И сейчас он намеревался поквитаться с творцами за все беды, пережитые его народом, избавив мир от их разрушительной власти. Выслушивая его бравурные речи, призванные произвести на меня как можно более благоприятное впечатление, я предпочитала отмалчиваться, пряча за пазухой инструкцию по уничтожению корабля, завещанную мне Ринецеей. Час возмездия близился.

Путь в Долину кленов оказался довольно приятным времяпровождением. Погода стояла замечательная, никаких препятствий нам не встретилось, а Генрих непрерывно болтал – бойче любого мальчишки, так и сыпля шутками да прибаутками. Рефлекторно улыбаясь, я не вникала в смысл его разговоров, изредка поддакивая, но почти не слушая, целиком и полностью погрузившись в собственные нелегкие размышления. Как-то слишком просто и неправдоподобно все у нас получается. Ну во всяком случае, пока... Ничто и никто нам не мешает, охранить демиургов не пытается, а убить дерзких злоумышленников, покушающихся на сложившееся мироустройство, не рвется. И вообще – кругом тишина нетронутая и красота непуганая разливаются: птички поют, бабочки летают, лютики цветут. Все честь по чести, прямо-таки идиллия радужная. И мне очень хочется убедить себя в том, будто прибыла я не в эпицентр недавней безжалостной бойни, а в самое теплое место под солнцем. Вот только что-то зловещее, на нехорошее предчувствие похожее, непрерывно ноет у меня в груди, покоя не дает и подленьким таким голоском подсказывает: найдя некую безоблачную зону – опасайся солнечного удара, ибо легко и даром в жизни даются только неприятности. Но уже спустя минуту, развеселившись от очередной шутки моего спутника, я одергивала саму себя, укоряя за излишне мрачные мысли: «Да полно, с каких это пор ты стала такой мнительной да подозрительной?» И я чересчур ненатурально пыталась уверовать в то, что чаша моих испытаний уже опустела, испитая до дна. Но здравый рассудок с негодованием отметал подобный легкомысленный самообман, призывая меня ни в коем случае не терять бдительности. Умирающая гидра с отрубленной головой еще способна

нанести последний, сокрушительный удар, направленный в спину преждевременно расслабившегося победителя. А значит, мне следовало внимательно прислушаться к вовсю звякающим в душе колокольчикам тревоги и держать ухо остро, не доверяя бездеятельно затаившимся демиургам. Почивать на лаврах победы было еще слишком рано...

Долина кленов выглядела опустелой и покинутой. От былого величия расы кентавров не осталось и следа. Я с грустью разглядывала заброшенный, поросший ядовитым плющом Храм трех божественных братьев, встретивший нас нараспашку растворенными воротами и заплесневелой чашей иссякшего фонтана. Вместе с пересохшим источником из долины ушли и все воспоминания о его благородных обитателях, ныне живущих лишь в настенных фресках и мудрости легенд, записанных на серебряных пластинках храмовой библиотеки. Посуровевший лицом Генрих крепко сжимал мои послушные пальцы, не отпуская от себя ни на шаг. Уж слишком мрачным и одичалым показался ему темный портик, заполненный почерневшими блоками расколотых колонн да разбросанными там и сям обломками пришедшего в негодность оружия. Небо над развалинами налилось предзакатной синевой, густой и насыщенной, красноречиво предвещая приближение ночного дождя. Генрих предусмотрительно завел лошадей во внутренний дворик, предоставляя им возможность попасть на свежей траве, буйно затянувшей мраморные напольные плитки.

– Через час станет совсем темно. – Он поднял голову, пылливо всматриваясь в клубящиеся на горизонте тучи, темные и переполненные избытком влаги. – Да и грозы, похоже, не миновать. Не думаю, что существует такая уж острая необходимость лезть в гору прямо сейчас. Но с другой стороны, от этого злополучного здания так и веет ужасом насильственной смерти. Возможно, нам стоило остановиться на поляне у водопада? Как ты считаешь, Ульрика?

Но я протестующе помотала головой:

– Переночуем здесь. Священного покоя мертвых мы не смутим, в глубь развалин не пойдем и будем вести себя тихо да смирно, как и положено вежливым гостям. – Короткие локоны вразнобой вились вокруг лица, придавая мне на редкость несерьезный вид. Но де Грей все-таки прислушался к моим аргументам и проявил сговорчивость.

– Ладно, уговорила! – Барон пошел по двору, подбирая обломки сухих досок, вполне пригодные для костра. Он вел себя абсолютно правильно – договорился со мной в самом главном вопросе и теперь сознательно старался не раздражать меня по пустякам, не спорил и не перечил. Я с хмурой улыбкой посмотрела сильфу в спину, отдавая должное его выдержке и самообладанию. Возможно, он мне физически неприятен и вовсе не является пределом моих мечтаний, но зато – далеко не дурак.

Я нашла огромный мраморный желоб, несомненно когда-то служивший частью ирригационного акведука кентавров, и насыпала в него приличную порцию ячменя из переметных сумок, создавая запас пищи для лошадей, которым придется дожидаться нашего возвращения в течение нескольких дней. А затем направилась к еще прочным внешним воротам, намереваясь запереть их на ночь. И нетрудно себе представить, насколько непритворным оказалось мое неподдельное удивление, вызванное видом крепко запертого замка, надежно замыкающего массивные створки. Толстый засов полностью вошел в приклепанные к металлу скобы, преграждая выход наружу.

– Что за гоблины? Какого демона здесь происходит? – вполголоса недоуменно ругнулась я, точно помня – мы с Генрихом этих ворот еще не закрывали...

«Кто же тогда это сделал?»

Я положила пальцы на мощную конструкцию замка, мысленно прикидывая и анализируя: его части изрядно заржавели и ворочались с трудом, а поэтому, дабы беззвучно сдвинуть с места эту махину, требуются немалая сила и ловкость. Кто – враг или друг – совершил сие непонятное деяние? Нас намеренно закрыли в Храме, мешая сбежать и превратив в его узников, или же, наоборот, стараются уберечь от чего-то опасного, идущего извне?

Мои пальцы неосознанно поглаживали петли замка, выполненные в форме голов кентавров. Внезапно я почувствовала, как металл, до этих пор мертвенно-холодный и враждебный, начал потихоньку нагреваться, приобретая фактуру бархатистой лошадиной шкуры. Я озадаченно попыталась визуальнo оценить приключившуюся с замком метаморфозу, но внешне он оставался прежним, не изменившись ничуть. Похоже, волшебство происходило не на физическом, а на ментальном уровне...

– Принцесса, – мелодичный шепот волной ворвался в мой мозг, напевая серебристым звучанием лютни, успокаивая и подчиняя своей воле, – выслушай нас, принцесса.

– Кто вы? – осипшим от волнения голосом спросила я. – Где вы?

– Здесь, – печально отозвался второй шепот, более мужественный и твердый, – и вместе с тем нигде. Нас нет, но мы есть...

– Ваши души скитаются по Земле, не способные отправиться на Радужный уровень? – участливо предположила я, уже поняв, что общаюсь с погибшими хозяевами долины. – Чем я могу вам помочь?

– Ничем. – Женский смех, добрый и открытый, звенел ручейком. – Ты и так уже нам помогла!

– Хм? – не поняла я. – Когда?

– Ты приходила сюда с друзьями, – пояснил призрак мужчины. – Один из них похоронил наши тела, а второй жалостливо оплакал нашу скорбную участь. (Услышав про «оплакал», я едва не заржала в голос, с трудом усмиряя свою обычную въедливую иронию и вспоминая беднягу Ланса, звучно рыгавшего, а отнюдь не рыдавшего в кустах...) Ты же сама прочитала над нашими останками погребальную молитву, открывшую нам путь к перерождению. Народ кентавров ушел в Обитель затерянных душ легко и радостно, но мы с дочерью остались тут, дабы исполнить долг благодарности и ответить добром на добро.

– Так ты и есть великий Гизс, – догадалась я. – Генрих рассказывал мне о тебе. А ты, – второй дух сразу же овеял меня нежным ветерком, – прелестная Гийона, жрица богов-братьев?

– Да, – прошелестел довольный ответ, – это мы. Но Звездный мост призывает нас к себе, и у нас едва достанет сил для того, чтобы помочь тебе и предостеречь...

– Предостеречь от чего? – насторожилась я, чувствуя: вот она, ожидаемая мной тайная опасность.

– Неживые охотники, – торопливой скороговоркой бормотал Гизс прямо мне в ухо, – они придут этой ночью. Не спи и будь осторожна...

– Никогда не слышала о подобных тварях, – откровенно призналась я. – Что им нужно?

– Остановить вас, – горько всхлипнула Гийона, – убить вас. Охотники охраняют подступы к кораблю демиургов, проникнуть на который можно, лишь воспользовавшись Плащами братьев, издавна хранящимися в Храме и втайне от Оружейницы привезенными сестрой Хаос с их далекой родины. Но сейчас творцы почуяли угрожающую им опасность и послали своих слуг забрать волшебные реликвии или же уничтожить их на месте, чтобы никто из посторонних уже не сумел проникнуть за запретный периметр.

– Память Оружейницы не содержит знаний о подобных артефактах, – недоверчиво нахмурилась я. – А это, случаем, не ловушка?

– Ловушка, – простодушно подтвердила мои опасения душа мертвой жрицы. – Для Оружейницы... Не доверяй Хаос, принцесса. Она всегда желала сместить добрую, справедливую Мать клинков и занять ее место. Три Плаща братьев – для трех сестер, это Хаос, Тьма и Свет. Оружейницу же предали и приговорили к смерти... Лживые твари долго скрывали от нее назначение Плащей... Истинные друзья познаются не в беде...

– И где мне следует искать эти Плащи? – спросила я, содрогаясь от подкатившего к сердцу ужаса. – Скажите...

– В алтаре! – Голоса призраков умолкали, становясь еле различимыми. – Если душа твоя чиста, а помыслы благородны, то защитные одеяния братьев Аолы придутся вам впору. Учтите – их всего три, и они чрезвычайно хрупки... – Шепот затих окончательно.

Я с признательностью погладила замок, снова ставший холодным, и рассеянно зашагала к центру дворика, откуда уже струился свет разожженного бароном костра и доносился аппетитный запах жареного мяса. От моего недавнего благодушия не осталось и следа. Судьба опять бросила мне вызов, готовя очередную каверзу. И следовало ожидать, что выбраться из этой коварно подстроенной нам ловушки окажется весьма и весьма непросто...

Они действительно пришли с наступлением темноты – сразу же после полуночи, принеся с собой жгучее дыхание южного ветра, мгновенно чуть не прожегшего меня до самых костей. Костер прогорел и почти погас, прощально отсвечивая несколькими затухающими углями. Мы уютно устроились на широких каменных ступенях, выгодно приподнятых над залитым дождевой водой двором. Ливень гулко барабанил по разноцветной мозаике, изображавшей пожилого седобородого кентавра, церемонно несущего на вытянутых руках что-то серебристое, завернутое в фиолетовые листья какого-то дерева, очертаниями сильно смахивающие на кленовые. Я ни за что не поверила бы в подлинность столь странного растения, посчитав его художественным преувеличением искусного мастера-камнереза, если бы сразу не заметила эту самую диковинку, скромно росшую в уголке храмового сада. Дерево с фиолетовой листвой! М-да, это уже чересчур даже для знаменитой Долины кленов...

Сладко похрапывал завернувшийся в попону Генрих, почивающий глубоким сном вымотавшегося от дня верховой езды человека. Сквозь неумолкающий плеск низвергающейся с небес воды до моего настороженного слуха доносился нудный скрип болтающейся на ветру оконной рамы да близкое уханье вылетевшей на охоту совы. Я зябко поежилась, плотнее заворачиваясь в одеяло и сочувствуя не вовремя проголодавшейся птице. Краем теплой ткани я старательно укрывала загодя разложенное у себя под боком оружие, тщательно маскируя его от ожидаемого врага. И вдруг все звуки стихли... Испуганно замерла рассохшаяся деревяшка, а трусоватая сова будто сквозь землю провалилась, видимо предпочтя загодя убраться подобру-поздорову из столь опасного места. Двор окутала вязкая тишина, засасывающая меня, словно смертоносный болотный омут. Что-то незримое плыло в воздухе, туманом ложась на мои веки, пригибая шею к земле, клоня голову на плечо и настойчиво внушая: «Спи, спи!» Я начала безропотно заваливаться набок, медленно сползая по колонне, зевая и сдаваясь на милость сну. Но меня выручил верный Бес, ночующий под соседним навесом: он заржал громко, пронзительно и предостерегающе. Чуткий конь первым разгадал отвратительную сущность подкрадывающихся к нам тварей, спасая мою жизнь. Я моментально встrepенулась, освобождаясь от чар колдовского наваждения и до крови прикусывая нижнюю губу с немим самоукором: «А ведь меня же предупреждали – говорили, что спать нельзя!»

Сначала я не смогла разглядеть их отчетливо, даже понадеявшись на свое хваленое орлиное зрение. Насчитала лишь дюжину кроваво-красных огоньков, бесшумно парящих в паре метров над землей. Но затем они подкрались ближе, видимо уверовав в силу сопровождающей их магии и мою мнимую беспомощность, и я смогла разделить огоньки на шесть пар горящих злобой глаз, принадлежавших уродливым до омерзения существам, без сомнения являвшимся порождением извращенного технического гения демиургов. Они не имели плоти и не носили одежды. Их тела представляли собой тощие, отблескивающие металлом каркасы, пародирующие обычный человеческий скелет. Сразу же стало понятно, почему кентавры называли этих тварей Неживыми. Вряд ли пожаловавшие по наши души Охотники принадлежали к какому-либо роду разумных биологических существ. Нет, они, скорее, были беспощадными машинами, созданными с одной лишь конкретной целью – выслеживать и убивать свою добычу. Каждый Охотник имел по четверо верхних клешнятых конечностей, перевитых жгутами металлизированных кабелей, отходящих от ребристой грудной клетки и вооруженных диковинно изогнутыми лезвиями. Возглавляющая отряд тварь подступила к укрывающему меня одеялу и стремительным выпадом своего клинка прошила его насквозь, очевидно рассчитывая покончить со мной первым молниеносным

ударом. Но ровно минуту назад я ужом выскользнула с нагретого местечка, оставляя вместо себя обманчивый кокон плотной ткани, откатилась вбок и схватила предусмотрительно заготовленное оружие. Охотник тут же поплатился за свою самонадеянность. Нурилон кровожадно свистнул, срубая железную голову твари, с предательским грохотом скатившуюся по ступеням Храма. Количество Охотников уменьшилось на одного, но и моя хитрость оказалась раскрытой, поставив меня в крайне затруднительное положение. Неживые взвыли скрежещающим обиженным воем и набросились на меня всем скопом, вынуждая под их напором с боем отступить внутрь портика. Мне срочно требовалась помощь.

– Генрих, – во все горло заорала я, одновременно отбиваясь и Нурилоном, и Алаторой. – Просыпайся, увалень тугоухий. Иначе меня для тебя даже некромант потом из кусков не соберет!

– Гоблины! – Барон с утробным рычанием выпутался из закрывавшей его попоны и лихорадочно заработал острием рапиры, отвлекая на себя сразу двух тварей. Его глаза светились шальным восторгом и упоением битвы. – Ульрика, ну что ты за женщина такая беспокойная? – риторически поинтересовался он, успевая одобрительно подмигнуть мне. – Вот признайся честно, ты способна хотя бы день прожить мирно и спокойно, без новых авантюр?

– Сомневаюсь! – хрипло выдохнула я, подсекая нижние конечности второго Охотника. – Я очень в этом сомневаюсь!

Этот бой стал не только подлинной борьбой за выживание, но финальной проверкой наших воинских навыков и последним нерушимым рубежом, перейдя который ты начинаешь четко осознавать – пути назад уже нет. Мы осмелились в открытую выступить против демиургов и понимали – теперь нам представляется возможность выбора: погибнуть или победить. И то и другое нелегко выполнить, но третьего здесь уже не дано, ибо отступать некуда. А поэтому мы сражались – оружием, зубами и когтями, сражались так, как еще никогда до нынешнего момента. Увы, расклад сил оказался слишком неравным. Четыре Охотника неумолимо теснили нас в глубь Храма, действуя согласно заложенной в них программе. Приданная тварям техника боя шла в полный разрез с нашим прежним опытом, низводя нас до уровня наивных новобранцев, впервые в жизни взявших в руки мечи. До сего момента мне никогда не доводилось видеть приемы и выпады, подобные тем, кои демонстрировали нам сейчас слуги демиургов, озверело дерясь за каждый шаг, за каждый сантиметр отвоеванного у нас пространства. Пот градом стекал по нашим лбам, болели сжимающие рукояти клинков ладони, и все равно – мы отступали, скрежеща зубами от бессильного гнева и осознания собственного несовершенства. Мы – дети Старшей крови, прирожденные бойцы и повелители – сегодня выглядели слабыми насекомыми, осмелившимися встать рядом с этими закованными в сталь чудовищами, не ведающими страха и не признающими усталости. Мы изначально были обречены на поражение.

Нас буквально втолкнули в круглый зал, скудно освещенный рассеянным лунным светом, проникающим через пролом в крыше. Пыль и паутина покрывали ритуальные сооружения кентавров, а в центре помещения одиноко высился кубический алтарь, искусно изготовленный из чуть розоватого горного хрусталя – слегка помутневшего, но до сих пор прекрасного. Стараясь не выпускать из поля зрения своих неумолимых противников, я чуть скосила зрачки, заметив в глубине алтаря что-то серебристое, испускающее ровное, неяркое свечение. Похоже, и Охотникам, и нам требовалось именно это магическое нечто, невообразимо долгие столетия мирно пролежавшее в самом сердце Долины кленов. Несомненно, хрустальный алтарь оберегал три Плаща божественных братьев, способные провести нас на корабль творцов.

Невзирая на наше отчаянное противостояние, один из Охотников вскорости прорвался к алтарю и мощным ударом своего гигантского клинка снес его верхнюю часть, открывая доступ к искомому сокровищу.

– Генрих, – истошно взывала я, уже не обращая внимания на сбитое дыхание, – если твари получают покоящиеся внутри алтаря раритеты, то мы уже никогда не сможем попасть на корабль.

– Догадываюсь, что они сюда не просто размяться прибыли, – нехотя буркнул барон, ни на миг не отвлекаясь от клинка Охотника, порхающего в опасной близости от его груди. – И какого гоблина я тебя послушался, бездумно отправляясь в эту якобы безопасную экспедицию? Да чтобы я еще хоть раз...

– Ты жить хочешь? – Я бесцеремонно перебила его патетические излияния. – Да или нет?

– Нет, ты точно сумасшедшая! – саркастично осклабился де Грей. – То есть да, конечно, хочу!

– Тогда слушаешь меня еще не раз и не два! – жестко припечатала я. – И без лишних вопросов!

Барон едва не подавился очередным колким словом, готовым сорваться с его губ, но сдержался и промолчал.

Видимо, какой-то малой долей разума Охотники все-таки обладали, потому что, будто сговорившись, трое из них вдруг прикрыли собой четвертого, стрелой рванувшегося к вскрытому алтарю. Я закричала, но мой окрик опоздал. Тварь сунула конечность внутрь хрустального куба и, подцепив пальцем, выудила один сгусток серебристого свечения, оказавшийся свернутым в рулон куском необычной ткани. Но, едва угодивши в руки Охотника, Плащ богов внезапно вспыхнул яркой звездой, рассыпаясь в прах... Я надрывно застонала, понимая – первая из трех святынь потеряна безвозвратно...

«Лишь чистый душой и помыслами человек достоин прикоснуться к одеянию бога! – вспомнила я предупреждение кентавров. – Вот гоблины, нужно как-то исхитриться и не допустить, чтобы твари извлекли из алтаря оставшиеся Плащи!»

Но исполнить сию труднейшую задумку на деле оказалось практически невозможно. Мы сумели отвлечь Охотника от куба, едва не поплатившись за это жизнями. На плече Генриха зиял глубокий порез, а я получила полновесный удар по макушке и теперь усиленно боролась с некстати нахлынувшим головокружением, утратив способность четко координировать свои движения. Стало заметно, что ситуация складывается явно не в нашу пользу...

– Зови их, – вдруг устало приказал Генрих, обращая ко мне измазанное в крови лицо. – Иначе нам конец!

– Кого? – изумленно охнула я, придя к скоропалительному выводу: напряжение боя весьма неблагоприятно отразилось на умственных способностях моего напарника. – Ведь тут никого нет!

– Дура! – эмоционально припечатал сильф, презрительно сплевывая тягучую красную слюну. – Все бабы одинаковы! Да хоть кого зови, любого – кто услышит... В Долине полно призраков, а у тебя есть опыт общения с душами мертвых...

– Точно! – дошло до меня. – Ты прав! – Я отступила на шаг, набрала в грудь побольше воздуха и закричала так громко, как только смогла: – Гиэс, Гийона, души мертвых – где вы? Услышите мой призыв, помогите нам!

Мой голос эхом раскатился по полуразрушенному Храму, будя странный отзвук, похожий на ропот вынужденно просыпающегося от долгого сна великана. Стены завибрировали и покрылись сеткой крупных трещин. Пол вздыбился. Охотники в ужасе отпрянули от алтаря, недоуменно сбившись в кучку и настороженно поводя клинками. Они явно почувствовали приближение кого-то опасного, не сулящего им ничего хорошего.

Ошеломленно вытаращив глаза, я следила за происходящим. Одна из стен Храма вдруг стала прозрачной, полностью растворившись в полумраке ночи, а на ее месте возникли сотканые из звездной пыли ступени, уходящие вверх, в необъятную даль пустоты. И вот по этим-то ступеням к нам и начала спускаться группа призрачных воинов, облаченных в чеканные доспехи. Они все были здесь: погибший на берегу Диких земель Маллер де Вакс,

подмигнувший мне донельзя лукаво; мои храбрые товарищи по оружию, павшие в битве с полчищами Ринецеи; король Шеарран, увенчанный регалиями высшей власти; могучие кентавры; переливающиеся водопадом огненных искр Туман и Радуга и еще многие другие, незнакомые мне лично... И каждый из них коротко салютовал мне своим оружием, тут же вступая в схватку.

– Ничего себе, – тихонько присвистнул Генрих, потрясенный ничуть не меньше меня, – ты, видимо, дотянулась до самого Звездного моста. С такими друзьями мы уж точно не пропадем! – Он торжествующе расхохотался и с многократно возросшим энтузиазмом вклинился в толпу дерущихся, не желая уступать кому-то из вновь прибывших титул победителя.

Призрачные воины сражались отважно, но, увы, их туманные тела не обладали прочностью или долговечностью реальной плоти, бесследно тая от первого же прикосновения клинков Неживых тварей. И вот уже второй Охотник сумел добраться до алтаря, уничтожив следующий Плащ и приведя меня в отчаяние. Наши и без того ничтожные шансы проникнуть на корабль таяли буквально на глазах, и тогда я решила рискнуть собой, но любой ценой спасти последний уцелевший артефакт.

Души мертвых давно уже ушли обратно на Радужный уровень, унеся с собой жизни трех бойцов демиургов. Мы с Генрихом опять остались одни, защищая алтарь от последнего Охотника – самого ловкого и хитрого. Неустойчиво покачивающийся от потери крови барон едва держался на ногах, слабея с каждой минутой. И мне не оставалось ничего иного, как осмелиться на отчаянный поступок. Многозначительным взглядом приказав де Грею незаметно зайти за спину железного чудовища, я увлекла тварь к самому кубу, позволив протянуть суставчатую длань к вожделенному артефакту. А затем я стремительно бросилась под клинок врага, прикрывая Плащ собой и чувствуя, как меч Охотника входит в мой живот, теряя мощь удара и наглухо увязая в мышечной ткани. Я еще успела заметить гневно сверкнувшие глаза монстра, запоздало разгадавшего нашу задумку, и острие Гиарды, с лязгом врубающееся в шею поверженного противника... Но вслед за тем мои глаза закрылись, и я погрузилась в непроглядную тьму, разделяющую сознание на бытие и небытие...

– Ульрика! – Настойчивые шлепки по щекам вывели меня из обморока, заставив поморщиться от возмущения. – Хватит притворяться мертвой! На тебе же все раны заживают практически мгновенно. Быстрее, чем на собаке...

Я нехотя разлепила мокрые ресницы. Я лежала на полу, а к моему лицу склонился обеспокоенный Генрих, чья неуверенная улыбка казалась особенно белозубой на фоне грязного и измотанно-бледного лица.

– Ну вот, – с облегчением усмехнулся он, мастерски затягивая у меня на ребрах кусок полотна, оторванный от его собственной рубашки, – так-то лучше. Стальной гад пырнул тебя в печень. Любой другой от подобной раны скончался бы на месте. Но ты... – Он звонко прищелкнул языком, выражая одобрение. – Короче, до свадьбы заживет!

– До какой еще свадьбы? – раздосадованно буркнула я, придерживая рукой повязку и кряхтя от боли, но все же пытаюсь перевести себя в сидячее положение.

– До нашей! – не моргнув глазом, серьезно ответил Генрих. – А ты как хотела?

– Ага, жди! – склочно фыркнула я. – Не бывает этому во веки веков!

– Свадьбе или заживлению? – Он насмешливо склонил голову набок. – Ну и вредная же ты, любовь моя!

– А вовсе я не вредная, – хулиганисто ухмыльнулась я, ищущим взором озираясь по сторонам, – я полезная! Ой, – я взвизгнула от восторга, увидев последний Плащ, как и прежде, мирно покоящимся в алтаре. – Мы его спасли?

– Ага, – важно кивнул Генрих, – признай – я вовремя прикончил этого увертливого уроды. Я... – Он не закончил фразы, потому что я схватила его за подбородок, притянула к себе и поцеловала прямо в губы.

– Ого, – сильф с трудом перевел дух, – вот даже как! Значит, я тебе уже нравлюсь?

– Нет, – виновато буркнула я, заливаясь багровым румянцем, – это я таким оригинальным способом искореняю в себе комплекс брезгливости!

Но Генрих запрокинул свою черноволосую голову и рассмеялся звонким смехом абсолютно счастливого человека. Я улыбнулась – пусть себе посмеется, пока для этого есть повод. Похоже, дальше нам станет не до смеха.

Я кое-как поднялась на ноги и, отдыхая после каждого очередного шага, упрямо доковыляла до хрустального куба. С интересом склонившись над алтарем, я с трепетом протянула пальцы к священной реликвии и... тотчас поспешно отдернула чуть не покрывшуюся льдом руку. От Плаща струился чудовищный холод, способный заморозить насмерть.

– Ого, – выразительно прокомментировал произошедшее Генрих, опасливо заходя с противоположной стороны куба. – Охотники пылали жаром. Возможно, поэтому они и смогли уничтожить парочку божественных одежек?

Я с сомнением пожала плечами, куда более склонная доверять словам кентавров, чем необоснованным предположениям барона. Но смутная уверенность в том, что я вполне способна управиться с неподатливыми артефактами, прочно засела у меня в мозгу. Возможно, я видела это во сне, но их уже носили на руках, завернув в... Нет, не во сне! Точно, кентавр на цветной мозаике – он прикасался к Плащам... Я радостно рассмеялась:

– Генрих, сходи, пожалуйста, во двор Храма и сорви пару листьев с растущего там дерева – ну, помнишь, такого странного, фиолетового... Думаю, демиурги привезли это растение со своей родины...

Сильф посмотрел на меня как на ненормальную, но листья принес. Используя их вместо прихваток, я без проблем извлекла Плащ из алтаря. Едва очутившись у меня в руках, артефакт тут же утратил свое защитное поле, став обычным на ощупь и вид. Хотя нет, не совсем обычным. Полагаю, на Земле никогда еще не существовало технологий, способных создать настолько удивительную вещь. Одевание богов пошили не из ткани, а из какого-то особого металлизированного материала, схожего с гибким зеркалом, пронизанным асбестовыми нитями. Я задумчиво прищурилась, размышляя – для чего же может пригодиться сия непонятная вещь? Впрочем, об этом нам предстояло узнать в самом ближайшем будущем.

Мы беззаботно продрыхли остаток ночи, а утром плотно позавтракали из платка Единорога и пешком направились к высокому склону горы, обильно поросшему травой и кустарником, надежно скрывающим лаз, ведущий в подземные катакомбы. Я уже сняла наложенный на мои ребра бинт, осторожно ощупав молодую тонкую кожицу, затянувшую недавнюю рану. Боль прошла, словно ее и не было. Генрих уважительно поцокал языком, разглядывая стремительно регенерирующие ткани. Хотя следует признать – его собственный порез тоже заживал весьма быстро. Наши тела не имели права на слабость, идеально подходя для predetermined нам миссии.

Мы в ускоренном темпе преодолели часть пещерного туннеля, уводящего нас все глубже и глубже – намного ниже уровня почвы, лишь немного задержавшись у полуразобранного завала, отмечающего место столкновения с Ринецеей. Генрих подробно рассказал мне обо всем, не привирая ни в чем и не приписывая себе незаслуженного героизма. Мы долго петляли извилистыми ходами, разыскивая гигантскую котловину, скрывающую «Чашу жизни» – корабль демиургов. Я ожидала, что звездолет окажется воистину монументальной конструкцией, но, узрев его воочию, все-таки не сдержала восхищенного возгласа, потрясенная размерами и исходящей от корабля энергетикой.

На дне спекшейся до состояния стекла котловины, заваленной обломками сожженной жаром двигателей горной породы, покоилась огромная трехгранная пирамида – черная и гладкая. Сигнальное поле, создаваемое несколькими тускло светящимися колоннами с изображениями демиургов, звонко лопнуло при нашем приближении, пропуская внутрь защитного периметра пару незваных гостей. Генрих, уже знакомый с главной территорией

демиургов, шел свободно, словно на прогулке, засунув в карман правую руку, беззаботно помахивая второй и мелодично насвистывая. Но я отнюдь не разделяла его уверенности в безопасности котловины, пристально оглядываясь в поисках скрытого источника смертельной угрозы. От покатого бока корабля, окончание которого терялось где-то высоко над нашими головами, нас отделяло всего лишь несколько шагов, как вдруг я заметила несколько светящихся точек, казалось возникших прямо в воздухе и направленных точно на нас. И эти точки разгорались...

– Ложись! – требовательно заорала я, плашмя падая на живот, дергая барона за руку и утягивая за собой. – Не поднимайся – это лазерные излучатели...

Мы затаив дыхание распластались на острой гранитной крошке, уткнув носы в пол и ощущая ревущие струи пламени, проносящиеся над нами так низко, что они почти обжигали наши лопатки, не позволяя подняться даже на колени. Генрих сдавленно ругался, пытаясь выплюнуть набившуюся в рот грязь, а я скованно шебаршилась, на ощупь потроша свою походную сумку. Огонь, беспощадно придавивший нас к земле, продолжал свирепствовать не переставая, очевидно совсем не собираясь затухать и надежно защищая подступы к кораблю. Но я не отчаивалась, ибо теперь понимала, для чего именно предназначались Плащи богов, предусмотрительно спрятанные в Храме Долины кленов...

Глава 10

Я кое-как вытащила из сумки комочек зеркально отблескивающей ткани, на вид столь тонкой и непрочной, расстелила ее перед нами и жестом предложила Генриху – залазим под Плащ...

– А теперь встаем, обматываемся им как можно плотнее и идем к кораблю.

– Ты сошла с ума! – негодуяще зашипел сильф. – Да мы же сразу поджаримся, как цыплята на вертеле!

– Не поджаримся – гарантирую, – с усмешкой возразила я. – Я доверяю защитным свойствам одеяния богов, а иначе – зачем бы Неживым охотникам драться за них так отчаянно? К тому же я не могу придумать какого-то другого приемлемого способа, позволившего бы нам попасть на корабль.

Что-то протестующе бурча себе под нос на тему: «Уж если баба что-то втемяшит себе в голову, то спорить с ней бесполезно», барон тем не менее в точности выполнил мои указания. Прижимаясь друг к другу плотно, словно зернышки уррагского граната, мы поднялись, будто коконом, окутанные складками Плаща, закрывая головы просторным и широким капюшоном. Плащ, хоть и весьма свободный по покрою, все-таки был рассчитан на одного человека, поэтому мы брели к кораблю довольно долго, уподобившись стреноженным коням. Мы ощущали волны дикого жара, бессильно стекающие по серебристой ткани и не причиняющие нам ни малейшего вреда. Стоило нам только преодолеть линию убийственного периметра, как огонь сразу же стих, признавая свою несостоятельность. Открыв лицо, я обнаружила вблизи от себя наклонную стену последнего оплота демиургов, угрожающе подпирающую далекий свод подземной пещеры. Все грани корабля выглядели идеально монолитными, ничем не выдавая наличия входного шлюза или люка.

– И что дальше? – растерянно поинтересовался Генрих, осторожно поглаживая поверхность «Чаш жизни» так, словно перед ним находилось опасное, неприрученное животное. – Нас не впустят внутрь корабля...

Я аккуратно свернула Плащ богов, убирая его в сумку. Поверхность ткани потемнела и утратила свой изначальный блеск, приобретя схожесть с грубой, заношенной дерюгой. Похоже, творение инопланетного гения полностью выработало отпущенный ему срок, стопроцентно исчерпав свои защитные ресурсы. Как мы пойдем без Плаща обратно, я старалась сейчас не думать, привычно положившись на свое излюбленное правило: встающие перед тобой проблемы следует решать по мере их поступления, но отнюдь не все

оптом.

Следуя примеру де Грея, я тоже протянула руку и приложила к боку звездолета кончик указательного пальца. Внезапно раздалось негромкое гудение, и абсолютно лишенный каких-либо человеческих интонаций механический голос четко отпортовал:

– Ваша личность успешно идентифицирована. Приветствую вас на борту «Чаши жизни», капитан Си-Тха, боевой ник «Оружейница».

– Ну и дела! – Генрих потрясенно присвистнул, невольно воспользовавшись любимой фразой Ланса. – Ты – Оружейница?

– Я – ее дочь! – сердитым шепотом осадила я не в меру любознательного барона. – Пожалуйста, молчи и не порти мне представления!

Генрих немедленно заткнулся.

– Ваши дальнейшие указания? – осведомился бортовой компьютер.

– Раздраить входной люк, доложить обстановку на борту! – совершенно неожиданно для себя приказала я, чувствуя, как внутри меня просыпается разум погибшей матери, беря на себя контроль над ситуацией.

– Будет исполнено! – Некоторая часть черного бока корабля вдруг просто растворилась, образовав круглое отверстие, за которым начинался просторный коридор, озаренный льющим с потолка светом. Я уверенно вступила на железный пандус, ведя за собой Генриха. Стена за нашими спинами вновь затянулась наглухо. Мы оказались внутри корабля, уподобившись двум сильно нахальным мышкам, смело сунувшимся в захлопнувшуюся ловушку. Но я презрительно усмехнулась, оскалив зубы отнюдь не помышиному. Ничего, у меня в запасе имеется парочка непредсказуемых сюрпризов, способных изрядно подпортить настроение поджидающим нас кошкам.

Пришел срок начать свою игру...

Я преодолела несколько изгибов коридора, в глубине души безошибочно осознавая – я иду точно к командирской рубке, откуда и производится все управление кораблем. Автоматический навигатор сыпал парсеками и координатами, докладывая заданный курс.

«Они решили отправиться в совсем другую галактику, – поняла я. – Намереваются убраться подальше, совершив гиперпространственный прыжок. Очевидно, мощность заложенных на Земле взрывных зарядов такова, что ударная волна и радиационное излучение взрыва будут просто чудовищными!»

– Кто рассчитал траекторию полета корабля? – с неодобрением осведомилась я.

– На время вашего отсутствия все полномочия по управлению звездолетом перешли к первому штурману Ла-Фе, боевой ник «Хаос», – доложил компьютер.

Я раздосадованно скрипнула зубами.

«Ах ты, мерзавка, – пронеслось у меня в голове, – самая честолюбивая и жадная до власти из всех моих сестер. Старшая по возрасту, но отнюдь не по уму. Итак, кентавры говорили правду: ты сумела временно ликвидировать меня, усыпила мою бдительность, превратила в беспомощную статую и удалила из корабля, захватив власть и полагая, что отныне находишься в безопасности. Но нет, ты просчиталась, ибо я вернулась!» Сейчас во мне жила сущность Оружейницы, оттеснив на второй план сознание Ульрики и страстно желая отмщения.

– Я вернулась! – Мои ногти острой пилой прошли по настенной панели, высекая снопы огненных искр. – Через секунду я достигну рубки. Приказываю немедленно стереть из памяти навигационных устройств намеченный маршрут полета. Он ошибочен, я задам новый.

– Исполнено! – послушался компьютер.

– Находящихся в рубке демиургов зафиксировать неподвижно и не отпускать до моего появления!

– Исполнено!

– Отменить процедуру старта!

– Невозможно! – все так же равнодушно отозвался компьютер. – Меня запрограммировали для функции автоматического выхода на околоземную орбиту и дальнейшее ожидание ввода нового маршрута. Это вопрос выживания корабля, имеющий первоочередной статус. До активации первой фазы отлета осталось двадцать минут. Если вы все-таки желаете ее отменить, то пройдите к главной консоли управления и наберите пароль!

Я шокированно прикусила губу. Какой еще, к гоблинам, пароль? В инструкции Оружейницы о нем не упоминается...

– Демоны! – выразительно прокомментировал молчавший до этих пор барон. – Кажется, у нас начались большие неприятности! Милая, похоже, тебя обошли у самого финиша!

Я одарила его уничижительным взглядом. И как это мужчины умеют так искусно нажимать на наши слабые точки?

– Ну это мы еще поглядим, кто кого переиграет! – прорычала я сквозь взбешенно стиснутые зубы. – У меня еще имеется в запасе целых двадцать минут!

– Что можно успеть за столь короткое время? – обреченно пожал плечами окончательно павший духом Генрих. – Может, лучше заколоться? – Он вынул из ножен кинжал.

– Трусливый слабак! – рявкнула я, выбивая оружие из его пальцев. – Я выбираю другой путь. Нужно бороться до последнего вдоха, до последней капли крови. Надежда умирает последней!

Генрих смутился, вложил клинок обратно в ножны и уже не заговаривал о самоубийстве.

Мы подошли к стальной двери, ведущей в главную часть корабля. Я толкнула заслон рукой, но он не поддался.

– Открой! – приказала я управляющему компьютеру.

Но вместо этого в стене распахнулось крохотное оконце, из коего выдвинулся стеклянный кубок, доверху наполненный прозрачной жидкостью. На дне сосуда я увидела ключ от двери.

– Дополнительная защита от вторжения врагов, – пояснил бортовой компьютер. – В бокал налита вода из Моря Гнева, привезенная с вашей родной планеты. Ее невозможно вылить, а контейнер нельзя поднять или разбить...

– Вот делов-то! – небрежно хмыкнул Генрих, протягивая руку к сосуду и собираясь запустить в него пальцы. – Защита от дураков?

– Стоп! – успела я перехватить самонадеянного напарника за запястье. – Тебе ничего не ведомо о Море Гнева. Эта вода за секунду растворяет металл, дерево или плоть, как, впрочем, и любую другую материю, не имеющую отношения к морской стихии. Сунь палец в бокал – и ты сразу же станешь калекой!

Барон поспешно отдернул руку и испуганно побледнел.

Я задумалась. Драгоценные секунды таяли с ужасающей скоростью...

«Море, – напряженно вспоминала я, насилуя свою память. – Я плавала по морю. На корабле отважного капитана, настоящего друга и прирожденного воина, подарившего мне волшебный амулет...» О да, я поспешно зашарила у себя на груди, отыскивая знак Королевы пиратов, переданный мне Маллером де Ваксом. Оправленный в серебро шип морского ската-хвостодера, вещественное воплощение силы и мощи всех морей и океанов...

Тонким острием шипа я без особых проблем подцепила ключ, извлекла его из сосуда, вложила в замочную скважину и открыла дверь. Генрих потрясенно помотал головой, уже почти отказываясь верить в реальность всего происходящего.

– Пятнадцать минут до отлета! – констатировал механический голос.

Мы бежали дальше...

Наш путь преградила вторая дверь, за которой, слава богам, начиналась сама рубка

управления. На складывающемся в гармошку стальном листе виднелись два отверстия разной формы. Генрих недоуменно покосился в их сторону. Я извлекла из кармана листок с инструкцией, найденный на Радужном уровне.

– Все элементарно. – Я снова пробежалась глазами по ряду скупых и предельно простых строк. – Здесь имеется ящик с двумя ключами, открывающими дверь. Ключи вставляются в скважины и одновременно поворачиваются до упора вправо. Эта процедура синхронно выполняется капитаном и первым пилотом. Поможешь мне?

– Я смутно представляю, что значит выполнить работу первого пилота, но очень хочу попробовать, – с готовностью услужить белозубо улыбнулся Генрих. – Приказывай!

– Значит, так, достаем ключи... – Я нажала на выступ в стене, и из нее с легким шорохом выехал небольшой ящичек, сверху накрытый защитным стеклом. Но, увы, прозрачная крышка хранилища оказалась разбита вдребезги, а сам ящичек – пуст... Ключи от командного отсека исчезли бесследно! Проклятая сестра Хаос обошла меня и здесь!

– Двенадцать минут до отлета! – Отсчет времени неумолимо продолжался.

Я бессильно сжала кулаки, в кровь раздирая ногтями свои ладони. Требовалось срочно что-то предпринять. Но вот только что?

– Где ключи? – Генрих красноречиво указал на сиротливо пустовавшее хранилище. – Где они?

– Полагаю, их украла Хаос! – нехорошо усмехнулась я. – Знаешь, а она не так уж и глупа...

– К демонам! – психанул сальф, пиная ни в чем не повинный ящик. – Наплевать мне на ее мнимые или реальные умственные способности. Меня больше дверь волнует...

– Дверь... – рассеянно подхватила я. – Генрих, тебе эти замочные скважины ничего не напоминают?

– А должны? – вопросом на вопрос ответил барон. – Знаешь, я никогда не увлекался ребусами. – В его голосе промелькнула едва различимая мольба о снисхождении. – Боюсь, я ничем не смогу тебе помочь, любимая! Я ведь только рапирой и умею орудовать...

«Рапирой! – осенило меня. – Его прекрасная Гиарда! Так вот что напомнила мне меньшая по размеру замочная скважина. А большая... – Я упала на колени, пристально вглядываясь в замок. – О да, я не ошибаюсь!»

– Генрих, – возбужденно закричала я, – я, вернее, Оружейница подстраховалась и создала запасную пару ключей, названных ею Гиарда и Нурилон...

– А почему бы и нет? – Барон отпихнул меня от двери и в свою очередь заинтересованно ощупал замок. – Это вполне похоже на правду! Тем паче – мне еще король Грей говорил о том, что мечи Повелителей должны соединиться... Попробуем?

Вместо ответа я вытянула из ножен свой меч. Без дальнейших дебатов мы вставили острия двух клинков в отверстия на двери, идеально совпавшие с ними по размеру и форме, и слаженно повернули... Мое сердце болезненно сжалось, уповая на лучшее... Дверь с лязгом сложилась и отошла вбок, открывая проход. Я одним прыжком влетела в рубку.

Возле главной консоли управления, густо усыпанной бегающими точками разноцветных сигнальных огней, стояло четыре кресла. Три из них занимали бесформенные туши демиургов, причем самозванный капитан – нахалка Хаос – сидела в самом большом кресле. Моем кресле! Тела тварей накрепко удерживали прочные ремни, выходящие из пазов кресел. Компьютер в точности выполнил данное ему указание, лишив моих сестер возможности передвигаться.

– Десять минут до отлета! – безжалостно оповестил механический голос.

Хаос увидела меня, нагло вскинула заплывший жиром подбородок и мерзко ухмыльнулась...

– Ну здравствуй, сестра! – саркастично процедила она. – А ты изменилась! Вот уж не ожидала, что ты опустишься до заимствования внешности смазливой земной девчонки! – В ее голосе мне отчетливо послышалось чрезмерно напыщенное высокомерие, призванное

скрыть обуявшую Хаос зависть. – Какая позорная деградация.

– Неужели? – насмешливо фыркнула я. – Действительно, моя сияющую молодость и красота так разительно не котируются на фоне твоей рассыпающейся от старости мудрости...

У меня за спиной звонко и откровенно обидно заржал Генрих.

Демиург злобно захрипела, стараясь вырваться из объятий кресла, но ремни держали крепко. Я остановилась напротив нее, сложив руки на груди, наблюдая за ее реакцией и сверля сестрицу пренебрежительным взглядом. Хаос сопела, но молчала. Первой не выдержала слащавая блондинка Свет, напуганная психологическим драматизмом разворачивающейся в рубке сцены.

– Сестра, – покаянно завопила она, шмыгая носом и пытаясь выдавить из своих уродливых, гноящихся глазниц что-то похожее на слезы, – прости нас. Мы вовсе не собирались причинять тебе вреда. Мы сглупили, поддавшись на уговоры этой... – она старательно выговорила бранные слова, пытаясь выглядеть убедительной, – поганой изменницы.

Я недоверчиво хмыкнула.

– Ну да, так все и было, – рассудительно поддержала сестру более уравновешенная Тьма. – Ты начала проявлять слишком много жалости к этому миру, к населяющим его людишкам и твоему любимому творению – принцессе Ульрике. Твой медальон выручил ее на арене Геферта, и сие деяние стало последней каплей, переполнившей чашу нашего терпения. Мы неосмотрительно поддались на уговоры Хаос – помогли ей заточить тебя в храме на Радужном уровне, подготовили Землю к уничтожению и начали готовиться к отлету. Мы знали, что Ринецея собирается нам помешать, но полагали, что неумная рыжая девчонка разберется с нею лучше нас. И действительно, она разобралась. Вот только мы не ожидали, как далеко сможет зайти принцесса Ульрика!

– Да ну? – Я расхохоталась весело и бодро. – Ай да девочка!

Демиурги возмущенно скривились. Они не любили проигрывать.

– Я никогда не доверяла вам полностью, – честно призналась я. – Поэтому я решила подстраховаться и оставить Ульрике письменную инструкцию, спрятав ее на Радужном уровне. Но вот пароль, препятствующий отмене отлета... Признаю, это стало вашим самым умным ходом...

– Отпусти нас, – смущенно попросила Тьма, – мы еще не хотим умирать.

– Ты можешь улететь с нами, – вкрадчиво сообщила Свет. – Давайте забудем эту неблагодарную планету, найдем себе другую и начнем все заново...

– Но если «Чаша жизни» покинет поверхность Земли, то заложенные вами взрывные устройства сразу же сработают? Не так ли? – уточнила я.

Две сестры закивали наперебой:

– Да, отомстим этому миру, не оценившему подаренных ему благ!

– Смерть ему! – бессердечно проскрипела Хаос.

Я чуть не задохнулась от гнева:

– И вы готовы вот так просто, ради удовлетворения своего тщеславия загубить сотни тысяч ни в чем не повинных жизней?

Свет глупо улыбалась, Тьма кривила губы в пренебрежительной ухмылке, ясно выказывая свое отношение к будущим жертвам неудавшегося эксперимента демиургов.

– Жестокие твари, вы заслуживаете самой мучительной казни! – убежденно произнесла я, кладя руку на рукоять Нурилона. – Это будет справедливым наказанием!

Свет залилась слезами, а на бесформенной морде Тьмы четко проступила гримаса страха, заметно поубавив ее обычную спесь. Одна лишь Хаос держалась по-прежнему заносчиво.

– Давай, убивай нас, сестрица! – провокационно хихикнула она. – Но тогда ты и сама вскоре последуешь за нами. Выхода у тебя нет, ибо я задала два варианта программы включения детонаторов. Мы улетаем – и цепь активизации ядерных зарядов замыкается. Мы

не улетаем – она включается тоже. Поэтому тебе нужно совершить невозможное – отменить код команды взлета через пароль, тем самым разрывая цепь управления взрывчаткой. Но спешу тебя разочаровать – пароль к коду ты не подберешь никогда.

– Как? – хором, панически заголосили Свет и Тьма. – Мы же об этом не договаривались. Ты и нас обманула...

– Дуры! – Я смеялась чуть ли не до слез умиления, искренне жалея этих погрязших в ненависти старух. – Какие же вы жалкие и мелочные! Нет, я не стану брать на душу греха убийства и марать об вас руки. Я вас отпущу.

– Что? – не поняла Свет.

– Правда? – усомнилась Тьма.

– Отпустишь? – не поверила Хаос. – Позволишь нам уйти?

– Позволю, – спокойно подтвердила я. – Убирайтесь, я вас презираю. В грузовом отсеке стоит небольшой межгалактический разведывательный бот, полностью готовый к полету. Забирайте его и выметайтесь на все четыре стороны, времени вам хватит с лихвой. Компьютер, освободи их!

Удерживающие демиургов ремни отстегнулись. Три старухи неуверенно поднялись из кресел и дружно поспешили к выходу из рубки.

– Генрих, – попросила я, – проводи моих сестриц и проследи, чтобы они покинули нашу планету. Фокусничать они не станут – это не в их интересах.

На пороге Хаос неожиданно обернулась.

– Сестра, – в ее голосе внезапно прозвучало раскаяние, – Си-Тха, пойдем с нами. Мы ведь так много тысяч лет прожили вместе...

– Нет. – Я чуть приподняла руку и сделала пальцами слабый миролюбивый жест. – Теперь нам не по пути. Я тебя прощаю, сестра Ла-Фе.

Лицо Хаос перекосилось от осознания собственной низости. Я все-таки смогла ее убить – пусть не физически, но морально, что причинило чванливой твари гораздо большую боль.

– Ты, – она засыпала меня проклятиями, – решила доказать, будто стала лучше и добрее нас? Так сдохни же тогда вместе с этим столь дорогим тебе миром. – Она вперевалку выбежала из рубки. – Сдохни! – Ее вопли отражались от стен коридора, выдавая захлестнувший демиурга стыд.

Я невесело рассмеялась и опустилась в командирское кресло.

– Пять минут до отлета! – словно зачитывая смертный приговор, невозмутимо доложил компьютер.

Я повернулась к монитору главного компьютера и положила пальцы на клавиатуру.

– Зачем этому миру погибать? – тихонько, почти риторически спросила я вслух, обращаясь к самой себе. Но мне ответила машина:

– Зло должно погибнуть вместе с добром, дабы ни одно из них не стало победителем. В этом и состоит всеобщее равновесие.

– Разве? – скривилась я. – А как же мои дети? А как же мои друзья – в чем они виноваты? А еще орки, эльфы, драконы, сильфы, люди – разве они совершили что-то плохое? О нет, я тебе не верю. Должен найтись какой-то другой способ, призванный уравнивать добро со злом.

– Я его не знаю, – равнодушно ответил компьютер. – Просчитав сотни вероятностей, я выбираю самый результативный – смерть!

– Нет! – закричала я, сглатывая слезы ярости. – Я этого не допущу!

– Четыре минуты до отлета! – как ни в чем не бывало продолжала отсчитывать бездушная машина.

Я попробовала рассмеяться, но мой голос сорвался, превращаясь в стон отчаяния. Тогда я опустилась на пол и постаралась разорвать кабели, подходящие к пульту управления. Но кабели не поддавались ни моим рукам, ни зубам, ни даже отточенному лезвию Нурилона. И я опять заняла место в кресле, тупо уставившись на кнопки с буквами. Я просто обязана

разгадать этот загадочный пароль, способный остановить процедуру старта.

– Три минуты до отлета! – словно издеваясь, сообщил компьютер.

Стараясь не потерять сознание от ужаса, я сидела над клавиатурой. Я набрала: «Стоп».

– Две минуты до отлета! – Компьютер проигнорировал мои жалкие потуги.

«Конец» – печатала я, полностью сосредоточившись на буквах.

– Одна минута до отлета! – сделала очередной ход судьба.

«О Логрус, помоги же мне!» – мысленно умоляла я. Меня колотило, будто в лихорадке, зубы отбивали дрожь, пальцы прыгали, промахиваясь мимо клавиш. «Закончить», – набрала я.

– Пятьдесят секунд до отлета!

«Что могла придумать Хаос? – размышляла я, пытаюсь отрешиться от размеренного голоса палача. – Это должно быть что-то особенное, совершенно не присущее демиургам, то, о чем они думают в самую последнюю очередь. Но я просто обязана об этом знать...»

– Сорок секунд до отлета! – чарующе пропел голос убийцы.

«Чему они меня учили – Логрус, Логрин и Оружейница? О чем говорила тетюшка Чума? Есть ли в этом несчастном мире нечто такое, не зависящее от добра и зла, более дорогое, чем жизнь, стоящее вне всего и превыше всего?»

– Тридцать секунд до отлета! – кувалдой вбивали в мою голову.

«То, в чем я превзошла своих алчных сестер?»

– Двадцать секунд до отлета! – гремело похоронным гимном.

«То, к чему я пришла в итоге всего, то, из-за чего и ради чего я не смогла убить этих престарелых гарпий?»

И внезапно я вздрогнула всем телом и широко распахнула глаза. Я поняла, какое слово стоило целого мира и являлось сутью любого мира...

– Десять секунд до отлета! – Именно с таким звуком в крышку гроба вбивают последние гвозди.

Мои пальцы суетливо забегали по клавиатуре...

«Милосердие» – печатала я.

Стальной голос затих... Я закрыла глаза и стала ожидать неизбежного конца. И эти мгновения тишины показались мне целой вечностью. Компьютер не торопился нанести роковой удар, а я все ждала и ждала...

Когда шелковистый, всепрощающий голос проник через громкоговорящее устройство, я чуть не выпрыгнула из собственной кожи от изумления:

– Процесс отлета и уничтожения планеты остановлен за две секунды до исполнения. Будут ли у вас другие указания, капитан?

Я обессиленно откинулась на спинку кресла, ощущая, как по моим щекам текут теплые слезы облегчения и очищения, дающие миру новый шанс – возможность стать иным, более светлым, добрым и радостным. Я поняла – отныне этот мир становился моим! Моим детищем, моим творением, моей душой и телом. Миром, который я не отдам никому, а стану холить и лелеять, помогая ему совершать первые самостоятельные шаги. Миром, в котором отныне не будет зла и насилия, несправедливости и войн. Ах да, богов и демиургов в нем не останется тоже. Впрочем, нет, пожалуй, двух богов я на Земле все-таки оставлю. А назову я их – Любовь и Счастье!

– Ульрика! – На пороге стоял запыхавшийся от быстрого бега Генрих. – Похоже, ты спасла мир за пару секунд до гибели, и подозреваю, что этого твоего умопомрачительного рекорда уже никто и никогда не сможет побить!

И лишь тогда, осознав, что все самое страшное уже осталось позади, я упала в объятия едва успевшего подхватить меня барона, выкрикивая какие-то бессвязные слова, рыдая, молотя кулаками по его широкой груди и смеясь беззаботным смехом ребенка, наконец-то получившего самый долгожданный, безмерно желанный подарок. Подарок, носящий короткое, но такое всеобъемлющее имя – Мир!

Прошло совсем немало времени, прежде чем я успокоилась, взяла себя в руки и сумела собраться с мыслями. Пережитый стресс еще давал о себе знать, превратившись в нудное подташнивание и слабую боль в висках. Я немного помассировала их пальцами, непроизвольно морщась и стараясь выровнять дыхание. Озабоченный моим плохим самочувствием Генрих смотрел на меня с состраданием.

– Пойдем отсюда, – предложил он. – Тебе воздух свежий нужен, да еще выспаться всласть не помешает и отдохнуть как следует. А здесь, – сильф ласково обнял меня за талию и помолчал, подбирая слова поточнее, – будто что-то нехорошее пропитало каждую вещь, каждый уголок... Брр, – он гадливо передернул плечами, – ну и жуткое же место эта ваша «Чаша жизни»!

А я-то уже вознамерилась рассказать барону о генетической лаборатории, расположенной в давно опечатанном секторе корабля, о сотнях неудавшихся опытов, предшествовавших созданию первых эльфов, в результате которых у нас получались отталкивающе безобразные твари – некоторые из них сумели удрать с корабля, – и многом другом, способном напугать кого угодно... Но потом заметила темные круги под глазами де Грея, его заострившиеся скулы, обглоданные выпавшими на нашу долю испытаниями, и вовремя прикусила доставшийся мне от рождения длинный, болтливый язык, приказав себе молчать. Наверно, я запросто смогла бы излить свою переполненную страданием душу Астору, но отнюдь не Генриху, ибо четко понимала – не нужно взваливать на человека ношу большую той, кою он способен вынести. У каждого из нас свой предел прочности.

– Уходим.

Я в последний раз интимно погладила панель управления и подлокотник любимого кресла, прощаясь с частичкой самой себя, безвозвратно уходящей в прошлое. Я сюда уже не вернусь...

– Подожди! – остановил меня сильф. – Как же так... – Он удивленно развел руки, словно стремясь охватить все разом – и саму рубку, и собранные в ней приборы. – Ты собираешься покинуть звездолет на произвол судьбы?

Я внутренне напряглась, пытаюсь избежать того очевидного и жестокого, к чему подводил меня барон:

– Да. А что?

– Ну-у-у, – Генрих нерешительно замялся, – а ты не боишься оставлять без присмотра свое смертоносное детище, способное погубить наш мир? Не думаешь, что однажды может найтись еще одна властолюбивая натура, возмечтавшая воскресить наследие демиургов? И тогда...

– Достаточно. – Я гордо выпрямилась, превозмогая плещущуюся в сердце боль предстоящей утраты. – Ты прав! Я выполню наказ матери! Я несу ответственность за свой корабль и не имею права просто бросить его без надзора... Компьютер! – мягко позвала я.

– Слушаю вас, капитан! – немедленно откликнулась послушная машина. – Ваши следующие указания?

– Я хочу, чтобы тебя не стало... – не приказала, а попросила я, чувствуя, что сейчас расплачусь опять, и на этот раз еще горше.

– Слушаюсь! – принял мою команду бортовой компьютер. – Начать запуск процедуры самоуничтожения?

Я молчала, уныло повесив голову и кусая губы. Многие ли из нас способны собственноручно убить своего ребенка, принеся его в жертву безопасности других существ?

– Капитан? – кротко напомнил стальной голос. – Я жду...

– Ульрика, – Генрих сочувственно погладил меня по щеке, – не мучай себя понапрасну. Сделай это быстро!

– Хорошо! – Я тяжело вздохнула. – Приказываю активировать процедуру самоуничтожения. Время задержки – десять минут. Отсчет пошел...

– Отсчет начат, – торжественно провозгласил бортовой компьютер. – До взрыва корабля осталось девять минут пятьдесят восемь секунд...

На выходе из рубки я задержалась и вымученно произнесла, практически не надеясь, что меня поймут:

– Прощай, «Чаша жизни»! Я очень тебя люблю!

Компьютер долго не отвечал, упрямо отмеривая секунды своей жизни... И, уже покидая наружный шлюз, я вдруг услышала голос – не бездушно механический, как раньше, а мелодичный, страдающий и ранимый:

– Прощайте, капитан Си-Тха! Я тоже вас люблю!

А затем мы с Генрихом побежали изо всех сил и мчались до тех пор, пока рокочущий грохот отдаленного взрыва не вырвал пол из-под наших ног, бросив нас на кучу щебня и щедро припорошив облаком мусора, состоящего из мелких металлических обломков.

«Будь счастлива, дочка! – Тихий шепот возник у меня в голове и исчез почти мгновенно, унося с собой посмертную сущность Оружейницы, обретшую вечное успокоение вместе со своим кораблем. – Прощай навсегда!»

«Прощай, мать! – мысленно ответила я, посылая ей воздушный поцелуй, пропитанный тихой грустью и моей любовью. – Спи спокойно! Я тебя не забуду...»

– Чуть левее – и она бы угодила мне точно в висок! – уважительно констатировал Генрих, указывая на тонкую стальную спицу, застрявшую в камнях возле его головы. – Гляди, «Чаша жизни» чуть не забрала меня с собой!

– Ты у нас везучий! – Я отерла его покрытое копотью лицо и одобрительно потрепала барона по плечу. – Не погиб – значит, проживешь долгую и счастливую жизнь...

– С тобой? – спросил сильф, хватая меня за пальцы и требовательно заглядывая в глаза. Я отвернулась, не проронив ни звука. А что я могла ему сказать?

– Тут! – со стопроцентной уверенностью произнес барон, берясь за массивное серебряное кольцо, укрепленное на прочной двустворчатой двери. – Мы пришли!

– А ты уверен, что он все еще там? – выразила я сомнение, недоверчиво разглядывая вычеканенную из металла морду жутковатой твари, служившую дверной ручкой. – Все же времени с тех пор, как ты в последний раз посещал это подземелье, миновало немало...

– Уверен! – сварливо огрызнулся Генрих. – Если бы тебя так придавило, как его, то еще неизвестно, сколько бы резвости ты проявила. Видишь? – Он распахнул дверь, плечом пропихивая меня вперед. Тогда я послушно шагнула в обширное полукруглое помещение, слабо освещенное единственной неяркой лампой, вгляделась в заполняющие его предметы и потрясенно ахнула...

Вдоль стен комнаты выстроились десятки распахнутых сундуков, заполненных неисчислимым множеством всевозможных ювелирных изделий, золотыми слитками и оружием в богатой оправе. Но мое внимание привлекли вовсе не эти сказочные сокровища, а установленный на невысоком постаменте трон и прикованный к нему мужчина, до самых колен вросший в каменную глыбу своего страшного узилища и образовавший с нею единое целое. Мне показалось, он дремлет, опустив голову на широкую грудь и распластав по пластинам филигранной кольчуги длинную седую бороду. Чело величественного узника венчала королевская корона, усеянная крупными рубинами. От всей его крупной фигуры так и веяло спокойной уверенностью и скромным достоинством уважающего себя и всех других людей человека, привыкшего не тратить слов попусту и измеряющего свой жизненный путь не бессмысленными разговорами, а делами и поступками.

– Отец! – с неописуемо нежными интонациями позвал Генрих. – Проснись! Я вернулся...

– Король Грей, проснитесь! – вторила ему я.

Глубокий вздох всколыхнул могучую грудь плененного короля, он поднял голову и взглянул на меня красивыми карими глазами, так похожими на глаза его потомка. Слабая улыбка украсила бледные губы старого богатыря, наполнив мое сердце смешанной с уважением жалостью. Я опустилась на одно колено и поцеловала его бледную кисть, вяло лежащую на ручке каменного трона. Мужчина мягко провел пальцем по моему подбородку,

словно проверяя – уж не сон ли ему снится?

– Сначала мне померещилось, будто это моя любимая пришла ко мне вновь, – извиняющимся за свою вольность голосом признался он. – Но почти сразу я понял: ты – не она. Похожа будто две капли воды, но не она. Твои глаза смотрят куда жестче, очерк губ намного тверже, ты грозно хмуришь брови и сосредоточенно прикусываешь губу... – Он ласково усмехнулся. – Ты – не Аола! Ты – суровое милосердие с мечом в руке, несущее миру обновление и воскрешение. Так кто же ты?

– Она и есть та дева из проклятого рода, на поиски коей ты меня посылал! – вмешался донельзя довольный собой Генрих. – Она свергла демоницу Ринецею, устранила демиургов и принесла тебе освобождение!

– А-а-а, – понимающе протянул пленник камня, – так вот, значит, как оно все повернулось! Я слышал далекий гул – мой трон заметно трянуло, светильники на стенах погасли, а затем один из них зажегся снова, но уже намного слабее.

– Корабль демиургов разрушен! – подсказал барон, кивая в мою сторону. – Она его уничтожила...

– Видимо, включился какой-то резервный генератор, питающий ваши светильники, – пояснила я. – Но нам нужно торопиться, ибо с исчезновением звездолета функционирование Озера Безвременья неизбежно нарушилось.

– Ты убила демиургов? – переспросил король, шокированно приподнимая брови. – Так ли это?

– Считайте, что убила! – устало ответила я. – А со смертью Ринецеи удерживающее вас заклятие должно было пропасть.

– Но оно осталось! – На лбу Грея прорезалась страдальческая морщинка. – Оно оказалось сильнее меня!

– Неправда, – незлобиво укорила я. – Однажды мне показали, что самый верный путь к спасению – это вера.

– В богов? – подозрительно прищурился король.

– В себя! – терпеливо поправила я. – Проверим?

Грей неопределенно пожал плечами, будто говоря: я целиком и полностью нахожусь в ваших руках. Я вынула из своей походной сумки два крохотных флакончика, принесенных мною с Радужного уровня. В одном из них некогда находилась живая вода, а во втором – мертвая. Помнится, я опустошила оба сосуда до дна, пытаясь оживить Астора, но сейчас я верила – единожды пойманная удача уже не отвернется от меня ни ныне, ни впредь и позволит спасти возлюбленного богини Аолы. Я раскупорила сосуд из-под мертвой воды и перевернула его вниз горлышком над каменной глыбой, удерживающей ноги короля. Прошло несколько томительно бесконечных минут, а затем из флакончика выкатилась последняя капля черной жижи и упала на камень... По плите пошли трещины и расколы, постепенно превращая гранит в мелкую серую пыль... И вот уже на месте мертвого камня появилась пара мускулистых мужских ног, обутых в добротные остроносые сапоги.

Король радостно вскрикнул, довольно потирая колени, но радость на его лице быстро увяла, сменившись гримасой растерянности.

– Я их не чувствую, – разочарованно признался он, – и не могу пошевелить даже мизинцем...

Но в ответ на его сетования я свернула пробку второго флакона, и благосклонная судьба подарила нам две капли живой воды, скатившиеся на мертвые ноги короля. Бледные щеки Грея порозовели, наливаясь молодой, свежей кровью. Седая борода отпала пучком пакли, обнаруживая волевой квадратный подбородок, окаймленный узкой черной бородкой, упругую кожу и красивое лицо мужчины, находящегося в самом расцвете лет. Опираясь на наши плечи, король поднялся и спустился с трона, делая первые шаги, приобретающие все большую уверенность. Он ликующе расхохотался и легко поднял огромный двуручный меч, поигрывая литыми мускулами, переполненными возрожденной силой.

– Девочка, – восхитился он, возвышаясь надо мной во весь свой богатырский рост, –

откуда же в тебе столько веры? Не сказка ли это?

– А в кого же еще нам следует верить, если не в себя? – с улыбкой парировала я. – Мне довелось пройти через многие испытания, я научилась доверять друзьям и уважать врагов. Я поняла, в чем состоит истинная сущность любви. Я научилась безоговорочно принимать людей такими, какие они есть на самом деле, не ожидая от них ничего – ни плохого, ни хорошего. Поэтому я избежала разочарований. А еще я осознала: мы должны верить в себя и любить себя, ведь наше внутреннее «я» – это и есть тот человек, с которым мы никогда не сможем расстаться и проживем с ним бок о бок целую жизнь. Можно похоронить родителей, потерять детей и утратить любимых. Но лишь с самим собой мы будем от первого до последнего вздоха и не разлучимся никогда. И от того, какими мы станем, зависит наша жизнь и будущее всего нашего мира...

Внимательно выслушавший мою исповедь король почтительно поклонился, проникнувшись искренностью и бесхитростностью открытой ему истины, а потом одарил мои пальцы благодарным рукопожатием:

– Чем я могу помочь тебе, дева?

– Отведите меня на берег Озера Безвременья, – попросила я. – Настало время выполнить древнее пророчество и разбудить Пресветлых богов!

Глава 11

Еще никому и никогда не удавалось остановить неумолимый бег времени, повернув его вспять. Мы способны влиять на грядущее и контролировать свое настоящее, но наше прошлое нам уже не принадлежит, а изменить что-либо, случившееся в нашей жизни, не могут даже боги. Прошлое – свято, ибо перенесенная боль, память и погибшая любовь – дороги нам больше всего на свете. Слабый духом человек слепо идет на поводу у своего горестного прошлого, постепенно скатываясь в пучину безумия. Глупец игнорирует его начисто, бесконечно повторяя уже допущенные ошибки. И лишь истинно мудрые и сильные личности умеют спокойно примиряться со своим прошлым, принимая его как непреложную истину, взирая на события дней ушедших немного отстраненно и предельно здраво. Наше прошлое нам не принадлежит, зато мы принадлежим ему целиком и полностью. Такова жизнь.

Недавнее магическое очарование Озера Безвременья тоже осталось в прошлом. Я невольно вздрогнула от ужаса, обнаружив на его месте не красочно описанные Генрихом волны молочно-опаловой влаги, а несколько луж мутной воды да рыхлую грязную слизь, пятнающую мраморные ступени. Озеро умерло, разделив участь создавших его демиургов. Волшебная среда, сохраняющая тела Пресветлых богов и оберегающая их от разложения, исчезла, подвергая страшной опасности богиню Аолу и ее братьев.

– Поторопись, девочка, – жалобным голосом умолял меня король Грей, едва опомнившийся от первого впечатления, произведенного на него видом пересохшего Озера. – Я чувствую, отведенное ей время истекает. Еще немного – и ни одна сила в мире уже не сможет воскресить мою любимую...

Мужчины шли первыми, освещая дорогу прихваченными из сокровищницы факелами, наспех сооруженными из обрывков парчовых одеяний, намотанных на обломки копий. Расшитая золотыми нитями ткань горела плохо, давала куда больше чада и вони, чем света, но и этого оказалось вполне достаточно, чтобы разглядеть – защитное поле, прикрывающее вход в консервационный отсек, называемый Обителью света и тьмы, исчезло. Закрепленные на стенах туннеля светильники едва теплились, образуя холодный полумрак – липкий, насыщенный сладковатым запахом тлена. Я хотела сказать, что подобные ядовитые миазмы витают только в старых, много лет назад заброшенных гробницах, в которых не осталось ничего живого, но заметила отчаянно стиснутые челюсти короля и промолчала, не осмеливаясь беречь его душевную рану. Мне стало ясно – мы не успели...

Они стояли в форме треугольника, образуя некое подобие заградительного периметра.

Три массивных прозрачных гроба, между коими и покоился еще один, четвертый саркофаг, трогательно маленький и изящный. Мех, устилающий погребальный постамент, некогда белый и пушистый, почернел и сгнил, киша желтыми тельцами отвратительных могильных червей. Хрустальные гробы затянула зеленая плесень, придавая возлежащим в них богам сходство с полуразложившимися кровожадными умертвиями. Грей глухо застонал и рухнул на пол Обители, закрывая руками свое перекошенное от страдания лицо.

– Мы опоздали, все кончено! – печально шепнул барон, удерживая меня за талию и не подпуская близко к гробам богов, будто пытаюсь оградить от удручающего зрелища. – В том нет твоей вины, милая! Гоблины, в этом вообще нет чьей-то вины!

Пронзительную тишину могильника нарушал лишь шорох стекающих по стенам капель конденсата да душераздирающие рыдания несчастного короля. И тогда что-то знакомое встрепенулось в моей душе, напоминая о недавних минутах собственного горя. Точно так же и я теряла отделяющуюся от меня душу Астора, ждущую помощи и со стенаниями уходящую за грань небытия. Я не сумела ее удержать, но сейчас я не имела права отступить – я должна была использовать единственный шанс, дарованный мне злодейкой-судьбой. О, жестокая судьба вознамерилась сыграть свой последний тайм, ожидая, что я не отважусь на новую жертву. Но она ошиблась...

Я закричала громко и безысходно, прощаясь с тем немногим, что сумела отвоевать у жизни, а затем обреченно рванулась, расцепляя кольцо удерживающих меня мужских рук. Я бросилась к саркофагу Аолы, выхватила из ножен Алатору и обрушила ее лезвие на хрустальную крышку, перерубая опутывающие гроб цепи. Массивные звенья лопнули, словно созревшие нити, а прозрачная крышка разбилась на сотни мельчайших осколков. Шедший из гроба запах разложения стал невыносимым. Я низко наклонилась, рассматривая потемневшую плоть и бесформенное месиво обнаженных, сизых мышц, заменяющих богине лицо. Меж маленьких бугорков грудей лежал увядший, так и не распустившийся розовый бутон. Генрих отвернулся, прикрывая нос рукавом... Но безумная радость внезапно всколыхнулась в моей душе, потому что я рассмотрела – цветок еще не погиб окончательно, сохранив на своих лепестках еле различимые розовые прожилки... В них еще жила слабая надежда на воскрешение, упрямо цепляющаяся за струны моего сердца, взывающая к нему из последних сил и верующая в милосердие. И я знала, какой искупительной жертвы ждала от меня судьба!

– За Астора! – громко, словно читая молитву, выкрикнула я нараспев, проводя лезвием даги по своему лбу точно под линией роста волос. – За Эткина! – Я разрежала свои щеки. – За мой возрожденный из пепла мир, за любовь и счастье! – Я рассекла кожу у себя под подбородком, не обращая внимания на боль и льющуюся ручьем кровь.

– Нет, Ульрика, не нужно, не смей! – жутко взвыл Генрих, угадав мои намерения и пытаясь меня остановить, но было уже поздно.

Я бережно отделила нежную розовую кожу, покрывающую мое лицо, и старательно наложила ее на обезображенный лик Аолы, заботливо прижимая плотнее и разглаживая каждую складочку... Затаившие дыхание король и Генрих зачарованно следили за моими движениями, проникнувшись мистическим благоговением этой возвышенной церемонии...

Грудь Аолы застенчиво всколыхнулась, сию же минуту совершив первый вздох. Хрусталь гробов ее братьев освобождался от гнили, вновь обретая свою первозданную чистоту и ясность. Плесень сходила и осыпалась серой пылью, являя нам облик трех прекрасных богатырей, чьи высокие чела украшали золотые диадемы. Щеки Дарящей жизнь поалели, губы налились багряным цветом, раскрываясь, словно спелый плод, длинные ресницы затрепетали. Бутон розы расцвел, источая упоительный аромат. Король Грей припал ко гробу возлюбленной, сотни раз целуя ее нежные уста. А я тихонько отступила на шаг назад, достала из сумки свою золотую маску и вновь наложила на лицо, испытывая физическое страдание, ничуть не способное затмить счастья, снизошедшего на мою душу. А волшебная вещица мгновенно увеличилась и растянулась, на сей раз закрывая лицо полностью – от лба до самого подбородка – и скрывая мое многократно возросшее уродство. Я так и знала, что

моя маска мне еще понадобится!

– Вижу, ты все же не отступила и не сдалась. Именно этого я от тебя и ожидала! – Чья-то холодная рука почти невесомо легла на мое плечо, замораживая даже через ткань рубашки.

Я обернулась. Позади меня стояла королева Смерть...

– Такова несправедливая плата за самопожертвование. – Королева иронично улыбнулась, указывая мне на Аолу, обнимавшую своего вновь обретенного возлюбленного и не обращающую на меня ни малейшего внимания. – Впрочем, не думаю, что ты рассчитывала на какую-то награду...

Я рассмеялась с едким сарказмом, даже из приличия не пытаясь смягчить своего откровенно невежливого поведения:

– О нет, мне ничего не требуется взамен отданному. Я всегда считала процесс физического созидания жизни несколько приземленным деянием. – Мой намек выглядел довольно вульгарным. – Животным соитием двух тел – поверхностным, лишенным обстоятельности и значимости делом. А тех, кто наобум занимается процессом создания новых особей, я причисляю к на редкость легкомысленным созданиям... Аола и сама еще дитя по уму и сущности...

Смерть широко распахнула черные глаза и бурно расхохоталась:

– Ах вот как! А те, кто лишают людей жизни?..

– Они вынуждены в одиночку принимать весьма ответственные решения, – серьезно ответила я. – Дарить что-либо – легко и приятно, отбирать – страшно и тяжело... Мне приходилось отбирать жизнь... Уж лучше бы я сама умерла вместо тех людей...

– Ты не боишься умереть? – не поверила бабушка. – Умереть в полном смысле этого слова. Не попасть в очередной раз в мой чертог, а погрузиться в бесконечное небытие?

Я небрежно махнула рукой:

– Какой смысл бояться того, что неизбежно? Потеряв так много, я вообще перестала опасаться чего бы то ни было. Моя душа мертва уже очень давно. А с тем, кто ничего не боится, вряд ли может произойти что-то плохое...

– Наверно, это очень трудно – пережить любимого и остаться без врагов, – посочувствовала моя необычная собеседница.

– Жизнь вообще невероятно трудная штука, особенно первые сто лет! – отшутилась я, старательно придавая своим интонациям максимальную убедительность. Ибо я всегда избегала ненужной демонстрации своих подлинных мыслей и своей внутренней слабости.

– Не бояться – это значит идти вперед напролом, не думая о гибели? – предположила королева.

– Нет. – Сейчас я чувствовала себя намного старше и сильнее ее, повелительницы мертвых. – Не бояться – это всего лишь научиться точно рассчитывать свои силы и верить только в себя.

– М-да-а-а, – удивленно протянула Смерть, впечатленная моей невозмутимостью. – А ты стала другой, девочка. Неужели ты полностью утратила вкус к жизни?

– Сам факт телесного существования не имеет над нами никакой власти, – пояснила я, опускаясь на край помоста и расслабленно складывая руки на коленях. Отныне я никуда не торопилась, ибо мой разрушительный путь в этом мире подошел к своему логическому завершению, сменившись стезей мудрости и созидания. – Значение имеет лишь качество совершенных нами деяний, из которых складывается жизнь, и их смысл...

– Немыслимо. – Смерть смиренхонько примостилась рядом, проникновенно заглядывая мне в глаза. – Ты не желаешь просто так наслаждаться всеми прелестями земного бытия? – В глубине ее зрачков закручивались два огненных протуберанца, пытающиеся лишить меня воли и разума, подчинив себе.

– Нет, не желаю, – хмыкнула я, не отводя взгляда, – если моя жизнь не несет осмысленной составляющей. Я – не амеба и не растение. Мне в одинаковой степени дорого

все – победы и потери, боль и радость... Жизнь наполнена смыслом лишь в том случае, если я имею возможность строить ее согласно своему разумению, а не по чьему-то указу или по промыслу слепого фатума...

– Поправшая судьбу! – смущенно бормотнула королева. – Так вот почему тебе дали столь странное прозвище. Храбрость – она ведь сродни сумасшествию...

– А сумасшествие – обратная сторона гениальности! – веско закончил за нее Генрих, неслышно подошедший к помосту и занявший свободное место с другой стороны от меня. – Но вот хранить в сердце боль я бы не советовал...

– Ты просто еще не научился ее ценить! – мягко парировала я. – Боль утрат становится тем внутренним стержнем, который делает нас сильнее...

– Я могу избавить тебя от боли и воспоминаний, – черная роза в пальцах Смерти плавно качнулась в мою сторону, – стереть их из твоей памяти!

– Нет. – Я поспешно отодвинулась на безопасное расстояние. – Я дорожу моим прошлым и не променяю его ни на что. Будущее строится на прочном фундаменте прошлого, а не на зыбучих песках домыслов или хрупком мираже мечты.

– О да, в этом ты права! – согласно вздохнула Смерть. – Ты освободила Радужный уровень от тирании Ринецей и восстановила разрушенный Звездный мост. Поэтому я смогла отыскать душу моего умершего возлюбленного и теперь обязательно дождусь следующего рождения Джаспера. После этого я смогу встретиться с ним снова...

– Мило, – с нотками зависти в голосе съязвил Генрих. – Каждый получил желаемое: Грей – Аолу, ты – Джаспера. А как же я?

– А что – ты? – лукаво переспросила Смерть, искусно разыгрывая непонимание.

Генрих сердито пригладил свои ухоженные усики:

– Ты зачитывала мне пророчество, высеченное на стене этой пещеры. Ты обещала, что я обрету свою любовь!

– С ней? – продолжала забавляться Смерть, драматично указывая на меня. – Да ну?

Меня рассмешило кислое выражение его лица.

– Ну это уже нечестно, – по-мальчишески надулся барон. – Расскажи ей, – он фамильярно дернул меня за рукав, – о нашей сделке...

– Сделка? – нахмурилась королева, ее губы исказила брезгливая гримаска. – Ох уж эти мужчины... Зачем ты повелась на его уловки, внучка?

– Я выполню свое обещание, – вспыхнула я. – Я буду с тобой, Генрих!

– Хочешь, я заберу тебя к себе? – нежно предложила любящая бабушка.

– Спасибо, – искренне поблагодарила я, – но я должна думать о детях...

– Хорошо. – Черная роза в ее пальцах источала обволакивающий аромат, притягательный и вместе с тем отталкивающий. – Я подожду – я умею ждать...

Но тут я случайно вспомнила о непонятных намеках Логруса, вскользь упоминавшего о необходимости нашего с Генрихом союза и о его значимости для будущего всей Земли.

– Вы что-то от меня скрываете, – убежденно заявила я, тщетно сиюсь найти логическое обоснование странному сводничеству великого демиурга. – Нас с Генрихом должно связать нечто гораздо большее, чем просто цинично заключенная сделка. Не так ли?

– Да, – коротко кивнула королева. – Но стоит ли сейчас говорить о том, что зависит только от тебя и, следовательно, может произойти лишь в случае твоего свободного волеизъявления, а не под давлением аргументов и убеждений?

– Не понимаю! – Я недоуменно распахнула глаза. – Ничегошеньки не понимаю!

– Поймешь со временем, – с нажимом произнесла бабушка, беря мою руку и вкладывая ее в горячие пальцы барона, сразу же жадно сомкнувшиеся вокруг моего запястья и уже не желающие разжиматься. – Уж ты поверь мне на слово, девочка!

– Ладно. – Я философски пожала плечами и повернулась к Генриху. – Любить тебя я не обещаю, однако...

Он не дал мне договорить, накрывая мои губы своим требовательно приоткрытым ртом... Наблюдающая за нами королева Смерть удовлетворенно улыбнулась.

Мы с бароном шли к выходу из усыпальницы богов, намереваясь вернуться домой – в Силь.

– Подожди, принцесса! – остановил меня мелодичный окрик богини Аолы. Ее зеленые глаза смотрели испытующе. – Не забывай, о чем говорил Логрус.

– И о чем же? – растерялась я, напрягая память.

– О мире, – заботливо подсказала Дарующая жизнь. – Он сказал (к моему безмерному удивлению, она дословно процитировала изречение демиурга): измени этот мир, сделай его таким, чтобы дорогие для тебя существа вновь захотели вкусить все прелести земной жизни... Научи этот жестокий мир чему-то новому, хорошему...

– Что еще я могу дать этому миру? – пессимистично спросила я. Мой голос звучал глухо и совершенно бесцветно. – Боюсь, я исчерпала себя до дна. У меня уже ничего не осталось...

– Неправда, – твердо возразила Аола. – Любовь не имеет границ!

Я недоверчиво хмыкнула и отрешенно побрела вслед за Генрихом. Мною овладело тупое безразличие ко всему на свете, смешанное с давно накопившейся усталостью. О, я уже не хотела ничего иного, как только выбраться из этих холодных пещер, упасть в густую, прогретую летним солнцем траву и погрузиться в освежающий сон. Вкусить забытья, не несущего никаких угрызений совести, болезненных сновидений и дающего возможность проснуться на следующее утро – обновленной и успокоившейся. Проснуться для того, чтобы начать другую жизнь, в которой уж не найдется места мечтам о нем – о моем нереальном, горьком, краденом счастье! В эту минуту я окончательно смирилась с невозможностью изменить прошлое и намеревалась жить только будущим...

– Я помогу тебе, принцесса! – неожиданно произнесла богиня, обращаясь к моей удаляющейся спине. – Просто верь в себя, как раньше!

Я хмыкнула еще скептичнее...

– Я помогу! – Обещание Аолы звенело и пело, все-таки сумев заронить махонькое зерно надежды в мое дотла выжженное сердце. – Я помогу...

Обратный путь показался мне бесконечным. Но с горем пополам мы все же преодолели разгромленную котловину, заваленную еще чадившими обломками звездолета демиургов, и вывалились наружу через лаз подземного хода. Де Грей подпихивал меня настолько усердно, что я чуть ли не кубарем скатилась по полого уходящему вниз склону холма и уселась под кустом бузины, с молчаливым укором пытаюсь пригладить усеянную репьями макушку. Генрих выбрался из недр Черной горы куда легче, критично оглядывая мой грязный подбородок, украшенный внушительной ссадиной, порванную рубашку и замызганные сапоги.

– Садист, – индифферентно заклемила я его, но это прозвучало совсем не обидно, – да я же чуть шею себе не свернула.

– Настоящий мужчина обязательно пропустит женщину вперед, чтобы осмотреть ее сзади! – шутливо извинился сильф.

– Ну да, – язвительно поддела я, – особенно в пещеру с неприятностями...

– Не утрируй, – примирительно осклабился Генрих, утешительно поглаживая меня по репьям, венчающим мою прическу, – в пещеру-то я лез первым...

Я одарила его хмурым взглядом и промолчала. Какая сейчас разница – кто из нас прав...

Над Черными горами сгущалась ночная тьма. Радуюсь, что наконец-то получила возможность выполнить свое скромное желание, я повалилась на мягкую траву, не ощущая ни рук, ни ног, но зато чувствуя бездонную пустоту, заполнившую мою душу и сердце. Генрих вел себя безупречно. Он набрал сухих веток и развел небольшой костер, а затем распаковал наши походные сумки и занялся приготовлением непритязательного ужина. Странно, но, проглотив пару кусочков подогретого над огнем вяленого мяса и запив их вином из фляжки, я поняла: сегодня я уже точно не умру...

Генрих бережно провел пальцем по моей золотой маске и печально вздохнул, видимо вспомнив, какой красивой я была еще несколько часов назад...

– Противно? – Моя циничная откровенность могла шокировать кого угодно.

Он вздрогнул, но отнюдь не из неприязни, а скорее от возмущения, и, словно протестуя, уткнулся носом в мои волосы:

– Ну-у-у, ты как скажешь...

– А что? – решила я морально добавить. – Я даже представлять не хочу, что брякнут Огвур и Ланс, обнаружив мое свежее уродство... Марвин и Саймон – те-то, поди, поймут...

– Огвур... Ланс... – Барон пренебрежительно хохотнул. – Тоже мне арбитры. Комики на букву «г»!

Я сдержанно фыркнула, намереваясь оттолкнуть его от себя и в то же время не решаясь потревожить теплых губ, нежно мурлыкающих слова ободрения возле самого моего уха. Вот ведь беда какая! Разве я действительно так сильно его не люблю или же просто пытаюсь убедить в этом саму себя? Мне внезапно стало холодно и одиноко...

Умелые мужские пальцы скользнули вниз, нащупывая пуговицы моей рубашки... А я вдруг закрыла глаза и попыталась хотя бы на краткий миг представить, что Генрих – это Астор...

– Это предательство! – забывшись, произнесла я вслух – и тут же прикусила свой коварный язык, уже не раз доводивший меня до греха, но Генрих меня услышал.

– Опять из тебя эти суфражистские⁷⁵ мысли поперли! – сердито буркнул он и больно куснул меня за мочку уха. – Вредина! Небось все бы отдала – лишь бы на моем месте вдруг очутился он...

– Да! – видимо, сдуру ляпнула я и жгуче покраснела от стыда. – Прости, само вырвалось...

Генрих взбешенно крикнул и без предупреждения резко дернул мой ремень, буквально сдирая надетые на меня брюки. Я так же сильно ударила его по рукам. Приятно, если все заметили, как ты сказала что-то умное, но вдвойне приятнее в том случае, когда никто не заметил, что ты произнесла глупость... Однако, видимо, на Генриха это правило не распространялось, или же данная ситуация оказалась крайне неподходящей для доверительных бесед. Впрочем, самоощущение мужчин и женщин всегда отличается как небо от земли. А мечтать о понимании со стороны мужчины... В общем, мечтать не вредно...

Несколько минут мы молча боролись, остервенело испытывая прочность моих злополучных штанов... В тот момент мне очень хотелось объяснить Генриху, что внешнее проявление телесной любви не имеет ничего общего с ее духовной сутью, но разве он стал бы меня слушать? А потом перед моим внутренним взором неожиданно промелькнула донельзя хитрая физиономии интригана Логруса, вздыхающего весьма сокрушенно и почему-то чрезвычайно недовольного проявленным мной упрямством. Чего хотела от меня судьба на этот раз? Этого я не понимала, но по какой-то причине внезапно прекратила сопротивление и позволила Генриху делать со мной все, что ему заблагорассудится...

Нет, он не повел себя грубо. Увидев, что я сдалась, он стал необычайно нежен и искусен в ласках, проявляя массу неоспоримых достоинств и обладая лишь одним неисправимым недостатком – он все-таки был не Астор...

Небо над нашими головами налилось бархатной чернотой, отблескивая щедрой россыпью алмазных созвездий.

«Боги, какая же красота несусветная пропадает незамеченной!» – восхищенно думала я, любясь звездами и при этом какой-то малой частичкой своей сущности, совершенно отвлеченно, наблюдая за происходящим с моим телом процессом физической близости с мужчиной. Я ощущала лежащего на мне Генриха – прикасалась к его мускулистой спине,

⁷⁵ Суфражизм – борьба за равные права с мужчинами.

вроде бы даже отвечала на его горячие поцелуи и принимала его самозабвенно-исступленные движения. Я слышала его сладострастные стоны, но при этом широко раскрытыми глазами, устремленными мимо черноволосого виска барона, я очарованно взирала на удивительно прекрасное небо, такое близкое для меня сейчас и такое недостижимое... Небо – оно очень похоже на непознанную женскую душу... Жаль только, что мужчины этого не видят...

Наверняка смерть чем-то весьма напоминает дождливое утро, наступившее сразу же после безрадостной брачной ночи... Стыдно, на душе пакостно, но деваться некуда... Пряча друг от друга глаза, словно нашкодившие дети, мы добрались до оставленной в Храме поклажи, где обнаружили также и своих благополучно доедающих овес скакунов. Я достала из притороченной к седлу сумки запасную рубашку и переоделась, снимая вчерашнюю, испачканную травяным соком и сильно пострадавшую от пылкого напора Генриха. Сам барон поглядывал на меня искоса, едва сдерживая так и рвущуюся с губ реплику. Я же невозмутимо уселась верхом на Беса и легонько подтолкнула его пятками, заставляя выдвигаться в путь... Отставший сильф догнал меня лишь минут через пять. Его скулы пошли красными пятнами гнева, глаза метали молнии. Но, натолкнувшись на мой ледяной взгляд, он немного поостыл и уже почти миролюбиво ухватился за уздечку моего скакуна, вынуждая остановиться.

– Чего тебе нужно? – спокойно спросила я, не выказывая ни малейшего возмущения в отличие от моего сердито фыркающего жеребца, недовольного незапланированной задержкой.

– Послушай, Ульрика, так поступать нельзя... – сипло процедил Генрих, наступая на горло своей гордости.

– Нельзя, – делано кротко согласилась я. – Это было насилием...

– Я так не хочу! – в добавление к уже сказанному, заявил он. – Мне так не нравится – никакого удовольствия в этом нет....

Я криво усмехнулась:

– Точно, я тоже вчера так не хотела...

Поняв, что ему меня не окоротить, Генрих бессильно стиснул кулаки, тяжело ворочая желваками. Заметив этот пораженческий жест, я опять пробилась на незапланированную жалость. Причем совершенно некстати.

– Пусти. – Я легонько шлепнула коня между ушами, и он тараном попер вперед, грудью напирая на рыжую Песню. Кобыла попятилась.

– Совсем? – испугался Генрих, поняв меня по-своему.

Я снисходительно улыбнулась:

– Дома дети ждут. Голодные...

Мужские глаза осветились робким светом упования на благополучный исход:

– Мы едем в Силь?

– Я – в Силь, – едва удержалась я от смеха – настолько беспомощным и ранимым он сейчас выглядел. – Ты – куда захочешь. Можешь отправиться со мной...

– Ульрика, я тебя люблю! – признался он, едущий на шаг позади и прожигающий мою спину пронзительным неотрывным взглядом. – Если бы я умел писать стихи, то я посвятил бы их тебе! – через силу выдавливал он, и эта откровенность давалась ему ой как нелегко. – Я не наделен талантом художника и поэтому не смогу нарисовать с тебя картину... Но у меня есть сердце, ум, рука – и я предлагаю их тебе...

– Как и прочий благородный ливер! – грубовато сострила я. – И что прикажешь с ними делать?

– Любить! – настаивал Генрих.

Я неопределенно хмыкнула...

– Это обозначает «да»? – с надеждой спросил он.

«Ну уж фигушки, – с некоторой долей злорадства подумала я. – Я тебе помогать не

намереваюсь – в своих проблемах разбирайся сам. Ты сам взвалил на себя эту ношу, и я не собираюсь ее облегчать. Возможно, именно это чувство сумеет перековать твою душу и сделает тебя немного добрее...» Но вслух я сказала совсем другое:

– Это значит, что я честно собираюсь выполнить свою часть сделки...

Я думала, что этим он и удовольствуется, но Генрих не отставал. Он галопом обогнал моего коня и попытал удачу еще раз.

– Хм... – Барон пытался не скатиться в пошлость. – После... хм... того, что произошло между нами этой ночью, мы обязаны как-то официально скрепить наши отношения...

– Согласна, – ехидно хмыкнула я, протягивая ему раскрытую ладонь, – давай пять!

Лицо Генриха исказила гримаса негодования.

– Ты надо мной издеваешься! – по слогам отчеканил он. – Зачем?

– Не издеваюсь, – честно ответила я. – Просто однажды ты поймешь: наша любовь ничем нам не обязана, зато мы обязаны ей слишком многим. И лишь та женщина, которая добровольно разделит с тобой ношу любви, приняв на себя ровно ее половину, сможет сделать тебя по-настоящему счастливым. А я и так уже несу слишком тяжелый груз, и он возложен на меня не тобой...

– Я понимаю! – пылко воскликнул барон. – Но позволь мне хотя бы попытаться!

Я равнодушно пожала плечами, словно говоря: я обещала тебе полгода – они твои. Пытайся на здоровье, но только потом не жалуйся, будто я тебя не предупреждала!

Как ни хорош, как ни прекрасен оказался город Силь, ему не было суждено стать моим настоящим домом. Он притягивал заманчивой прелестью дорогой игрушки, покрытой сусальной позолотой, но меня так и не смогли увлечь его беломраморные дворцы, фонтаны с золотыми рыбками и увитые цветами беседки. Опустошенное сердце скучало по совсем иному краю, некогда разделившему боль моей растоптанной души и впитавшему капли моей крови, пролитой во имя будущего и проросшей первыми ростками молодой травы на его древних мостовых. Я мучительно скучала по Геферту... Он властно манил и призывал меня к себе, нашептывая: «Не забывай, Ульрика, мы созданы друг для друга, и, лишь воссоединившись снова, мы обязательно обретем утраченное, украденное у нас спокойствие». Я знала: волшебные земли, некогда оклеветанные и ошибочно названные Краем Тьмы, предназначены мне самой судьбой и ждут только меня. И поэтому мне следовало как можно скорее вернуться в Геферт...

Я так и не смогла прижиться в Силе. Он будил в моем сердце какой-то смутный протест, вызванный его помпезностью и излишней, немного ненатуральной нарядностью. Он раздражал меня точно так же, как и его самолюбивый повелитель.

Проблемы начались сразу же после нашего возвращения из Черных гор. Малышка Мириам простудилась и кашляла, у Люция сопли висели до подбородка, и подумать только – все это приключилось в самый разгар жаркого летнего сезона! Я насмешливо оглядела обоих бестолково мечущихся вокруг детей архимагов, к месту припомнив, что Марвин даже с собственным гайморитом толком справиться не сумел.

– Если даже у семи нянек дитя без глаз осталось, – ехидно цитировала я всем известную поговорку, – то какого уж догляду остается ожидать от трех?

Высоченный Кса-Бун виновато покраснел, оба мага смутились. Я расхохоталась, забрала у канагерийца своих ненаглядных крошек и унесла малышей к себе в спальню – промывать их миниатюрные носишки соляным раствором (этому действенному способу меня научили мудрые тролли) и закапывать в них грудное молоко. Рева и шума получилось много, но зато и результат оказался блестящим.

Я едва успела выгнать из комнаты Генриха, только и думающего о любовных утех, как через минуту в двери постучались Огвур с Лансом, регулярно надоедавшие мне кляузами на бесконечные конфликты с местным полуэльфийским-полудемоническим гарнизоном, абсолютно одуревшим от скуки, а посему готовым высасывать развлечения буквально из пальца.

– Рыжая, а меня мальчишки опять нехорошими словами обзывают! – картинно канючил нежный полуэльф, пышно разодетый в серебристую парчу.

– Сволочи высокомерные! – поддержал милого дружка орк, экипированный словно на войну. – Поубивал бы гадов, да жаль – Генрих не разрешает.

– Ну так и ты их обзови, – необдуманно посоветовала я Лансу.

– Не могу, – еще сильнее закручинился томный полукровка, негодуя закатывая подкрашенные глаза. – Они такие хорошенькие!

«Куда бы мне убрать из Силя эту скандальную парочку?» – мысленно прикидывала я, и воспоминания о Геферте всплыли в моей памяти с еще большей четкостью...

– Госпожа Мелеана! – В мою спальню без стука вломился чем-то до полусмерти перепуганный слуга, вопиюще нарушая строгие правила придворного этикета. – Там, во дворе, эти твари... Они хотят видеть вас!

Ничего толком не поняв из запутанных объяснений заикающегося парня, я распахнула окно и высунулась в него по пояс, рискуя свалиться со второго этажа. На засаженной маргаритками лужайке расположились два огромных дракона, с любопытством рассматривающие столпившуюся возле них толпу зевак.

– Вы ко мне пожаловали, господа? – вежливо обратилась я к летунам.

Драконы дружно раскрыли пасти, приветствуя меня вспышками пламени. Народ восхищенно зааплодировал.

– Мы пришли за тобой, Пробудившая драконов! – галантно встопорщил гребень черный гигант.

– Нас прислала царица! – добавил второй, коричневый дракон.

«А я-то все думала – и куда это пропала наша Ларра? – хмыкнула я. – Кажется, меня ожидает еще одна загадка!»

– Мы доставим к ней вас и ваших друзей! – любезно предложил черный. – Летим, время не ждет.

Сдав детей под бдительный надзор чернокожего воина и занимая место на драконьей спине, я ощутила необъяснимый прилив радостного предчувствия, наверно вызванный безотчетным упованием на обещание Аолы. Жизнь состоит из непрерывного чередования черных и белых полос, даже самая широкая из которых когда-нибудь да заканчивается. И сейчас мне очень захотелось верить в то, что долгая череда моих неудач наконец-то миновала, навсегда оставшись в прошлом.

Драконы приземлились на ту самую площадку, которую мы с Эткином некогда приспособили для своих пикников и где провели немало приятных минут. Вспомнив покинувшего нас друга, мы разом поскуцнели, а Ланс – так и вовсе подозрительно зашмыгал носом, отворачиваясь и украдкой вытирая повлажневшие веки. Наши любезные провожатые наотрез отказались последовать за нами в пещеру, но их помощь и не требовалась – я отлично помнила дорогу и могла даже с закрытыми глазами отыскать уютное драконье убежище, в течение нескольких зимних месяцев успешно заменявшее мне дом. Вспомнив нежную опеку друга и его забавные ужимки, я помрачнела, мысленно кляня привередливую судьбу, обладающую слишком пристрастной разборчивостью в отношении своих жертв, а потому в первую очередь забирающую самых достойных. Однажды мне довелось прочесть весьма умную фразу, гласившую: лучшие – умирают молодыми. И в этих словах крылась горькая правда – ведь наиболее храбрые и дерзкие из нас не имеют возможности дожить до преклонного возраста, еще в расцвете лет сложив свои буйные головы в какой-нибудь очередной битве со злом. Все самое прекрасное, что только существует на земле: любовь, удача, мирное небо, улыбка ребенка, избушка на лесной полянке, вызревающий в поле хлеб, – все это оплачено неисчислимыми жизнями известных, а подчас – оставшихся безымянными героев, отлично понимавших, за что и во имя чего стоит умирать. И так же, как они, я верила – не бывает напрасных смертей, а любая безвозмездно отданная жизнь в итоге все равно принесет в мир добро и окупится сторицей. Я верила в людей. А иначе –

зачем еще стоит жить?

У входа в пещеру нас встретила белая драконица Ларра. Увидев меня, она радостно всплеснула крыльями, склонила гибкую шею и прижалась к моему плечу прохладной чешуйчатой щекой. Ее красивые глаза светились от волнения и предвкушения чего-то необычного, невольно заряжая меня особым блаженным предчувствием – счастье совсем рядом, стоит только протянуть руку и прикоснуться, стоит лишь впустить его в свое сердце и поверить в...

– Ульрика, скажи честно, ты веришь в чудеса? – проникновенно спросила драконья царица, правильно расшифровав выражение моего лица и угадав мысли.

Я ненадолго задумалась. А верила ли я в чудеса на самом деле? С одной стороны, многое из случившегося со мной другим словом и не назовешь, а с другой – самого желанного чуда в моей жизни так и не состоялось. И все-таки...

– Верю! – убежденно произнесла я. – Я верую в торжество добра и наше светлое будущее. Верю в надежную руку друга и в прозрение врагов, еще имеющих шанс встать на путь исправления. А также верю в то, что все наши потери и беды были не напрасны.

Ларра одобительно улыбнулась, безоговорочно соглашаясь с моими словами:

– Тогда я твердо убеждена, что ожидаемое нами чудо – произойдет! Мы это заслужили, – указала она лапой на пещеру, словно приглашая нас войти внутрь, – а он – тем более...

Не смея послушаться своего трепетно замершего сердца, но желая немедленно получить исчерпывающий ответ на все терзающие нас невысказанные вопросы, мы шагнули в убежище последнего дракона, оставшись без коего мир утратил слишком многое, привнесшее в его грубые дни едва уловимое очарование волшебной сказки. В углу огромной пещеры тускло отсвечивала громадная куча золота, поднимающаяся до потолка и завешанная мне Эткином. Но отнюдь не она стала наиболее ценным кладом, упрятанным в недрах Гномьих гор. А увидев то единственное, настоящее сокровище, которое и оберегала Ларра, я потрясенно вскрикнула и чуть не расплакалась...

Это было драконье яйцо, удобно угнездившееся на устилающем пол песке, покрытое золотистой скорлупой и по величине не уступающее моему росту. Идеально овальное по форме, оно светилось теплым звездным светом, казалось исходящим от его содержимого, и иногда – слегка покачивалось. Я пораженно повернулась к Ларре:

– Но как? Одна лишь ночь...

Драконица смешливо фыркнула:

– И это говоришь ты? – Она лукаво подмигнула. – А разве твой собственный сын не стал также плодом первой ночи любви?

Я благодарно погладила ее по когтю:

– Эткин знал об этом изначально?

– Мы оба это знали, – просто ответила царица, – и очень надеялись на то, что наше дитя окажется именно сыном...

– Почему?

– Потому что высшие драконы устроены таким образом, что сознание и душа погибшего родителя передаются к его наследнику, но лишь в том случае, если их пол совпадет...

– Так, значит, он?.. – обалдевший Ланс ткнул пальцем в сторону яйца, – в курсе всего, что знал и испытал Эткин?

– Да, если новорожденный окажется мальчиком, – подтвердила Ларра.

– Как бы ты хотела его назвать? – спросила я, прикасаясь к гладкой скорлупе. – Мне случалось читать в различных манускриптах, будто цвет яйца всегда напрямую зависит от будущей окраски вылупляющегося из нее дракона...

– Это верно! – подтвердил умник Марвин.

– Я полагала, ты сама захочешь выбрать для него имя, – словно преподнося мне бесценный подарок, тихонько промолвила царица. – Ведь имя таит в себе частицу нашего

истинного предназначения!

Я вновь притронулась к твердой оболочке, скрывающей еще не пробудившегося к жизни наследника Эткина. Я не сомневалась – судьба подарила ему сына. И внезапно в моей памяти воскресло давнее видение, посетившее меня на горе Ранмир: парящий под облаками золотой дракон, могучий и прекрасный, несущий на своей спине смеющегося мальчугана с развевающимися двухцветными локонами. Теперь я узнала в этом мальчике своего сына Люцифера, а дракон...

– Я назову его Элларом – «Первым среди равных»! – сообщила я выжидательно притихшим друзьям. – Я уверена – он станет следующим повелителем драконов, по справедливости унаследовавшим лучшие качества своего великого отца. Эллар! – Я призывно стукнула по скорлупе и неожиданно ощутила ответный удар, идущий из глубины яйца...

На поверхности скорлупы образовалась темная трещина, потом вторая... Нарастающий стук, доносящийся из недр золотистой оболочки, становился все громче. Яйцо покачнулось и упало набок. Треугольный кусок скорлупы отвалился и отлетел прямо нам под ноги, являя моему взору глаз, возмущенно шутившийся в образовавшееся отверстие. Послышался требовательный писк, явно призывающий на подмогу. Я метнулась к яйцу, обхватила его руками и принялась осторожно отламывать фрагменты скорлупы, помогая маленькому дракончику, стремящемуся поскорее вырваться на свободу...

Наконец пролом в оболочке расширился настолько, что новорожденное существо смогло выбраться наружу, потягиваясь и расправляя свои еще слабые крылышки, но воинственно поднимая гребень, отливающий всеми цветами радуги. Его золотая чешуя пускала ослепительные солнечные зайчики, отражающиеся от стен пещеры.

– Красавец! – восхищенно засюсюкал Ланс.

– Боец! – констатировал Генрих, обратив внимание на клыки и когти дракончика, едва родившегося, но уже и сейчас не уступавшего размером крупному пони.

– И это точно самец! – вынес авторитетный вердикт некромант.

– Сам ты самец! – Голосок у дракончика был тонким, детским, но в нем четко прослушивались хорошо нам всем знакомые склочные интонации. – А я – мужчина!

– Этк... тьфу, Эллар! – позвала я, чувствуя: еще миг – и все, точно разреюсь от счастья.

– Отличное имя ты мне дала, Мелеана! – Дракончик неуверенной походкой подковылял ко мне и уткнулся носом в мои колени, с любопытством тараща ничуть не изменившиеся сапфировые глаза. – Мне оно нравится!

И тогда я не удержалась. Я со всхлипами осела в мягкий песок, обнимая вернувшегося ко мне друга и сбивчиво благодаря всех причастных к сему невероятному событию: судьбу, Смерть, Аолу – всех совершивших подобное чудо.

– Глупая! – насмешливо пожурил Эллар, облизывая мое мокрое от слез лицо своим теплым языком. Он вел себя совсем еще по-детски. – Они тут ни при чем. Это ты звала меня к себе, а я очень хотел вернуться... Гоблины! – Он иронично цыкнул зубиком, автоматически воспроизводя свою излюбленную гримасу. – Какая же это, оказывается, муторная канитель: Обитель затерянных душ, новая реинкарнация...

– Эткин! – вдруг запоздало заорал только сейчас прозревший и бесповоротно уверовавший в реальность всего происходящего Огвур, насмешив нас всех. – Дружище! Так это и в самом деле ты?!

Малыш Эллар важно напыжился, прочно упирая в песок свои маленькие лапки, и в его писклявом голоске уверенно зазвучало ничем не пробиваемое, абсолютно неисправимое драконье нахальство, давно уже ставшее подлинной визитной карточкой нашего крылатого друга:

– Ах, ты еще в этом сомневаешься, орк упертый? – Возродившийся дракон обвел нас ехидным, смеющимся взглядом и выдал финальную фразу в своей обычной манере, окончательно добывая последние сомнения, если таковые еще оставались в чьем-то сознании: – Да я это, я! Ну что, обормоты, не ждали?

Глава 12

Прошло семь лет...

Не вижу смысла врать, утверждая, будто они стали для меня легкими и безоблачными. Проблем хватало, особенно в отношениях с Генрихом, с которым я прожила куда больше тех шести месяцев, что обещала ему согласно заключенной между нами сделке. Барон неоднократно предлагал мне стать его супругой, но я так и не вышла за него замуж, отлично понимая: этот мужчина – не для меня. Правитель Силя был красивым и неглупым, искренне радел о своем народе и пользовался у него заслуженным уважением. Под управлением де Грея сильфы благоденствовали и множились, понемногу возвращая себе былое величие могучей расы. А несчастная любовь, испытываемая их властелином к легендарной Сумасшедшей принцессе, стала новой сказкой нашего времени, придав барону ореол загадочного героя с трагической судьбой. Похоже, Генрих и в самом деле питал ко мне сильнейшую сердечную привязанность, и, возможно, если бы я переступила через свои эмоции и постаралась, то смогла бы стать ему неплохой женой. Но противоречивое несходство наших характеров, проявляющееся практически ежеминутно, полностью убивало в моем сердце желание идти на компромисс с сильфским владыкой. А почти реальный призрак незабвенного Астора, присутствие коего я ощущала постоянно, прочнее стены отделивший мою душу от души барона, по-прежнему являлся мне во сне, целиком и полностью владея моими помыслами и чувствами. Я продолжала страстно, мучительно и безнадежно любить погибшего принца демонов, на веки вечные затмившего для меня всех остальных мужчин.

Устав от ежедневных ссор с Генрихом, происходивших из моего нежелания подчиниться его лидерству и выполнять в доме сугубо женскую роль, я уехала из Силя, реализовав свою давнюю мечту. Я вернулась в Геферт. Избавившись от власти Ледяного бога, Край Тьмы расцвел. Климат тех мест заметно переменялся к лучшему, став намного теплее и мягче. Малоснежная и неморозная зима длилась там всего три месяца – с декабря по март, а лето растягивалось на целых пять, радуя высокими температурами и завидной продолжительностью. Со свойственной мне дерзостью, я официально объявила эти всегда пользовавшиеся дурной славой земли своей законной вотчиной. Я переименовала их в Край Роз – настолько сильно пленилась я дикими бутонами алого шиповника, во множестве произрастающими в окрестностях высокой башни, некогда ассоциировавшейся у людей только с отчаянием и безнадежностью. Марвин с Саймоном применили свое магическое искусство, изменив цвет моей будущей резиденции с темного на светлый, – и вот уже обновленный мраморный шпиль радостно засиял жемчужно-серыми стенами, увенчанными посеребренной черепичной крышей. Замок, отныне зовущийся Башней Надежды, господствовал над всем краем, являясь удивительно величественным зданием, воистину достойным называться королевской обителью. Так я начала строить свой новый мир, свое личное государство.

А ведь я нашла-таки самое подходящее применение для сокровищ Эткина, выделяя всем, желающим поселиться в моих землях, некую подъемную сумму, вполне достаточную для строительства дома и покупки коровы с лошадей. Вскоре в Геферт потянулись люди и эльфы, орки и тролли, выразившие готовность жить под моей защитой, принеся мне клятву вассальной верности. Мы собственными руками дружно возродили столицу моего королевства – прекрасный город Геферт, работая будто проклятые. Не щадя сил, я наравне со всеми копала каналы, таскала камни и лепила кирпичи, заслужив искреннюю симпатию своих подданных. Нам помогали властители соседних стран, выразившие единодушное одобрение моему почину. Из Ширулшэна к нам приехали лучшие эльфийские архитекторы, из Нарроны – направленные моим братом Ульрихом корабельщики, создавшие мой флот. Красногорье прислало нам бесчисленные стада тонкорунных овец, Офир – роскошную мебель, а Урраг с Рохоссом – табуны быстрогоногих скакунов. Большая часть драконов вернулась в

родные оазисы Ундоры, но некоторые из них навечно обосновались в Краю Роз, создав ему славу самого сильного магического государства на Земле. Так мой Геферт стал огромным, многолюдным городом, вызывающим восхищение всех прибывающих в него гостей, неоднократно воспетым в балладах странствующих менестрелей и пилигримов. Я никогда не командовала его жителями, предоставив им возможность самостоятельно налаживать собственную жизнь.

Все они являлись подлинными мастерами своего дела, а посему я не видела никакого смысла в том, чтобы соваться к ним с ненужными дилетантскими указаниями. Ну зачем я стану советовать кузнецу, как ему нужно ковать клинки, или пекарю – как выпекать булочки, если они разумеют в этих премудростях куда поболее моего? Вместо навязывания своей власти я помогала им всем, чем могла: судила возникающие между ними споры, подбадривала, поощряла, изобретая всяческие награды, и учила их справедливости. Я дала им землю с деньгами и сердечно радовалась, видя, как все это используется с умом, приумножается и приносит доход. Умные гефертцы сами выбрали себе бургомистра, а вернее, госпожу бургомистр, предложив сию ответственную должность моей давней знакомой – госпоже Кире, чем я осталась несказанно довольна. Кира прибыла в Геферт одной из первых, вместе с приемной дочерью поселилась в скромном симпатичном домике в центре столицы и проявила себя настолько рачительной и заботливой хозяйкой, что вполне справилась бы с управлением не только одним городом, но и целой страной. Возглавляемый ею городской Совет успешно решал все столичные проблемы, за два года превратив Геферт в крупный центр торговли и культуры, имеющий свою Академию искусств, Высшую магическую школу под управлением магистра Арбиуса и даже театр, прославившийся далеко за пределами Края Роз. И каковым же безмерным оказалось мое счастье, когда гефертцы преподнесли мне зеленое бархатное знамя с вышитым на нем гербом, состоящим из перекрещенных розы и клинка, подчеркнутых звучным девизом: «Все герои немного сумасшедшие!» Отныне я перестала считаться презируемой, изгнанной и отвергнутой принцессой, не имеющей ни родни, ни дома, но называлась теперь добровольно признанной правительницей, любимой своим народом и уважаемой всеми сопредельными королевствами. Так уж сложилось, что постепенно мое имя стало пользоваться непререкаемым авторитетом во всех землях, и я частенько покидала Башню Надежды, на спине одного из драконов вылетая за пределы своего королевства, чтобы рассудить чьи-то споры, помочь в разрешении очередной проблемы или просто с приятельским визитом.

В качестве почетной гостьи я побывала на первом дне рождения первенца принцессы Будур и принца Али-Мангута – маленького хана Шаррукана. Я периодически навещала своего брата и прекрасную Анабель, успевших обзавестись тремя детьми, как и предрекли им щедрые боги. Моя матушка королева Альзира родила сыновей-близнецов, подарив Поющему Острову законного наследника. Не желая возникновения вражды между своими сыновьями, король Мор начал отстраивать вторую эльфийскую столицу, возводя ее на старом наделе эльфов, на горе Старшая сестра, назвав молодой город Ширул-эль-Рах – «Обновленная песня лепестков синей розы». Кстати, Храм Розы тоже вернулся на свое прежнее место – в Хрустальную долину, став объектом непрерывного паломничества всех племен и народов. С помощью драконов я нашла и дезактивировала взрывные устройства, установленные демиургами, а еще – засыпала камнями страшный урановый рудник, устранив источник радиации.

Итак, отныне на Земле воцарился мир. Войны прекратились. Государства открыли границы, развивая торговые и дружеские связи. Дороги стали безопасными. Драчливые кикты помирились с олорулонами, а Марвин излечил всех пострадавших от неумелого волшебства Ланса. Мы все чаще проводили всевозможные праздники и соревнования, предпочитая состязаться не на поле боя, а на театральных подмостках и выступлениях певцов и поэтов, на арене для спортивных единоборств и на ипподромах для конных скачек. И наверно, сами боги благословляли наш мир, посылая ему радостные, ничем не омраченные дни всеобщего благоденствия.

Кстати о богах. Логрус пока так и не появлялся, видимо чрезвычайно занятый постижением своего свежеприобретенного «я». Дарующая жизнь, Смерть и их братья вернулись на Радужный уровень, с головой погрузившись в личную жизнь. Король Грей и Аола наслаждались безоблачным семейным счастьем, Смерть терпеливо дожидалась следующего рождения своего возлюбленного Джаспера, а боги-братья наперебой сватались к различным эльфийским и демоническим князьям, увлекшись выбором невест. Чума, Лепра и Оспа навещали нас довольно часто, каждый раз поднимая в доме невозможную кутерьму и суматоху. Благодаря лекарскому искусству отзывчивого некроманта тетушка Чума избавилась от бесплодия и подарила своему супругу, архидемону Азуру, прелестную дочку – красавицу Аду. Да Марвин и сам уже стал отцом, безмерно гордясь сынишкой Дюраном, прирожденным магом, сорванцом и выдумщиком. Кроме того, Радуга с Туманом тоже изредка посещали наши края, привязавшись к моей малышне и рассказывая им занятные истории о неведомых странах.

А мой дом и в самом деле наполнился детьми, потому что кроме Люцифера и Мириам, ставшей его невестой, с нами жила дочка погибшего Маллера Справедливого, Нина де Вакс, которую я нашла и удочерила. Люций почти не разлучался с Элларом, стремительно подраставшим и проявлявшим отнюдь не детскую рассудительность. Детей опекали нянюшка Мариза и Кса-Бун, назначенный их бессменным телохранителем. Могучий канагерийский воин души не чаял в виснувших на нем малышах, но признавался мне украдкой: единственное, чего он побаивается на этом свете, – это только сухоньких кулачков крикливой старушки, не усматривающей никакой разницы между хулиганом Люцием и мускулистым чернокожим «сыном», способным легко поднять ее одним пальцем. Дядюшка Гийом получил почетную должность хранителя винных подвалов и доживал свои дни в состоянии благодушного умиротворения, не забывая дегустировать продукцию наших виноградников. Отважный Огвур возглавил дворцовый гарнизон, но сильнее всех удивил меня наш прекрасный полукровка, в котором внезапно обнаружился уникальный талант непревзойденного парфюмера.

Капризный красавец Лансанариэль занялся разведением цветов, из коих и изготавливал умопомрачительные духи, пользующиеся безумным спросом у модниц всех королевств. Оказавшись в своей стихии, полуэльф буквально купался во всевозможных созданных им ароматах, с помощью Марвина организовав поточное производство своей продукции, торговля которой приносила нам немалый доход. Прекрасные дамы сходили с ума от творений Ланса, выстраиваясь в очередь за флакончиком благоухающей апельсиновой деревом и туберозой «Зачарованной принцессы» или восторженно ахая над фиалковой гаммой духов «Эльфийская королева». Впрочем, от изысканных дам не отставали и галантные кавалеры, все как один мечтавшие пахнуть пачулями и шафраном «Влюбленного демона». Лансанариэль стал богат и знаменит, уже ни у кого не вызывая насмешки пикантными подробностями своей интимной жизни. Наоборот, теперь великого маэстро парфюмерии окутывала аура оригинальности и сумасбродности – ведь гению прощается все.

Занявшись торговлей, мы начали остро нуждаться во флоте. На дальней оконечности наших земель, омываемых водами теплого Ликерийского моря, имелась небольшая бухта, оказавшаяся удобной природной гаванью. Получив корабли, созданные на лучших верфях Нарроны, я призвала ликерийских пиратов бросить свой рискованный промысел и стать моими капитанами. Многие из них откликнулись. На берегу бухты вырос наш второй город, названный мореходами Трент (Богатый) и полностью оправдывающий сие меткое название. Звание адмирала единогласно досталось боцману Мамуке, остепенившемуся и сочетавшемуся законным браком с хорошенькой купеческой дочкой. Недавно у них родился сын, названный Маллером. Теперь горделивая красавица «Маргота» возглавляет целую флотилию кораблей. Среди них особо выделяются «Сокол» отважного капитана Алимаса, «Скат» под управлением лихого Торвена, «Танцовщица» степенного офицера Изидора и «Морская фея» строптивого Максуда – счастливого отца трех прелестных девочек, которые часто гостят у меня в замке и являются подружками Мириам с Ниной. Все прославленные

капитаны кардинально изменили свое предвзятое мнение относительно женского пола и удачно женились по любви. Для управления Трентом разудалое береговое братство выдвинуло на мое утверждение кандидатуру некоего Бертрама Корваля, претендующего на должность городского главы, или, по-пиратскому, «сухопутного капитана». Отставной моряк Корваль выказал себя человеком в высшей степени умным и честным, произведя на меня благоприятное впечатление. Под его мудрой опекой Трент стал настоящей приморской жемчужиной, внося в наше размеренное существование приятную толику морской романтики, овеянной легким бризом и пропитанной запахом соленой воды. А недавно я узнала, что капитан Бертрам усыновил новорожденного ребенка, подкинутого на порог его дома, чем укрепил славу своего уважаемого имени – ведь неподдельно добросердечный человек умеет проявлять доброту во всем.

Но все-таки самой главной моей проблемой оставался Генрих. Влюбленный барон не давал мне проходу, продолжая регулярно наведываться в Край Роз и надоедать своей пылкой страстью. Я слишком долго уступала его настойчивости, впуская ненасытного сильфа на свое ложе, но категорически отказываясь впустить его в свое сердце. Наконец мое терпение истощилось – и я высказала де Грею все, посоветовав обратить свое внимание на какую-нибудь более сговорчивую девицу из благородного семейства и не тратить времени попусту, гоняясь за химерой несостоявшейся любви. Генрих возмутился и протестовал несколько дней, но потом все же признал мою правоту, пообещал, что отныне мы будем просто друзьями, и зафрахтовал в порту Трента трехпалубный галеон «Наяда», отплывающий на Поющий Остров. Правитель Силя гостил у моих родителей несколько недель, где и повстречал среди придворных дам королевы Альзиры юную Орфию, красавицу самых благородных кровей, столь же умную, сколь и привлекательную. Забегая вперед, скажу – ныне сия очаровательная эльфийка зовется правительницей Силя и законной женой Генриха, безупречно справляясь со своими многочисленными обязанностями. Де Грей обрел свое долгожданное счастье, научившись ценить и понимать силу искренней, бескорыстной любви.

И вроде я могла бы поставить на этом событии жирную, заключительную точку в истории своих непростых отношений с сильфским повелителем, если бы уже после нашего окончательного разрыва в ней не образовалось одно существенное и весьма судьбоносное НО. Генрих готовился к свадьбе с Орфией, когда я, закрутившаяся в делах и обращающая непростительно мало внимания на свое здоровье, вдруг проанализировала неожиданно ухудшившееся самочувствие и пришла к очевидному выводу – у меня будет ребенок. Ребенок от Генриха! Клянусь, ни он, ни я не ожидали подобного поворота судьбы. Испытывая противоречивые чувства, я намеренно скрыла от барона сей приятный конфуз и даже, будто ничего не случилось, весело отплясывала на устроенном им празднике. Нет, я отнюдь не собиралась причинять неприятности нашей дорогой Орфии, которую привечала, словно родную сестру, а уж отдавать Генриху моего второго сыночка – не намеревалась и подавно. А все потому, что я слишком хорошо помнила одного премиленького отважного малыша-огонька, помогавшего мне на Радужном уровне. Я полюбила его уже тогда и не променяла бы на все сокровища мира.

Мой младший сын родился на рассвете двадцатого марта, в день весеннего равноденствия, впитав в себя все силы пробуждающейся от зимнего сна природы. Черноволосый и зеленоглазый, он стал тем обещанным подарком удачи, появления коего ждали все – мир, боги, маги. Ликующий Саймонариэль поднял малыша на руки, желая показать обитателям замка, сколь много хорошего несет он в нашу жизнь, став залогом ее нерушимого благополучия.

– Ты пришел к нам сегодня, мальчик, в праздник Эостре – светлый день торжества добра и справедливости. Ты – воплощение всего лучшего, что только существует на Земле. Как ты назовешь его, Ульрика?

– Артуром – Рыцарем Света! – звонко ответила я, и кроха весело засмеялся, соглашаясь

со столь обременительной ношей, с рождения возлагаемой на его плечи.

– Да будет так! – довольно провозгласил архимаг. – Сбылось великое пророчество! Теперь Тьма и Свет никогда уже не выступят один против другого, ибо они являются братьями, обязанными любить и почитать свои кровные узы превыше всего в жизни. Да будет так!

«Эх, мудрый компьютер «Чаши жизни», – со светлой грустью подумала я, – и как это ты так промахнулся, не разглядев этого второго, наиболее приемлемого способа уравнять Добро со Злом? А ведь он напрашивался сам собой! Теперь я понимаю, чего добивался Логрус, так настойчиво подталкивая меня к Генриху, и на что намекала бабушка Смерть. Тьма и Свет стали братьями – залогом будущего непоколебимого мира в нашем мире...»

Вот так сбылось самое главное пророчество, исполнение которого зависело лишь от меня. Кольцо равновесия между Добром и Злом замкнулось, став устойчивым и нерушимым. Теперь уже – навеки!

После полудня летнее солнце раскалялось совершенно невыносимо... Я отдала уснувшего Артура нянюшке Маризе и ушла в оружейную залу, пытаюсь спрятаться от прямых, слепящих лучей, бьющих в распахнутые настежь окна Башни Надежды. С расположенного за замком луга до меня долетал беззаботный ребячий смех и плеск воды. Это наша малышня барахталась в протекающем поблизости ручье, пребывая в полной безопасности под неусыпным надзором бдительного Кса-Буна, которому были нипочем и жара, и негодующие вопли требовательной Маризы. Золотой дракон Эллар растянулся в высокой траве, вывалив из пасти длинный язык и что-то недовольно бурча. Он ждал наступления прохладных сумерек, когда они с Люцием, словно выполняя обязательный ежедневный ритуал, поднимутся в синеющее вечернее небо и полетят над Краем Роз, радостно окликая всех его жителей и желая им спокойной ночи. А все встреченные ими люди, орки, эльфы и тролли в ответ приветливо поднимут руку и поймут – еще один прожитый нами день прошел не зря. Ибо если в небе спокойно летает ребенок, сумевший оседлать мудрого дракона, значит, на Земле царят согласие и покой!

Оружейная зала встретила меня прохладой темных бархатных портьер и дремлющим на стойках оружием, отдыхающим от миновавших битв. Я участливо прикоснулась к висевшему на стене и изнывающему от безделья Нурилоу, как верной подруге, шаловливо подмигнула даге Алатора, бережно поправила наследие Люция – меч его отца, носящий имя Полумгла. Я верила: души ушедших из этой жизни врагов и друзей навсегда остаются с нами, поселившись в глубине благородной стали, а также прочно угнездившись в нашей памяти и наших сердцах. Груз любви тяжел и ко многому нас обязывает. Но разве можно отказаться от прошлого?

А мое настоящее – стоило ли мне пенять на него? Нет, положив руку на сердце, я признавала: я вполне довольна своими поступками, мне не приходится их стыдиться, а созданный мною мир наполнен счастьем так же буйно, как сегодняшний день – заливающими его золотыми солнечными лучами. Мир напоен теплом, потому что это мы сделали его таким!

И вроде бы все у меня хорошо! Я занимаюсь домом и воспитанием детей. Я даже научилась носить эти неудобные гоблиновы платья и начала демонстрировать изысканные манеры, полагающиеся всеми чтимой владычице. Я повзрослела и остепенилась.

Дети... Их успехи радовали меня безмерно. Цветущие ярким румянцем щеки малыша Артура... Очарованный сыночком Генрих долго уговаривал меня отдать ему мальчика на воспитание, но я не согласилась. Полагаю, милая Орфия вскорости родит ему десяток детей, а Артур принадлежит мне, и только мне одной. Дочка умершей Лилуиллы принцесса Мириам становится краше с каждым днем, обещая через пару лет затмить своей прелестью даже богиню Аолу. Люций давно и трепетно влюблен в свою нареченную невесту, отвечающую ему полной взаимностью. Годков этак через десять из них получится отличная пара – Тьма и Красота, соединенные чистой любовью и взаимным доверием. А сам Люцифер

– какой он? Не по возрасту высокий и умный, так поразительно напоминающий своего погибшего отца, что, глядя на сына, я часто не могу сдержать нервного биения рвущегося из груди сердца. Широкие плечи, безупречно правильные черты лица, приятного немного отстраненной, холодной, воистину демонической красотой. Недаром он произвел столь царственное впечатление на делегацию старейшин, прибывших ко мне с Нижнего уровня. Посольство возглавлял лорд Рахсагор Верный, напомнивший мне об обещании, некогда данном мне его народу: вдова принца Астора должна стать королевой демонов! Но я лишь отрицательно покачала головой и вывела вперед Люция...

– Мой принц! – Лорд, заливаясь слезами умиления, преданно облобызал пальцы юного повелителя. – Тот же облик, та же стать, те же повадки...

– Встаньте, лорд регент! – Благозвучный голос Люция торжественно раскатился под сводами тронного зала. – Негоже столь славному воину стоять на коленях перед кем бы то ни было! – Он обнял Рахсагора за плечи и насильно поднял с колен.

По рядам послов пробежал шепот восхищения, вызванный мудростью и благородством юного принца.

– Прошу вас, будьте моим учителем! – Люций в свою очередь низко поклонился обомлевшему лорду. – Я хочу стать справедливым правителем, достойным славы моего великого отца!

Ну что тут скажешь? Всегда сдержанный генерал демонов плакал, будто дитя, благословляя богоданного воспитанника. Отныне демоны перестали называться врагами Верхнего мира, навечно став нашими друзьями и союзниками.

Самые сильные маги, включая Марвина и Саймона, улучшали климат Нижнего уровня, превращая в волшебные сады его некогда сумрачные долины, засаживая его степи тенистыми лесами, создавая в его пустынях полноводные реки и говорливые ручьи. А тем временем будущий наследник демонических земель учился фехтованию, математике, истории, философии и магии, проявляя во всех этих премудростях недюжинные способности и обещая вскоре намного превзойти своего погибшего отца. Но в моем мятежном сердце, переполненном гордостью за сына, все равно жило и не желало умирать неумолкающее волнение, вызванное короткими строками, вычеканенными на лезвии Полумглы. Словами, обещающими неминуемое соединение отца и сына, коим надлежало пойти по жизни одной, общей для них дорогой...

Но свершится ли когда-нибудь предначертанное? Увидятся ли они?

Этого я не ведала...

Если вдуматься, то на деле счастье оказывается чрезвычайно простой штукой, доступной каждому из нас. Мы зачастую полжизни гонимся за чем-нибудь несущественным, возводя эту мелочь в ранг глобального смысла бытия, а заполучив желаемое, понимаем, что не стали счастливее ни на йоту. Сейчас, мысленным взором окидывая дни и часы, проведенные в кругу семьи и друзей, я осознала, что обрела счастье уже давно, просто не хотела этого понимать, ожидая чего-то волшебного, сражающего наповал. А ведь тихое домашнее счастье зримо присутствовало в каждой капле молока от наших коров, в каждом ломте сыра, в куске купленного в Геферте шелка и утренних трелях малиновок под окном моей спальни. Счастье – оно рядом, просто нам нужно научиться принимать его тихие ненавязчивые проявления, открываясь навстречу радости и любви. И учить, терпеливо учить этому других.

Несколько дней назад, уже под вечер, я взяла в руки бисерную вышивку, в которой пока так и не преуспела, и спустилась в садовую беседку, вознамерившись поприсутствовать на очередном уроке своих детей. Замученный заботами Марвин важно восседал за столом, склонившись над толстой книгой, а его окружила любознательная ребятня, затаив дыхание следившая за перипетиями увлекательной сказки. Я скромно опустила в самое дальнее кресло и сделала вид, будто занята только рукоделием. Но моего показного смирения хватило ненадолго.

– Скакал орк-княжич три дня и три ночи... – хорошо поставленным баритоном читал Марвин, выразительно шевеля бровями и нагнетая атмосферу загадочности.

– Ага, пока у него скакалку не отобрали... – ироническим шепотом прокомментировала я, подмигивая Люцию.

Мальчик тут же прикусил губу, сдерживая смех, а Мириам шаловливо фыркнула, вежливо прикрываясь носовым платком. Некромант одарил меня недовольным взглядом, перелистнул страницу и продолжил чтение:

– А Василиса-царевна вышла во двор, три раза вокруг себя повернулась да и упала наземь...

– Эпилепсия – очень неприятное заболевание! – брякнула я, утыкаясь носом в запутанный клубок из ниток и бисерных бусин, который скорее напоминал какое-то жуткое безобразие, чем потенциальное произведение искусства. М-да, с мечами-то у меня куда как ловчее получается...

Мириам и Нина открыто хихикали на два голоса. Марвин сердито захлопнул книгу, украдкой показал мне кулак и обратился к развеселившимся ученикам:

– Ну и что вы поняли из сказки про молодильные яблоки?

– А они и в самом деле существуют, эти яблоки? – подозрительно спросил сидящий чуть поодаль Кса-Бун.

– Ну – задумался некромант, дергая себя за рукав мантии, – а почему бы и нет? Приносила же Мелеана с Радужного уровня живую и мертвую воду...

– Мама, – требовательно протянул Люций, – а молодильные яблоки ты там видела?

Я проказливо ухмыльнулась:

– Ну насчет яблок врать не стану, а вот молодильных слив у нас в саду полным-полно, особенно когда они еще незрелые. Вон вчера дядька Гийом ими злоупотребил, так потом рассказывал горничным на кухне, что, пожалуй, уже лет двадцать так шустро в уборную не бегал и что, мол, сливы эти бодрят почище любого патентованного некромантского зелья...

Дети хохотали до икотки. Опершись на рукоятку своего неразлучного топора, басовито хрюкал дюжий канагериец, кулаком утирая слезящиеся от смеха глаза. Оскорбленный в лучших чувствах Марвин, особенно обиженный на мои выпады в адрес его снадобий, побелел от гнева, но тем не менее выражался безупречно тактично:

– О, наша мудрая повелительница, – определение «мудрая» в его исполнении прозвучало донельзя язвительно, – а не пойти ли вам куда подальше... например, на мечях поупражняться? А то ведь вы вразумляющих слов не понимаете, будто родом из какой-то иноязычной страны происходите...

– Ты хотел сказать – из наглоязычной? – усмехнулась я. – Дети, а ну – кто со мной в мяч играть хочет? – И я увела с собой всю компанию, к которой пару минут спустя присоединился и сам некромант, никогда не страдавший злопамятностью.

Мы дружно прорезвились на лугу весь вечер, вплоть до наступления темноты, увлеченные нехитрой игрой, – и в этом тоже заключалась частичка простого, доступного всем счастья...

А сейчас я сидела на полу в оружейной зале, листала пожелтевшие от старости страницы Хроник Бальдура и попутно подробно анализировала прошлое, прислушиваясь к своему внутреннему голосу. Прошлое – как тесно переплетается оно с настоящим, как сильно влияет на будущее! Кажется, я поняла это только сейчас, беспристрастно оценив деяния дней ушедших и вспомнив все. Я нашла допущенную мною ошибку, ставшую для нас роковой. Именно она, а отнюдь не волшебство Саймонариэля, во всем мне сознавшегося, воспрепятствовала возвращению Астора, так и не сумевшего прорваться в мир живых. И эта ошибка лежала целиком на моей совести. Любовь не терпит эгоизма. Любовь невозможно использовать в каких-либо корыстных целях, преследуя личную выгоду. Любовь все равно почувствует присутствующую в нас фальшь и не простит низменного обмана. Я любила Астора не ради него самого, а лишь ради себя, предвкушая, какое неземное счастье доставит

он мне своим возвращением, и ничуть не заботясь о том, какое счастье я способна подарить ему взамен. Пророк Логрин оказался прав – нужно творить добро не ради личной выгоды, а ради самого добра. Счастье пугливо и хрупко, его невозможно вымолить или украсть, его можно лишь создать, причем только своими руками и делами. Я оказалась недостойной возвращения Астора, но заслуживала ли я его теперь, изменившись сама и изменив окружающий меня мир? Возможно, любовь и правда не поддается реанимации, но почему же тогда день за днем я взываю к ней снова и снова, призывая воротиться в мое сердце уже не ради меня самой, а хотя бы ради него – мужчины, скитающегося в пустоте небытия? И ведь сейчас я готова заплатить любую цену за то, чтобы душа Астора все-таки обрела свое заслуженное счастье, пусть даже за счет моей разбитой жизни...

Я уже почти забыла, как может звучать новая песня, но сегодня она родилась сама, вобрав в себя всю боль моей истощенной страданием души:

Я знаю, смерть – необратима,
Так отчего пытаюсь вновь
Не проходя спокойно мимо,
Реанимировать любовь?

Любовь по краю смерти бродит,
Но, не страшась беды оков,
Цепочкой за собою водит
Слепых, беспечных дураков.

Вот, плотно к линии обрыва
Расставив обреченных в ряд,
Любовь речет слова призыва...
Слепцы ее благодарят...

И каждый, кто решился с кручи
Шагнуть, поверив в страсти нить,
На миг короткий мрака тучи
Сумел собою осветить.

Сгораем искрами в полете,
Сверкаем ярко – как смогли, —
Ведь нынче, право, не в почете
Те, кто сумел достичь земли.

А тот один, кто тверди грешной
Коснулся – и остался жить,
Ужасной гибелью неспешной
За это должен заплатить.

Душевым болен он терзаньем,
В нем заживо свернется кровь,
Но он, глупец, горит желаньем
Реанимировать любовь...

Мое прошлое стало воистину бесценным даром, принесшим мне десятки полезных уроков. Я много узнала и много испытала, я выполнила данные обещания и извела множество тайн нашего мира, но при этом я все равно не смогла постичь главного – почему на кожаной обложке книги до сих пор не появилось название, когда-то обещанное мне

Единорогом в Храме света? Значило ли это, что мой путь еще не закончен? И почему в Хрониках остался еще один чистый лист – единственный, самый последний... Последняя веха на длинном жизненном пути...

Я смотрела на этот пустой лист, и желание заполнить его становилось невыносимым. Я должна увековечить на нем нечто заповедное и недоступное – то, без чего моя жизнь стала пустой и бессмысленной... Я сняла со стены маленький кинжал и провела по своей ладони его острым кончиком. Несколько капель алой крови вытекли из свежего пореза и упали на чистый лист, складываясь в буквы, образовавшие самое дорогое для меня имя. Имя того, кто так и остался тем нереальным, горьким, краденым счастьем, коего я не смогла обрести, невзирая на все мои победы и поражения. Наивысшим счастьем, по-прежнему недостижимым для меня даже в этот самый миг...

Астор.

Я еще немного полюбовалась затейливо выписанными буквами и решительно захлопнула книгу, строго-настрою запретив себе когда-нибудь впредь ворошить страницы прошлого, понапрасну беспокоя спящих в нем призраков... Я недоверчиво разглядывала обтянутую кожей обложку Хроник, потому что на ней вдруг проступила, появившись откуда-то из пустоты, золотая надпись, выдавленная крупно и уверенно: «Хроники Рыжей». То самое название, некогда придуманное Единорогом... Так неужели все требуемое – свершилось и мой путь подошел к концу?

Я убрала книгу обратно в футляр и радостно вдохнула полной грудью, ощущая появившийся в воздухе новый, сладостный привкус. Наверно, именно так пахнут счастье, свобода и любовь, обретенные ценой нелегких потерь и испытаний. И что-то нежное, незаметно пробудившееся в глубине моей обновленной души, а прямо в сию минуту – распускающееся лепестками полностью созревшего бутона, уверенно подсказывало: семь лет сплошного невезения, напророченные мне разбитыми зеркалами, истекли...

Все в нашем мире, да и в моей жизни тоже, наконец-то вырвалось из плена забвения и неудач, возвращаясь на круги своя!

Ну или почти все...

Эпилог

Это случилось в канун зимнего праздника Йоль⁷⁶, приходящегося на ночь с двадцать первого на двадцать второе декабря. В моей библиотеке хранился некий старинный манускрипт, подробно описывающий религиозные верования древних кельтов. Раса ведунов и воинов, некогда проживавшая на нашей планете, наделяла ночь перед Йолем огромными мистическими свойствами, приписывая ей возможность творить чудеса и выполнять любые, даже самые невероятные желания. Ведь недаром она всегда выдается самой длинной и темной в году, на несколько кратких часов выводя мир из-под власти богов и отдавая его тем, кто сумеет обуздать страшные силы природы, заставив их служить на благо людям – или же во зло им. Ночь таинств и темного, первозданного колдовства плоти, торжествующего над разумом и логикой. Ночь свершений...

Подогнув под себя ноги, я уселась на пушистый ковер перед ярко пылающим камином и с ужасом уставилась на гигантскую грудку подарков, почти подпирающую потолок нашей парадной гостиной. Механические часы со стрелками, пружинным движком и гирьками – новое изобретение неугомонного Марвина, – заменившие привычную клепсидру, показывали ровно десять часов вечера. Ох уж этот экспериментатор-некромант, с его не

⁷⁶ Й о л ь – праздник зимнего равноденствия (аналог Нового года).

знающими предела выдумками! Он обещал приятно удивить детей, показав им завтра волшебный ящик с самодвижущимися картинками... То-то детвора порадует! Вспомнив о малышах, я тяжело, с надрывом вздохнула и нерешительно протянула руку к первому листу яркой оберточной бумаги. Итак, в моем распоряжении имеется целая ночь для того, чтобы успеть упаковать все подарки, надписать на них имена будущих владельцев и разложить аккуратной горкой. И лучше мне на задерживаться, потому что, едва продрав глазенки, все гостящие и проживающие в замке дети (включая девятимесячного, с грехом пополам научившегося ходить Артура) немедленно выскочат из своих спаленок и галопом ломанутся вниз по лестнице, торопясь добраться до вожделенных гостинцев. Так что держись, правительница Края Роз... Я испустила мученический стон, высоко закатала обшитые мехом рукава своего атласного домашнего пеньюара и героически вклинилась в груды кукол, плюшевых собачек, деревянных лошадок, серебряных сабелек и прочих забавных вещичек, столь милых наивным детским сердцам. Хотя подарков для взрослых здесь тоже хватало, потому что многочисленные гости обоего полу и всех возрастов буквально наводнили мой дом, грозя разнести его в щепки от безудержного предпраздничного веселья.

Мои многочисленные друзья и родственники долго отнекивались, получив приглашения отпраздновать этот Йоль у меня, а в итоге – приехали все, приведя в тихий шок замковую прислугу. Нас выручили размеры башни и солидное число предусмотренных в ней спален, нынче заполненных до отказа. Мои родители с детьми и половиной эльфийского дворянства, брат с женой в сопровождении всего семейства и с эскортом из придворных. Кира с дочкой и капитан Корваль. Чума, Лепра, Оспа, Марвин и Саймонариэль, толпа благородных демонов с Азуром и весь городской Совет. Магистр Арбиус с десятком шептунных учеников. Радуга и Туман, пристрастившиеся ради смеха влетать в окна визгливых матушкиных фрейлин. Генрих с женой и капитаны моих кораблей в компании всех без исключения домочадцев... Да, нынче знаменитой Сумасшедшей принцессе и впрямь было отчего сходить с ума, ублажая и развлекая ораву требовательных гостей, ежеминутно придумывавших очередные проказы и забавы. Катания со снеговых гор и конкурс ледяных скульптур, костюмированный бал и штурм крепости, коньки и зимняя рыбалка – я перепробовала все, но вошедшие во вкус гости продолжали неумоимо напрягать мою изрядно выдохшуюся фантазию, соревнуясь в шалостях и озорстве. И вот наступила последняя предпраздничная ночь...

Завтра мы накроем столы прямо во дворе и широко распахнем ворота, встречая прибывающих из Геферта горожан. Уже заготовлены отрезки сукна на камзолы для мужчин, серебряные колечки для женщин и кульки с конфетами для детей. Завтра никто не уйдет из моего дома без подарка и ласкового слова хозяйки, празднующей начало нового года. Завтра я поделюсь с гостями счастьем, наполняющим мой дом, и приму их ответные пожелания, которые пригодятся мне для того, чтобы хоть чем-то помочь всем страждущим и сделать этот мир еще чуточку добрее и светлее. Но все это произойдет завтра, а сегодня...

Я уже украсила камин изящными серебряными снежинками, преподнесенными мне драконами. Они выглядели совсем как настоящие, только не боялись тепла и не таяли от жара сгорающих в огне дров. Я развесила на стенах венки, сплетенные из пахучих еловых веток и обвитые красными лентами. Зеленое и красное – цвета праздника Йоль! И может, совсем не случайно я надела сегодня этот красивый халат, повторяющий в своей расцветке те же самые цвета – красное и зеленое? О нет, я не ждала от судьбы никаких подарков, давно поняв, что дарить – гораздо приятнее, чем получать, но все же – неужели я тоже надеялась на что-то волшебное, уверовав в магическую силу этой ночи? Кто знает...

«Благослови нас, Йоль! – беззвучно молилась я, продолжая заворачивать, увязывать и надписывать потихоньку убывающую гору подарков. – Благослови несчастных и спаси обездоленных. Соедини разлученные сердца и укажи путь бредущим во тьме путникам, ищущим свой дом. Верни нам утерянных любимых и научи проявлять терпение. Напитай своей силой спящую под снегом землю и приведи к нам весну...»

Трещали рассыпающиеся в угли поленья, подсказывая путеводную мелодию, и почти неосознанно я запела, стремясь достучаться до блуждающей во мраке мужской души, что-то ищущей, но не находящей. Лебеди и волки, медведи и соловьи – все они однолюбы, выбирающие свою пару один раз в жизни, а после ее потери тихо умирающие от невыносимости разлуки. Так неужели я оказалась хуже лесного зверья, не удержав и потеряв свое хрупкое счастье? Чем и когда провинилась я перед судьбой, отнявшей у меня моего единственного возлюбленного? Чем прогневила я самого Астора? Сколько лет смогу я прожить еще, не видя его глаз, не слыша его голоса, не прикасаясь к его губам? Разве чаша моих страданий еще не переполнилась? Йоль, благая ночь, заклинаю тебя – верни мне его, верни...

Мир расколот на две половины,
Разгорожен высокой стеной,
Были здесь мы когда-то едины...
Ты ушел, ты теперь не со мной.

Может, там тебе тоже неплохо?
Может, там привечают тебя?
Я же нынче без стона, без оха
Умираю, как прежде, любя.

Разрывается сердце от муки,
Отлетает из тела душа,
И тяну я в отчаянье руки,
От страданья почти не дыша.

Не пылят под ногами дороги,
Если ноги устало бредут,
Даже наши сердца – диалоги
Меж собой уж давно не ведут.

Может, хватит в безмолвье скитаться?
Может, хватит годами молчать?
Ведь не может навечно остаться
В наших душах разлуки печать.

Я искала тебя за три моря,
Я презрела запреты богов,
Может, хватит с нас этого горя?
Без тебя остывает мой кров.

Тут призывно распахнуты двери,
По бокалам разлито вино...
Ты послушай, неужто мы – звери,
Коим счастья найти не дано?

Коль виновна – прости меня, ладно?
Я свои искупила грехи...
Только помни – для сердца накладно
Изливать откровенья в стихи.

Может, хватит испытывать чувство?

Я прошу, на меня не гневись...
Возвращаться – не дар, не искусство...
Ты не думай... Ты просто вернись...

Дом спал, погружившись в уютную, безопасную темноту. Я обошла ведущие к спальням коридоры, прислушиваясь к легкому дыханию детей и призывая на их невинные головки милость богов. И только из-под двери в комнатку Люция еще выбивался тоненький лучик света, отбрасываемый магическим фонарем. Я прижалась ухом к замочной скважине, заинтересовавшись причиной столь затянувшегося бдения...

– ...а он ему пальцы под ребра сунул, сердце выдрал из груди, ноги-руки повывернул, кровища – фонтаном! Мозги – на полу, потом голову ему оторвал, сел на коня и поскакал домой, к принцессе! – долетел до меня хриловатый бас Кса-Буна. – Спокойной ночи, принц Люций!

Я проказливо хихикнула и на цыпочках отошла от двери в спальню сына, догадавшись, что стала невольной свидетельницей его тщательно скрываемой от всех, последней мальчишеской слабости. Будущий повелитель демонов отказывался засыпать, не выслушав на ночь очередную сказку в исполнении верного телохранителя, на свой лад воспитывающего из принца храброго воина и сурового мужчину. Я хихикнула еще веселее и пританцовывающей походкой спустилась по лестнице, ведущей в примыкающий к входным дверям холл. Обе стрелки часов замерли на цифре двенадцать, маятник начал бить полночь...

Гулкие удары еще висели в воздухе, когда к ним неожиданно присоединились другие, идущие снаружи. Похоже, это несколько крепких кулаков что есть мочи дубасили в толстую дверную створку, сопровождая удары зычными мужскими голосами, требующими немедленно впустить их в дом. Я вздрогнула и непроизвольно отступила в глубь коридора, потому что в моей голове вдруг промелькнуло красочное воспоминание – я все это уже видела! Не так важно когда – возможно, в другой жизни, но разыгрывающаяся в холле сцена до мельчайших деталей совпадала с тем страшным, однажды уж привидевшимся мне кошмаром: праздник, летающие снежинки, мой красно-зеленый халат, настойчивый стук в дверь... И вот мой кошмар воплотился в реальность? Нет, не хочу, это просто невозможно!

Мое сердце захолонуло от недоброго предчувствия надвигающейся беды. Румянец сошел со щек, а золотая маска холодила, будто кусок льда. Бум-бум-бум... Три размеренных удара вновь сотрясли прочную дверь, напомнив мне прощальный стук молотка, вбивающего гвозди в крышку гроба...

«Не открывай! – робко просило испуганное сознание. – Не впускай в свой дом непоправимое несчастье, по промыслу судьбы прибившееся к твоему порогу. Гони его прочь...»

До крови прикусив дрожащую нижнюю губу, я нехотя подняла тяжелую, будто налитую свинцом руку и отодвинула дверной засов. Дверь тут же распахнулась, впуская клубы искрящейся снеговой пыли, моментально осевшие на разбросанных по полу еловых лапах. Белое на зеленом... Я отшатнулась назад, отесненная мощными, закутанными в теплые тулупы фигурами четырех незнакомых мужчин, подносящих мне конскую попону, укрывающую нечто неживое, напоминающее замороженное человеческое тело...

– Хозяйка! – Грубый по звучанию, но ласковый по интонациям оклик вывел меня из предобморочного состояния, заставляя отвести глаза от непонятного свертка и поднять их на говорящего. – А мы это, в лес, значит, ездил на ночь гляючи. Ну это, как вы и учили: соли оленям в кормушки подложить, орешков для белочек подсыпать... – В ближайшем из четверых заиндевеливших мужиков я внезапно опознала своего главного егеря, рыжебородого силача Фридриха. – Уже с работой управились – домой повернули, а токмо глядим, тот... – Тут егерь немного растерянно указал на сверток, – в сугробе лежит. Сам голый – в чем мать родила, волосы длинные в колтун смерзлись, весь бледнехонький, а когти – черные,

страшный... – При этих словах я бессильно прислонилась к стене, пытаюсь сдержать рвущийся из горла крик отчаяния. – Не бросать же его было там, хоть он на человека и не похож вовсе, а скорее – на нежить болотную, – продолжал добродушно излагать Фридрих, окутываясь паром, идущим от его оттаявшего тулупа. – Так мы его кое-как из сугроба выдолбили... – Услышав последнее слово, я сдавленно охнула, прикрывая ладонью свой перекошенный рот. – ...на сани взгромоздили да и к вам опрометью кинулись... Вы ведь вроде тоже в лекарском деле разумеете? – Он так и не дождался моего вразумительного ответа, а потому недоуменно кашлянул и предложил: – Гляньте, госпожа Ульрика, может, он живой еще? Хотя, на мой взгляд, так мертвее мертвого...

Словно наблюдая за собой со стороны, я увидела – вот они укладывают сверток на пол, отгибают край покрывала и показывают мне исхудалое, восковое лицо, полускрытое прядями смерзшихся волос... Я торопливо отвожу их рукой и разеваю рот в диком вопле ужаса, ибо в этом искривленном, безобразном трупe я внезапно узнаю его – моего Астора! Вокруг меня загрохотало мечутся бородатые, облаченные в тулупы мужики, а я все кричу, кричу и никак не могу остановиться... Я бросаюсь к нему на грудь, прижимаюсь губами к его холодным устам, согревая их своим дыханием, и ощущаю – вот они едва уловимо приоткрываются в робком вздохе, а длинные, плотно сомкнутые ресницы трепещут, силясь подняться...

– Живи! – и приказывала и умоляла я, растирая его бледные щеки. – Не смей умирать, Астор!

Он проболел очень долго – всю зиму. Состояние его здоровья то улучшалось, то вновь ухудшалось, пугая меня затяжными припадками судорог и многочасовыми приступами лихорадочного жара. Несколько раз он находился на волосок от смерти, выкарабкиваясь лишь чудом. Но к весне самое худшее все-таки осталось позади, и я смогла вздохнуть с облегчением, признавшись самой себе – он выживет. Хотя увы, я смогла выходить лишь его истощенную недугом физическую оболочку, не сумев спасти легкокрылую душу. Теперь он, словно каменный истукан, неподвижно сидел в кресле у камина, проводя целые дни в тупом, сонном оцепенении, никак не реагируя на внешние раздражители и не отвечая на адресованные ему вопросы. Немигающий взгляд потускневших золотых глаз намертво вперился в одну точку, из уголка вялого рта свисает нитка тягучей слюны. Он здесь, с нами, и в то же время – его здесь нет, а утерянный разум принца блуждает где-то далеко, отказываясь возвращаться в постаревшее, иссохшее тело. Глубоко ввалившиеся глаза окружены сеткой морщин, волосы поседели, обвитые узловатыми венами руки уродливо скрючились. Душа, молодость и красота покинули эти бранные руины минувшего величия, будто в насмешку оставив мне тень бывшего Астора, с немой укором скорчившуюся в мягком кресле.

Он не мог самостоятельно есть и пить, ходил под себя и источал омерзительный трупный запах, вызывающий отвращение у всех, кроме меня. Я нянчилась с ним, как с ребенком, готовая стойко переносить любые неудобства, только бы хоть чем-нибудь облегчить его скорбную участь. Позабыв о детях и делах страны, я проводила часы и сутки возле его кресла, нежно опекая беспомощного, безумного старика, некогда называвшегося прекрасным принцем Астором. Я прижималась к его неподвижным ногам и пылко целовала безобразные руки, пытаюсь пробудить уснувший разум великого гранд-мастера демонов. Но все мои попытки оставались напрасными, не принося ни малейшего результата. Не помогли ему и усилия наших магов, испытывавших на принце свои самые сильные заклинания и лекарства. Ожидаемого улучшения в его состоянии так и не наступило, и постепенно от Астора отступились все, кроме меня, да еще Люция, иногда посещавшего странного больного и с любопытством рассматривающего его непроницаемое лицо. Догадывался ли Люций о том, кем доводится ему этот неопрятный старик? Возможно – да, ибо чем еще можно объяснить бесконечное терпение семилетнего мальчика, непоседливого от природы, но между тем старательно кормившего с ложки своего неблагодарного пациента? Врожденным милосердием – или же все-таки зовом родственной крови, властно звучавшим в

его молодом сердце? Проклиная собственную нерешительность, я многократно порывалась рассказать сыну всю правду обо мне и Асторе, но так и не отважилась это сделать...

Начало лета в этом году выдалось теплым и ветреным. На дворе стоял самый разгар мая, превративший наш сад в белую вакханалию пышно распустившегося яблоневого цвета, чем-то схожую с зимней пургой и напоившую порывистый ветер сладостным ароматом, кружившим голову всему и вся. Усеянные цветами яблони напоминали мне юных невест, принарядившихся в ожидании обещанного им жениха. И, видимо поддавшись очарованию этой невинной яблоневой сказки, у нас в округе играли свадьбу за свадьбой, но я отклоняла все приглашения на устраиваемые торжества, предпочитая проводить время возле Астора, поместив его в вынесенное из дома кресло.

Солнце клонилось к закату, уже не изнуря нас жарой, а лишь нежно лаская своими прощально утасующими лучами. Яблони отцветали, теряя лепестки, опадающие к нам на плечи невесомым, медвяно благоухающим покровом. Я стояла, непринужденно опершись на ствол старого, кривого дерева и рассеянно наблюдая за усаженным под яблонями Астором, густо обсыпанным облетевшими с ветвей лепестками. Было в этой картине что-то неправильное, бередившее мне душу какими-то полузабытыми, несостоявшимися ассоциациями...

– Белый вихрь соединится с зеленой листвой! Так, кажется, он тебе говорил? – Неоднократно слышанный голос вклинился в мои размышления, обрывая их на самом интересном месте. – Он ведь обещал тебе встречу тогда, явившись в Оке времени? – подчеркнула бабушка Смерть. – Не так ли, дорогая?

– Так, – насупленно буркнула я, отводя взгляд, – обещал...

Они возникли как раз напротив меня, обнимая друг друга за талию и жалостливо поглядывая на безвольно поникшего в кресле Астора. Я сердито нахмурилась, раздосадованная их вниманием.

«Обе явились – Смерть и Аола! – Я мысленно сплюнула от раздражения, раздраженная их цветущим видом, резко контрастирующим с немощью моего любимого. – И зачем, спрашивается, пожаловали? Опять мои раны бередить собираются? Не позволю...» Я решительно выпрямилась...

– А ты не кипятишь, внучка! – насмешливо посоветовала Смерть. – Ты вот мне объясни – с чего это ты решила, будто он тебе о снеге говорил?

– О снеге? – вслух удивилась я. – И правда, почему?

Белые хлопья на экране Ока времени, кружащиеся на фоне зеленой листвы... Почему я думала, что он подразумевал снег? Нет, они больше напоминали лепестки яблонь, летающие по нашему саду...

– Вот видишь, он свое обещание выполнил, – зачем-то уточнила Аола, раня мое сердце своей жестокостью. – Вы встретились!

– Встретились... – эхом откликнулась я, не найдя лучшего ответа.

– И ты любишь его по-прежнему? – участливо спросила Смерть. – Даже такого?

– Люблю! – Я гневно мотнула головой, стряхивая лепестки. – Люблю еще больше!

– Хочешь, чтобы он выздоровел? – Дарующая жизнь крутила в пальцах стебель алой розы. – Мечтаешь о его благополучии и в том случае, если выздоровление Астора не принесет тебе счастья, если он тебя разлюбит?

– Пусть, – словно переходя последний, безвозвратный рубеж, жертвенно согласилась я. – Мои желания уже неважны! Если он станет прежним, я даже готова отпустить его к другой женщине – пусть только их любовь будет взаимной и сделает его счастливым. Я согласна никогда не видеть его впредь – лишь бы только знать: он жив, здоров и счастлив. Я готова отдать ему свою жизнь, если это возродит его душу...

– Отдавай! – хмыкнула Аола, недоверчиво взмахивая розой. – А ты нас не обманываешь, принцесса?

Я негодуяще фыркнула, вытащила из ножен кинжал и приставила его к своему горлу...

– Как и зачем можно любить мужчину, если ты никогда уже его не увидишь? – сомневалась Смерть.

– А вот так, – бестрепетно усмехнулась я. – Любовь преодолевает любое расстояние. Любовь существует вне наших тел, ибо она живет в душе и не боится болезни, разлуки и смерти. Ибо любовь ничего нам не должна... – Я надела на кинжал, но Аола внезапно метнулась вперед и выбила оружие из моей руки...

– Глупая, – укоризненно шепнула она, смаргивая повисшие на ресницах слезы, – зачем ты доказываешь это нам? Скажи это ему...

«Ему? – Я вдруг враз обессилела, испытывая непреодолимое желание плакать и смеяться одновременно. – Ему?» Мои плечи затряслись от рыданий, а волшебная золотая маска, до этих пор всегда прочно державшаяся у меня на лице, неожиданно отцепилась сама собой и упала на траву, утопая в белых яблонево-розовых лепестках... Я попыталась поймать ее на лету, но не успела, а вместо этого случайно прикоснулась к своим щекам и носу, обретшим безупречно здоровую форму. Лежащая на земле маска потекла и раскололась пополам, превращаясь в два обручальных, усыпанных изумрудами кольца... Не веря собственным глазам, я наклонилась, чтобы поднять это новоявленное чудо, но меня опередили крепкие мужские пальцы, ласково накрывшие и кольца, и мою ладонь...

– Милая, желанная моя... – Я мгновенно узнала этот бархатистый, грудной голос, такой родной и любимый. – Ты вырвала нашу любовь из плена небытия и вернула ее к жизни! Ты с самого начала была той путеводной звездой, которая не позволила моей душе заблудиться в темной пустоте и неизменно направляла нас к свету. Ты стала моим счастьем – настоящим, долгожданным и выстраданным...

Я вскинула ресницы...

Он опустился на одно колено, предлагая мне обручальные, подаренные судьбой кольца, должны соединить нас навечно. Его прекрасные золотистые глаза лучились ликующим светом молодости, шелковистые кудри рассыпались по широким плечам, а гибкая фигура пленяла грациозностью движений. Он стал еще красивее, чем прежде, бесследно скинув черные чары старости и болезни. Мой принц обрел вторую жизнь!

– Мы уже не расстанемся? – с надеждой спросила я, надевая кольцо ему на палец.

– Никогда! – уверенно ответил Астор, страстно привлекая меня к себе на грудь.

Я обняла его за шею, а цветочный ветер тут же сковал нас невидимыми оковами, обвил листьями и ветвями, связывая в одно неразрывное целое и прижимая друг к другу так плотно, как только позволяла одежда. Принц демонов наклонился к моему обновленному лицу, нежно поглаживая и исследуя малейшие черточки, а поток яблоневого аромата подтолкнул его еще сильнее, заставляя призывно нагнуть голову, игриво переплетая наши руки, взгляды и улыбки. Астор зарылся пальцами в мои локоны и крепко зажал в горсти прядь волос, будто хотел заявить на меня нерушимое право собственности, подтвержденное всеми пройденными нами испытаниями. Его губы коснулись моих губ, а когда это произошло – мы перестали ощущать окружающий мир и совершенно отрешились от прошлого, чтобы целиком и полностью отдаться во власть своей любви...

Любви, отныне принадлежавшей нам навсегда!

...а по садовой тропинке, усыпанной свадебными белыми лепестками, бежал мальчик со странными двухцветными волосами и кричал звонким, срывающимся от радости голосом:

– Папа! Мой папа вернулся!